

МЕТРО 2033: ДЖУЛЬЕТТА БЕЗ ИМЕНИ

Д

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХOVСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

Т. ЖИВОВА, А. МАТВЕЙЧЕВ, П. ГАВРИЛОВ
ДЖУЛЬЕТТА БЕЗ ИМЕНИ

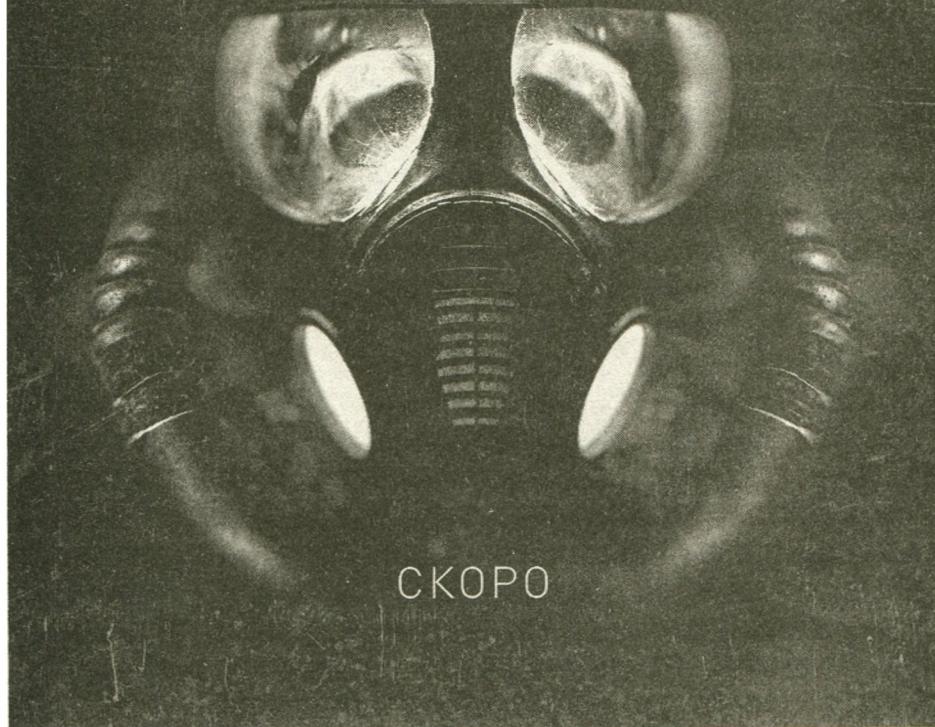
FC FUTURE CORP.

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ

МЕТРО

2035

СКОРО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

ТАТЬЯНА ЖИВОВА
АЛЕКСЕЙ МАТВЕИЧЕВ
ПАВЕЛ ГАВРИЛОВ

МЕТРО 2033:
ДЖУЛЬЕТТА
БЕЗ ИМЕНИ

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж66

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи — *Дмитрий Глуховский*

Оформление обложки — *Илья Яцкевич*

Карта — *Леонид Добкач, Илья Волков*

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Живова, Татьяна Викторовна.

Ж66 Метро 2033: Джуллетта без имени : фантастический роман / Татьяна Живова, Алексей Матвеичев, Павел Гаврилов. – Москва : АСТ, 2015. – 352 с. – (Вселенная Метро 2033).

ISBN 978-5-17-088583-1

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Северо-запад Москвы. Отрезанный от остального Метро кусок Серой ветки между Петровско-Разумовской и Алтуфьевом. Почти двадцать лет прошло с того дня, как полчища крыс уничтожили Тимирязевскую и Дмитровскую, но люди по-прежнему избегают этих печально известных мест. Даже самые отважные сталкеры, даже самые отчаянные мародеры стараются не заходить сюда. Эти места безлюдны. Но... они отнюдь не безжизненны! Они — территория воинственных, не боящихся радиации мутантов-ратманов, ревностно оберегающих свою часть Метро от людей. И горе тому человеку, кто окажется в их владениях и попадет им в лапы! И вот в эти опасные и запретные для людей земли отправляется сталкер Восток с заданием от ученых Полиса раздобыть и доставить им живого ратмана.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Д.А. Глуховский, 2015
© Т.В. Живова, А.В. Матвеичев,
П.В. Гаврилов, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-088583-1

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ ЗВЕРЬ ПОСТАПОКАЛИПСИСА

Объяснительная записка Вячеслава Бакулина

Признаюсь, как на духу, дорогие мои: я не люблю крыс. Не люблю их активно, на каком-то глубинном, подсознательном уровне. Все эти длинные голые хвосты и торчащие желтые резцы, невыразительный (ну, не лань, прямо скажем) взгляд, скучная окраска и общее отсутствие пушистости как-то не вызывают во мне энтузиазма. И если б только это.

Крыса – одновременно популярное ругательство и символ подлого, беспринципного вора (как тут не вспомнить хрестоматийный вопль негодования какого-нибудь обитателя мест не столь отделанных: «У нас в бараке крыса!», после которого в дело, как правило, идут заточки).

Крыса – бич сельского хозяйства и вездесущий вредитель, способный испортить почти все, до чего способен добраться, – от продуктов и книг до мебели и электропроводки.

Крыса разносит опасные заболевания, выкашивающие людей похлеще всех войн и революций вместе взятых (вдумайтесь: только за один четырнадцатый век и только в Европе от чумы, основным переносчиком которой является крыса, умерло более ДВАДЦАТИ ПЯТИ МИЛЛИОНОВ человек).

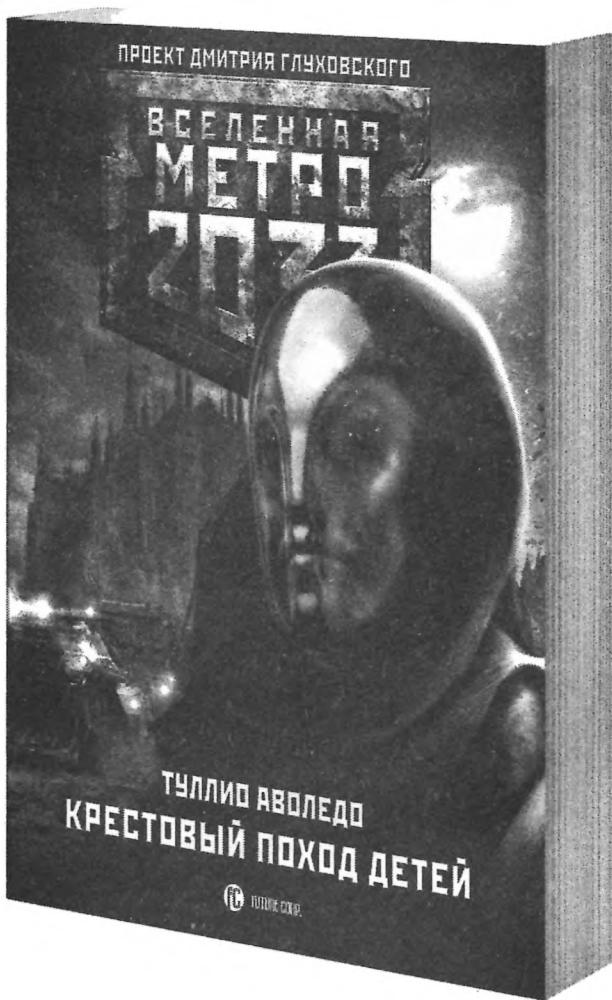
Крыса – каннибал и пожиратель падали, и если б только ее. «Заживо крысы сожрали», – не только жуткая, но на редкость отталкивающая по своей сути смерть, кроме самого факта прекращения существования чреватая адскими муками.

Крыса, наконец, – символ разрухи, нищеты, голода, болезни, антисанитарии и вообще, сдается мне, всего того, чего человек в любые времена стремился избежать.

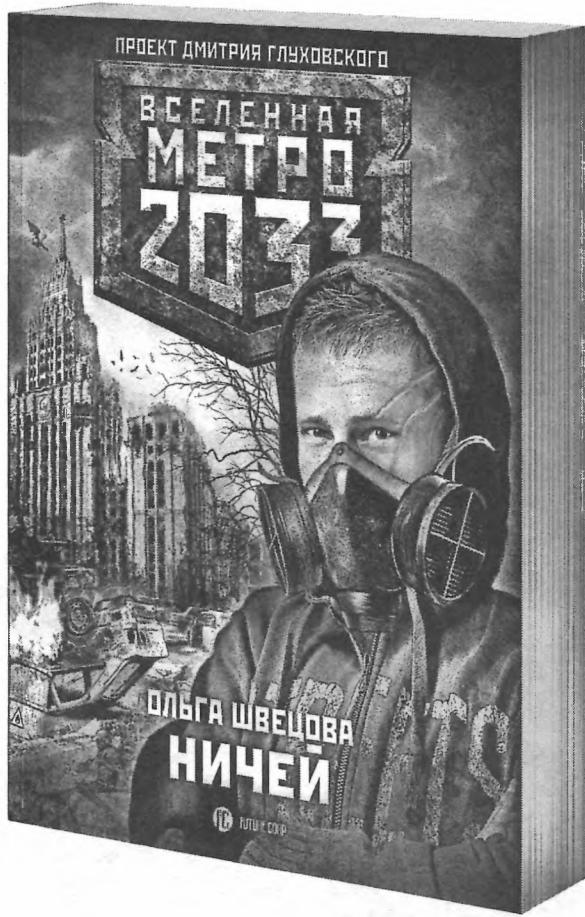
Совершенно нестранны, что именно прожорливый, вездесущий и главное жутко живучий грызун наряду со знаком радиационной угрозы, пресловутым черным «трилистником» на ядовито-желтом фоне, весьма четко ассоциируется с постапокалипсисом. Скажу больше, если бы кто-нибудь задался целью создать герб какого-нибудь героя постъядера по всем правилам геральдики, с большой долей вероятности он будет из ржавого металла с изображением ощерившейся крысы.

В нашей «Вселенной», разумеется, без крыс тоже не обошлось.

Крыса – один из важных источников пропитания для малоимущих под- и надземных обитателей мира, придуманного Дмитрием Глуховским. «Царство крыс» – таково название не только романа Анны Калинкиной, но и, если подумать, вполне логичное (хоть и безрадостное) восприятие всей Москвы 2033 года. Да что там Калинкина! Если кто-то забыл, именно нашествие крыс на Савеловскую привело к появлению на ВДНХ маленького Артёма, без которого вообще не было бы ничего. А немного наивной, но очень искренней, светлой и доброй книги, которую вы держите в руках, не было бы, если так можно выразиться, «в квадрате». Потому что... но об этом вы прочитаете сами. Я же отмечу вот что: по-прежнему не любя крыс, я прекрасно отдаю себе отчет в том, что эти антипатии и фобии – продукт в первую очередь воспитания, культурного багажа, бытующих в обществе стереотипов, наконец, и лишь в незначительной степени – эстетики. (Кстати, весьма многие люди, держащие крыс в качестве домашних питомцев, считают их чуть ли не самыми славными, прекрасными и милыми существами на свете. Возможно, они правы, а я просто всю жизнь смотрел на крыс под неверным углом.) А что до прочего, то крыса, несомненно, способна принести немалый вред. Но лишь способна, да и то – при определенных условиях. Так же, как и все мы с вами. А между «способен» и «должен» примерно такая же разница, как... между человеком и крысой.

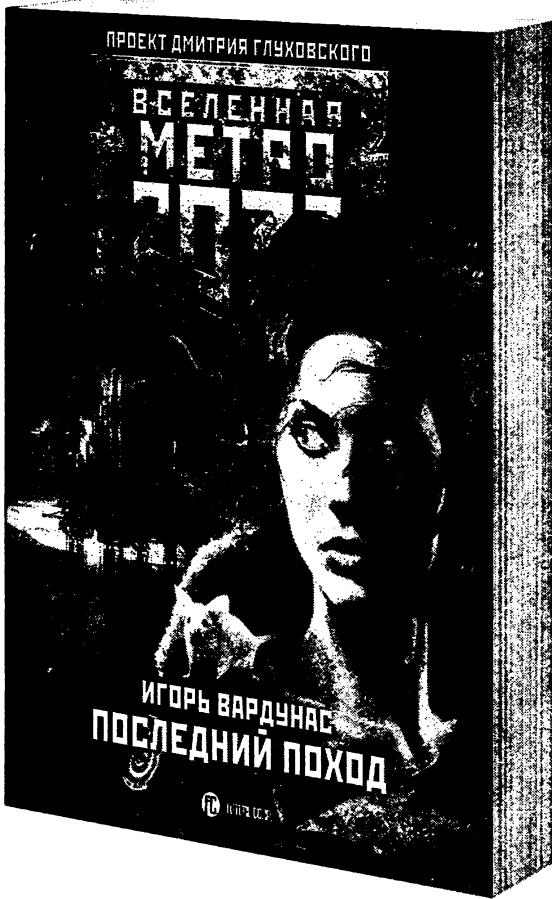
История движется по спирали — и Милану грозит новый атомный апокалипсис, а дети опять собираются в безнадежный крестовый поход. Есть ли у них шанс, или, как прежде, религиозные фанатики ведут их на бессмысленную бойню? Кто истинные монстры — мутанты, захватившие разрушенный Милан, или люди, укрывшиеся под ним? Есть ли место богу там, где вера сгорела в ядерном пламени, и на чьей он стороне?

Бывает так, что пуля, которой предназначено оборвать твою жизнь, уходит в небо. Но для всех на свете — и даже для себя самого — ты мертвец. Тебя вычеркнули из всех ведомостей, планов и схем, тебя никто не берет в расчет. Ты — ничей: ни имущества, ни дома, ни имени, ни любви, ни ненависти, ни цели. Да и страха тоже давно уже нет. Ведь ты знаешь: смерть вовсе не передумала. Она просто взяла отсрочку...

В душе каждого из нас спит частица зверя, но мало кто задумывается о том, как чуток этот сон. И совсем уж единицы сделали пробуждение звериной сущности человека своей профессией. Как правило, они прикрывались умными и красивыми словами о торжестве науки, целесообразности, безопасности, вынужденной необходимости, но чаще — просто выполняли приказы из папок с грифом «совершенно секретно» и не задавали лишних вопросов. А потом грянула Последняя Война и почти все тайны старого мира умерли вместе с ним. Но только почти. А в новом мире, кажется, звериная сущность куда предпочтительнее человеческой. Но так только кажется...

Группа отчаянных смельчаков, в поисках новой панацеи для человечества прошедшая полмира на, быть может, последней на Земле действующей атомной подводной лодке, угодила в ледяной Антарктический плен. Кажется, спасения нет, и все же надежда жива, покуда жив человек. И когда над разрушенным ядерным апокалипсисом миром нависает очередная угроза, «Иван Грозный» и его команда снова выходят в море — в надежде победить, со стремлением возвратиться домой. Выходят, быть может, в свой последний поход.

Все совпадения встречающихся здесь имен и фамилий с реально существующими считать случайностью.

Каждый, кому нужен свет, должен принести его сюда с собой...

Д. Глуховский. «Metro 2033»

Глава 1

ВОСТОК

«Лето. Люблю я это время года, когда поверхность, словно забывшись на время, перестает быть злобной старой ведьмой и снисходит до того, чтобы побаловать своих загнанных под землю неразумных деток небольшой долей тепла и ласки.

Вот уже и ушел без следа зимний мороз, от которого дубеет и становится жестким и гремучим материал защитного костюма. На морозе запотевают стекла противогаза, на металле оружия даже сквозь несколько пар защитных перчаток стынут руки. Да и снег... лед... Сколько из нас вовремя не услышало приближающихся шагов тварей по мягкому снегу. Сколько нашего брата-сталкера не вернулось на родные станции, не вовремя поскользнувшись при встрече с вечноголодными представителями местной фауны. А сколько еще не вернется?..

Не радует сталкеров зима-старушка. Другое дело летом! Броди себе по останкам города хоть всю ночь напролет. Тепло, тихо. Слышино самый малый звук среди брошенных домов. Клацнут ли когти по выщербленной поверхности асфальта. Хрустнет ли осколок кирпича или стекла под чьей-то ногой, обутой в тяжелый бо-

тинок. Тоже, знаете ли, опасно – не всегда теплой и радостной бывает встреча с представителем человеческого рода на поверхности. Правда, днем жарковато бывает, не очень-то набегаешься в противогазе по жаре. Ну так а кто же днем-то на поверхность суется? Днем там такие зверушки из своих нор вылезают на солнышке погреться, что ой-ой-ой! Им любой стalker со всем его оружием да снаряжением – готовый и желанный обед!

Как там пелось в одной песне? Недавно исполнял захожий менестрель на Семёновской:

*Лучше нету того свету,
Но туда охоты нету.
Если только кто «с приветом»,
То – пожалуйста, вперед!..*

Вот-вот, точно. Знал автор, о чем писал! Вроде как прямо о нас. Мы, стalkerы, существа ночные. В ночи выходим на поверхность, в ночи шаримся по ней в поисках добычи, в ночи спускаемся обратно под землю. На свет нам вылезать нет ни малейшей охоты. Если только уж совсем кто отмороженный попадется. Ну да такие долго не живут.

Встречаются, конечно, время от времени романтики, которым охота поглядеть, как оно – днем на поверхности. Встречаются... Очки темные себе ладят, кто из подручных средств, а кто и покупает на богатых станциях. Знавал я одного такого. Так он специально за темными очками на Ганзу мотался. Патронов за них отвалил – три месяца можно было бы жить и за гермоворота не высовываться. Так нет же. Захотелось пацану посмотреть на мир, что над нами. Днем. Очки, правда, нечего и говорить, знатные были. С такими раньше, до катастрофы, сварщики работали в приличных стройконторах. Удобные, широкие, прямо на противогаз можно было надевать. Даже стекла темные сверху откидывались, чтобы в темноте лишний раз не снимать их.

Сколько его бывалые люди ни отговаривали, сколько ни убеждали, что глупость все это – на солнышко любоваться, а он ни в ка-

кую. Ну так и что же? Ушел пацан на поверхность, и с тех пор никто его больше не видел. Сгинул вместе со своими очками ни за пригоршню патронов.

Так о чём это я? Ах да, про то, как летом хорошо.

Ну так кто спорит, конечно, хорошо! Идешь себе, по сторонам поглядываешь. Луна светит, ветер шуршит. Благодать – да и только. Главное, о зверушках не забывать. О тех, которые теперь в домах да подвалах живут. Среди них ведь тожеочных жителей немало. Так же, как и сталкеры, выбираются из своих нор, пока дневные «большие братья» по логовищам своим отсыпаются после трудов неправедных...

Сейчас, правда, уже не лето – про него я так вспомнил, по контрасту с тем, что сейчас на дворе. А на дворе у нас сейчас – ноябрь, точнее, самая его середина. И, хоть в этом году осень выдалась аномально мягкая (правда, на моей памяти, и до Удара такое случалось), но все же не июль месяц. Ночи – не в пример летним – холоднее. Но и – опять же, не в пример летним – длиннее, с этим не поспоришь.

...Надо же, еще неделю назад я сидел на Семёновской, в теплой компании, в которой сталкерские байки вперемешку с древними, до Удара еще придуманными, анекдотами прекрасно шли под грибную настойку... Как раз группа «нефтяников» с Электрозаводской подошла, собиралась на припаркованном у нашего наземного вестибуля бензовозе до МКАДа ехать. Серьёзные ребята, эти «нефтяники»! Не так давно нашли они этот самый бензовоз и специалиста, который с ним мог управляться, и теперь с заправкой, что на МКАДе остались, бензин качают. И даже, вроде бы, собираются наладить его поставки на другие станции метрополитена.

И вот не будь той группы – так не болтался бы я сейчас по этим развалинам в окрестностях Бибирева в поисках неизвестно чего.

Я, кажется, еще не сказал, для чего меня понесло через половину метро в неисследованный район? Ну конечно, не сказал. Это все та группа с Электрозаводской. Был там один энтузиаст-исследователь доморощенный. Вот он и рассказал за «рюмкой грибного чая», что где-то на севере Москвы, по слухам, вроде как активизировались какие-то необычные твари.

Там, на Севере, вообще чего только не происходит. К примеру, вот на ВДНХ мутанты объявились, не приведи Господи во сне такого увидать! Сплошь черные, кожа аж блестит, как начищенный сапог. Ни боли не боялись, ни радиации. Даже пуля их не сразу брала. Еще и выли те твари, да так страшно, что у самых бывальных душа в пятки уходила, где и оставалась на ПМЖ. Вроде как телепатия там, или еще чего... В общем, эти твари чуть ВДНХ не захватили. Хорошо вот под Москвой батарея ракетных установок обнаружилась, с довоенного еще времени стояла. Как только и уцелела во время Удара? Вот с тех установок по тем тварям залп и дали. Спалили их вчистую вместе со всеми достижениями народного хозяйства.

Ну так и что же? Недели не прошло, как опять на Севере неспокойно стало.

Еще пару лет назад где-то на Серпуховско-Тимирязевской линии, в районе Бибireва, дальняя разведка Ганзы обнаружила каких-то непонятных мутантов. И внешне-то не разберешь, кто такие. Не то люди, не то крысы, не то что-то среднее. И вот, как поведал мне тот парень с Электрозваводской, после обстрела «черных» эти самые «крысолюди» будто бы как-то нездорово закопались на своей Ветке.

Говорят, раньше-то они людьми были, а потом не то эпидемия у них там началась, не то мутация какая-то бесконтрольная. Крысы заразу эту на станции притащили. Крысы почти всех на тех станциях и сожрали. И дальше бы пошли, да только на Савеловской им кирдык наступил. Савеловчане, оказывается, еще загодя огнемет собрали, да в туннеле и поставили. Он у них со временем войны с Ганзой без дела пылился. Потом кому-то пришла в голову мысль: раз уж он есть, то почему бы не поставить его в северном туннеле? Мало ли кто с окраин пожалует. В общем, когда крысы толпой с Дмитровской повалили, огнемет тот и применили. Весь запас огнесмеси тогда извели. Вонь от паленой крысиной шерсти да от горелого мяса стояла потом на пол-линии! Одна только дрезина тогда с севера проскочить и успела. Остальных людей, само собой, списали. Да и мудрено было бы выжить среди такого количества голодных крыс! Но теперь, выходит, вроде как были выжившие.

*Выжившие... Если правда то, что рассказал тот электрозваводец, то лучше бы этим выжившим было с самого начала загнуться. Выжить-то они выжили, но подхватили от крыс какую-то дрянь. Ученые мужи с Арбатско-Покровской линии говорят: «Как минимум нелетальная доминантная мутация и совершенно невероятное смешение признаков». Мудрено, в общем, говорят. А по-простому – стали не люди, не крысы, а что-то среднее. Наши яйцеголовые им уже и название придумали. Называют их по латыни *homo-rattus sapiens*, «человеко-крыс разумный» – фу ты, гадость какая!*

Ну а stalkеры наши – народ простой, латыни не обученный – называют их кто «крысюками», кто «ратманами», по-всякому.

Люди с ними не общаются, да и крысюки не слишком горят желанием вступать в контакт. Ходили когда-то к ним stalkеры, пытались узнать, что да как. Но с тех пор, как от последней экспедиции нашли только обглоданные кости, желающих исследовать крысюков сильно поубавилось. Чего их исследовать-то? Твари – они и есть твари. Дикие, безмозглые, только жрать и умеют. И отношение к ним у stalkеров простое. Хороший крысюк – мертвый крысюк.

Так, по крайней мере, было до последнего времени. А потом стали выясняться удивительные вещи.

Что, вроде как, вовсе и не дикие твари – эти самые крысюки. И живут они на своих станциях вполне цивилизованно. Общины там у них, родовые кланы. Даже какая-никакая система социальной иерархии имеется. Хоть и не слишком развитая – что-то среднее между первобытнообщинным и феодальным устройством общества. В шатрах живут, семьи заводят, в общем, все, как у нас. Но самое главное – крысюки по поверхности спокойно без всякой защиты ходят. Это они, наверное, от крыс такую стойкость взяли.

Власти Полиса как об этом услышали, так сразу и загорелись идеей: как бы с теми крысюками договориться. Из них же отличные stalkеры выйдут!

Только есть одна маленькая проблемка: крысюки людей, мягко говоря, недолюбливают.

Если по совести, у них есть на то причины. После крысиного нашествия перегон Савеловская – Дмитровская перекрыли, огнемет том, на всю линию теперь знаменитый, снова заправили, да еще кордонов наставили на подходах к Савеловской. Ну и, в общем, стали всех, кто от Дмитровской идет, считать зараженными.

Сколько там народу постреляли да пожгли – про то никто не знает. А потом, как начало население зараженных станций в ратманов перерождаться, так и вовсе перестали они к людям соваться. Что уж тут говорить – бросили их жители метро, на смерть обрекли. И малодушно вымарали этот факт из своей истории. Мол, не было никаких выживших на севере Серой ветки, всех крысы пожрали!

Но, как говорилось в одном старом кино (эх, увидеть бы еще хоть разок!), – человек не вошь, он ко всему привыкает.

Так и крысюки привыкли быть изгоями, выжили, приспособились... Но людей они с тех пор ненавидят лютой ненавистью.

Сами они к людям теперь ни ногой. Но и гостей из «человеческой» части метро живыми не отпускают. Могут просто грохнуть – и это еще, считай, повезло, могут и сожрать. А могут в жертву принести...

Как раз об этом и рассказывал тот стalker с Электрозводской. А ему, в свою очередь, поведал один парень с Алексеевской. Его за каким-то чертом занесло на территорию крысюков – аж в район Петровско-Разумовской. Те его поймали, пытали долго, а потом решили казнить. Да не просто так, а принести в жертву солнцу. Привязали на выходе со станции к старому дереву и оставили до восхода, посмотреть, как он изжарится. Уж как ему удалось отвязаться, где он блуждал по поверхности – про то он и сам не помнил, но подобрали его полуживого, перед самым рассветом, стalkerы, возвращавшиеся на Водный Стадион. Так и стало известно про жизнь крысюков.

И вот к этим милым существам и задумали было власти Полиса снова послать человека – вроде как на разведку, а если повезет, то и договориться полюбовно.

Но, как я уже говорил, все до того имевшие место попытки людей законтачить с обитателями севера Серой ветки закончились в

лучшем случае ничем. В худшем – как в той песенке про серенького же козлика и про рожки его да ножки.

Охотников поиграть с крысюками в дипломатию так и не на-
шлось, и «чебурашкина идея» властей Полоса затухла сама собой.

А через некоторое время активизировались научники – уже со
своей идеей-фикс. Дескать, раз уж накрылась медным тазом дип-
ломатическая миссия – то сходите-ка вы, господа стalkerы, и
добудьте нам живой экземпляр *homo-rattus sapiens* чистой науки
для!

Ясное дело, что и на эту авантюру охотников тоже не на-
шлось, даже с учетом того, что награда за живого крысюка объ-
являлась просто баснословная. Шутка ли, две тысячи патронов
по возвращении из экспедиции! Ну и задаток, соответственно.
А желающих все равно не находилось – ибо репутация у крысю-
ков была та еще. Научники уже по потолку готовы были бегать
от бессилия.

Почему я взялся за эту работу? Сам не знаю. Не то чтобы я
был такой уж меркантильный или не в меру крутой. Да и на
жизнь, в общем-то, хватало. На вылазку в измайловское депо схо-
дишь, по окрестностям пошаришься – вот считай, на кусок кры-
сатины, а то и свинины уже заработал. Но вот что-то скучно
мне стало сидеть на Семёновской. Что ни день – все одно и то же.
Те же лица, те же пейзажи, те же туннели. Даже тварей, что
вокруг депо и на окраинах лесопарка... то есть, бывшего лесопар-
ка... живут, начал уже каждую персонально в лицо (пардон – в
морду!) узнавать! До того дошел, что некоторым и клички приду-
мал! В общем, опостылела мне эта оседлая жизнь, захотелось че-
го-то нового. Посмотреть, как люди живут, чем дышат.

К тому же ни на Семёновской, ни где еще никто не ждет меня
уже очень давно. Когда-то – давным-давно – было у меня и кому
ждать, и к кому возвращаться. Но это было в прошлой жизни.
Еще до катастрофы. А потом, как Москву накрыло, вся моя жизнь
и сгорела в ядерном огне. Вместе с ней и имя мое сгорело. Ни к
чему оно мне теперь, имя человеческое. Имя нужно для того, что-
бы его могли произносить любимые губы. А раз губы эти давно

радиоактивным пеплом рассыпались, то и имя, стало быть, теперь ни к чему.

Ах, ну да, я же так и не представился! Зовите меня просто – Восток...»

* * *

Вот уже четвертый час сталкер Восток бродил по мертвым кварталам в окрестностях станции метро «Бибирево». Но на этот раз его целью была не добыча. Восток искал следы пребывания на поверхности ратманов или, как их еще называли, крысюков. Говорили, что именно здесь, в Бибиреве, их разведчики чаще обычного выбираются из-под земли, чтобы разжиться очередной партией полезных вещей, которые можно было найти в уже начинающих разрушаться многоэтажках.

Сталкеру не везло. До рассвета оставалась всего какая-то пара-тройка часов, а никаких следов крысюков он пока не обнаружил. За последние дни Восток обследовал уже все уцелевшие хозяйствственные магазины в округе, побывал в подвалах универмагов и продовольственных, наведался почти во все подъезды жилых домов и нигде не видел ни одного живого крысюка. Впрочем, и мертвых крысюков он не видел тоже.

Восток не испытывал к крысюкам ненависти. Он вообще редко испытывал какие-либо чувства. Ненависть, так же, впрочем, как и любовь, давно перестали волновать его душу. Даже к перспективе собственной смерти он относился философски. Если бы он верил в загробную жизнь, то, наверное, был бы рад попасть на тот свет и там, за гранью жизни и смерти, вновь встретить ту, что когда-то называла его по имени.

Но Восток не верил в загробную жизнь.

И потому он уже четвертый час бесстрастно и методично обшаривал развалины и целые дома в поисках следов крысюковского присутствия. Но результата все не было.

По всему получалось, что миссия успехом не увенчается и рано или поздно ему придется ни с чем вернуться на недалекую отсюда

станцию «Медведково», где сталкеры севера и северо-востока Москвы недавно устроили дальнюю опорную базу. Однако было у Востока одно пристрастие, которое он старался удовлетворять по мере возможностей в каждой своей вылазке на поверхность. Это были не необычные яства и редкие в метро спиртные напитки – во всем этом он нуждался не более, чем это было необходимо ему для того, чтобы продолжать существовать. Это были не женщины, которых он не сторонился, но и не допускал близко к своему сердцу. И даже не богатства в виде бесчисленных россыпей патронов, которыми грезили многие сталкеры. Это были книги. Да, как это ни покажется странным, Восток любил читать.

Книги в метро почти с самого первого дня представляли особую ценность. За один экземпляр бульварного романчика, который до катастрофы пренебрежительно назывался «легким чтивом», можно было выручить не менее десятка патронов. А уж за более солидную книгу – и того больше. Хорошо пользовались спросом всевозможные справочники, в первую очередь, конечно, медицинские, а еще технические и ветеринарно-сельскохозяйственные (в особенности, по куро- и свиноводству).

Впрочем, художественная литература была в почете не везде. Когда люди заняты тем, чтобы выжить, как-то не остается времени наслаждаться высоким искусством. Только на нескольких станциях в Полисе, кое-где в Ганзе, да еще на Красной линии существовали общественные библиотеки. Большинство же населения метро считало чтение пустым бесполезным занятием, уносящим в мир грез об ушедшем мире, который уже не стоит и вспоминать.

А вот Восток читал с удовольствием. Почти в каждой из своих вылазок на поверхность он непременно заглядывал в ближайший книжный магазин, собирая с полок покрытые пылью, а порой и плесенью книги. В брошенных квартирах тоже все еще было чем поживиться. Покидавшие их в спешке жильцы и наведывавшиеся впоследствии мародеры и коллеги-сталкеры брали в основном одежду, сохранившиеся съестные припасы, электроприборы, инструменты, лекарства и другие полезные и необходимые вещи.

Книжные шкафы, как правило, никого не интересовали. И потому, заходя даже в давно вскрытую и опустошенную квартиру, Восток почти всегда отягощал свой рюкзак парой-тройкой новых книжек.

Товарищи по сталкерскому ремеслу относились к такому странному увлечению с иронией, но без осуждения. В конце концов, каждый сходит с ума по-своему, чтобы не сойти с ума по-настоящему! К тому же книги, помимо эстетического удовольствия, приносили Востоку и вполне ощутимый материальный доход. После прочтения он кое-что оставлял себе, а кое-что сбывал захаживавшим торговцам. Восток не жадничал, назначая цену. Зачем, если завтра у него на руках будет новый товар? Поверхность большая, книг на ней всем хватит даже с избытком. А то, что каждый визит за очередным бестселлером прошлого может закончиться встречей у книжной полки с не очень дружелюбно настроенным клыкастым «библиофилем»... Ну что же, все мы когда-то отправимся туда, откуда нет возврата, днем раньше, днем позже. Так ли уж это важно, когда никто не ждет тебя по ЭТУ сторону?..

ГЛАВА 2

КРЫСЯ

«...охваченные странным бешенством огромные крысы вышли из подземелей, и были их тьмы несчитаные. Они хлынули в сторону Кольца, сметая на своем пути все живое. Пала Тимирязевская, за ней – Дмитровская... На Савеловской люди смогли их остановить, и крысы ушли обратно в свои норы.

Но часть серой орды направилась в другую сторону – к Петровско-Разумовской и дальше. До Алтуфьево добрались не все – большую часть крыс удалось остановить и рассеять еще в районе Отрадного, но и там, где они прошли, остались смерть, хаос, ужас...

А потом пришла болезнь. Те, кто выжил после нашествия крыс, – заразился, ибо все они были покусаны крысиными зубами. Несчастные пытались спастись, получить помощь у других станций – их всех расстреляли на кордонах, дабы не допустить распространения заразы. Те, кто избежал пули, вернулись на свои станции. Те из них, кто сумел как-то побороть болезнь и выжить, – изменились. И это уже были не люди. Это уже были скавены.

...Мы стали похожи на тех, кто прекратил наше существование в качестве людей. На крыс. Правда, не так уж сильно конечно же, но все же... Так, кое-какие черты во внешности тех, кто перенес эпидемию тяжелее всех, и тех, кто родился уже после нее. А люди, наши прежние сородичи, сочли, что мы стали чудовищами, и отвергли нас, когда мы оказались в беде и нуждались в их помощи. За это мы и ненавидим людей. Во всяком случае, так говорят вожди общин и старейшины кланов, и лю *зачеркнуто* многие с ними согласны. Люди тоже нас ненавидят – потому что мы другие. Мы – нелюди, кровожадные мутанты, которых надо убивать без пощады и жалости. Во всяком случае, так кричал один пойманный в перегоне пленник, когда его притащили на станцию и мучили, прежде чем убить. Душераздирающее зрелище. Я ушла, чтобы не смотреть на это и не слышать его криков.

Слово «скавен» в отношении того, кем мы стали, было некогда произнесено одним юношей с Отрадного. Никто уже не помнит его имени, говорят только, что Наверху, до Удара, он был разработчиком компьютерных (знать бы еще, что это!) игр... Означало это слово «человек-крыса». Слово прижилось, разлетелось по Линии, и так мы стали скавенами. Впрочем, как оказалось, люди зовут нас крысюками, но это прозвище нам не нравится. Мы же не полностью крысы!..

Кстати, мы их едим. В смысле – крыс едим, а не людей... Хотя, что-то такое я слышала на эту тему... Кажется, в Алтуфьеве дело было, но в Алтуфьеве вообще всякие отморозки живут, которым и закон не писан, не то что у нас на Петровско-Разумовской или, тем более, в Бибиреве! Может, и правда ели, я не знаю... Кстати, интересно, а где это алтуфьевские в своих краях людей нашли? Может, добытчик (или как их еще называют люди – стalker) какой с соседней ветки забрел?..

На всех станциях нашей Линии – даже на неглубоких – есть массивные гермоворота. Вообще-то, они призваны защищать укрывшихся Внизу от радиации, но мы, скавены, этой радиации, кажется, нахватались за эти годы уже столько, что не замечаем ее. Так что Ворота по большей части служат нам защитой от вся-

ких тварей, охотящихся Наверху. Ну и от людей, разумеется. У нас перед людьми, правда, есть преимущество: мы можем ходить Наверх безо всяких там защитных костюмов и масок. Однако, как и люди, мы тоже выходим по ночам и стремимся перед рассветом вернуться обратно, Вниз. Но не из-за радиации – из-за слепящего света, которого наши привыкшие к тьме подземелий глаза не выдерживают. Зато мы отлично видим в темноте, а людям приходится пользоваться фонарями!..»

(Из старого, конца 2020-х гг, дневника Крыси)

* * *

«...Возлюбленная, милая Джульетта,
Зачем сейчас твой лик так холодно-бесстрастен?
Ужели бледнокрылый демон смерти
Зачаровал тебя своею темной властью?
И вот, в чертогах вечной темноты,
В юдоли призраков, костей, червей и тлена
Недвижна, но жива томишься ты
В тенетах тяжкого дурманящего плена.
Но нет! Тебя ему не уступлю!
Не прикоснется нечисть к милой стану!
И пусть смертельных чар я не остановлю —
Я не уйду. Я здесь, с тобой останусь!
Рожденный под злосчастною звездой,
Отрину мир, как плод гнилой и перезрелый,
Здесь обрету желанный свой покой,
Стряхнув, как старый плащ, земное тело...
Последнее объятие – прими!
Последний взгляд... Глядеть – не наглядеться
На ту, что совершенна меж людьми:
Ее огню уже не разгореться...
Но ты, Костлявая, еще повремени!
Наш договор... Скреплю его я поцелуем

Недвижных уст моей возлюбленной жены.
И лишь тогда лампаду жизни мы задуем.

(целует Джулльетту,
прощально смотрит на нее)

...Теперь пора и мне... Эй, друг Харон!
Усталый лодочник, прими мою ты лепту!
Направь на скалы свой угрюмый челн,
И грязь о камни! Чтобы в клочья! В щепы!

(достает флякон с ядом)

Один глоток откроет двери в мир теней.
Пью за любовь и нами данные обеты! (пьет)
...Аптекарь клялся в том, что зелья нет верней...
Он не солгал... Ты жди... Иду к тебе, Джулльетта!

(умирает)...»¹

Крыся смахнула со щеки слезинку и невольно шмыгнула носом: персонажей пьесы было жалко до невозможности!!! Сперва – любовь, которую необходимо скрывать потому, что любящие из враждующих кланов, теперь вот – эта напасть...

– Ромео, ты дура-а-ак! – жалобно скривив губы, проговорила она. – Ну нет чтобы немного подождать! Джулльетта очнется, а ты... Эх ты-ы-ы...

Скавенка снова углубилась в чтение при свете тусклого налобного фонарика. Собственно, с ее ночным зрением в нем не было особой надобности, но уж больно шрифт в книге был мелким!

...Джулльетта очнулась, увидела Ромео мертвым, взяла его кинжал и зарезала себя – отчего у Крыськи горючие слезы хлынули

¹ Здесь и далее – У. Шекспир, «Ромео и Джулльетта», авторский стихотворный перевод с английского Т. Живовой.

из глаз едва ли не ручьем. Ну вот почему, почему все оборачивается так глупо, нелепо и несправедливо?!

...Полгода назад в Бибиреве несколько энтузиастов (а с точки зрения некоторых соседей – ненормальных) додумались завести у себя на станции... драмкружок! Идею их многие бибиревцы сперва не поддержали – мол, какой еще театр тут, Внизу, в такое тяжелое время, вы что, ребятки, с эскалатора кувырком навернулись?! Но после пары-тройки импровизированных представлений – с чтением стихов, песнями и танцами, большая часть Бибиревской, а за ним – и Отрадненской с Владыкинской (куда новоявленные артисты скатались на гастроли) общин изменила мнение на резко противоположное. Представления имели шумный успех, и Совет лет пять назад образовавшегося Содружества Скавенских (или, как больше называли его здесь, Серых) Станций (в которое вошли три названные станции) распорядился: раз выступления драмкружка так хорошо поднимают моральный дух обитателей станций – театру быть!

Отрадненцы даже спонсировали начинающих театралов кое-какими костюмами и реквизитом, принесенными их добытчиками из двух заброшенных местных театров, что располагались Наверху.

Одна беда – не было свежего репертуара. Не исполнять же разом раз одно и то же – надоест ведь!

Вот и вышло так, что, когда прибившаяся с нейтральной Содружеству Петровско-Разумовской Крыська-добытчица в очередной раз появилась в Бибиреве, ей тут же дали заказ: добыть Наверху книги со сценариями различных пьес! Дали ей список авторов, объяснили, в каких разделах книжного магазина или библиотеки все это искать, и предупредительно сопроводили ее Наверх аж через шлюз в станционных гермоворотах (обычно в таких вылазках скрытная и осторожная Крыся пользовалась некоторыми известными ей тайными лазами, но тут случай был особый).

С тех пор так и повелось среди добытчиков Содружества, что за книгами посылали именно ее.

Как и в этот раз.

Крыся без особых приключений добралась до уже давно обнаруженной (и лично облюбованной) библиотеки № 77 на улице Коненкова, довольно быстро нашла нужные полки и, пользуясь списком, отобрала несколько и тонких, и довольно увесистых книг. На все про все ушло не так уж и много времени, но...

Но тут заядлая читательница Крыся не утерпела и решила хоть одним глазком глянуть, что же такого ей поручили добыть...

И вот уже несколько часов она сидит, скорчившись в углу за стеллажами и, освещая страницы налобным фонариком, взахлеб, с наворачивающимися слезами, читает о злоключениях юной влюбленной пары из незнакомого ей города с чудным названием Верона!

Надо сказать, что история двух влюбленных ей уже была немного знакома – бибireвские театралы пару месяцев назад начали потихоньку готовить постановку этой пьесы. И пару раз Крысе удалось просочиться на репетиции и немножечко подглядеть-подслушать. Но одно дело уловить обрывки текста и сюжета (к тому же перемешанные с разговорами кружковцев между собой), а другое – самой держать в руках полный текст трагедии и наконец-то прочитать ее от начала до конца!

Правда, поначалу ей пришлось прорыться сквозь не всегда понятные ей кружева каких-то странных, но красивых слов, не-привычного сплетения фраз, но вскоре девушка втянулась в чтение и перестала замечать трудности.

Но Ромео и Джульетту было жа-а-алко!

...Увлеченная перипетиями трагического сюжета, она совсем забыла об окружающем мире, о том, что сидит в заброшенной библиотеке, о том, что здесь, Наверху, полным-полно опасностей...

Поэтому скавенка даже не заметила, как в помещение скользнул луч фонаря и вслед за этим раздались чьи-то мягкие, осторожные шаги...

«...Что скажете на это вы, враги,
Чья ненависть сгубила ваши чада?
Да будет скорбный вид родных могил
За ваш раздор достойною наградой!..»

«Чума на оба ваших дома!» – неожиданно всплыло в Крыськиной памяти одно из любимых выражений Ольги Петровны, учительницы из Отрадного. Старушка так выражалась, когда была чем-то раздосадована или разозлена. Странно... как эти слова могут быть связаны с тем, что она сейчас читает?.. Надо будет спросить. Хотя... кажется, что-то подобное попадалось ей страниц эдак... несколько назад. Сейчас... А, вот!

«...Чума вас побери, червивых оба дома!..»

«Хм... – подумала скавенка, – как странно – вроде бы и об одном и том же, а по-разному... И репетиции идут по похожему – но другому тексту... Надо будет спросить у знающих, с чего бы так».

Она снова шмыгнула носом, поправила сползший на затылок капюшон безрукавки и перевернула страницу.

Посторонние мысли слегка отвлекли ее от чтения, и тут девушка заметила, что вокруг нее почему-то стало гораздо светлее, чем было. Недоумевая – неужели она засиделась настолько, что прозевала рассвет, Крыся скользнула рассеянным взглядом по сторонам.

И замерла.

Ноги... Чьи-то ноги, обутые в тяжелые, на толстенных подошвах ботинки, стояли чуть ли не прямо у нее перед носом. Скавенка недоуменно моргнула и медленно, еще не до конца вернувшись в действительность, повела взглядом вверх.

Над ботинками обнаружился защитный антирадиационный комбинезон, а над комбинезоном – хоботастая маска противогаза, фонарь и... дуло какого-то оружия, нацеленное прямо на нее, на Крысю!

Еще секунду выдернутая с веронских улочек Крыся недоумевающе смотрела на нарушившего ее уединение сталкера (а это был именно сталкер – человеческий добытчик!), а потом, пронзительно взвизгнув, метнулась из своего закутка прочь, стремясь проскользнуть в тесное пространство между стеллажом и страш-

ной, нависшей над ней фигурай человеком. Даже не вставая на ноги, как крыса – на четвереньках.

«Идиотка несчастная, читательница хренова, вот теперь выкручивайся!!!..»

* * *

«...когда грянул Удар, в метро кинулись спасаться прежде всего те, кто оказался рядом со станциями. Так и вышло, что на Петровско-Разумовской скопилось много торговцев с местного вещевого рынка – а это были, в основном, выходцы с Кавказа и Вьетнама (интересно, где это?). На Тимирязевской – опять же вьетнамцы: там стояло огромное общежитие, где их жило очень много. И все это было разбавлено теми, кто успел добежать до метро с расположенных рядом станций железных дорог, и теми, кто жил поблизости. Как утверждает Ольга Петровна (учительница из Отрадного... кстати, разные такие мудреные слова пишу с ее слов, я сама, честно говоря, плохо понимаю, что это такое)... Так вот, как она утверждает, «процентное соотношение спасшихся в этом отрезке метро представителей разных народов было примерно равное – по одной трети русскоязычных, кавказцев и вьетнамцев, плюс-минус десятка два-три других национальностей на всю Линию». Почему я привожу этот расклад – потому что именно он послужил началом образования трех скавенских племен. Черные скавены, самые богатые и предпримчивые – это бывшие кавказцы и близкие им народы. Белые скавены – русские и те, кто хоть как-то подходил под эту категорию. Желтые скавены – бывшие вьетнамцы. Сейчас многие из петровско-разумовских желтых – рабы наиболее богатых черных скавенов. Потому что у нас так: кто сильнее – тот и повелевает, а желтые – они же такие маленькие, хрупкие, слабые... Слабее, чем представители двух других племен. Но терпеливее их в несколько раз – это бесспорно! У нас так и говорят: «богат, как черный, умен, как белый, терпелив, как желтый».

...Старожилы станций утверждают, что так было не всегда, что раньше не было деления на черных-желтых-белых, не было

хозяев и рабов. Но это было раньше, до меня. Я родилась примерно через год после крысиного нашествия, а когда уже начала что-то понимать в жизни – вокруг уже было то, что я тут уже описывала. Более того, мне известно (опять же со слов старожилов из тех, кто не брезговал со мной поговорить), что раньше население станций было более разнородным. То есть, не было так, что на одной станции жили преимущественно одни черные или одни желтые... Это потом – после Эпидемии (когда мы стали скавенами) выживший и вновь расплодившийся (а скавены очень плодовиты!) народ стал кочевать по Линии, стремясь найти земляков и сородичей и жить вместе с ними... Так образовались скавенские общины и кланы. Прежде всего – общины: Петровско-Разумовская, Отрадновская (или как – Отрадненская?), Владыков *зачеркнуто* Владыкинская, Бибиревская, Алтуфьевская. Потом кланы – те, что образовались по племенному или семейному признаку. Количество кланов в каждой общине может быть разное. От двух, как у нас в Петровско-Разумовской, до пяти-шести – как в Бибиреве или Отрадном. Что касается Алтуфьева – про него мало что известно даже мне (несмотря на то, что я и там полазила – скрытно, конечно, я совсем не хочу, чтобы меня убили или замучили тамошние отморозки!). Дело в том, что туда, на самую дальнюю и неглубокую станцию Линии, некогда стали стекаться разные изгои, преступники, беглые рабы – в общем, те, кому не нашлось места на других станциях. И вот какой у них там царит уклад – я доподлинно не могу сказать. Но по моим наблюдениям – семейных кланов у них точно нет, есть крошечные кланчики-группировки по племенному или какому-то иному признаку. Каждый подчиняется только своему вождю, а вот одного вождя над всеми их кланами вроде пока нет. Могу себе представить, какая междуусобная грызня у них там порой идет, – если учесть, что из-за радиации на таких неглубоких станциях население еще менее походит на людей, чем на станциях «глубокого залегания»! Впрочем, я там давно не была – может, что-то уже и изменилось? Надо будет и правда как-нибудь осторожненько слазить в Алтуфьево...

...Самая, пожалуй, богатая община – Петровско-Разумовская, или, как ее все больше начинают называть сами ее жители, Северный Эмират. Неудивительно – ведь под боком у станции большой вещевой Рынок, склады, несколько Торговых Центров и магазинов, где сохранилось видимо-невидимо различных хороших вещей! Я там была пару раз – сильно впечатлилась! И это если учесть, что приличную часть уцелевших после пожаров и взрывов вещей уже давным-давно растаскали! Раньше, в первые годы жизни Внизу, Рынок и другие магазины и склады (по-здесьнему – Закрома) не охранялись, и оттуда могли брать вещи все кому не лень. Но потом два наших клана – Ганджабовы и Хамроевы – разрослись, прибрали Закрома к рукам, поставили охрану, и теперь туда фиг сунешься! Тут же стрелять начинают! Вот и получается, что самые богатые скавены живут на Петровско-Разумовской, а чем дальше от нее – тем жители беднее. В Бибиреве, по меркам Эмирата, – вообще нищета. Нет, конечно, тамошние добытчики тоже ходят Наверх, приносят оттуда всякие вещи, но такой роскоши, как здесь, у них нет. Несмотря на то, что в окрестностях их станции тоже есть и рынок, и магазины... Но они не такие крупные и многочисленные, как у нас, на Петровско-Разумовской. Бибиревцы живут в хибарках, сооруженных из ящиков, железных листов от разобраных вагонов и картонных коробок, или просто под навесами. Кто посостоятельнее (или поудачливее) – в туристических палатках. Самые впечатляющие дома – в Отрадненской общине. Двухэтажные – представляете?! Там у них, Наверху, уцелел огромный магазинище стройматериалов – так что им есть из чего строить свои жилища. Они и на заказ домики делают и продают, но это уж совсем запредельная роскошь, которую могут позволить себе немногие.

У нас, на Петровско-Разумовской и, отчасти, во Владыкине (желтые семейные кланы Ван, Бао и Хыонг и объединенный белый Земляки) живут в каркасных четырехугольных шатрах, которые раньше были торговыми палатками. Эти домики можно поставить так, что образуется просторное многокомнатное жилье. У Ганджабовых и Хамроевых главные Дома (где живут вожди кла-

нов с женами и детьми... кстати, жен у них по нескольку!) – шестикомнатные, у их родичей – двух- и трехкомнатные. Подозреваю, что вожди кланов были бы не прочь и расширить свои жилища, – да ведь платформы на станциях и так тесные, много шатров не поставишь... Все дома богатых и состоятельных изнутри обтянуты красивыми тканями, застелены коврами, уставлены роскошной утварью... Их обитатели спят на мягких матрасах и подушках, укрываются одеялами. У них есть собственное электричество, его дают генераторы, принесенные с Поверхности (за горючим для них время от времени ходят Наверх группы добывчиков Эмирата). Их женщины ходят в красивых нарядах, сплошь увешанных золотыми украшениями.

Те, кто победнее, – живут не так роскошно, но тоже в удобстве. А совсем бедные... Рабы и бедняки у нас живут в тесных клетушках под платформой. Там совсем нет никаких вещей – разве только какие-нибудь старые одеяла и туфли, выброшенные их прежними владельцами.

...Чем живут жители общин? Петровско-Разумовские контролируют Рынок, магазины и склады Наверху. Они добывают нужные вещи и товары, генераторы и горючее к ним, оружие и продают все это другим станциям. Кроме того, Эмират является южным форпостом нашей части Метро. И его воины (по-местному – нукеры) несут дозор в туннелях и Наверху, охраняя южные скавенские территории от людей. Особенно актуально это стало в последние годы, когда на пустующую Тимирязевскую прошли и поселились там какие-то очень наглые и опасные «слуги шайтана»¹. Эмирату и только-только образовавшемуся Содружеству Серых Станций (куда вошли Владыкино, Отрадное, Бибireво) такое непрошеное соседство не понравилось. После нескольких попыток похищений его жителей и особо кровавых стычек в туннелях Эмират встал на дыбы и объявил «слугам шайтана» газават (то есть, священную войну). Некоторое время у нас тут шли настоящие бои и в туннелях, и Наверху.

¹ См. «Темные тунNELи» С. Антонова.

Потом Эмират запросил поддержки у Содружества, тимирязевцам коллективно надавали по шее, и на время все стихло. Инженеры Содружества перекрыли гермостворы в южных туннелях между Эмиратом и Тимирязевской, но в одном из них что-то зало – так что перекрыли не до конца. Поэтому теперь нукеры Эмирата и несут дозор – по договоренности с Содружеством – на южных рубежах нашей Линии. А наши эмиратские добытчики со временем больше стали походить на пограничников – потому что им тоже приходится воевать с тимирязевцами, только Наверху. Так вот и живем.

Владыкинцы тоже не прочь были бы заниматься добычей всяких полезностей, но им доступ Наверх в последние лет десять практически перекрыт. И все из-за того, что в находящемся у них под боком Ботаническом саду завелись какие-то мутанты – черные, как дно у закопченного котла, страаааиные... А уж воют как – просто мороз по коже продирает и воли лишаешься! Бррр... Владыкинцы из-за них не могут даже в свое Депо выбраться за какими-нибудь деталями от техники. Задраили гермостворы наглухо – чтобы не дай бог те страшилища Вниз не просочились, – и с тех пор живут, как в осаде, а их добытчики ходят Наверх через другие станции Содружества. Правда, до появления тех мутантов владыкинцы все же успели натаскать на станцию много всего полезного – и из магазинов, и с рынка «Владыкино», и даже из Ботанического сада. Пока там вся эта растительность и живущая среди нее живность не мутировала во что-то злое, ядовитое и кусачее. Они даже умудрились каким-то чудом, не иначе, сохранить от крысиного набега нескольких свиней и кур (о них – далее) – и теперь разводят их и продают (точнее, обменивают) мясо, кожу, яйца, пух... Недавно вот где-то ахатин достали – гигантских улиток. Тоже разводят – на деликатесы, потому что ахатины хоть и здоровенные, но растут уж очень медленно... Так что можно сказать, что Владыкино – сельскохозяйственная житница нашей части метро.

Говорят, что до крыс такой житницей у нас была Тимирязевская, у которой под боком находились опытные делянки, оранжереи и животноводческие комплексы сельскохозяйственной акаде-

мии... Свиньи и куры, которых чудом сберегли самоотверженные владыкинцы, – потомки тех самых животных, когда-то приведенных в метро еще тимириязевцами.

Кстати, черные скавены не едят свиное мясо! Я спросила почему – мне сказали, что им их вера не позволяет. Странные они: по-моему, еды и так невеликое разнообразие, чтобы ею пренебрегать... Зато желтые едят все, что, кажется, не может съесть их самих!.. Хотя нет, насчет крыс (вспомним уничтоженную Тимирязевскую!) я не права – и крыс едят! Они их держат в клетках и откармливают на мясо. Мясо домашней крысы (здоровенные зверюги, просто монстры!) гораздо вкуснее, чем дикой, – мягкое, нежное, просто во рту тает! Мне доводилось пробовать пару раз... Крысиные и куриные фермы желтых – основной поставщик мяса для черных кланов.

Отрадное и Бибирово (смешанный племенной состав) живут примерно одинаково (разве что Бибирово – более «бедное»). Там тоже, как и во Владыкине, выращивают грибы и мясных крыс, но это больше для себя. Главное их занятие – ремесла и починка всего, что вышло из строя. Как я уже говорила, отрадненцы таскают стройматериалы и прочие полезности из «Леруа Мерлен» и своих трех Торговых Центров и торгуют ими по всей нашей линии. Местные умельцы соорудили несколько дрезин – так что по нашей Линии теперь можно ездить, а не ходить пешком! Особенно по территории Содружества. Можно сказать, что на ней действует более-менее постоянный общественный транспорт. Ну, по крайней мере, на участках, освобожденных от когда-то застрявших на них поездов. Часть составов в свое время была отогнана с помощью мотовозов во владыкинское депо и в тупики, но часть их осталась в туннелях. Их приспособили к использованию: какие-то отвели под жилища, другие – под технические и прочие нужды... Ходить, конечно, сквозь них неудобно, но тут уже никуда не денешься.

Вообще, отрадненские вполне могут поспорить с петровско-разумовскими в том, кто из них богаче живет. И еще неизвестно, кто выиграл бы! Но богатство Эмирата – оно какое-то... показное, что ли... Не знаю, как и сказать. Эти роскошные покои, наряды и

украшения женщин, еда из сногшибательной красоты посуды... Во всем этом мне видится что-то такое... хвастливое и внешне блестящее, а на деле – пустое внутри. Пожалуй, я бы так сказала: наши богачи копят свои богатства просто ради самих богатств и хвастовства ими. Ради того, чтобы выглядеть солидно и весомо среди других соплеменников. Роскошная одежда, золото, шикарная обстановка... Кто смог натащить в свой дом этого барахла больше всех – тот и в почете.

Ну точно как наши «родичи» крысы! Все в нору, в нору!

Богатство отрадненских – иного свойства. Там к накоплениям относятся более... практически, что ли... Яркие тряпки и сверкающие побрякушки тут никого, кроме местной швейной мастерской, не интересуют. В цене и почете то, что призвано существенно облегчить жизнь Внизу: продукты, лекарства, стройматериалы, генераторы и топливо для них... оружие и патроны... То есть то, что имеет ценность не только для тебя лично и твоего самолюбия. То, что можно выгодно продать или обменять на что-то, также имеющее практическую ценность и полезность. Отрадненцы – это по большей части очень деловые и хозяйствственные лю *зачеркнуто* скавены, умеющие работать как головой, так и руками. И, что самое главное, своими богатствами они не кичатся. И не жадничают. Иногда они даже помогают более бедным жителям Содружества – естественно, не бесплатно, но с хорошими скидками. Я ничуть не удивлюсь, если окажется, что на их складах столько всяких полезных вещей, что ими хватит обеспечить все скавенские станции на долгие-долгие годы. Причем бесплатно!

Бибирево – это наш, так сказать, научный, культурный, военный и спортивный центр. На месте бывшего пошерстного съезда дополнительно надстроили и укрепили перегородки, пространство внутри расчистили, и теперь там располагается спортзал со всякими тренажерами (часть сами склепали, часть – притащили, что смогло уцелеть, сверху из развалин двух местных спорткомплексов). Понапалу там же хотели обустроить и больницу, но из-за опасного соседства с разбойным Алтуфьевым передумали и перенесли ее в один из составов в южном тоннеле. Были еще школа и

небольшая библиотека при ней, но позже их перенесли в Отрадное – так безопаснее для детей. Кроме того, Бибирево – это опорная и тренировочная база наших добытчиков и службы внутренней безопасности, а также северный кордон, отделяющий «благополучную» часть Линии от земель Алтуфьевской общинны, про которую я уже говорила. Пограничная, так сказать, крепость. Там, на станции, даже укрепления построили – такие, что лихим алтуфьевцам надо будет двести раз подумать, прежде чем решиться их штурмовать!

А еще на этих трех станциях нет рабства, и там правят не эмиры, а Советы Общин, избранные представители которых, в свою очередь, составляют единый Совет Содружества Скавенских (или, как еще у нас говорят, Серых) Станций! Удивительно!

Чем живут алтуфьевские – могу только догадываться. По моим скучным наблюдениям, они не слишком-то жалуют ни сельскохозяйственный, ни технический труд. Их любимое дело – война, охота и... грабежи. Раньше едва ли не каждый месяц тамошние боевики совершали налеты на бибиревские блокпосты в туннелях, пытаясь прорваться дальше по Линии, чтобы награбить добычи и захватить пленников. Бибиревцы, при поддержке союзных общин, дружно давали им по шее, и на какое-то время все затихало. Затем в северных тоннелях воздвигли неприступные баррикады, и набеги на станцию прекратились... Но зато участились случаи похищения работающих Наверху добытчиков и рабочих.

В периоды перемирия алтуфьевцы иногда приходят к соседям с меновой торговлей. У них там, Наверху, вообще места дикие – куча бывших парков, Лианозовский питомник, Ближнее Замкадье... В общем, живут они там, как в джунглях, и иногда совершают рискованные рейды аж в замкадьевские леса. И время от времени приносят на обмен шкуры, мясо, клыки и рога каких-то наземных зверей, диковинные растения и плоды... У нас (в смысле – в Содружестве и в Эмиратах) это считается редкостью и очень ценится. Иногда наши врачи даже заключают с алтуфьевскими добытчиками договоры на сбор и доставку лекарственных трав из Замкадья. Но это бывает очень редко, поскольку стоят эти услуги баснословно дорого.

го, да еще и с самими алтуфьевцами не так-то просто договориться. Это ведь те еще отморозки. Не сказать, что у нас их боятся, но... дело с ними стараются иметь пореже. Ибо себе дороже.

Междуд прочим – я уж и не знаю, в силу каких причин – Петровско-Разумовская община тоже держится как-то в стороне от остальных. Мол, мы отдельно, вы – отдельно. Что не мешает, конечно, торговым и прочим отношениям, но вот эта обособленность черных скавенов очень заметна! Эдакий маленький мирок, живущий своим укладом и подчиняющийся своим законам. В который лучше лишний раз не соваться. Одно слово – Эмират. Независимое государство.

Вот так и выходит, что наш участок Серой ветки как бы сам собой поделился на три... зоны влияния, что ли... Союзнические Владыкинская, Отрадненская и Бибиревская общины – и обособленные от них Алтуфьевская и Петровско-Разумовская, каждая в своей скорлупе...»

(Из старого, времен конца 2020-х гг, дневника Крыси)

ГЛАВА 3

ОБЩЕСТВО БИБЛИОФИЛОВ

Закончив обшаривать очередной квартал, Восток посмотрел на часы. До рассвета оставалось уже чуть более полутора часов. Пора было поворачивать в сторону базы «Медведково», чтобы успеть до свету нырнуть в привычные подземные норы.

– Надо же, – пробормотал Восток. – Их крысюками зовем, а сами чем лучше? От света, как крысы, под землю прячемся.

Сталкер уже почти собрался идти, как вдруг взгляд его привлекла обветшалая вывеска на стене длиннющей, как Великая Китайская Стена, панельной многоэтажки.

– «Центральная библиотека номер семьдесят семь» – разобрал он полуустертую надпись.

Восток еще раз бросил взгляд на часы, потом на вход в библиотеку, потом – снова на часы. Соблазн был велик. К тому же у него как раз закончился запас непрочитанной литературы, и сейчас чувство самосохранения, требующее как можно быстрее убираться отсюда, боролось в душе сталкера с неодолимым желанием разжиться парой-тройкой новых книг.

— Ай, ладно! — махнул он рукой. — Зайду на десять минут, а потом — рысью до Медведкова. Авось никаких «зверушек» по пути не встречу.

И Восток направился ко входу в библиотеку. Сколько ни удивительно это было, но входная дверь оказалась закрыта. Более того, заперта на замок. Очевидно, до сих пор никто из рыскавших по окрестностям сталкеров не польстился на «разумное, доброе, вечное», хранившееся на полках и стеллажах этого некогда популярного, а ныне заброшенного очага культуры.

— Когда говорят пушки, музы молчат, — усмехнулся сталкер, подергав дверную ручку, и добавил:

— А когда говорят ракеты, то музам вообще лучше не высовываться!

Он уже собирался без лишних церемоний взломать эту в общем-то не слишком прочную преграду, когда заметил, что одно из окон первого этажа, в котором находилась библиотека, разбито. Рядом со стеклом лежало пышное поваленное дерево, крона которого почти закрывала пролом.

— Ясно, — проговорил про себя сталкер; он вообще любил бормотать свои мысли вслух, словно общаясь с невидимым собеседником, особенно во время долгих одиночных вылазок на поверхность. — Его, наверное, деревом упавшим выбило, стекло это.

На долю секунды ему показалось странным, что дерево упало на окно, разбило его, а потом само собой высвободилось, да еще и осколков острых торчать не оставило, но он отогнал эту мысль как вздорную.

— Так тебе, милый друг, скоро черти начнут мерещиться, — покачал головой Восток, обращаясь к самому себе. — Или мутанты безголовые.

Сталкер усмехнулся своим мыслям, еще раз проверил оружие, подтянулся на руках и осторожно протиснулся сквозь разбитое окно, стараясь не шуметь и не порезать костюм о стекло.

После залитых ярким лунным светом ночных улиц царивший в библиотеке мрак показался Востоку в первый момент непроягданным. Но сталкер не торопился зажигать фонарь. Опыт подсказы-

вал ему, что как раз в таких вот безобидных с виду помещениях можно запросто столкнуться с очень неприятными в общении представителями поверхностной фауны. Поэтому Восток сперва некоторое время неподвижно стоял, прислушиваясь к тишине, наполнявшей тесное, заставленное высокими стеллажами пространство библиотечного зала. Прошла минута, другая, но беззвучный мрак, царивший среди покинутых книжных полок, оставался столь же беззвучным. К тому же, за это время глаза сталкера привыкли к темноте, и теперь он различал даже надписи, указывающие тематические разделы.

«Учебники», «История», «Приключения», «Справочники», «Классика», «Фантастика – фэнтези». Сталкер осторожно переступил с ноги на ногу и, держа перед собой автомат, двинулся в направлении отдела фантастики. Была у Востока тайная страсть: он невероятно любил фантастические романы. Страсть эта жила в нем с раннего детства, когда еще мальчишкой он зачитывался произведениями Жюля Верна, Адамова, Ефремова. Позже к ним добавились другие авторы – и популярные, раскрученные, такие как Лукьяненко и Бушков, и совсем малоизвестные Бернгард Келлерман или Анастасия Парфенова...

Много с тех пор воды утекло. Распался и сгорел в ядерном огне мир, рухнул хрустальный замок цивилизации, а вот любовь к этому литературному жанру осталась. Когда-то она помогала Востоку, тогда еще носившему имя, полученное при рождении, отдохнуть от текучки и рутины, уносясь в мир захватывающих приключений и событий. Позже, когда весь мир для жителей Москвы сжался до размеров подземки, то же мальчишеское увлечение не давало ему сойти с ума от ежедневных столкновений с кровью, смертью и болью, которыми были буквально пропитаны станции и перегоны московского метро.

Восток зажег примотанный скотчем к стволу автомата фонарь и сделал несколько шагов по покрытому многолетним слоем пыли полу. При этом он не забывал периодически поводить стволом оружия по сторонам и внимательно вслушивался в окружающую тишину.

Внезапно до его слуха донесся какой-то слабый звук. Восток замер, сжав в руках автомат, и весь обратился в слух, пытаясь по звуку разобрать, что за тварь скрывается за книжными полками.

Вскоре звук повторился, он был похож одновременно на сопение, как будто кто-то шмыгал носом, и на какое-то хныканье. Восток мог бы поклясться, что в зале кто-то... плачет! Но кто мог плакать в давным-давно покинутой всеми библиотеке, ночью, в городе, вот уже много лет как превращенном в огромное кладбище? Наверняка этот звук издавала какая-нибудь тварь, может быть, хищная, пожирающая добычу, а может, и безобидная. В последнем, впрочем, Восток сильно сомневался. За годы, проведенные в метро, он уяснил для себя одну простую мысль: в этом мире теперь нет «безобидных зверушек». Каждая тварь, живущая на поверхности, всегда готова укусить, ужалить, поцарапать – и это еще в лучшем случае.

Несколько секунд сталкер колебался – уйти ли ему прямо сейчас, оставив на этот раз в покое библиотечные залы, или все же попробовать выяснить, что за существо притаилось в помещении. Может быть, ему повезет, и оно впрямь окажется безобидным или трусливым, и тогда все же удастся разжиться парой-тройкой книг.

Восток еще раз взглянул на часы – до рассвета оставалось уже чуть больше часа – и принял решение:

– Ладно, ну его. Не уйдут от меня эти книги. В следующий раз зайду.

И он осторожно, не поворачиваясь спиной к неустановленному источнику звуков, сделал шаг назад.

И тут произошло событие, которое коренным образом изменило ситуацию. В тот момент сталкер еще не знал, что это же событие предопределит всю его последующую жизнь.

В неразборчивых звуках Восток разобрал слова!

Это было так странно, что в первый момент он просто опешил. Нет, это не было галлюцинацией или плодом его воображения. Он ясно слышал, как в библиотечном зале кто-то кого-то назвал дураком. И потом тот же голос, явно смешанный с плачем, стал укорять кого-то. В чем и кого – этого Восток не разо-

брал, но слух выхватил непривычное, вроде как иностранное, слово. Итальянское, что ли?

В тот же момент из-за полок на секунду выскользнул и метнулся по противоположной стене острый лучик света и опять скрылся за стеллажом.

Теперь местоположение источника звука было ясно. Там, за стеллажами с табличкой «Классика», кто-то или что-то издавало эти звуки и при этом, невероятно, подсвечивало себе фонариком!

В голове у Востока вихрем пронеслись возможные варианты. Может, там коллега-сталкер? Очень может быть. Почему он тогда не выходит? Может, ранен? Почему эти странные слова? Почему плачет? Возможно, бредит? Тоже может быть. Повредил маску, надышался чего не надо, вот башню и снесло. Надо бы все же посмотреть. Закон сталкерского братства, которому Восток следовал с самого начала своей «изыскательской» деятельности, не позволял бросать товарища в беде.

— Ладно, — пробормотал Восток, — поглядим, что там и кто там. Только аккуратно. А то кто его знает, что у него в башке переклиният. Как бы не шмальнул ненароком. Собирай потом начитанные мозги по всей библиотеке.

Он погасил фонарь и осторожно двинулся вперед. По мере приближения звуки становились все более отчетливыми. Теперь уже было ясно, что, кто бы ни издавал их, он там один и как минимум умеет говорить по-русски, хотя и с каким-то странным, смягчающим согласные, шипящим выговором.

Восток приблизился к источнику звуков почти вплотную. Теперь их разделял только один стеллаж. Сталкер снова зажег фонарь, прикрыв его ладонью таким образом, чтобы в случае необходимости мгновенно ослепить противника, и осторожно выглянул из-за стеллажа.

То, что он там увидел, вызвало в нем целую гамму чувств, от облегчения и радости — до невероятного изумления: он нашел их!

Именно так, он, наконец, нашел крысюков! А ведь мог бы и пройти мимо библиотеки. А вот сейчас прямо перед ним на полу сидел крысюк и что-то сосредоточенно изучал при помощи налоб-

ного фонаря. Спустя мгновение Восток понял, что именно разглядывал мутант, и радость от окончания поисков сменилась в его душе глубочайшим изумлением: крысюк... читал книгу!

Именно так. Расскажи ему кто-нибудь такое у костра на Семёновской, Восток с удовольствием посмеялся бы этой байке – мутант, читающий книгу!.. Но вот здесь, сейчас, он собственными глазами видел перед собой крысюка, который читал какую-то тщущую затрапанную книжку в мягком переплете! И не просто читал, а, похоже, искренне рыдал над прочитанным.

Окончательно добил Востока тот факт, что все это происходило не где-нибудь, а в отделе классической литературы!

– Обалдеть... – тихо проговорил сталкер и от удивления опустил руку, прикрывавшую фонарь.

Яркий луч вырвался из фонаря и уперся прямо в книгу, лежащую на коленях у крысюка. Тот недоуменно и даже как-то недовольно поднял голову – прямо как человек, которого оторвали от любимого занятия. На мгновение луч выхватил из мрака тонкие, изящные, Востоку даже показалось, по-своему красивые черты юного лица (именно лица, а не морды, как уверяли «яйцеголовые»), миндалевидные черные глазки удивленно блеснули из-под капюшона.

Секунду крысюк смотрел на человека, он явно не ожидал подобной встречи в покинутой библиотеке, а потом, взвизгнув совершенно по-крысины, сломя голову рванулся на четвереньках в узкую щель между сталкером и стеллажом.

Выработанный годами рефлекс заставил Востока вскинуть автомат, и в ярком луче на мгновение вспыхнули и погасли два огромных, как ему показалось в тот момент, наполненных ужасом глаза крысюка.

«Да он не нападает! – понял вдруг сталкер. – Он же сам боится!»

Решение пришло мгновенно. Если сейчас дать этому крысенышу уйти, то сколько еще придется рыскать среди развалин, пока не встретишь еще одного представителя их породы? Да и научники уже извелись в ожидании, когда же им в руки попадет целый и невредимый homo-rattus sapiens. К тому же, он может поднять

тревогу, привести сюда других крысюков, и тогда расклад обернется совсем не в пользу Востока! Там уж как бы они его самого к своим «научникам» не потащили на изучение!

Крысюк уже почти протиснулся в узкую щель между человеком и стеллажом, еще мгновение – и он уйдет, скроется в полумраке, и тогда ищи его, свищи...

– А ну стой! – крикнул сталкер и, бросив автомат на кучу старых журналов, чтобы не ткнуться в пол стволом, прыгнул прямо на спину удирающей твари, пытаясь прижать ее к полу.

Но внешне хрупкий крысюк оказался еще и страшно проворным. В самый последний момент он извернулся, и сталкер увидел направленный прямо на него узкий острый клинок, тускло блеснувший в полумраке.

– Ах, ты ж!.. – только и успел воскликнуть Восток и всей массой рухнул на выставленное навстречу смертоносное железо.

Он ожидал обжигающей боли от лезвия, вспарывающего внутренности, но вместо этого почувствовал только сильный тупой удар в живот ниже края надетого под ОЗК бронежилета и какой-то скрежет. Все еще не понимая, что же произошло, почему он все еще жив и, судя по всему, даже не ранен, сталкер схватил мутанта за руку, все еще держащую нож, и попытался отвести ее в сторону. Противогаз при падении съехал, и Восток теперь не видел своего противника, пытаясь на ощупь ухватить и прижать, наконец, отчаянно извивающегося крысюка к полу. Но мутант, явно уступая человеку в весе и силе, оказался на удивление вертким. Сталкеру никак не удавалось захватить вторую руку крысюка, а тому так же не удавалось выхватить из тела человека нож («Интересно, во что же он его там воткнул?» – мельком подумал Восток) и снова пустить его в ход.

Неизвестно, чем могла бы закончиться эта смертоносная игра, если бы не вмешалась, как это обычно бывает, ее величество случайность.

Отчаянно сражаясь за свою жизнь, крысюк мимоходом задел ногой один из стеллажей. Порядком обветшавший предмет меблировки от удара дрогнул, крякнул и как-то разом вдруг рассыпался

на доски. На Востока и его противника лавиной рухнули книги и щепки от сломавшихся полок. Клубами взвилась пыль, а перепутанный крысюк пронзительно и тонко заверещал.

Сталкер тут же выпустил его и непроизвольно вскинул руки, защищая голову. Один довольно увесистый том попал прямо в лоб пытавшемуся подняться мутанту, и он, оборвав свой визг задущенным писком, растянулся на полу. Едва ли не в ту же секунду боковая стенка стеллажа рухнула, и вместе с оставшимися книгами на Востока обрушилась верхняя полка. От удара по спине – хоть и смягченного бронежилетом, но все же весьма чувствительного – сталкер покачнулся и ничком упал прямо на лежащего без сознания ратмана.

Еще несколько книг шлепнулись на них сверху, а потом наступила пыльная тишина.

Глава 4

ДЕНЬ ОТКРЫТИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

– Что ж за день такой сегодня?.. – эта мысль была первой посетившей Востока, когда к нему вернулась способность соображать, а также, по привычке, озвучивать свои мысли вслух. Один из томов крепко приложил-таки сталкера по голове, и она у него слегка гудела. Второй мыслью была весьма нелицеприятная оценка деятельности великих классиков прошлого, результатом которой становились такие вот толстенные издания, а также деятельности типографий и издательств, которые одевали эти самые издания в твердые, как фанера, картонные переплеты.

– Однако, кого же мы все-таки поймали? – продолжил сталкер привычный диалог сам с собой и попытался высвободить руки, чтобы сдвинуть на место маску противогаза. Это ему удалось, и теперь, сквозь изрядно запыленные смотровые стекла, он мог видеть крысюка, лежащего сейчас под ним и не подающего признаков жизни.

– Ладно, посмотрим, что тут у нас, – пробормотал Восток, протирая перчаткой стекла противогаза, и немного отодвинулся, что-

бы разглядеть лицо мутанта. Впрочем, это оказалось непросто. В библиотеке и так царил сумрак, а теперь еще, когда вокруг были горы и холмы из упавшего литературного наследия, лица крысюка было и вовсе не разглядеть.

– Да жив ли он? – встревожился сталкер. Не то чтобы ему было жаль мутанта, но перспектива еще несколько дней, а то и недель провести в бесплодных и опасных поисках столь необходимого научникам *homo-rattus sapiens-a* совершенно не вдохновляла.

Все еще пытаясь уловить признаки жизни на тонком лице крысюка, Восток сделал попытку отодвинуться. Это ему не удалось – куча книг, наваленных сверху вместе с обломками стеллажей, была слишком тяжела.

– Извини, брат, придется тебя потревожить, – сталкер подтянул под себя руки и уперся в пол по бокам своего неподвижного пленника, пытаясь приподнять лежащую сверху кучу бумаги. Это ему слегка удалось, некоторая часть груза с шорохом ссыпалась со спины, и стало немного полегче.

Сталкер, желая выяснить, жива ли его добыча, еще немного повозился, расстегнул стеганую денимовую безрукавку, надетую мутантом поверх не по размеру мешковатого и вытянутого, но даже на вид еще теплого свитера, и приник ухом к его груди, чтобы послушать, бьется ли у крысюка сердце.

Сердце было, правда, как-то неровно и суматошно. Сталкер вдруг ощутил под своей щекой что-то плотное и упругое, словно маленький набитый мешочек. Восток в первый момент даже не понял, что это. К тому же, темнота и противогаз мешали провести, так сказать, идентификацию. Сталкер провел рукой по телу крысюка.

Ах вот оно что. Свитер его пленника как-то странно топорщился на груди, словно за пазухой у него что-то лежало.

– Интересно, чего такого этот парень напихал в карманы? – вслух подумал Восток, продолжая на ощупь изучать лежащего крысюка. – На противогазный фильтр не похоже – нет у него противогаза, на оружие тоже... Может, бронежилет? Да нет, слишком мягкий, тоже не то. Что же это такое?..

И вдруг до сталкера дошло!

– Бог мой! – пробормотал он, чувствуя под противогазом, как краска приливает к лицу. – Да это же... Да... вот видели бы парни со станции, как я тут... Померли бы со смеху!

Ситуация и правда складывалась довольно двусмысленная, если не сказать пикантная. То, что сталкер принял за часть одежды или принадлежность снаряжения, оказалось в буквальном смысле принадлежностью самого крысюка. Точнее – крысюхи.

– А может быть, крысихи? – продолжил по привычке рассуждать сам с собой Восток. – Или крысяры? Кто их знает, как они у себя женский пол называют?

Он бы еще поразмышлял какое-то время над сложной этимологией терминов, указывающих на гендерную принадлежность homo-rattus sapiens, если бы лежащая под ним представительница этих самых homo-rattus не пришла в этот момент в себя. Причем, реакция ее, как машинально отметил про себя сталкер, в этот момент оказалась вполне типичной для представительницы прекрасной половины любых sapiens – хоть homo, хоть rattus, – вдруг обнаружившей, что на ней лежит некий совершенно незнакомый мужик и самым бесцеремонным образом изучает на ощупь ее грудь!

– И долго ты еще собираешься меня лапать?! – прошипела она, уставившись ему в лицо сердитыми, сплошь черными, без белков, глазами.

Такого, что ни говори, естественного вопроса, заданного при, мягко говоря, несколько неестественных обстоятельствах, Восток ожидал менее всего.

– Так ты... ты что... ЖЕНЩИНА?!!.. – невпопад брякнул он, все еще занятый своим открытием и совершенно забыв, что рука его по-прежнему лежит на округлом мягкому холмике под застиранным свитером.

Крыся сперва недоуменно воззрилась на нахала, потом возмущенно – на его руку, а потом ответила, со всей ядовитостью, на которую была в тот момент способна (а способна она была в такие вот критические моменты на о-очень многое!):

– Нет, блин!!! Мужик!!! Двухметровый амбал в перьях! Оцео-ла – вождь семинолов!..

Она возмущенно задергалась, пытаясь выползти из-под него, а потом нетерпеливо и довольно скандально взвыла:

– Да слезь же ты с меня, наконец, чудовище!!! И лапы свои убе-ри!.. Разлегся тут... Совсем мужики охамели!..

– Ой!.. – спохватился Восток.

Отдернув руку, как от раскаленного железа, он нашелся только пробормотать в крайнем смущении:

– Да я ничего такого... Просто...

И добавил, вообще уже ни к селу ни к городу:

– А на меня тут шкаф упал... Случайно...

– «Случайно»! – голос Крыси в этот момент представлял до-вольно агрессивную смесь сарказма и сварливости. – У вас всегда все случайно падает! Только почему-то вы при этом «случайно» норовите нас завалить!

– У кого это «у вас»? – поинтересовался Восток. Недавнее смущение улетучивалось, сменяяное иным ощущением. Сталкера уже начала слегка раздражать эта склонная крысиха, да еще к тому же, похоже, с непомерным комплексом эмансипации.

– «У вас» – это у вас! У мужиков, вот у кого! – Крыся снова предприняла безуспешную попытку вылезти и снова нервно взвыла: – Да слезь же с меня!

Ей было страшно, очень страшно – все-таки она попалась в плен не кому-то, а человеку, да еще и человеческому мужчине! А когда Крыся чего-то или кого-то боялась – она всегда станови-лась довольно ядовитой и скандальной особой. Потому что нико-им образом не желала показывать своего страха.

– Вот только не надо обобщать! – пропыхтел Восток, именно это – то есть сползти с нее – и пытающийся в данный момент сде-лать. – И вообще...

Наконец ему удалось приподнять собой кучу книг и обломков стеллажа, и Крыся, извернувшись, выскользнула из-под сталкера и оказалась на свободе. Она тут же отскочила на безопасное рас-

стояние и теперь следила за каждым движением опасного соседа расширенными настороженными глазами.

— И вообще, — продолжил Восток, с пыхтением выбирайсь следом, — нечего было тут носиться, как угорелая крыса, и лягаться во все стороны, тогда бы и стеллаж не упал!

— Это... это я-то носилась?! Это я-то лягалась?! — Крыся аж задохнулась от возмущения и даже забыла про свой страх перед человеком. — Это я-то угорелая крыса?! Да ты...! Да ты...! Обезьяна! Макака-переросток — вот ты кто!.. И... и я из-за тебя фонарик потеряла!..

Она возмущенно зафыркала и, показав язык, демонстративно отвернулась. Впрочем, краешком глаза она продолжала следить за человеком, готовая при любом агрессивном действии с его стороны мгновенно сорваться с места. На бедре ее висела кобура с верным иглометом, это придавало уверенности. В случае чего...

Но человек, кажется, не был настроен враждебно. Более того, теперь, когда первый запал прошел, он с удивлением и интересом уставился на крысиюковскую девушку, рассматривая ее, насколько позволял полумрак помещения.

«А она ничего, — неожиданно подумал про себя Восток. — Ладная фигурка, любая девчонка позавидует таким точеным формам, да и мордочка... нет, скорее, все же лицо, очень симпатичное...» — и сам удивился своим мыслям: кажется, он нашел эту мутантку... привлекательной? Бред какой-то!

В этот момент Крыся повела взглядом по мещанине из рассыпанных книг и остатков стеллажа и горестно всплеснула руками:

— Ну вот... теперь искать... И откуда ты только взялся на мою голову?..

Она скользнула к книжной груде и принялась нетерпеливо разбирать ее, откладывая в стороны ненужные тома.

— Не то... не то... А это?.. Нет... О, фонарик нашелся!.. — бормотала она, отфыркиваясь от лезущей в нос пыли.

Востоку даже стало любопытно: что же за книгу эта... крысиха? Да нет, пожалуй, если принять во внимание юный (на вид — никак не более двадцати) возраст — крысиш카... Что за книгу эта кры-

сишка ищет с таким рвением? И... что она читала перед тем, как он ее спугнул?

— Может, тебе помочь? — довольно миролюбиво предложил он. — Что ищешь-то? Как книга называется?

Крыся покосилась на него, перестав трясти никак не желавший включаться (видимо, сломался во время их сражения) фонарик. Помолчала, а потом нехотя буркнула:

— Трагедии там. А писателя зовут Шекспиром. Знаешь такого?

У сталкера едва противогаз на лоб не заполз от удивления! Крысишки — и вдруг Шекспир! Трагедии!

Поистине день открытий!

— Ну, что стоишь? — бросила крысишка. — Кто-то собирался помочь, кажется?

— А, ну да... — заторопился сталкер и, сделав несколько шагов по рассыпающейся бумажной горе, что-то вытащил из-под кипы листов.

Внезапно взвизгнув, Крыся мгновенно оказалась в углу и прижалась к стене, судорожно схватившись за кобуру на бедре. У сталкера в руках был автомат — причем, какой-то странный, совсем не похожий на привычные здоровенные АКМ или складные укороченные АКМСУ. Это было какое-то неизвестное ей и непривычное на вид оружие с длинным, торчащим прямо посередине прямым магазином. Но это был автомат, и он был сейчас в руках у человека. Крыся почувствовала, как волосы шевельнулись у нее на голове от страха. Она медленно, стараясь не привлекать внимания человека, потянула из кобуры игломет...

— Ты чего? — удивился Восток. — Ах, это? Не бойся, это я вот для чего, — он чем-то щелкнул у самого ствола, оружие выбросило яркий луч света. — Хочу фонарь зажечь. Погас при падении. Хорошо еще не разбился. С фонарем-то лучше?

— Ну да, ну да... — отстраненно проговорила Крыся, все еще не сводя глаз с оружия. — С фонарем, конечно, лучше... А-апчхи!!!

Поднятая их возней пыль наконец доконала ее: девушка расчихалась не на шутку. Ей даже пришлось опуститься на пол, чтобы не упасть. И стало как-то не до человека с его странным оружием.

– Будь здорова! – услышала она над собой веселое, заглушенное противогазом хмыканье.

– Спа... апчхи!.. Ох...

К счастью, приступ чихания был недолгим. Отдышавшись, Крыся, наконец, вспомнила о стоящей рядом опасности и снова подобралась, готовая ко всему самому худшему.

– Так мы ищем или как? – повесив автомат на плечо, сталкер опустил ствол и начал методично обшаривать свеженаваленные книжные россыпи. То, что девушка, прежде чем расчихаться, пыталась выхватить оружие, он, кажется, либо не заметил в полумраке, либо сделал вид, что не заметил.

Крыся некоторое время опасливо смотрела на этого странного вооруженного человека, который вопреки всему, что она знала о людях, не бросился сразу ее убивать и даже вроде как не вел себя враждебно. Наконец она передернула плечами и тоже присоединилась к поискам, периодически все же косясь на автомат и его обладателя. Так они некоторое время сосредоточенно рылись в рассыпанных книгах, отбрасывая уже просмотренные за упавший стеллаж. Слышно было только сопение человека в противогазе и шорох бумаги. Наконец луч фонаря выхватил из полумрака простой бумажный переплет с крупными черными буквами: «Пьесы У. Шекспира. Неизвестные переводы. Библиотека самиздата»¹.

– Оно? – поднял голову Восток, указывая лучом на книгу.

– Ура! – радостно взвизгнула крысишка и, одним прыжком оказавшись перед сталкером, схватила в охапку драгоценный томик.

– Детский сад... – только и смог вымолвить на это Восток, пожимая плечами.

– Что? – не поняла Крыся и удивленно посмотрела на человека. – Детский сад? Сад – это ведь где деревья растут, да? А дети тут при чем?

Сказав это, она замолчала и вдруг осознала удивительную вещь. Если бы еще сегодня утром ей кто-нибудь сказал, что этой ночью

¹ В реальности такой книги не существует.

она будет вот так запросто разговаривать с вооруженным человеком, она наверняка сочла бы это не слишком удачной шуткой.

— Дети? Дети... — сталкер вздохнул. — Дети теперь уже ни при чем.

Все это время Востоку не давала покоя одна мысль, ему казалось, будто что-то не так, что-то находится не на своем месте. Отвлеченный сперва на перепалку с крысиюковской девушкой, а потом на поиски книги, он как-то забыл об этом. Но сейчас это ощущение вернулось и беспокоило его.

Что же было не так? Что-то с ним? Да нет, вроде он не чувствовал себя раненым или травмированным.

Может, со снаряжением? Сталкер несколько раз глубоко вдохнул, воздух свободно проходил через фильтр противогаза.

Стоп! Вот что было не так! Восток еще раз вдохнул — воздух проходил в противогаз слишком свободно!

Сталкер осторожно ощупал затянутой в резиновую перчатку рукой маску на лице. Маска была целой. Тогда он начал сантиметр за сантиметром внимательно изучать состояние гофрированного шланга, ведущего к фильтрующей банке в сумке на поясе. Шланг тоже был, судя по всему, не поврежден.

Наконец руки сталкера добрались до брезентовой сумки с фильтром, и вот тут его ждало неприятное открытие. Богнанный почти по самую рукоятку, из распоротого брезента косо, почти вывалившись из прорехи, торчал нож.

Мгновенно в памяти Востока всплыло его падение на крысиюка, острое лезвие, направленное прямо в живот, тупой удар, скрежет вспарываемого металла.

— Чтоб тебя!.. —сталкер посмотрел сначала на рукоятку, торчащую из вспоротой фильтрующей банки, потом на Крысию и спросил:

— Ну, и кто это сделал?

Крыся, которую неожиданная реплика сталкера оторвала от изучения состояния книги, удивленно подняла голову. Черные глаза посмотрели сначала на лицо, а точнее — хоботастую маску человека, а потом скользнули ниже.

– Ой! – за это время она и сама успела забыть о своей попытке выпустить напавшему на нее страшному человеку кишки.

– Ой? – переспросил Восток. – «Ой» – и все? Вот мне интересно, какого же... надо было?.. А? – он сказал это таким тоном, каким строгий родитель мог бы поинтересоваться у дочери, стоящей над осколками дорогущей антикварной вазы, для чего ей понадобилось играть дома в баскетбол. Тем более, что юная крысишка и впрямь годилась ему если не в дочки (Востоку было тридцать семь лет), то уж в младшие сестренки – точно.

– Я... я случайно... – крысишка сказала это так виновато, что у Востока пропало всякое желание сердиться на нее.

– Черт знает что! – всплеснул он руками.

Продолжая внимательно осматривать повреждения, нанесенные фильтру, он все больше убеждался, что повреждения эти были явно не совместимы с жизнью фильтра, а стало быть, в скором времени могли привести к скорому окончанию и его собственной жизни.

– «Я случайно»... – передразнил Восток. – Мне вот интересно, как я теперь с таким фильтром пойду к Медведкову, а? Не посоветуешь? Случайно так...

– Может, чем-нибудь заткнуть? – робко предложила Крыся, пряча взгляд.

– Знаешь, что и куда себе заткни?!! – Восток едва сдержался, чтобы не выругаться. – Ладно. Делать нечего. Попробую добраться и с такой прорехой.

Крыся как-то подозрительно шмыгнула носом, и сталкер вдруг почувствовал что-то такое, отчего волна раздражения исчезла и появилось какое-то теплое, давно забытое чувство, от которого он вот уже много лет искал убежища в темных перегонах туннелей и в мертвых городских кварталах на поверхности.

– Ну ладно, что ты... что ты... – обратился он к сопевшей, как обиженный ребенок, крысишке. – Как-то мы с тобой тут столкнулись... Я бы тоже на твоем месте за нож схватился. Ну, не реви, пожалуйста! У меня на женские слезы – острые аллергия!

И в первый раз за все время, прошедшее с их встречи, Восток улыбнулся. Улыбка, впрочем, не была видна под маской противогаза, но Крыся как-то почувствовала ее и зашмыгала носом еще интенсивнее.

— Я правда... я правда не хотела... я испугалась, — говорила она, всхлипывая и по-детски дрожа губами. — Ты появился, страшный такой... с автоматом... я подумала...

— Ну ладно, ладно тебе, — Восток совсем смутился при виде реакции этого хрупкого существа, уже готового разреветься в голос. — Ну ничего же не случилось. Видишь, я цел, нож в фильтре застрял. Все в порядке. Ну, — добавил он, подумав, — почти в порядке.

— Правда? — спросила Крыся, с надеждой глядя на сталкера большими и наивными, как у ребенка, глазами.

— Правда! — подтвердил Восток, выдергивая и рассматривая ее нож. — Только давай подумаем, чем мне теперь залатать банку. Она теперь, конечно, только на свалку годится, но до Медведкова добраться, думаю... Эй, ты чего?!

Внезапно и без того большие темные глазищи крысишки округились, она неуловимо-быстрым движением выхватила из пристегнутой к бедру кобуры какой-то длинный, странной конструкции, пистолет и... прицелилась в голову сталкера.

— Эй... — Восток опешил. Только что, вроде, нормально разговаривали, и тут...

— Пригнись! — шепотом велела она и, видя его замешательство, нервно вззвизнула уже в голос: — Пригнись, дурак!!!

Что-то в ее голосе, а главное — глазах, было такое, что заставило сталкера беспрекословно подчиниться. Он плашмя рухнул на книги. В ту же секунду над головой что-то хищно и тонко свистнуло, за спиной раздался неприятный чавкающий звук, какой-то хрип, звяканье о стену чего-то металлического и... шум падения крупного тела.

Восток обернулся... и застыл на месте.

Позади него лежала слабо дергающаяся туша паука-переростка величиной с хорошую такую овчарку! Из маленького отверстия

точно в том месте, где у пауков располагается нервный узел, толчками вытекала темная кровь. Тварь дернулась еще пару раз и сдохла.

— Ненавижу пауков... — услышал Восток и повернул голову на голос. Девушка-крысюк в неловкой позе сидела на полу, обеими руками прижимая к груди свое странное оружие. Ее тряслось. — Ненавижу... Т-твари... — она вдруг всхлипнула и... все-таки разревелась!

Восток растерялся. Потом нахмурился под резиновой «мордой» противогаза. Женских слез он и так не выносил, а тут мало того, что женщина, даже почти девчонка, так еще и мутантка! Черт их знает, этих бывших людей, что у них теперь за склад мышления! Начнешь утешать — так еще чего доброго...

Впрочем, способностей к утешению и человеческих плачущих женщин сталкер раньше за собой тоже не замечал.

Он посмотрел на всхлипывающую крысишку, на ее судорожно стиснутые руки... И с немалым изумлением обнаружил, что оружие, которое она сжимала, было коротким ружьем, даже пистолетом для... подводной охоты! Так вот почему он не услышал звука выстрела, и вот что там звякнуло — гарпун!

Он поднялся и, осторожно обойдя издохшего паука, приблизился к месту, куда — судя по звуку — упал гарпун, прошив насквозь паучью тушу.

У ног тускло блеснуло. Сталкер нагнулся и поднял... это был даже не гарпун, а, скорее, стрела. Или даже игла. Короткий кусок очень толстой проволоки, остро заточенный с одного конца. Серьезный аргумент — если умело воспользоваться!

Игла была перепачкана паучьей кровью, и Восток, брезгливо отбросив ее, вытер перчатку о ветхую, тут же расползшуюся на нитки, портьеру. Он снова обернулся к мутантке и только тут заметил, что, помимо кобуры для пистолета при ней была еще одна. Оттуда выглядывали тупые кончики нескольких таких же самодельных игл и рукоятка приспособления для их заряжания. Серьезный арсенал для столь хрупкого и нервного создания!

Ну, впрочем, порванных кабелей-то теперь везде – хоть обмотайся, нетрудно наделать боеприпасов. Это тебе не патроны!

Восток должным образом оценил оружейную изобретательность крысюков и мысленно сделал пометку: подкинуть идею оружейникам. Как знать, может, найдутся еще не разграбленные спортивные, охотничьи и туристические магазины, где еще теоретически можно найти такие вот подводные ружья... Только, наверно, придется слегка переделать их механизмы – у воздуха-то сопротивление меньше, чем у воды. Крысики это явно знали – иначе крысишко ружьецо развалилось бы еще во время выстрела!

...Нет, пожалуй, люди поспешили с выводами насчет неразумных кровожадных тварей!..

– Интересное у тебя оружие! – сказал он крысишке. – С таким раньше под водой охотились. Вы его теперь под другие условия переделываете и пользуетесь?

– А тебе-то какое дело? – довольно неласково отозвалась девушка между всхлипываниями. – Наши тайны вынюхиваешь?

– Да нет, – мягко и понимающе усмехнулся сталкер. Все правильно, он на ее месте тоже не доверял бы чужаку! – Просто удивительно, что сталкер... а ты ведь тоже сталкер, да?.. ходит Наверх не с огнестрельным оружием, а с такой вот... конструкцией. Хотя, насколько мне известно, ваше... мmm... племя вовсю пользуется огнестрелом.

Девушка окинула его подозрительно-изучающим взглядом. Шмыгнула носом и решительно вытерла рукавом запыленного свитера зареванное лицо. На щеках и лбу остались темные разводы, но она их, естественно, не заметила.

– Ну, пользуется... Только кто ж мне его даст – огнестрельное-то? Оно же дорогое, как... как я не знаю что. Некоторые вообще без него ходят, это я вот... подсуетилась...

– Но это же опасно – ходить Наверх без оружия!

– А... – отмахнулась девушка. – Таким, как я, на нашей станции оружия вообще не полагается! Даже Наверху!

– Таким – это каким же? – тут же заинтересовался Восток.

– Грязнокровкам... А, ты все равно не поймешь, а объяснять долго... И я не сталкер!

– А что тогда Наверху делаешь – если не сталкер? Книжки в библиотеку сдать забыла, а теперь спохватилась? – он позволил себе маленькую подковырку.

Девушка обиженно засопела и ожгла его возмущенным взглядом красновато светящихся, как у сиамской кошки, глаз:

– Дурак! Меня тогда и не было вообще... когда они работали!

– Ну извини, извини, – сталкер примиряюще поднял ладони в защитных перчатках. – А ловко ты паука... – похвалил он, чтобы как-то умиротворить ее. – Стрела-то прямо рядом с моей головой пролетела. Классно стреляешь!

– Да не... – крысишка погасила алое свечение в глазах и неловко потупилась. – Я это... В общем, случайно... Я и не целилась вовсе...

– Что?! Так ведь... Да ты понимаешь, что могла...? Ну... ну ты даешь!!!

Крыся метнула на сталкера испуганный, даже какой-то загнанный взгляд, опасливо отодвинулась, опустила голову и прерывисто шмыгнула носом, явно налаживаясь снова зареветь.

– Я же... – рассыпал Восток ее бормотание. – Я же не нарочно... – новый всхлип. – Они же... Я... я их боюсь!!!

И крысишка, спрятив лицо в ладонях, быстро, точно стыдясь своей слабости и слез, отвернулась от сталкера носом в угол. Плечи ее мелко задрожали.

Ну вот опять! И что прикажете ему делать с этим экзальтированным, как персонаж довоенной японской мультипликации, существом, которое чуть что – сразу в рев?..

Ох, горе ты луковое, чудо чумазое...

– Знаешь, – тихо приблизившись к скавенке, Восток чуть помедлил и... осторожно приобнял ее за худенькие вздрагивающие плечики. Девушка тут же дернулась и напряглась, словно пружина, но не отстранилась. Только съежилась серым комочком. – Если это тебя утешит, я тоже их боюсь. До жути боюсь этих тварей.

Словно спохватившись от проявления такой несвойственной ему нежности, сталкер отстранился и сухо произнес:

– Гадость какая – эти пауки!

Он бы и сплюнул брезгливо, но в последний момент вспомнил, что на нем противогаз, и только тихонько ругнулся про себя.

...Крыся испуганно содрогнулась и сжалась, когда ее коснулись чужие руки – руки человека! Но... против всякого ожидания эти руки не причинили ей боли. Человек... обнял ее! Мягко, осторожно и, пожалуй, даже... нежно? Девушка вскинула на сталкера растерянный и удивленный взгляд, но он уже отстранился от нее.

Почему-то скавенка почувствовала... сожаление. И грусть. Нежность, ласка... Она уже и не помнила, когда такое случалось в ее жизни. Тем более – чтобы так поступал с ней кто-то из мужчин ее станции! Девчонкой была – на нее, *грязнокровку*, вообще внимания не обращали, разве что если под ноги не вовремя попадалась. Тогда – просто небрежно или нетерпеливо отпихивали с дороги. В лучшем случае. Выросла – стали замечать, подкарауливать в темных углах... Только вот обращение осталось почти прежним.

Некоторое время Крыся, склонив набок голову, во все глаза смотрела на сталкера – удивленно, недоверчиво, испытующе... А потом медленно, словно не веря своим ощущениям, проговорила:

– А ты... не страшный... Хоть и человек...

Холодные стеклянные «глаза» на резиновой хоботастой «морде» некоторое время столь же испытующе смотрели на Крысю, словно сталкер раздумывал, стоит ли доверять этой мутантке содержимое скрытой за стеклами души. Наконец человек вздохнул и тихо произнес:

– Ты тоже, оказывается... не страшная... Хоть и мутантка.

Крыся моргнула... Потом преувеличенно внимательно оглядела себя, зачем-то посмотрела себе за спину...

– А ты что, думал, что мы все – рогатые, хвостатые и «сто пудов копытатые»? Да ты вообще когда-нибудь хоть одного скавена видел?

– Кого? – удивился сталкер. – Как ты сказала? Скавена? А это кто?

Девушка склонила набок голову и посмотрела на него с каким-то вековечным сожалением. Как добрая, но строгая учительница – на двоечника.

– Ну конечно... – пробурчала она. – «Крысюки» для вас куда понятнее!.. Но мы – скавены! И точка!

– Скавены... – снова повторил сталкер, будто пробуя незнакомое слово на вкус и пытаясь определить, нравится ему этот вкус или нет. – Странное название, – наконец подвел он итог своим размышлениям, судя по всему так и не придя к окончательному решению. – Почему скавены? У нас вот, например, вас не только крысюками – еще ратманами зовут. Хотя это, в общем, одно и то же...

Он снова помедлил и вдруг спросил:

– Тебя-то как зовут, крысюха-горюха?

– Сам ты... крысюх!.. – недобро показала зубки девушка. – Не любим мы, когда нас так называют! Заруби себе на носу... или хотя бы на этом вот шланге!.. – она снова гневно фыркнула, но все же соизволила снизойти до объяснения:

– А «скавенами» называться еще давно один парень придумал с Отрадного. Когда мы только начали становиться... такими... Говорят, это из какой-то коп... ком... ком-пью-тер-ной, – старательно, по слогам, произнесла она, – игры слово. Ну, я не знаю, меня тогда не было еще. Скавены – и скавены. Все же лучше, чем ваши «крысюки» или эти... «ратманы»... Вот же придумают... Мы же вас обезьянами не называем!

– А что? – девушка могла поклясться, что резиновое «пугало» ей подмигнуло. – Думаешь, мы не обезьяны? – в голосе сталкера прорезались ироничные нотки. – Еще какие обезьяны! Вездесущие, непоседливые, любопытные, – он покачал головой. – Да уж, любопытные, это точно. Из любопытства собственное дерево подожгли и не заметили, пока у самих хвосты не задымились.

И, заметив округлившиеся от удивления глаза девушки, добавил:

— Это я так. Аллегорически, так сказать, выражаясь. Не понимаешь? — скавенка помотала головой. — Ну, иносказательно. Мы — обезьяны, а мир — это дерево, на котором мы сидим, — он развел руками. — Точнее, сидели. Пока не подпалили его сами ко всем чертям. Такая вот ботва.

Сталкер немного помолчал и снова посмотрел на девушку.

— Ты так и не сказала, как тебя зовут.

— А никак не зовут! — скавенка поймала его удивленный взгляд и, тихонько вздохнув, не слишком охотно пояснила:

— Я же *грязнокровка*, нам имен не полагается. Впрочем, когда надо — зовут Крысей. Нас всех так зовут — которые без имен.

Она единственным гибким движением поднялась, извлекла из-за одного из целых стеллажей потрепанный школьный рюкзачок и затолкнула туда самиздатовский томик и сломанный фонарик. Восток отметил, что рюкзачок уже был наполовину забит книгами и выглядел довольно увесисто.

— А у тебя самого-то есть имя? — вдруг повернулась к нему скавенка.

Сталкер оторвался от изучения ножа, вынутого им из фильтрующей банки противогаза, покосился на мутантку, немного помолчал и, наконец, ответил:

— Восток.

— Что? — удивилась скавенка, — Восток? Странное имя. Это же вроде как направление такое, да? Или место? Я в книгах читала, только не поняла до конца. Там написано, что раньше, ну, до того как все разбомбили, кто-то жил на Востоке. А еще читала, что на Восток ходили люди. — Крыся подумала и добавила: — А у нас один есть... Так он любит говорить: «Восток — дело тонкое». А вот тебя зовут, значит, так? Мне казалось, у людей другие имена... У нас, например, у многих людские имена сохранились. И даже фамилии!

Она пожала плечами и сказала, вроде как ни к кому не обращаясь:

— Странно... А ты меня не обманываешь, человек? Тебя точно так зовут? — подозрительно поглядела она на Востока.

— Так и зовут, — подтвердилсталкер. Некоторое время он смотрел, склонив голову набок, на скавенку, а потом проговорил:

– Но ты права, это не совсем имя. Скорее, прозвище мое. Было когда-то... Это оно потом... стало именем. – Восток вздохнул и продолжил: – Раньше и имя у меня было человеческое, и фамилия. Все было... раньше

Он надолго замолчал и застыл, устремив взгляд неподвижных стеклянных «глаз» куда-то вдаль, словно видел там ту, прошлую жизнь, в которой у него еще было имя, данное при рождении.

– А потом? – тихо спросила девушка, когда пауза слишком затянулась.

Сталкер вздрогнул, как будто вопрос скавенки неожиданно вернул его откуда-то очень издалека.

– Потом? – проговорил он глухо. – У меня не было «потом».

И, словно подводя черту под этим странным проявлениемnostальгии, продолжил уже с привычной иронией:

– И потом, ты же сама говорила: «Восток – дело тонкое». Так что... – он развел руками. – Восток... я и есть Восток.

И, четко, по-военному щелкнув каблуками и коротко кивнув, произнес:

– Мадемуазель Крыся, сталкер Восток к вашим услугам!

Это было сказано очень серьезным тоном, но девушке снова показалось, чтосталкер подмигивает ей. А он продолжал:

– Простите, что не снимаю шляпу, сударыня, за отсутствием оной, но не соблаговолите ли вы посоветовать мне, куда здесь можно укрыться от взгляда ясноликого дневного светила? Потому как перспективы добраться до Медведково за оставшееся до рассвета время представляются мне весьма туманными.

Слова сталкера были непривычны слуху Крыси, привыкшей к куда более простому и полному весьма энергичных речевых оберотов языку, на котором общались многие ее соплеменники. К тому же лицо его было скрыто противогазом, и девушка никак не могла понять, шутит он или говорит серьезно.

Однако скавенка пропустила мимо ушей эту велеречивость. Она вдруг подпрыгнула на месте, схватилась за голову и с отчаянием взвыла:

– Чччччерт!!! Как я забыла... Рассвет же!!!..

В следующий миг она сорвалась с места, на ходу вдеваясь в свой рюкзачок. При этом она сквозь зубы ругалась на каком-то незнакомом Востоку языке, судя по звучанию – явно откуда-то из... Юго-Восточной Азии. Впрочем, внешность скавенки – миниатюрное хрупкое телосложение, чуть раскосые глаза и желтоватая кожа – позволяли думать о наличии какого-то процента южноазиатской крови в ее жилах.

Думать, впрочем, было некогда. Сталкер, чуть помешкав, кинулся следом за крысишкой. Та уже выбиралась сквозь разбитое окно.

Увидев, что человек решил последовать ее примеру и спасаться бегством, она кивнула и оскалилась в недобой улыбке.

– Ну скорее же ты там!!! – нетерпеливо прикрикнула она на замешкавшегося сталкера. – Не успеем же! А, черт, лаз замаскировать не успею... Все ты! И откуда только взялся...

Восток счел за благо помолчать. Потому что сообразил, что теперь его жизнь будет зависеть от благосклонности этого создания. Она же местная, наверняка знает всякие укрытия, лазейки... Хорошо было бы, если б знала!

Крыся огляделась, кинула тревожный взгляд на начавшее рожеветь небо, одернула свою безрукавку и, вцепившись в лямки рюкзака, бросилась бежать по растрескавшемуся тротуару. На человека она уже не обращала никакого внимания.

До станции было не так уж и далеко, но вот успеет ли она добежать с таким грузом?..

– А разве вы боитесь солнечных лучей? – вдруг раздалось за спиной сквозь топот и противогазное сипение. Человек ее все-таки догнал! – Ты же вот безо всякой защиты от радиации ходишь, а...

– Какого хрена ты за мной увязался? – не сбавляя бега, злобно рявкнула Крыся. – Иди своей дорогой! Ну? Прочь! Уходи!

– Не могу! – тоже огрызнулся в ответ Восток. Но потом смягчил тон. – Я не дойду до ближайшей людской станции – твой нож повредил фильтр. А местность эту я знаю плохо. И не представляю, где можно укрыться до вечера...

Хотя фильтр и был поврежден, но дышать и говорить на бегу все равно было тяжко. Лицо взмокло от пота, резина противогаза неприятно прилипла к разгоряченной коже.

– Крыся, я вынужден... просить тебя... о помощи!.. – выдохнул сталкер между двумя головоломными прыжками через поваленную оградку придорожного газона и кучу какого-то древнего мусора.

– Что?..

Скавенка настолько не ожидала такой просьбы от человека, что резко затормозила. Восток едва не сбил ее с ног. Им пришлось крепко ухватиться друг за друга, чтобы не упасть. Правда, они оба тут же отдернули руки и отпрянули один от другого, словно от чего-то неприятного.

– Помощь?.. – растерялась Крыся. – Я?.. Тебе... человеческому?..

– Помоги мне, прошу тебя! Ты же наверняка здесь знаешь какие-то укромные местечки? Я в долгую не останусь, не сомневайся!

Крыся хотела что-то сказать, но тут ее взгляд упал на яркое утреннее небо.

– Бежи-и-и-и-им!!! – взвизгнула она, схватила Востока за руку и поволокла за собой. – Да скинь ты этот хобот, все равно от него уже никакого толку!

Сталкер и сам уже подумывал избавиться от противогаза. Оставлял только то, что вокруг был отнюдь не лесной озончик и что без маски он нахватается... А впрочем, он УЖЕ нахватался зараженного воздуха. Фильтр-то не фурычит!

Подбодрив себя мыслью о первых сталкерах Метро, выходивших Наверх чуть ли не вообще безо всякой защиты и в первые дни после Удара, когда радиация была не в пример сильнее, а пыль, поднятая ударной волной, – не в пример гуще, чем ныне, Восток стащил с головы противогаз.

В мокре разгоряченное лицо ударили свежий ветер, принеся с собой привычные, но уже изрядно подзабытые запахи города, опавшей листвы, осени... Восток едва не задохнулся, ему вдруг остро захотелось послать все к чертям, остановиться и пить, пить этот воздух, наплевав на его смертоносность... Господи... как же

давно он не дышал воздухом поверхности – вот так, безо всяких масок и фильтров!..

Резкий рывок за руку вернул его к действительности.

– Не спи!!! – прикрикнула Крыся. Она уже тоже дышала с трудом, набитый книгами рюкзак пригибал ее к земле. – Недолго уже...

И они снова припустили вдоль по улице.

ГЛАВА 5

ПОДЗЕМНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ

«...Помимо черных, желтых и белых скавенов есть еще скавены-полукровки. Отношение к ним в разных общинках разное. Бибиревские и отрадненские не придают этому значения, алтуфьевским, по-моему, пофиг – у них там кого только нет! Владыкинские к полукровкам относятся достаточно терпимо, а вот у нас на Петровско-Разумовской... В общем, положение полукровок тут – куда хуже, чем у рабов. Особенно если в их жилах нет ни капли крови черных скавенов. Таких здесь называют грязнокровками, и я слышала, что название это пришло из какой-то старой книги про волшебников. Моя мать была желтым скавеном с Петровско-Разумовской, а отец – белым с какой-то другой (я не знаю какой) станции. Правда, они были вместе совсем недолго, она знает только его имя – Стас, и то, что он был из добытчиков, и на нашей станции оказался, так сказать, мимоходом. Потом он ушел, и больше она его никогда не видела. Потом родилась я, а еще через какое-то время моя мать – довольно еще молодая и красивая женщина – приглянулась одному из Хамровых, и он сделал ее своей личной наложницей, а потом и женой.

Теперь она живет в его покоях, в сътости и довольстве... недавно родила ему еще одного сына... Я же была отправлена в рабские клетушки под платформой. Впрочем, рабыней я не считаюсь. Я свободна, но я ниже, чем рабыня. Я – грязнокровка. У меня даже имени нет, все называют меня Крысей. Они всех молодых грязнокровок так называют – во всяком случае, пока те не совершают для общины что-то такое значительное, что даст им право на личное имя и пусть скромное, но хоть какое-то место в ней. Грязнокровок – помимо меня – в Эмирате еще четверо: парнишка чуть моложе меня, мальчик десяти и две девочки семи и двенадцати лет соответственно. Какая судьба их ждет?..

...Я не осуждаю свою мать – в конце концов, каждый здесь, Внизу, выживает, как может. Мои бибиревские друзья, зная о моем положении, неоднократно предлагали мне переселиться к ним, но как я брошу мать? Несмотря на то, что у нее есть дети от хозяина, она все равно одинока. Я иногда навещаю ее – тайно, чтобы никто не видел, она угождает меня разными лакомствами и плачет...

...Жены, дочери и наложницы хозяев очень любят золотые украшения. И хотят иметь их много. Правда, мне это непонятно – зачем им драгоценности? Сейчас в цене еда, лекарства и патроны, а не бесполезные побрякушки. Но, раз им надо – пусть играются! Я хожу Наверх, отыскиваю заброшенные магазины с надписью «Ювелирный» и ношу им оттуда всякие блестящие цацки. Они за это дают мне еду. Тем и живу. Одежду и прочие вещи я сама себе добываю. В конце концов, в положении грязнокровки есть немало преимуществ: ты никому не нужна, за тобой не следят, и никому нет дела, где тебя носит и что с тобой происходит! Свобода, короче! Пользуясь этими преимуществами, я даже устроила себе личную нору в одном из бывших технических ходов. Обнаружила там какой-то просторный чуланчик, натаскала туда всякой утвари и теперь довольно часто там ночую. А что – хорошо! Главное – чтобы никто не обнаружил мой домик, но я всегда очень осторожна.

...Добытчики ходят Наверх через шлюзы-калитки в стационарных гермоворотах, я – через выходящие на поверхность технические ходы и немногие известные мне люки и лазы (в основном, через

вентилях и кабельные коллекторы). В свое время, предоставленная сама себе, я облазила чуть ли не половину нашей Линии и нашла много интересного и полезного. Но черта с два я кому-то расскажу о моих лазейках! Хотя, конечно, эти мои похождения очень рискованны – Наверху теперь полно опасных существ, каждый раз нужно быть предельно осторожной. Да и в подземельях очень просто заблудиться, свалиться куда-нибудь, а то и вовсе потонуть. Чтобы этого не случилось, я всегда ношу с собой моток бечевки, мел и – если повезет достать – баллончик с краской, а все мои нахожденные пути помечены особыми знаками, по которым я и ориентируюсь. Кроме того, мне приходится прятаться и от большинства добытчиков Эмирата, и от захожих алтуфьевских... А еще же и люди посыпают Наверх своих добытчиков-стталкеров – эти тем более опасны для меня! Особенно те, что с Тимирязевской. Говорят, они ловят себе рабов и заставляют их копать какую-то огромную яму. А тех, кто им сопротивляется, мучают и приносят в жертву своему божеству. Но мне пока везет, меня еще никому из них не удалось почуять или увидеть – я хорошо умею прятаться!

А еще – помимо утвари и драгоценностей – я ношу Вниз... книги. Но это только для меня и тех немногих, кому они нужны. В основном мои заказчики живут в Бибиреве и Отрадном. К примеру, учительница Ольга Петровна и ее муж, Игорь Сергеевич, тоже учитель, – самые страстные читатели. Кстати, поначалу они жили на Петровско-Разумовской и только потом ушли оттуда. И это они научили меня читать, писать, считать и понимать, что хорошо, а что плохо, – когда я была еще девчонкой. Они же (большей частью, Ольга Петровна) и воспитали меня. Не мать. Чужие мне ~~*зачеркнуто*~~ мужчина и женщина. Все, чем я сейчас являюсь, – это их заслуга, за что я им всегда буду благодарна. Они, кажется, тоже успели привязаться ко мне. У них Наверху осталась дочь, они как раз ехали к ней на День Рождения (это праздник такой), когда грянул Удар... Милые, трогательные, гордые и глубоко порядочные старики, как же я их люблю, и как же мне их жаль! Но я не могу уйти жить к ним – я не брошу мать. Вот если бы она согласилась

уйти со мной в Бибирево, но ведь она же не согласится – ее хозяин любит ее, да еще дети...

...Недавно на меня начал обращать внимание один из молодых отпрысков клана Ганджабовых. Постоянно норовит где-нибудь подстеречь, прижать к стене, потискать... Говорит, что я красивая – хоть и грязнокровка, что сделает меня своей наложницей, буду у него как сыр в масле кататься (это в каком же смысле???), шелка и драгоценности носить, каждый день мясо кушать... Ха, можно подумать, это не я им эти шелка и драгоценности добываю! Захотела бы – так обмоталась и увешалась ими с ног до головы, куда там этим знатным женщинам!..

Стараюсь теперь как можно реже бывать на виду. У него же еще куча братьев, дружки... Зазеваешься – поймают, притащат ему, и прости-прощай, свобода! Нет уж, не надо мне такого «счастья»!

...Похоже, перспектива переселения в Бибирево маячит передо мной все отчетливее и отчетливее. Но как же моя мать?..»

(Из старого, конца 2020-х гг, дневника Крыси).

* * *

Вскоре Восток обнаружил, что бегут они вовсе не к одному из вестибюлей Бибирева – чего вполне можно было ожидать, – а куда-то в сторону. Поразмыслив, он пришел к выводу, что, скорее всего, крысишка тащит его к какому-нибудь убежищу.

Ну правильно, а кто его – человека, врага! –пустит в самое сердце владений своего вида? Восток, будь он на месте скавенки, тоже не стал бы рисковать безопасностью соплеменников.

– Сюда! – Крыся свернула в какой-то неприметный переулок и бросилась к... канализационному люку. Упав на колени, она отчаянно пыталась приподнять и сдвинуть чугунную крышку. Работа была явно не по ее силенкам!

– Ну что стоишь, помогай!!! – нервно воскликнула она, поглядывая на небо.

Восток кинулся на помощь. Вдвоем они приподняли и отодвинули крышку. Из открывшейся черной дыры, казалось, тянуло неизвестностью и опасностью.

Крыся скинула рюкзак и немедленно отправила его в люк. Почти сразу они услышали внизу глухой шлепок. Скавенка чуть помедлила, а потом приказала Востоку:

– Лезь за мной!

И тут же юркнула вниз, вслед за рюкзаком.

– Лезь, говорю! – глохо раздался ее нетерпеливый вопль. – Жить расхотелось?!

Сталкер чертыхнулся и прыгнул за ней.

Оказалось, что спускаться в люк надо было по железной лесенке, и об нее он немедленно ударился грудью и ногами. Восток едва успел схватиться за перекладины, чтоб не сверзиться вниз.

– Крышку закрой, дубина! – раздался из-под ног сердитый возглас.

Сталкер, спохватившись, чуть приподнялся и, напрягая силы, потянул чугунный блин.

Закрывая люк, он успел увидеть, как из-за домов брызнули ослепительные лучи когда-то ласкового и родного, а теперь – из-за истонченного озонового слоя над Москвой – опасного и беспощадного солнца.

«Успели!» – мысленно порадовался он и буквально ссыпался вниз по лесенке...

И тут же врезался во что-то мягкое, живое, теплое. В кромешной темноте раздалось пронзительно-негодящее «и-и-и-и!!!», словно обычной крысе хвост отдавили, и девушка-крысюк – уже в который раз – рухнула под тяжестью его тела на свой рюкзак.

– Под ноги смотреть кто будет? – тут же скандально взмыла она. – Пушкин?

И почему-то от этой вот совершенно человеческой, из прошлой жизни, фразы, да еще от сознания того, что им удалось спастись от смертоносных лучей, Востоку вдруг стало легко и весело. Он засмеялся – сперва негромко и сдержанно, а потом – все громче и свободнее.

– Ну вот чего он ржет, как конь тыгдымский? – с поистине все-ленской обидой осведомился у темноты голосок крысишки.

Тыгдымское непарнокопытное добило сталкера окончательно. Он сполз с пытающейся освободиться девушки и пуще прежнего залился смехом.

Вскоре, глядя на него, зафыркала и Крыся. Через некоторое время смеялись оба – с облегчением, взахлеб, задыхаясь.

– Хватит... – простонала скавенка. – Я уже... дышать не могу...

Она без сил распласталась на влажном полу, обняв рюкзак. После такой беготни, да еще смеяться...

Восток расслабленно откинулся на стенку шахты, провел тыльной стороной ладони по мокрой, обритой наголо макушке (во имя гигиены и удобства многие сталкеры предпочитали лаконичные прически – «ежик» или вообще под ноль). Да уж, вот это пробежечка!..

– Солнце взошло – счел нужным сообщить он. – Мы успели. Спасибо тебе!

– Угу... – отозвалась скавенка, с трудом переводя дыхание.

– Что дальше? – поинтересовался сталкер. – Сидим тут до вечера?

Ох, как ему не хотелось в это верить!..

– Не... Сейчас... передохнем и дальше... двинемся.

– Дальше?

– Ну кто-то ведь хотел в «Медведково» попасть?

Восток даже растерялся от ее слов! Он просил ее только помочь спрятаться от солнца, но не провожать до нужной станции.

– Ты что, собираешься меня туда довести? – поразился он. – Но...

– Ведь я же испортила твой противогаз? Испортила! Ну вот и...

Сталкер проглотил следующую фразу. Он был удивлен, ошарашен, растерян. Только что ведь он сам думал о том, что «долг платежом красен». Но по рассказам знающих выходило, что для крысюков этот принцип – пустой звук...

Выходит, не для всех?

«Как же мы мало о них знаем!..» – опечалился он.

Послышался шорох, взвизг «молнии» – Крыся что-то доставала из рюкзачка.

– Пить хочешь? – неожиданно для Востока спросила она. – У меня вода есть, а то после такой гонки в горле совсем пересохло!

Скрипнула, отвинчиваясь, жестяная крышечка, кажется стандартной армейской фляги, послышалось глухое бульканье в металлических недрах.

– Спасибо, у меня тоже есть вода.

От мысли, что, не будь он сам таким запасливым, ему пришлось бы пить из одной с мутанткой фляги неизвестно какого качества воду, Востоку едва не поплохело, но он сердито одернул себя: еще неизвестно, как все обернется!

«Ну, если что – последуем примеру Лоуренса Аравийского! – усмехнулся про себя сталкер. – Кофе с бедуинами неизвестно из какой воды, из отродясь не мытых чашек... И будем уповать на скрытые резервы организма!»

Он тоже достал свою фляжку, сделал глоток, прополоскал рот. Сразу стало легче.

– Отдохнул? – немного погодя спросила Крыся. – Пора идти.

Сталкер перекинул вперед автомат и включил подствольный фонарь. Луч высветил Крысю, которая вдруг пискнула и резко отвернулась, заслоняя ладонями лицо.

– Не свети на меня! – вскрикнула она. – Больно...

– Извини! – сталкер немедленно направил луч в пол. – Ты не переносишь света?

Он вспомнил, что еще в библиотеке девушка постоянно болезненно щурилась от луча его фонаря.

– Скавены – дети подземелий, – помолчав, ответила крысишка. – Яркий свет нам неприятен.

– А! Так вот почему ты тоже избегаешь солнца? – догадался Восток.

Крыся кивнула.

– Я не хочу, чтобы оно выжгло мне глаза... Я слышала, раньше, когда все было по-другому, на солнце можно было смотреть, и даже долго лежать под его лучами... как это?.. Угадать?

— Загорать, — машинально поправил сталкер. — То есть, делать свою кожу более темного оттенка.

— Зачем?

— Ну... считалось, что так ты красивее и здоровее выглядишь.

Крыся поежилась и опасливо покосилась наверх.

— Нет уж... лучше так, как есть...

— Да, — согласился Восток, с трудом отгоняя непрошеные воспоминания. — Сейчас, под ЭТИМ солнышком, лучше не загорать!

Крыся кивнула, и воцарилась пауза. А потом Восток вспомнил, что рассказывали сталкеры. И решил узнать правду, так сказать, из первых уст.

— Скажи, — начал он, — а вот я слышал, что вы, скавены, приносите пленных людей в жертву солнцу. Привязываете Наверху к чему-нибудь и оставляете до восхода. Это... правда?

Крыся вздрогнула, втянула голову в плечи и зачем-то опасливо огляделась.

— Не надо о них... — тревожно прошептала она.

— О ком? — не понял Восток.

— Об алтуфьевских... — голос крысишки дрогнул, да и сама она казалась не на шутку испуганной. — Это их обычай... Только... они не только людей приносят в жертву, но и своих соплеменников тоже... Кого в плен захватят или похитят... Натешатся вволю и... Не надо о них, не накликай!

Она снова зябко вздрогнула и обхватила себя руками за плечи, словно от холода. Прислонилась к стене и совсем сникла.

— Даже я в их края боюсь ходить, а ведь я столько тайных лазов и путей знаю...

— Надо же, — в голосе человека прозвучало совершенно искреннее удивление. — А вы, оказывается, гораздо больше похожи на людей, чем о вас думают.

— О чём ты? — не поняла Крыся.

— О том, что вы унаследовали от своих человеческих предков одну из самых наших главных способностей, — губы сталкера искривились в горькой усмешке. — Вы тоже убиваете себе подобных.

Он покачал головой и закончил:

– И, судя по твоей реакции, вы в этом явно преуспели.

На время в коллекторе воцарилась тишина. Скавенка переваривала сказанное сталкером, а сам он только сейчас начал осознавать всю странность положения, в которое попал. Ведь он шел на север Москвы не развлекать молоденькую крысишку и не распивать с ней воду из помятых фляжек, сидя на полу невесть какого богом забытого лаза в канализацию. Он пришел затем, чтобы поймать и доставить научникам живой образец *homo-rattus sapiens*, получить свои две тысячи патронов и зажить припеваючи где-нибудь на Ганзе.

Так что сейчас самым разумным и логичным было бы осторожно, не привлекая внимания скавенки, достать из-за уха маленький пластмассовый шприц-тюбик, незаметно приkleенный там кусочком телесного цвета пластиря. В нем находилась вытяжка из корня какого-то растения, названия которого Восток не знал, да и не старался запомнить. Для него было важно другое: имеющейся дозы этой дряни было достаточно, чтобы любого, даже самого здорового амбала мгновенно отправить в страну сновидений минимум на двенадцать часов. Уколом этого шприца (или – если что-то пойдет не так – одного из резервных, спрятанных в других местах) сталкер должен был усыпить захваченного крысюка и доставить его своим «яйцеголовым». О том, что будет дальше с захваченным таким образом «живым образцом», Восток не думал. Да и с какой стати ему было думать о том, как и каким образом будут потрошить злополучного крысюка научники в своих лабораториях? Для него ратманы все были на одно лицо, все – кровожадные мутанты, в которых нет ничего человеческого.

А вот теперь... Восток поймал себя на дикой мысли, что еще в библиотеке, когда он свалился на молодую скавенку, и потом, когда понял, что перед ним – крысюковская девушка, в его душе шевельнулось какое-то чувство, что-то очень давно и очень старательно забытое им много лет назад.

«Я и... эта... – рассеянно подумал он. – Бред какой-то...»

Мысль, медленно кружившаяся где-то на границе его сознания, давно не давала сталкеру покоя. Какой-то вопрос, не слишком важный, но никак не желавший уходить.

«Интересно... А если бы мы... с ней... Нет, ну я явно схожу с ума!.. Если бы мы с ней... Интересно, а какие бы получились детишки? Маленькие, зубастенькие, хвостатенькие...»

Внезапно сталкер понял, что за вопрос так долго волновал его. Это было как-то очень глупо и до ужаса нелепо, но Восток не мог удержаться.

– Можно спросить? – обратился он к скавенке. Девушка оторвалась от задумчивого созерцания туннельной черноты и, вопросительно склонив, повернула голову к человеку.

– Что?

– А у вас... – Востоку вдруг стало до жути неловко, словно он собирался спросить о чем-то невероятно личном, почти интимном. – У вас это...

– Ну что? – Крысю уже саму заинтриговала эта таинственность.

– У вас... у кры... у скавенов, в общем, у вас... хвосты есть? – наконец выпалил сталкер и снова – уже во второй раз за сегодня – почувствовал, как краска приливает к его лицу. «Хорошо, что темно! – подумал он. – Да что это? Краснею, как мальчишка!»

– Что?.. – от такого вопроса Крыся даже растерялась. – Хвосты?!. ..

Она посмотрела сперва на человека, затем зачем-то огляделась вокруг, словно сомневалась, не скрываются ли в темноте зрители, ради которых и затеян весь этот балаган. Наконец ее взгляд снова вернулся к сталкеру.

– Нету... – она помедлила. – Нет у нас хвостов. По крайней мере у меня нет, – добавила она, – да и у других как-то не замечала... Правда, я и не смотрела.

– Нет? – Восток чувствовал себя донельзя глупо. Еще глупее было только переспросить. – Правда нет?

Он подозрительно посмотрел на Крысю так, словно у нее в любую минуту мог отрасти длиннющий ворсистый хвост.

– Да правда нет!.. Но тебе придется поверить на слово! – добавила она, строго подняв указательный палец.

– Да? А почему? – Восток снова подозрительно заглянул за Крысю, словно все еще надеялся увидеть там извивающийся хвост. Та слегка отодвинулась от него к стене.

– Почему? А ты как себе это представляешь? – проговорила она с уже знакомыми склонными интонациями. – Прямо здесь тебе стриптиз устроить или сначала доставить на станцию?

Девушка в очередной раз негодующе фыркнула и отвернулась, покусывая нижнюю губу. Но Восток заметил даже в темноте, что кожа на ее щеках как-то потемнела. Румянец? Кажется... крысишка смущена?

– Нет у нас хвостов, – проворчала Крыся. – Уж прости, если разочаровала...

Сталкер не нашелся что ответить и только смущенно развел руками, мол, вот... ну так получилось.

– Кстати, о хвостах, – продолжила Крыся через некоторое время уже более спокойным тоном. – Надо подумать, как бы нам не-заметно просочиться по туннелям. Просто пройти через наши станции нельзя. Тебя, человек, там просто грохнут, и не спросят, как звали. А за тобой следом и меня могут. Чтобы не водила к нам кого ни попадя... Ладно-ладно, – примирительно продолжила она, когда Восток недовольно засопел в ответ на такое определение, – я верю, что ты у нас – уникальный представитель человеческой породы, с которым можно иметь дело. Но на наши станции тебе все равно нельзя. И приближаться к ним тоже не стоит, можно на патрули наткнуться. Как же быть?

Она задумалась, забавно приложив указательный палец к чуть приподнятой верхней губе. В свете фонаря блеснули мелкие зубки с характерно выдающимися вперед резцами.

– А что, окольных путей нет? – осторожно поинтересовался Восток. – Ну там, через технические тунNELи, кабельные каналы или вентиляцию? Или ты их не знаешь?

– Есть... – рассеянно отозвалась крысишка. – И я их дофига знаю... Не мешай – я как раз думаю, как идти.

В коллекторе воцарилась тишина, нарушаемая лишь редким «кап-кап» из какой-то трубы да неким еле уловимым далеким шумом.

– Так... – спустя минут десять проронила Крыся. – Вроде, путь намечен, вот только...

– Что?

– Там в одном месте все-таки придется пройти по туннелю. Между Отрадным и Бибиревым. Метров с полста до нужного лаза. Места не сказать, что сильно посещаемые, но там время от времени патрули появляются. А других путей нет.

– Может, как-нибудь сумеем просочиться?

– Может, и сумеем... – задумчиво кивнула скавенка. – Если зевлом щелкать никто не будет... – она встала и решительно надела свой рюкзачок. – Ладно, хорош отдохнуть, пошли. Держись за мной и не отставай. Ходы на этом участке пока что чистые, но обольщаться все равно не советую... Кстати, автомат убери. Он тебе тут не нужен.

– Да сейчас! – тут же возмутился сталкер. – А чем отбиваться – если не дай бог что?

– Ножом отобъешься! – отрезала крысишка. – Или прикладом! Хочешь добраться до своего Медведкова в целости и сохранности? Тогда соображай, что любой подозрительный звук непременно обратит на себя внимание патрулей. А уж тем более – автоматная очередь здесь, в подземельях!.. Кстати, верни мне мой нож!

Восток проглотил новую гневную тираду. В общем-то, девчонка была права: шуметь им сейчас противопоказано. Но ее замашки раздражали не на шутку.

– Фонарь-то я хоть могу оставить? – буркнул он.

– Можешь. Но когда я скажу – будешь его отключать.

– Слушаюсь, мэм... – голос сталкера стал совсем мрачным. Восток отдал злополучный нож, отмотал скотч и отцепил от дула фонарь. Автомат же (с немалым сожалением) задвинул за спину. Покосился на Крысин «уже не подводный» игломет. Та перехватила его взгляд и насупилась:

– Даже не думай! Не дам! Самой нужен!

«Ну да, так я тебе – человеку – и отдала свое оружие!» – явственно читалось в ее тоне и на лице, и Восток вынужденно признал: на ее бы месте он тоже не стал совершать такую глупость – доверять любимое оружие представителю враждебного племени.

– Как хочешь, – обронил он, давя раздражение от командирского тона и самоуверенных манер мутантки. Чтобы утешить задетое самолюбие, он представил, как доберется до Медведкова, достанет припрятанный шприц со снотворным... Рука непроизвольно потянулась к тайнику за ухом. Эта крысенка уж точно не вернется к своей стае, а он – выполнит задание и заживет, ни в чем не нуждаясь. Будет выходить Наверх только развеяться, да новых книжек набрать!

– Чего стоим? – поинтересовалась крысишка. – Кого ждем?

– Да! – спохватился сталкер. – Извини, задумался. Идем.

Крыся коротко кивнула и уверенно полезла в круглое отверстие в стене коммуникации.

Глава 6

ПОПАЛИСЬ!

Как ни старался Восток, но так и не смог даже приблизительно сориентироваться, куда и как они шли, лезли, ползли. Бесконечная череда узких и широких ходов, разнокалиберные лазы или по-просту проломы в стенах, какие-то подземные залы, колодцы, цепкие потоки... Крыся уверенно – сразу видно, неоднократно здесь бывала! – вела его все дальше и дальше, ориентируясь по каким-то только ей ведомым и видимым знакам. Если бы не часы, показывающие, что с момента их прыжка в люк прошло всего-то часа два, сталкер мог бы поклясться, что путешествуют они по этим невообразимым городским катакомбам целую вечность. Время от времени Крыся останавливалась, жестом приказывала ему потушить фонарь и напряженно вслушивалась в давящую тишину вокруг них. Восток заметил, что она не только слушает пространство, но и вынюхивает – совсем как животное. Ее маленький, уже слегка нечеловеческий носик шевелился, вбирая в себя запахи подземелий и сообщая хозяйке какую-то нужную информацию. Один раз Крыся уж больно долго таким образом – на слух и нюх – изучала пространство, а потом охнула и чуть ли не пинками погнала Вос-

тока назад, затолкала в какую-то низкую нишу, ужом втиснулась сама, и они замерли, лежа на влажном холодном полу.

— Что там? — шепнул Восток, безуспешно стараясь рассмотреть хоть что-то в кромешной тьме катакомбы. Дополнительную неловкость доставлял еще и тот факт, что они снова оказались плотно прижатыми друг к другу, но иначе в этой норе было никак не уместиться.

Крыся еле слышно шикнула на него и застыла, едва дыша.

Очень скоро Восток услышал там, куда они шли, какое-то сопение и равномерный скрежет, смахивающий на клацанье когтей по полу. В их сторону явно направлялось какое-то весьма серьезное существо.

Сталкер привычно потянулся за автоматом, но, вспомнив о предостережении проводницы насчет стрельбы, поскучнел и вынул один из своих ножей (их в одежде сталкера пряталось несколько). Крыся изготовила игломет.

Сопение и скрежет когтей приближались. До ноздрей Востока долетел запах существа, и он узнал его.

Крыса-великан, из тех, чьими размерами пугали впечатлительных москвичей газеты еще задолго до Удара. Мол, метр в холке и три метра от носа до кончика хвоста... Востоку редко, но доводилось встречаться с такими. Три — не три, но около метра от носа до задницы некоторые экземпляры составляли. И неизвестно, с кем предпочтительнее иметь дело — со стаей обычных туннельных крыс или же с одним, но разросшимся до размеров ротвейлера зверем. Мутанты все-таки были куда злее и хитрее своих обычных собратьев.

Кажется, подобные «зверюшки» некогда и напали на здешние станции, уничтожив часть населения и... дав начало племени скавенов!

Так что с полным правом теперь можно было сказать, что сейчас к ним приближался Крысин дальний родственник!

Зверь почему-то остановился, довольно прилично не доходя до их спасительной ниши. Сопение перешло в фырканье — зверь что-то обнюхивал. Их следы — понял Восток.

Плохо дело.

Он подумал, что если придется – то он пустит в ход автомат, что бы там Крыся ни говорила о режиме секретности. Потому что на нож эту подземную тварь было взять довольно проблематично – слишком уж верткая. Что касается крысишкого игломета...

Внезапно оттуда, где топтался задержавшийся зверь, послышался какой-то странный звук – не то хрюканье, не то бульканье. Мутант как-то странно зафыркал, заворчал, а потом... чихнул. И еще раз. И еще.

Скоро крысиное чихание пополам с недовольным, а потом и жалобным визгом наполнило коридор. По звуку было слышно, как зверь отчаянно пытался продышаться, пыхтел, булькал, скучил, но все равно чихал, чихал...

– Я там травы рассыпала... – коснулся уха Востока теплый шепоток лежащей рядом Крыси. – Особые. Звери их не любят, они нюх отбивают... Подождем немного. Может, уйдет.

И точно. Буквально через несколько секунд мимо их закутка с визгом, чихом и скрежетом когтей по полу пронеслась какая-то темная туша, и вскоре звуки крысных жалоб затихли в переплетении уже пройденных путниками ходов и лазов.

Крыся еще раз прислушалась, принюхалась...

– Валим отсюда! – распорядилась она и первая выползла из ниши.

Восток вылез следом, и они бросились по коридору, стремясь уйти как можно дальше.

– Он вряд ли вернется, – на бегу сообщила девушка, имея в виду зверя. – Но лучше не обольщаться.

Сталкер лишь кивнул, про себя размышая о том, что скавены, видимо, неплохо приспособились к подземному существованию. Надо же, особые травы против крыс-мутантов... Хорошо бы узнать какие, пригодилось бы и людям!

– Крысь... – начал он, когда они после продолжительного бега перешли на шаг. – А вы крыс в пищу... употребляете?

Вопрос получился слегка неловким – все-таки скавены упомянутым крысам какие-никакие, а родственники...

— Конечно! — девушка даже слегка удивилась. — У нас и крысиные фермы есть, домашние крысы знаешь какие вкусные! Мягкие, нежные...

Она непроизвольно облизнулась, и Восток тут же некстати вспомнил, что в последний раз он ел накануне вечером. Впрочем, в рюкзаке еще оставалась кое-какая походная снедь, и пока можно не волноваться. Возможно даже, когда они пройдут опасный участок в туннеле, можно будет уговорить Крысю остановиться и перекусить... Вряд ли она откажется от еды!

Восток уже открыл рот, чтобы сделать это конструктивное предложение, но тут Крыся снова остановилась и жестом приказала заткнуться.

— Пришли... — шепнула она, указывая на неровное отверстие в стене хода, откуда ощутимо веяло свежестью и доносился тот самый неясный шум, что ощущался путниками на протяжении всего похода. Правда, сейчас он был гораздо явственнее, и Восток, наконец, узнал его.

Голос Метро, голос туннелей.

— Сейчас будет настоящий шкуродер, придется попотеть, — продолжала информировать Крыся. — А потом — туннель. Ползем тихо, как тараканы, чуть что — прикидываемся кабелями. Понятно?

Восток кивнул, забыв, что вокруг темно, однако скавены, видимо, обладали ночным зрением. Крыся удовлетворенно хмыкнула.

— Полезли... Да не так! Ногами вперед! Из шахты-то как вылезать будешь? Там же высоко, по кабелям спускаться придется!

Несколько метров поистине какой-то крысиной норы им пришлось и впрямь одолеть ползком, причем Востоку — и впрямь вперед ногами. Наконец впереди, насколько сталкер мог видеть из-за ползущей впереди Крыси с ее рюкзачком, слабо высветилось отверстие, забранное прочной литой решеткой с мелкими ячейками.

Девушка подползла к решетке, на несколько мгновений прислушалась, потом извлекла что-то из кармана. Послышался шорох, приглушенное звяканье, возня, затем Крыся аккуратно и бесшумно потянула на себя решетку, открывая путь в туннель.

– Пока погоди! – остановила она сталкера, сунувшегося было ползти за ней к выходу. – Разведать надо. И, кстати, там высоко-вато.

Девушка совершенно непостижимым образом извернулась, бесшумно скользнула в открывшийся люк, секунды две Восток видел ее пальцы, зацепившиеся за край, а потом они исчезли. Снаружи послышался шорох одежды по стене, а потом – звук мягкого падения: Крыся приземлилась в туннеле. Судя по всему, от люка до пола было не меньше трех метров.

– Вроде, никого... – через некоторое время услышал сталкер откуда-то снизу. – Спускайся, только тихо!

Восток прополз еще немного вперед и, наконец, свесился из люка, повиснув на руках. Огляделся, насколько ему позволяла возможность.

Ему открылась довольно привычная картина – правда, с не совсем привычного ракурса, с высоты – скучо освещенный редкими тусклыми фонарями туннель метро. В обе стороны убегали блестящие рельсы. Крыся, скорчившись, стояла на коленях, зачем-то приложив ухо к одной из рельсин.

– Давай быстрее! – вполголоса поторопила она его, поднимаясь и отряхиваясь.

Сталкер не заставил себя долго ждать и пополз вниз по стене, по-обезьяньи цепляясь за пыльные связки кабелей. Приземление прошло удачно и мягко, правда, он едва не запутался в какой-то непонятной бечевке, свисающей с решетки.

Назначение веревочки стало понятно, когда Крыся с загадочным видом потянула ее на себя. Решетка, словно дверца, закрылась, что-то тихо щелкнуло. Скавенка как-то по-особому дернула веревочку, и та, отцепившись, послушно свернулась у ног.

– Я свои ходы стараюсь никому не показывать и всегда маскирую, – пояснила девушка. – Кстати, если тебе вдруг вздумается снова пройти сюда тем же путем, что мы шли...

Восток посмотрел на нее, как на маленькую глупышку:

– Ты думаешь, я там запомнил все эти кры... аппендицы, по которым мы лезли?

– Ну, мало ли... – пробормотала скавенка. – Мое дело предупредить... тем более что мы шли кружным путем!.. Ладно, давай двигаться, пока сюда никто не прискакал!

Она подтянула лямки рюкзачка и, перебравшись через пути, ходко двинулась вдоль противоположной стены туннеля.

Идя за ней, Восток отметил, что рельсы на протяжении всего их пути были равномерно блестящими, накатанными, как будто движение по ним и не прекращалось. У крысюков что, есть дрезины? Или на чем тут они могут ездить?

– Крысь, а у вас что, здесь даже транспорт имеется? – тихонько, соблюдая режим секретности, поинтересовался он.

– Имеется, – коротко ответила девушка. – Хватит болтать, лучше под ноги и вокруг гляди и будь готов ко всему. Кстати, капюшон надвинь поглубже. И перчатки надень, у тебя руки не скавенские.

На языке у сталкера вертелась целая куча вопросов, однако он сдержался и не стал расспрашивать крысишку. Не то время. Вот покинут они опасный участок – можно будет и поговорить. А пока...

Что «пока», он додумать не успел. Впереди, там, где туннель делал поворот, вспыхнул и заметался свет нескольких приближающихся фонарей.

– Блиииин!!! – зашипела Крыся. – Патруль с Отрадного!!! Быстро прячься!!!

– А ты? – непроизвольно задал вопрос сталкер.

– Меня знают, я – добытчик... Прячься же!!!

Восток быстро огляделся в поисках укрытия, но, как назло, вокруг были только полукруглые ребристые своды туннеля. Ни одной даже самой малюсенькой ниши, куда можно было бы втиснуться. Бежать назад?.. Прикидываться мотком кабеля?..

Взгляд его упал на так называемый лоток – глубокую колею между рельсами, но упасть туда сталкер не успел – патруль вывернулся из-за поворота, и фонари осветили их с Крысей. Девушка охнула и прикрыла лицо руками.

– Стоять! – рявкнул голос. – Кто такие?!

– Ха, да это же Крыська с Петровско-Разумовской! Ее биби-ревские вчера за книгами Наверх посылали! – тут же отозвался другой голос. И почти сразу фонари отвели свои слепящие лучи от лица девушки. Но тут же скрестились на высокой фигуре рядом с ней.

– Крыську я вижу, – сухо сообщил первый голос. – А вот кто это с ней – непонятно.

...Краем глаза Восток увидел, как его спутница чуть прикрыла глаза и нервно облизнула губы...

– Чужак, что ли? Эй, Крысь, ты кого это к нам притащила? – патрульные уже направили на них автоматы.

...Крыся вскользь упомянула, что патруль – со станции Отрадное, а опасный для них участок – между Отрадным и Бибрево, стало быть, они сейчас там и находятся... Причем – ближе к Отрадному...

Восток пошел ва-банк. Благо, что под мешковатой одеждой и глубоко надвинутым капюшоном трудно было разглядеть его внешность, а противогаз он давно снял и затолкал в сумку с фильтром.

– С Алтуфьевца я, – подражая шипящему выговору скавенов, глухо произнес он. – Не рассчитал времени. Направляюсь домой, на вашу станцию заходить не собираюсь.

– Алтуфьевский, значит?.. – с непонятной интонацией протянул командир патруля. Восток уловил в его голосе настороженность и неприязнь. Как видно, обитателей конечной станции на этом участке Серой линии не особо любили!

– А какого хрена ты здесь забыл? С каких это пор ваши добытчики ходят к себе через наши тунNELи? – не слишком вежливо осведомился второй патрульный. Остальные, как заметил сталкер, начали ненавязчиво рассредотачиваться, заключая его и Крысю в кольцо.

Плохо...

– Это я его провела, – наконец, на счастье Востока, вмешалась Крыся. – Он меня спас там, Наверху, от паука. Мы замешкались, а уже рассвет... Ну я и повела его своими путями. Я же ему обязана, вы же понимаете...

Сталкер про себя удивился: это она его от паука спасла, а не наоборот, и еще кто кому обязан...

– В общем, так получилось, что мы так пошли.
– Добегаешься ты когда-нибудь этими «своими путями», дорогуша! – хмыкнул кто-то из патрульных.

– Но я же должна была доставить книги, – Крыся чуть повернулась, демонстрируя набитый рюкзак, – в Бибирево, они ждут... И потом, рассвет...

– Актеры погорелого театра! – засмеялся патрульный и подмигнул Крысе. – Билетик-то на представление пришел? Джулльетта? По знакомству?

– Если мне его дадут – то непременно! – девушка улыбнулась. – Лично вручу! Только я не Джулльетта, ее Лариса Макеева играет.

– А чего это твой спаситель так одет подозрительно? – вдруг поинтересовался его приятель, и улыбка Крыси увяла. – Что, алтуфьевские добытчики уже начали носить шмотки, в которых «чистые» своих сталкеров Наверх гоняют?

– Это ж трофеи! – тут же нашелся Восток, стараясь говорить небрежно и не забывать про выговор. – Пришел там одного Наверху пару недель назад... Между прочим, очень удобные шмотки, рекомендую!

...Пока шел этот разговор, сталкер все время ощущал на себе цепкий и неприятный взгляд командира патруля. Тот явно изучал его.

– Сними капюшон! – вдруг приказал крысюк Востоку. – И перчатки! И без глупостей!

Сталкер уловил короткий, еле слышный стон Крыси, у которой пошла псу под хвост вся ее маскировочная затея. А чуть позже и он сообразил, что им угрожало. На пальцах скавенов были когти, а не ногти, как у людей. Ну и лица их, соответственно, были не совсем человеческими.

Те, кто обступил их с Крысей, на взгляд Востока, внешне не особо сильно отличались от людей. Но тем не менее налет некой *нечеловеческости* был на всех лицах. Особенно у тех, кто был по-

моложе возрастом, как Крыся. Видимо, крысиные черты более явственно начали проявляться только у тех поколений, что рождались во время и после эпидемии.

– Может, разойдемся миром, а, командир? – прошипел Восток, подпустив в голос некоторой зловещей предупредительности. – Я спешу, а нашим вряд ли понравится, что меня тут задержали!..

– Сними капюшон и перчатки! – жестко повторил командир, играя пальцем на спусковом крючке автомата. – Третий раз повторять не буду!

Восток медленно вздохнул и столь же медленно взялся за перчатку, в которую уже скрытно скользнул из рукава один из ножей. Верный автомат оставался за спиной, да ему бы и не позволили до него даже дотянуться.

«... их четверо, значит, снять я успею только одного... Остальные тут же выстрелят... Крыську бы убрать с дороги, убьют ведь...»

Краем сознания он даже удивился, что беспокоится за жизнь соплеменницы окруживших его вражеских воинов.

Но все-таки ситуация продолжала оставаться аховой. И выхода из нее что-то не виделось.

– Ладно, хрен с вами, проходите! – неожиданно приказал командир и дал знак своим посторониться. Те удивились, но повиновались.

Крыся и Восток медленно, стараясь не показывать, что нервничают, прошли в образовавшийся коридор.

И тут, когда они уже отошли шагов на десять, что-то резко свистнуло в воздухе, и Восток почувствовал, как нечто длинное и гибкое молниеносно обвило его ноги, опутало так, что, сделав по инерции шаг, сталкер понял, что падает лицом в землю. Он схватился было за автомат, намереваясь пустить его в дело, но раздался новый свист, и руки его спутала, примотав к телу, какая-то странная веревка с грузами на концах.

«Боло...» – откуда-то из глубин памяти всплыло прочитанное когда-то название, и сталкер беспомощно рухнул на сырой пол туннеля, едва сумев в последний миг повернуться боком.

Рядом жалобно вскрикнула, падая, Крыся, пойманная таким же нехитрым снарядом.

К ним тут же подскочили двое патрульных и проворно сдернули с Востока капюшон и перчатки.

– Человек!!!

– Шпион!!!

Два выкрика слились в один, патруль тут же ощетинился в сторону сталкера стволами.

– Не-е-е-ет!!! – отчаянно закричала Крыся, извиваясь в своих путах.

– Молчать! – рявкнул командир и пнул ее ногой (к счастью, пинок пришелся по рюкзачку). – Тварь! Протащила к нам человека лазутчика! Ах ты сучка! Предательница!

– Неправда!!! – кричала девушка, беспомощно барабаняясь на земле и стараясь закрыться от новых ударов. – Неправда!

– Не тронь ее! – вмешался Восток. – Она не знала, кто я!

Крысюк бешено обернулся в его сторону.

– А это мы еще выясним, кто что знает и кто чего не знает! Микшер!.. – вперед выскочил молодой скавен. – Вызывай дрезину и сообщи на станцию и в Бибирово – у нас ЧП!

Пленников сноровисто разоружили, обыскали, у Востока отобрали все, что при нем было, – даже испорченный противогаз, приказали снять защитный комбинезон, куртку и бронежилет. Сталкер молча подчинился, оставшись в потрепанных пятнистых брюках, футболке и ботинках. После этого на обоих надели наручники, поставили на колени и приставили охрану.

Сидя на пятках у бетонной стены туннеля, сталкер старался не думать о том, что с ними сделают обозленные крысюки. Ну его – ясен пень – прикончат после изматывающих допросов и пыток (ну а как же – человечий шпион ведь!), а Крысю...

Он ощутил странный, тревожащий холодок, когда подумал об участии, ожидающей скавенку за то, что она пыталась проводить его до людской части метро. «Предательница!» – крикнул ей патрульный. Да уж, как ни крути, но для своих Крыся теперь – предательница. А если крысюки недалеко ушли в развитии от лю-

дей – кара за предательство будет крайне жестокая. И кому какое дело, что девушка поступила... по-человечески?..

То есть, помогла ему, заведомому врагу, спасла его от двух чудо-вищ и от смерти под радиоактивным солнцем, проявила милосердие и благородство...

И теперь ее за это казнят!

«Но это же неправильно!!!! Несправедливо!!!»

Сталкер посмотрел на сидящую рядом скавенку. У той был настолько убитый вид, что у него в груди защемило. Целая цепь событий привела их сюда, в плен к ее соплеменникам, но Восток почему-то ощущал, что виноват в их несчастье именно он, – пусть даже она и сама предложила проводить его до Медведкова.

– Крысь... – тихо позвал он. – Крыся...

Девушка медленно повернула к нему белое заплаканное лицо. Губы ее дрожали, в глазах стыл ужас.

– Это я виноват, что мы попались. Я не прошу простить меня. Но скажи, есть ли надежда вытащить хотя бы тебя?

– Нет... – еле слышно прошептала скавенка. – Наши законы суровы... Нас казнят...

Восток стиснул зубы: ему не понравилась отрешенная покорность в голосе девушки. Как будто она уже поставила на себе крест, а между тем, они оба еще были живы и могли бороться! Могли попытаться спасти свои жизни!

– Крыся... Не сдавайся! Я что-нибудь придумаю, слышишь? Мы выкарабкаемся! Обяза...

– А ну, прекратить разговоры! – рявкнул охранник и ощутимо пнул сталкера по скованным за спиной рукам. – Еще слово – и останешься без зубов! И ты, гадина, тоже заткнись! – пригрозил он Крысе.

Это был тот самый патрульный, что выпрашивал у нее билетик на какое-то представление, назвав при этом девушку Джульеттой.

«У них тут что – и театр есть?! Шекспир, представления, билеты... Охренеть...» – мельком поразился некстати пришедшей мыс-

ли Восток, но развить ее не успел – послышался стук колес, визг тормозов, и к месту их пленения подлетела дрезина. Через пару минут с противоположной стороны принеслась вторая.

Вот вам и дикие мутанты!..

Восток даже пожалел, что не сможет остаться здесь подольше, чтобы ближе познакомиться с жизнью скавенов, с их достижениями... Чтобы как-то попытаться расположить к себе этот народ...

«Будут тебе и знакомство, и достижения!.. – ехидно пообещал внутренний голос. – Испытаешь на себе в полной мере!»

После короткого, но бурного совещания пленников погрузили на дрезину и повезли в том направлении, в котором они шли.

В Бибирево.

Глава 7

ГРЯЗНЫЙ ШПИОН И ПОДЛАЯ ПРЕДАТЕЛЬНИЦА

Несмотря на маячившие перед ними крайне незавидные перспективы, Восток все же позволил себе бросить несколько осторожных взглядов на открывшееся ему доселе недоступное людям зрелище – скавенскую станцию.

Дрезина привезла пленников к въезду на станцию и «припарковалась» у низенького узкого мостика вдоль стены туннеля. Мостик переходил в ступеньки, ведущие на крепкий помост, которым (видимо, для расширения платформы) был полностью, до следующего въезда в туннель, забран путь. С другого края была устроена такая же конструкция. С той разницей, что из соседнего туннеля на станцию высовывался нос поезда.

Как гораздо позже узнал сталкер, помосты состояли из секций, которые, в случае опасности (чаще всего – атаки со стороны разбойного Алтуфьева), поднимались с помощью ручных лебедок, образовывая некое подобие крепостных стен, ограждавших жилое пространство станции. Перегоны с Алтуфьевской стороны также

перекрывались сваренными и склепанными из вагонных останков и железной арматуры створками. Таким образом в случае опасности Бибрево превращалось в довольно хорошо укрепленный по-граничный форпост, способный выдержать долгую осаду до подхода союзных сил с остальных станций.

Но пока что этого Восток не знал. Он рассматривал интерьер станции и ее обитателей, сбежавшихся со всех сторон, чуть только стало известно, что в перегоне поймали человеческого лазутчика и помогавшую ему предательницу-скавенку.

Вид станции особых сюрпризов (исключая расширенную платформу) не преподнес. Те же палатки, навесы и дощато-металлические хибарки, каких Восток насмотрелся и в своей части Метро на периферийных станциях. А вот сами жители Бибрева... удивили.

Отправляясь в рейд и готовясь к возможной встрече с крысами, Восток ожидал, что ему встретятся по меньшей мере чуть ли не прямоходящие и говорящие крысы в людской одежде и вполне обычного для людей роста.

Говорящих крыс он не увидел. Более того – некоторых обитателей Бибрева хоть и с некоторой натяжкой, но вполне можно было принять за людей. В основном это были скавены довольно почтенного или просто пожилого возраста, и их были – по сравнению с другими возрастными группами – считаные единицы. Скорее всего, они принадлежали к первому поколению, пережившему Удар, нашествие крыс и прочие беды, последовательно обрушившиеся на этот многострадальный участок Метро.

Но были и те, кто внешне отличался от людей. И, как отметил про себя Восток, чем моложе был скавен, тем менее его облик сохранял человеческие черты. Взгляд цеплялся за лица разной, так сказать, степени мутированности. Впрочем, и среди молодых скавенов встречались вполне привычные взгляду и даже симпатичные типажи вроде Крыси. Восток не особо разбирался в вопросах генетики (а если честно – то совсем не разбирался), но для себя решил, что причины такой разнородности могли крыться в изначально разной наследственности тех, кто двадцать лет назад укрылся здесь от атомного хаоса. То есть те, у кого была сильная

сопротивляемость организма, а человеческий геном оказался, не-взирая на все отягчающие факторы, сильнее крысиного, – те смогли сохранить хоть какое-то внешнее сходство с людьми. И возможно даже передать его потомкам.

Детей на станции было много. Они вертелись под ногами у взрослых или же прятались за их спинами, робко выглядывая оттуда. Как видно, крысы Серой ветки были не в курсе мнения генетиков о бесплодности гибридов и мутантов и щедро «наградили» местное население чрезвычайной плодовитостью.

Как и взрослые, скавенские детишки отличались разным количеством внешне заметных мутаций. Хотя, конечно, человеческих черт в них было куда меньше, чем у родителей.

Со всех сторон на Востока таращились блестящие детские глазенки – уже нечеловеческие, без белков. Малышне было страшно и в то же время интересно: они, кажется, впервые видели перед собой человека. Некоторые стояли, удивленно разинув рот или прикусив указательный палец мелкими зубками с характерными более крупными резцами. Почти у всех лицевые kostи были удлинены, из-за чего лица напоминали крысиные мордочки.

Детишки скавенов, на взгляд Востока, были довольно забавны и безопасны. Пока что безопасны. Но что будет, когда из них вырастут зрелые, матерые мутанты? Насколько серьезно мутация продвинется дальше и насколько изменит скавенов не только внешне, но и внутренне? Не только физически, но и морально? И... чем это может обернуться для человеческой – или, как тут выражались, «чистой» – части Метро?

В отличие от детей, взрослые жители станции удивления при виде человека не испытывали. А выражаемые ими эмоции были и вовсе далеки от положительных. На пленников, которых тащили куда-то в другой конец станции крепкие парни из охраны, со всех сторон летели взгляды и выкрики, полные гнева, ненависти и презрения. Некоторые экспансивные скавенки даже порывались поколотить их. Охранники бдительно отпихивали особо рьяных, но несколько ударов все же достигло цели. Востоку досталось по

плечу пряжкой ремня, Крысе едва не прилетело по голове, к счастью, один из охранников перехватил палку, занесенную над девушкой какой-то разъяренной мегерой.

Основная часть ненависти бибиревцев обрушилась на «подлую предательницу». Бедняжка едва успевала закрываться от сыпавшихся на нее, несмотря на все старания пытавшегося хоть как-то прикрыть ее своим телом Востока и усилия охранников, ударов. Эпитеты, которыми ее награждали соплеменники, не оставляли никаких сомнений в самом драматичном для нее исходе дела – если вдруг толпа преодолеет заслон конвоя.

К счастью для Крыси и Востока, охранники хорошо знали свое дело. Изрядно потрепанных, но почти невредимых (если не считать нескольких синяков, ссадин и царапин) пленников притащили на северный конец станции и втолкнули в крошечную подсобку под лестницей, служившую, видимо, камерой для преступников. Отрезая арестантов от звуков внешнего мира и всех возможных путей спасения, с грохотом захлопнулась железная дверь. Лязгнул замок, и наступила тишина.

Восток огляделся. В камере царил полумрак. Единственный источник скучного освещения – тусклая лампочка ватт эдак на двадцать пять, торчала из стены над дверью и больше сгущала темноту, чем рассеивала.

На полу камеры валялся тощий драный тюфяк, переживший, наверное, не одну смену арестантов. Больше в темнице не было никакой обстановки. Даже полагавшейся в таких случаях так называемой «параши».

«Гм... До ветру они нас что, выводить будут? – некстати пришла мысль в голову Востока. – Вот ведь уроды, хоть бы ведро какое поставили! А еще лучше бы Крыську отдельно заперли, зачем ей такие трудности? В одной-то камере с мужиком...»

Послышался шорох. Восток резко развернулся, но подхватить падающую на пол скавенку не успел. Да и не смог бы – руки были по-прежнему скованы за спиной и уже начинали неметь.

Крыся с горестным стоном бессильно осела на пол прямо там, где стояла. Скорчилась, закрыла голову руками (в отличие от че-

ловека, ей руки сковали перед собой) и затряслась в отчаянном плаче. Видимо, чаша ее выдержки переполнилась.

– Ну почему, почему они такие... злые? – расслышал сталкер сквозь ее судорожные всхлипывания. – Еще недавно они были... добры ко мне... Но ведь я никого не предавала... Я только... хотела помочь тебе... За что они... так?..

Восток смотрел, как бьет, скручивает худенькое тело его подруги по несчастью затмевающее рассудок горе и осознание непоправимой вины перед соплеменниками. Надо было что-то сказать ей, утешить, но... не умел он утешать плачущих женщин. Это они проходили еще там, в библиотеке.

Однако он видел, что если промедлит – девушке станет совсем худо. Она была сейчас одинока перед лицом обрушившейся на нее беды. Еще немного – и черный поток захлестнет ее с головой, закрутит, унесет...

Восток приблизился и опустился на колени рядом со скавенкой. Склонился, коснулся ее плечом. Девушка вздрогнула.

– Если хочешь – можешь меня поколотить, – стараясь быть спокойным, сказал сталкер. – Потому что все это из-за меня. Но только, пожалуйста, не плачь. У меня от твоих слез нервный тик начинается.

Колотить услужливо подставленную сталкерскую грудь крысишка не стала. Вместо этого она всхлипнула совсем уж душераздирающе и... уткнулась в эту самую грудь, крепко обхватив Востока за шею скованными руками.

И разрыдалась с новой силой.

Восток вздрогнул. Не то чтобы он в своей жизни после катастрофы совсем избегал женщин – нет, монахом сталкер не был. Но будучи верным памяти той, что когда-то сгинула в ревущем ядерном хаосе, старался контакты со слабым полом свести к минимуму. В особенности всякие там «невинные» обнимашки, как правило, вызывавшие в нем невеселые, а порой и горькие воспоминания. До сих пор.

А теперь он оказался в объятиях прижимающейся к нему девушки – перепуганной, плачущей и явно надеющейся на его за-

щиту и покровительство. И ко всему прочему эта девушка еще и не человек!

Ксенофобом или расистом Восток тоже не был, но его все-таки слегка передернуло от чрезмерной близости мутантки.

Как ни была убита горем Крыся – она почувствовала это. Сразу же отстранилась, съежилась и подняла на сталкера бледное, залитое слезами лицо.

– Тебе неприятно?.. Я... настолько... омерзительна?.. Прости... Я забыла, что вы, люди, не любите мутантов... Прости...

И она сделала попытку отползти в дальний угол, чтобы совсем уж скрыться с глаз сокамерника, не напоминать о себе, исчезнуть...

Восток мысленно врезал себе по уху. В конце концов, эта девочка не виновата в том, что он никак не может отделаться от присущей людям инстинктивной неприязни к тем, кто отличался от них. А ей он – как ни крути – обязан жизнью, по крайней мере, трижды. И сейчас, если он оставит ее без своей поддержки...

Умирать с таким грузом на совести сталкер не хотел. А в том, что их обоих казнят, причем очень скоро, он ничуть не сомневался.

– Крыся, постой! – окликнул он ее. – Не надо унижаться и прятаться. Ты не омерзительна, нет. Просто... а, черт, как бы так объяснить?.. Люди веками опасались и сторонились тех, кто не походил на них. И это уже так крепко вошло в плоть и кровь, что даже сейчас нам трудно избавиться от... негативных ощущений, когда рядом находится... чужак. Пусть даже сейчас это – всего лишь тень прежних инстинктов. Прости, пожалуйста. Я ничего не имею против того, что ты рядом со мной. Пусть даже мы и... разные. И ты вовсе не противна мне. Но... видишь ли... – Восток замялся, но потом мысленно махнул рукой, решив сказать правду: – Когда-то у меня была любимая девушка. Еще до Удара. Она погибла, не успев добежать до убежища. Я не смог помочь ей, поскольку находился в это время на другом конце Москвы. До сих пор не могу простить себе этого, хотя умом и понимаю, что в любом случае ничего бы не смог сделать, – слишком далеко мы были друг от друга в тот час... Я потом искал ее, искал на всех станциях, в наде-

жде что ей удалось спастись... – Восток хмуро покачал головой. – Но чуда не случилось.

Крыся глядела на него во все глаза и даже перестала плакать. Но на лице ее все еще было горестное выражение, а губы дрожали.

– А когда ты меня обняла... – чувствуя неловкость от собственной непривычной откровенности, продолжил Восток, – то напомнила о ней – о той, которую я потерял. С тех пор, как это случилось, я старался не сближаться ни с одной девушкой или женщиной, не допускать их близко к себе... Чтобы не вспоминать... И вот сейчас... Признаться, это было для меня крайне неожиданно. Но я не хотел тебя обижать. Честное слово!

Скавенка на несколько мгновений опустила глаза, а когда подняла их, Восток прочел в ее взгляде... сострадание.

– И у тебя тоже есть своя боль... – прошептала девушка и покраснела. – Я... не знала...

Она вернулась на прежнее место. Помедлила и очень робко, нерешительно и почти невесомо коснулась плеча сталкера.

– Я теперь буду бояться лишний раз дотронуться до тебя, – с неловкой полуулыбкой проговорила она, – чтобы снова ненароком не вызвать горьких воспоминаний о твоей возлюбленной. Но... что мне делать, если здесь не только у меня... сердце кровью плачет?

Крайне изумленный, Восток уставился на нее, как на восьмое чудо света. Кажется, скавенка забыла про случившееся с ними, про клеймо предательницы, поставленное на ней соплеменниками, про ожидающую их обоих в обозримом будущем казнь. Отозвавшись на его боль, она восприняла ее как свою. Даже нет – важнее, чем собственные невзгоды!

«Чужую беду руками разведу, а в своей и концов не найду» – вспомнилась сталкеру поговорка.

Он хотел было что-то сказать ей в ответ, что-то хорошее и нужное, но тут загремел дверной засов, и в отворившемся проеме показалась вооруженная фигура охранника.

– Человек – на допрос! – рявкнул он. – Быстро!

Послышалось задушенное «ох!» Крыси.

Восток неторопливо поднялся. Расправил плечи, пошевелил запястьями. Руки затекли, но главное испытание болью, как он справедливо подозревал, ему еще предстояло. Причем испытание – в самом прямом смысле!

Раньше он, перечитывая всякие приключенческие книги, иногда задумывался над тем, смог бы он – доведись ему, подобно книжным героям, вдруг попасть в плен к врагам – выдержать изматывающие допросы и пытки. Восток так и не нашел тогда ответа на этот вопрос – потому что, хвала всем высшим силам, ни разу еще не попадал в такие ситуации.

«Ну, вот теперь и проверим...» – подумал он, ощущив в животе характерный адреналиновый холодок.

Выходя из камеры, он оглянулся. Крыся по-прежнему стояла на коленях, прижимая к губам судорожно стиснутые кулачки. Выражение ее лица не поддавалось описанию.

– Меня тоже будут допрашивать! – быстро и тревожно прошептала она. – Говори правду! Это важно!

Восток кивнул и вышел из камеры. За спиной снова лязгнул замок. В спину чувствительно ткнулся автоматный ствол.

– Пошел!

Глава 8

ЧЗНИКИ

Оставшись одна, Крыся в волнении заметалась по камере. Ей прекрасно были известны суровые нравы бибиревцев – одновременно и жителей, и солдат пограничного форпоста Содружества. Здесь никогда не церемонились с различными нарушителями обычаев и законов, и, бывало, наказания за проступки и преступления были довольно суровыми. Бибирево было эдаким военным городком, в котором даже старики, женщины и многие подростки при случае могли взять в руки оружие и отправиться на защиту станции. В этой общине гораздо сильнее, чем в остальных, ощущался дух воинствующего патриотизма, а любое посягательство на безопасность не только бибиревских, но и, в целом, всех скавенских территорий воспринималось чуть ли не как повод к боевым действиям.

До сего момента военные и безопасники Бибирева и двух других станций Содружества имели дело только с более-менее регулярными разбойными нападениями алтуфьевской вольницы на блокпосты и наземные бригады добытчиков или рабочих. Дело

было, в общем-то, привычное и уже чуть ли не рутинное, и потому военные скучали по настоящей драке, а безопасники – те вообще маялись от безделья.

Поэтому поимке лазутчика из людской, или, как тут говорили, «чистой», части Метро в Бибиреве обрадовались, как нежданному подарку судьбы. Тем более, что в свете недавних событий – нескольких странных мощных взрывов на наземных территориях Владыкинской общины – засылка людьми соглядатая давала повод серьезно заподозрить их в подготовке к нападению на скавенские станции.

Таким образом, дальнейшая судьба и Востока, и Крыси была совершенно ясна – смерть. Но смерть явно не быстрая – наверняка их сперва еще и помучают, чтобы выведать что-нибудь важное. Особенно – сталкера.

– Бедный Восток... – прошептала Крыся. – Только бы они его не сильно мучили...

У нее была слабая надежда на то, что если сталкер поведет себя разумно и спокойно и будет говорить на допросе правду – как знать, может быть, его и не изувечат. Крыся немного знала начальника местной СБ. Был он мужиком, в общем-то, спокойным и далеко не злым. Но работу свою любил и за станцию готов был порвать кого угодно, хоть чужого, хоть своего. Хотя на Крысю он всегда производил впечатление вполне себе адекватного скавена.

Но, правда, до сих пор здесь еще не ловили человеческих шпионов...

Девушка опустилась на тюфяк, сдвинула поудобнее наручники, чтобы не мешали, обхватила голову руками и стала ждать.

Время тянулось медленно. Крыся уже и измерила шагами длину и ширину камеры, и передекламировала и перепела (вполголоса, конечно) все, какие знала, стихи и песни, и поплакала... Наконец она сдалась, свернулась клубочком на тюфяке и вскоре, чрезвычайно утомленная всем произошедшим, незаметно для себя задремала.

Разбудил ее скрежет замка. Дверь распахнулась, и двое охранников втащили в камеру Востока. Сталкер не шел сам, он висел на

плечах конвоиров, низко опустив голову. Его бесцеремонно бросили на тюфяк, и полусонная Крыся едва успела откатиться в сторону, чтобы он (в очередной раз за все время их знакомства) не свалился на нее.

– С добрым утром, барышня! – осклабился один из конвоиров. – Кофе в постель не желаете? Так принесли!

– Хватит, Сергей! – одернул его вошедший следом начальник СБ. – Не издевайся над заключенной. Девушка все-таки.

Крыся метнула на него благодарный взгляд и, уже не обращая внимания на соплеменников, склонилась над сталкером. Выглядел тот, мягко говоря, не лучшим образом. Сквозь растерзанную футболку на теле виднелись синяки и кровоподтеки, на щеке кровоточила широкая ссадина, губы были разбиты. Восток был без сознания, но веки его трепетали, говоря о том, что он скоро очнется.

– Воды! – выкрикнула Крыся и повернулась к вошедшему офицеру. – Дайте воды! Пожалуйста!.. Олег Николаевич... прошу вас!..

Начальник СБ перехватил умоляющий взгляд девушки, помедлил и кивнул.

– Сейчас распоряжусь... Никита!

В дверях показался охранник.

– Принеси воды заключенным. Собственно, почему им до сих пор ее не дали? И... сними наручники с девушки! Безобразие! Устроили тут Алтуфьево!..

– Так ведь эта... Приказа не было! – растерялся парень.

– Теперь есть! Принеси им воды и чего-нибудь поесть. И еще, – он окинул взглядом камеру, отметил более чем спартанскую обстановку, – если им вдруг понадобится... кое-куда – выведи. Приказ ясен?

– Так точно!

– Выполнять!

– Слушаюсь!

Часовой куда-то умчался.

С Крыси сняли наручники. Большим усилием воли скавенка сдержала стон – рук она после нескольких часов в оковах совсем

не чувствовала и очень долго болезненно морщилась, чувствуя, как заново восстанавливается в них кровообращение.

Безопасник сделал знак сопровождающим, и те покинули камеру. Сам он некоторое время рассматривал столь необычную пару. Восток по-прежнему не приходил в себя, Крыся, зажмурившись и морщась, с еле слышными всхлипами растирала руки.

– Больно?

Девушка открыла глаза. По щеке ее скатилась одинокая слезинка, но Крыся не позволила себе расплакаться.

– Пройдет... – прошептала она. – Олег Николаевич... Вы лучше скажите... это... это вы его так?

Безопасник нахмурился и ничего не ответил, и она решила на всякий случай далее не искушать судьбу. То есть заткнуться и не задавать опасных вопросов.

Девушка смешалась, покраснела и опустила голову.

– Что тебя с ним связывает? – вдруг услышала она над собой. Офицер, оказывается, неслышно подошел к ней. – Почему ты так заботишься об этом человеке? И... мне передали, как он прикрывал тебя от побоев толпы. Это... впечатляет. Так что тебя с ним связывает, девочка?

...Крыся не имела ни малейшего представления о том, что сказал на допросе Восток про их встречу и завязавшиеся отношения. Но она уповала на то, что сказал он чистую правду. Поэтому и сама решила ничего не скрывать. От этого зависел их приговор и дальнейшая жизнь... и смерть.

Кроме того, она сама не любила ложь. И если, во имя каких-то благих целей, и пыталась лгать, то получалось это у нее очень неумело и всегда – как недавно в перегоне – мигом раскрывалось. Ее прямота и честность порой доставляли ей проблемы и неприятности, но девушка упрямо держалась за свои принципы. И некоторые обитатели Бибирева, этой военной базы в миниатюре, знали об этой черте ее характера.

Вздохнув, она принялась рассказывать о том, как произошло ее случайное знакомство с человеческим добытчиком, какими при-

ключениями сопровождалось и к чему их обоих привело. Ничего не упустила.

— ...привезли нас на станцию, а дальше вам все известно, — на-конец закончила она.

В процессе ее рассказа часовой принес пластиковую «полто-рашку» воды и пластиковый же контейнер с грибной кашей. По-винуясь знаку начальства, не стал входить в камеру, а поставил принесенное у входа и испарился.

— Я не знаю... я ПРАВДА не знаю, шпион этот человек или нет, но... зла от него я видела куда меньше, чем от иных членов своей общины. Вернее — совсем не видела. А то, что я пыталась помочь ему добраться до своих... Я была виновата в том, что перед самым восходом солнца он лишился важной детали защитного снаряже-ния. И это было бы нечестно и... подло, если бы после этого я же его и бросила. Хоть он и враг нам, но... я не смогла его оставить. Я вела его кружными путями, запутывала... Возможно, когда я приняла решение проводить его, то еще хотела и увести подальше от наших территорий?.. Не знаю, в то время я как-то об этом совсем не думала. Просто исправляла последствия своего поступка. Меня так учи-ли — здесь же, в Содружестве, в школе. Так... кого же я предала?

Начальник СБ внимательно посмотрел в широко распахнутые глаза девушки. Крыся глядела на него не отрываясь, открыто и прямо.

— Стalo быть, этот парень тебе жизнью обязан? — проговорил он. — Интересно, интересно...

Он хотел еще что-то сказать, но тут Восток слегка пошевелился и издал глухой короткий стон. Крыся тут же беспокойно склони-лась над ним.

— А сейчас мне просто его жаль, — ответила она на невысказан-ный вопрос безопасника. — Его мучили... били... А я... А я — жен-щина! И мне жалко его!

Офицер, уловив в ее тоне нотки вызова, нахмурился. Но потом вдруг усмехнулся.

— Что ж... *женщина*... — сказал он с неподражаемой иронией. — Оставляю тебя пока вместе с твоим... подопечным. Только имей в

виду, ничего хорошего вас обоих впереди не ждет. Впрочем, надеюсь, ты это и так понимаешь.

– Уже давно поняла, – не слишком любезно буркнула Крыся, – еще там, в перегоне.

– Вот и прекрасно.

Безопасник стукнул в дверь, чтобы его выпустили.

– Олег Николаевич! – вдруг окликнула его арестованная. Он обернулся. – Спасибо вам за воду и... за это, – она приподняла освобожденные руки. – И... прошу вас, простите мне эту необдуманную грубость. Просто... просто мне сейчас очень, – голос ее дрогнул, – страшно...

Эсбэшник окинул ее непонятным взглядом и вышел. А Крыся вновь склонилась над избитым сталкером.

Недолго думая, она освободила его от разодранной футболки и дорвала ее окончательно, пустив на лоскуты для компрессов и примочек.

– Шпионы шпионами, – бормотала она, осторожно прикладывая мокрые холодные тряпочки к его ссадинам, – но зачем же такими зверями быть?..

Про себя она была уверена, что ее черед оказаться на месте сталкера и подвергнуться во время следующего допроса побоям, а то и пыткам, еще наступит. Причем довольно скоро. Первое посещение начальника СБ было лишь прелюдией к основному действию. Соскучившиеся по работе безопасники вряд ли поверят, что они с Востоком познакомились только этой ночью. Еще приклеят им давнее сотрудничество, с них станется! Тем более – в преддверии готовящейся войны! Это сейчас с ней просто разговаривали. А позже возьмутся за нее более основательно, и тогда...

Крыся с детства отчаянно боялась боли и плохо ее переносила, поэтому каждый раз мысли о предстоящих ей муках заставляли ее холодеть и едва не отправляли в обморок. Она пыталась подготовиться морально... но вместо этого еще больше себя нахрутивала.

«Пыток я не выдержу, – с тоской думала она. – Им нужна правда, но ведь я уже все рассказала, все, что знаю, – как на духу, всю

правду... А если мне не поверили... Значит, будут допрашивать... по-другому. Как Востока. Господи, где бы взять силы выдержать все это?..»

...Юная скавенка не знала, что ее саму от участия, постигшей Востока, избавило вмешательство Питона, командира добытчиков Бибireва и – по совместительству – всего Содружества. Крыся, будучи единственной среди них девушкой, была его ученицей, и Питон, знавший ее как облупленную, не побоялся встать в конфронтацию с безопасниками, с руганью, матом и угрозами забастовки добытчиков категорически запретив им применять к девушке допрос с пристрастием.

– Если она виновна – судите и приговаривайте ее по всей строгости наших законов! – заявил он. – Но мучить девчонку не позволю! Чем мы тогда будем лучше алтуфьевского сброва? А если она вдруг невиновной окажется? Кто после ваших допросов вернет здоровье одному из моих лучших добытчиков?

Безопасники, которые – как потом выяснилось – и впрямь намеревались «при克莱ить» Крысе давнее сотрудничество со шпионом, потрепыхались, потрепыхались, но перед угрозой забастовки добытчиков, единодушно поддержавших командира, отступили.

Крысю не мучили. Ни во время второго допроса, ни вообще. Хотя давнее сотрудничество все-таки приклеили.

Глава 9

ВОТ И ВСЕ...

Восток открыл глаза. Тусклый свет лампочки, кафельные стены с местами отбитой плиткой, серый, обшарпанный потолок...

«Где это я?.. А, ну да!..»

В поле зрения появилось юное лицо, больше похожее на мордочку симпатичной крыски. В черных, красновато поблескивающих глазах были грусть и тщательно сдерживаемая тревога.

– Крыся... – сталкер попытался улыбнуться разбитыми губами.

- Что? – тут же откликнулась скавенка.
- Ничего. Ты как?
- Не дождитесь! – ответила она строчкой из старого анекдота и вдруг скорчила вредную рожицу.

Восток засмеялся, но тут же прекратил: смех болью отозвался в избитом теле.

– Осторожнее! – Крыся дернулась к нему, но сталкер сделал ладонью успокаивающий жест. Мол, не волнуйся, я в порядке.

– Давно меня сюда притащили?

– Не знаю. Тут нет часов, и время идет... как ему вздумается.

- Счастливые часов не наблюдают...
- «Счастливые», скажешь тоже... Пить хочешь?
- Очень.
- Тогда давай осторожненько поднимайся. Тебе надо бы сесть, а то вода будет проливаться. Сейчас помогу.

Девушка захлопотала вокруг сталкера.

- Я же раза в два тяжелее тебя!.. – пытался протестовать он, но она только отмахнулась.

- Ты за все это время уже столько раз на меня падал!.. Так что мне не привыкать. Обопрись на меня спиной. Не бойся, не раздашьши... Вот так. А теперь – давай тихонько к стеночке двигайся. Она прохладная, для синяков хорошо...

Сталкер, морщась от боли в мышцах, с облегчением откинулся на стенку за спиной. Прикрыл глаза. Действительно – прохладно, хорошо...

Крыся помогла ему напиться из бутыли, потом спросила:

- Может, ты голоден? Тут немного каши принесли...
- Каши?
- Из грибов. Правда, ложек не дали, но можно есть и руками.
- А помыть их тут у вас негде? С мылом?
- Смешно. Оценила. Держи вот... пртереть можно хотя бы.

Крыся подала Востоку мокрую тряпочку, в которой он без труда узнал лоскут от собственной футболки. Сталкер оглядел себя.

- М-да...Хорошая была футбольочка... между прочим довоенная! – заметил он. – Ключевое слово – БЫЛА... Спасибо, хоть штаны оставили! А то перед дамой было бы неловко...

- Извини. Она уже и так была вся в клочья. А ты был без созна...

Восток приложил палец к ее губам и покачал головой:

- Забудь. Ты все сделала правильно. Спасибо тебе.

Крыся смущенно зарделась и придвинула к нему лоток с грибной смесью.

- Поешь лучше. Кто знает, когда еще доведется...
- И доведется ли вообще! – хмыкнул он. – Тебя-то на допрос уже таскали?

– Нет. Олег Ни... Ну, начальник эсбэшников сам сюда приходил. Задавал вопросы. Я ему рассказала, как с тобой познакомилась, почему решила тебе помочь... – она поежилась. – Давай не будем пока об этом. А то мне страшно становится. Вдруг они и меня мучить будут?

– Так ты же своя здесь. Какой смысл им тебя-то мучить?

Скавенка грустно посмотрела на человека.

– Ты не знаешь наших безопасников. И... я уже не «своя». Я для них всех – предательница. Для всего своего племени. А предателей – как и шпионов – у нас ОЧЕНЬ не любят. Особенно тут, в Бибиреве.

Восток помедлил, а потом накрыл ее узкую ладошку своей широкой пятерней. Погладил.

Крыся низко опустила голову. Ей сейчас очень хотелось прижаться к его плечу и хотя бы на время забыть обо всех их бедах. Но она подумала о его погибшей во время Удара возлюбленной и не двинулась с места.

Восток же думал о том, какой непредсказуемой порой бывает человеческая судьба. Он шел на север Москвы, чтобы изловить и притащить научникам мутанта-крысиюка, получить за него солидный гонорар и зажить припеваючи на какой-нибудь тихой станции. А вышло... Вышло, что здесь он неожиданно для себя нашел... друга. В лице этого самого мутанта!

Ни на Семёновской, ни на какой-либо другой станции людской части Метро Восток не мог назвать ни одного человека, с которым бы его связывала дружба. Были коллеги, были приятели разной степени близости и знакомцы разной степени шапочности... А вот друга – в самом полном и истинном смысле этого слова – до сих пор как-то не появилось. И хотя не был Восток ни сторонящимся общества нелюдимом, ни каким-нибудь подлецом-негодяем, от которого общество бы само шарахнулось... а вот как-то до сих пор не срасталось у него с дружбой. Жизнь в подземелье и опасная профессия сталкера вносили свои корректизы в привычные понятия, о которых там, наверху, до Удара, многие как-то даже и не задумывались всерьез, легкомысленно бросаясь

ими направо и налево. Друг в Метро или друг в какой-нибудь интернетной соцсети, которого ты даже ни разу «живьем» не видел, а только и знаешь про него, что у него в друзьях – один-два таких же твоих «друга», про которых ты также знаешь либо крайне мало, либо вообще ничего?

Есть разница?

Огромная.

Вот только пришла к нему эта дружба слишком поздно. Права Крыся – шпионов и предателей никто не любит. И скоро все так или иначе закончится. Но отчего-то сознание близкой смерти придавало этой зарождающейся дружбе в глазах Востока особую, ни с чем не сравнимую ценность.

Теперь он даже радовался, что ему не придется похищать Крыся и тащить ее к людям. К тому же и шприцы со сноторвным нашли и отобрали при обыске. А на допросе еще и настырно интересовались их содержимым. Пришлось сказать, что там яд на всякий экстремальный случай. Потому что в версию «антирад» никто бы не поверил – поскольку антирад хранился в аптечке (также изъятой при обыске), а шприцы были найдены в таких подозрительно-укромных местах, что поневоле вызывало у местных безопасников вполне закономерные вопросы на тему: зачем прятать дополнительные инъекторы с антирадом так тщательно и укрумно?

Крыся отвлекла его от мыслей, снова придвинув лоток с грибами.

– Давай-ка все-таки поедим. Ты сам сможешь или тебе помочь?

– Да уж попробую сам! Руки целы, слава богу...

Скавенка кивнула. Привычным движением собрала щепотью немного скользкой «каши» и отправила в рот. Восток последовал ее примеру, но у него поначалу плохо получилось.

– А ты вот так, – показала Крыся. Восток повторил.

– Ловко у тебя получается! Наверно, много практики было?

– Ну... типа того. У нас в общине многие жители вообще ложками не пользуются. Или руками, или палочками. Но это месиво палочками не поешь. Да и палочек тут нет.

– У вас в общине – в смысле, тут, в Бибиреве?

– Нет. Тут-то как раз все цивилизованно – ложки, вилки... Я с Петровско-Разумовской. У нас там совсем другой уклад жизни... Даже рабство есть.

– Ты серьезно? – Восток даже приостановил руку с очередной порцией еды.

– Более чем. Моя мать... была рабыней – пока не стала наложницей одного из хозяев и не родила ему сына. Теперь она его жена.

– А ты?

– А я – *грязнокровка*. Для местных это ниже, чем рабыня. Хотя я и свободна.

– Не понимаю...

– Ну... как тебе объяснить... У нас – три племени. Черные скавены – они из какого-то Кавказа. Желтые – бывшие ве... вьетнамцы. И белые – все остальные: русские и им подобные. На нашей станции власть принадлежит черным кланам. Желтые – рабы, а белых там совсем нет. Моя мать – желтый скавен, а отец... – тут Крыся вздохнула, – отцом был белый добытчик... по-вашему сталкер, с какой-то другой станции, я его в жизни никогда не видела. А поскольку во мне нет ни одной капли крови черных скавенов, то для нашей общины я – *грязнокровка*. То есть – самое презираемое ими существо. Такие вот пироги... с котятами.

– Удивительно! – пробормотал Восток, качая головой. В Метро он видел всякое, но чтобы вот такое резкое расслоение общества не только на рабов и господ, но еще и по чистоте крови...

«Ну чистый Рейх! Знали бы на Чеховской – давно бы уже явились сюда по Серой с предложением союза! Хотя... нет. Тамошние фашисты местных «господ» живо бы пустили в расход: не любят на Чеховской «черных»! А за ними бы – и их «желтых» рабов. Да и вообще всем бы крысюкам триндец наступил! Нелюдей на Чеховской не любят еще больше, чем «черных».

– Значит, ты у нас наполовину вьетнамка? А я еще гадал, на каком языке ты ругалась там, у библиотеки, а это вьетнамский!

– Да. Мама научила. Она-то по-русски до сих пор плохо говорит.

Внезапно Крыся насторожилась и подняла голову, прислушиваясь.

– Что? – тут же подобрался и Восток.

– Шаги... за дверью... Кажется, это сюда...

Заскрежетал ключ в замке, дверь распахнулась, и в камеру вошел охранник Никита. За его спиной маячил кто-то из безопасников.

– Крыська – на допрос!

Скавенка с неописуемым выражением лица медленно поднялась, во все глаза глядя на вошедшего и машинально вытирая руки тряпицей.

– Ну чего застыла? Шевелись давай!

Восток стиснул кулаки и тоже встал. Если они и ее станут допрашивать так же, как и его, – то есть «с пристрастием»...

Но он ничего не мог поделать в данной ситуации. Слишком неравны были силы.

И вот это и бесило.

Выходя из камеры, скавенка оглянулась на сталкера. Того как шилом пронзило: она еще и пыталась улыбаться ему!

Дверь захлопнулась за спинами уводивших Крысю конвоиров, проскрежетал ключ, и снова наступила тишина.

Теперь уже пришел черед Востока метаться по камере в напряженном ожидании. От мыслей, что могут сделать с девушкой во время допроса, он впадал то в ярость, то в отчаяние. И главное – он сам ничем не мог помочь ей!

Медленно тянулось время. Наконец снова лязгнул в замке ключ, и охранник втолкнул в камеру взъерошенную, со следами слез на лице, но абсолютно невредимую Крысю.

– Восток, ты представляешь! – прямо с порога воскликнула она. – Меня никто даже пальцем не тронул! Только орали, запугивали и по мозгам ездили! Не понимаю, с чего это вдруг я так легко отделалась?

В голосе ее было крайнее изумление.

Восток облегченно выдохнул и уже ничуть не колеблясь сгреб ее в охапку, обнял и крепко прижал к себе.

— Ай, ты чего? — дернулась крысишка. Лицо ее стало совсем ошарашенным.

— Просто очень рад за тебя. Я уж чего только не передумал. Представлял всякие ужасы, как тебя там... терзают, а я — тут и ничего не могу сделать...

— Ааа... — Крыся ощутимо расслабилась. — Ясно. Но ты меня так больше не пугай, а то я — существо нервное... У нас воды не осталось?

— Держи.

Сделав несколько экономных глотков, девушка вдруг разом посерезнела. Даже погрустнела.

— Мне так и не поверили, что мы с тобой познакомились только этой ночью. Припаяли давнее сотрудничество с тобой, как со шпионом. А завтра состоится суд. Ежу ясно, что он будет просто формальностью. Так что мы с тобой уже можем начинать готовиться к... закономерному печальному финалу. И прощаться.

Скавенка со вздохом опустилась на тюфяк. Легла ничком и спрятала лицо в скрещенные руки.

— Вот и все... — еле слышно обронила она и затихла.

Восток смотрел на нее, и внутри него зрело решение. Каким бы ни был приговор, который им вскоре вынесут, но он пойдет с ней — с этой чуждой его расе мутанткой, с этим экзальтированным «нервным существом» — до конца. Каким бы он ни был.

Сталкер тоже сел на тюфяк. Осторожно провел ладонью по волосам Крыси, больше напоминающим пушистую тонкую шерстку.

— Попрощаться мы еще успеем — сказал он. — Нас же не прямо сейчас казнят!

Крыся вдруг резко приподнялась, без слов крепко обняла его и уtkнулась носом ему в грудь. Да так и застыла.

Восток слышал, как колотится сердце крысишки, чувствовал ее теплое дыхание на своей коже. Рука его снова потянулась к ней.

— Ты поспи, — предложил он, глядя и перебирая ее волосы. — Все же будет легче ждать.

...Некоторое время спустя сменившийся охранник, слегка встревоженный мертвой тишиной за дверью, заглянул в каме-

ру через специально встроенный в дверь телескопический глазок.

Пленник сидел на тюфяке, привалившись спиной к стене и вытянув ноги. На коленях у него покоялась голова спящей девушки. Крыся иногда вздрагивала во сне, сталкер осторожно и ласково гладил ее по голове, и девушка затихала.

Покачав головой, охранник аккуратно прикрыл глазок задвижкой.

Про суд, предстоящий этим двоим буквально через несколько часов, он уже знал.

-

Глава 10

ТРИБУНАЛ

– Встать, суд идет!

Знакомая по довоенным фильмам и телепередачам фраза едва не рассмешила Востока. В другой ситуации он бы, может, и правда посмеялся над очевидным казусом – ведь на том пятаке платформы, где бибиревцы собирались судить «шпиона» и «предательницу», кроме мест для самих судей и ведущего протокол секретаря, больше ни одного стула или скамейки. Так что все присутствующие в данный момент и так стояли.

Но куда уж в таком деле без ритуалов и сопутствующих им фраз!

– Заседание трибунала по делу о шпионаже и предательстве в пользу врагов Содружества скавенских станций, – продолжал вешать председатель, – объявляется открытым!

«Трибунал?!..»

Сталкер слегка опешил, но потом подумал, вспомнил все, что знал о порядке и особенностях довоенной системы судопроизводства, и мысленно согласился с говорившим. Да, трибунал. Именно

трибуналом и должны рассматриваться все дела о шпионаже и предательстве интересов родины.

Значит, суд будет коротким и без лишних разглагольствований.

Он бросил взгляд на стоящую рядом Крысю. Девушка снова выглядела подавленной и изредка нервно вздрагивала, машинально теребя растянутый подол своего свитера. Перед заседанием, когда их выводили из камеры, им опять сковали руки, причем Востоку – видимо, как наиболее опасному – снова за спиной.

Наручники Крыси тихо позвякивали, но она, кажется, этого не замечала, продолжая терзать ни в чем не повинную вещь.

Сталкер чуть толкнул ее локтем, а когда она подняла на него глаза, прошептал одними губами:

– Успокойся.

К счастью, никто этого не заметил – ни охрана, ни судьи. А то бы еще и досталось за перешептывания без права голоса!

Крыся слегка улыбнулась ему уголком рта и снова опустила взгляд. Руки ее замерли.

Заседание меж тем катилось дальше, как дрезина по хорошо накатанным рельсам. И, как отметил про себя Восток, действительно больше походило то ли на военно-полевой суд без свидетелей и адвокатов, то ли на – как недавно предрекла Крыся – простую формальность. Во всяком случае, как ему стало ясно, практически никого не интересовало истинное положение дела. Им даже не дали возможности высказаться по поводу предъявленных обвинений. Вопиющие нарушения порядка заседания были видны невооруженным глазом даже не юристу, что искренне возмутило Востока.

Из всего того, что он узнал и услышал во время допроса и потом, от Крыси, сталкер заключил, что, похоже, местные службы безопасности решили то ли выслужиться перед властями Содружества, то ли отыграться на них с Крысей за долгое отсутствие «настоящей работы», то ли все это вместе... Ишь, как рьяно взялись «топить»! И ладно бы только его, Востока, но ведь и свою соплеменницу, которая, всего-то выручив из опасной ситуации

представителя враждебного племени, теперь расплачивалась за собственную доброту и отзывчивость!

Заседание продолжалось. Пару раз председателю приходилось урезонивать некоторых зрителей, слишком громко высказывавших свое мнение по поводу всего происходящего и требовавших немедленно расстрелять подсудимых.

– К сожалению, у нас нет возможности вывести нарушителей из зала суда за отсутствием самого зала, – сказал судья, – но если так будет продолжаться и далее – зачинщики беспорядков окажутся на месте подсудимых!

Угроза возымела действие, реплики из толпы прекратились. Видимо, с пресечением даже мелких нарушений в военизированной общине Бибирево было и правда все очень серьезно.

Наконец подсудимым дали последнее слово.

Крыся, к удивлению и беспокойству Востока, никак на это не отреагировала. Только окинула всех присутствующих долгим, полным горечи и укора взглядом, вздохнула и снова потупилась. По толпе прошелестел легкий шум.

Сталкер расправил плечи и чуть выдвинулся вперед.

– Последнее слово – так последнее слово, – сказал он. – Я не шпион. Я – сталкер, по-вашему – добытчик. Воевать с вами люди не собираются и не собирались. И осуждая за предательство ее, – он кивнул на Крысю, – вы совершаете очень большую ошибку. Девушка – не предательница. Она просто спасала мне жизнь. Не рассуждая, кто перед ней – друг или враг. С каких это пор проявления великодушия и милосердия считаются предательством и караются смертью?

Поднялся шум, сперва негромкий, но усиливающийся с каждой минутой. Охранники подсудимых подобрались, готовые отражать вероятную агрессию толпы. Председатель суда застучал молоточком по столу:

– Тихо! Тишина в зале!

Однако на этот раз его призывы остались без внимания. Толпа взволнованно переговаривалась, обсуждала сказанное человеком, спорила...

К ним вдруг приблизился какой-то чернявый скавен, по виду – ровесник Востока или чуть постарше, и изучающе взорвался на пару в наручниках, рассматривая их с заметным любопытством. На лацкане его сильно поношенного пиджака блестел значок с двумя масками – веселой и грустной.

При виде его Крыся встрепенулась и подалась вперед.

– Артур Сергеевич... – вдруг быстро и почти умоляюще проговорила она, – я принесла книги... Для театра... Только... их отняли...

Руководитель бибиревского театрального кружка (а это был именно он) долго смотрел на нее не то с сожалением, не то с сочувствием, не то с осуждением.

– Эх, Крыська, Крыська... – наконец сказал он с сокрушенным вздохом, – а я ведь собирался попробовать тебя на роль Джульетты в нашем спектакле! Хотел тебе сказать об этом после твоего возвращения, а ты...

На Крысю было жалко смотреть. Глаза ее расширились, губы беспомощно задрожали. Девушка так и впилась взглядом в кружковца, и на ее лице последовательно отразилась целая гамма переживаний – изумление, робкое счастье, острое чувство вины, сожаление, отчаяние, боль... Она покачнулась, закрыла руками лицо и еле слышно застонала.

Восток бросил на местного «станиславского» мрачный взгляд и придинулся ближе к Крысе, чтобы если что поддержать ее. Хотя бы плечом. Но девушка, огороженная известием, словно не заметила его движения. Сталкер скрипнул зубами и чуть пошевелил руками в наручниках. По его мнению, этот чернявый крысюк не должен был так бессовестно издеваться над своей и без того подавленной чувством непоправимой вины соплеменницей.

Он вдруг ощущил на себе чей-то пристальный взгляд и тут же развернулся в ту сторону, откуда он был направлен.

На него смотрел один из судей – довольно старый и совсем уже седой крысюк, которого при других обстоятельствах Восток просто принял бы за человека.

«Старожил станции... – понял сталкер. – Из тех, кто пережил Удар, а потом – крыс и эпидемию... Первое поколение...»

Он повел плечом и тоже уставился на местного аксакала. Суро-во, чуть ли не требовательно: ты, некогда бывший человеком, прояви же хоть какое-то понимание ситуации!.. Прояви человечность!

Скавен усмехнулся. Кажется, от него не укрылись ни потрясе-ние Крыси, ни попытка закованного в наручники человека хоть как-то защитить и поддержать ее.

Окружающие что-то гомонили на разные голоса, но седой скавен, кажется, совсем их не слушал. Прикрыл морщинистые веки, он о чем-то размышлял. Наконец, когда стало уже совсем шумно и напряженно, старец властно поднял руку.

Шум стих, как по команде.

– Суд удаляется на совещание! – провозгласил скавен и, не до-жиаясь коллег по судейству, направился куда-то в торец станции. Бибиревцы одобрительно зашумели вслед.

Охрана сомкнулась за спинами судей, не позволяя кому-нибудь из любопытных прошмыгнуть за ними и подслушать их дебаты.

Внимание зевак снова переключилось на подсудимых. Восток снова чуть ли не кожей ощутил их полные презрения и ненависти взгляды. Но если ему на эмоции местного населения было практи-чески наплевать, то Крысе, похоже, доставалось морально по пол-ной программе. Бедняжка совсем съежилась и сникла под этими хлещущими взглядами и хоть и пыталась держаться, но Восток уже видел, что надолго ее не хватит.

– Не бойся! – шепнул он ей, касаясь локтем ее вздрагивающего плечика. – Я рядом.

Крыся повела мимо него невидящим и каким-то совершенно отрешенным взглядом и ничего не ответила. Только судорожно вздохнула, пытаясь справиться с дрожью.

Томительно тянулось время. Наконец, когда охране уже при-шлось отгонять от подсудимых некоторых не в меру расхрабрив-шихся ребятишек, норовивших то ущипнуть, то ткнуть пальцем «страшного» человека, судьи вышли из палатки, где обсуждали приговор.

– Суд вынес решение и, учитывая все обстоятельства дела и следствия, постановил... – провозгласил председатель после произнесения всех обязательных в таком случае фраз, – шпиона из «чистой» части Метро приговорить к отправке Наверх днем, без защитных средств, оружия и снаряжения. Его сообщницу, бывшую добытчицу Содружества Крысию, обвиненную в предательстве и пособничестве вражескому шпиону, навсегда изгнать из земель Содружества в Алтуфьево, запретив возвращаться под страхом смертной казни! Приговор окончательный и обжалованию...

– А вот я не согласен! – вдруг как гром с ясного неба раздался громкий голос Востока, бесцеремонно перебившего размеренную речь скавена.

На несколько секунд воцарилась изумленная тишина, и только охранники, взмахнув дубинками, ринулись было усмирять пленика... Но сталкер стоял совершенно спокойно, не делая никаких попыток к бунту, и охрана отступила.

– Ты смеешь оспаривать решение суда? – с холодным удивлением проговорил председатель, жестом приказывая уgomониться снова начавшей было шуметь толпе.

– Смею! – сталкер твердо встретил взгляд раздраженного его нахальным вмешательством скавена. – Если вам так уж хочется приговорить нас к отсроченной смерти – отправьте меня вместе с ней, – он кивнул на Крысию, – в это ваше Алтуфьево. Да, я наслышан о том, что там делают с плениками... слухи, знаете ли, и до нашей части Метро добрались. Так что не думаю, что я много выиграю, отказавшись от уготованной мне вами «прогулки» Наверх! А если хотите соблюсти приличия и остаться с чистыми руками – можете даже обменять нас на кого-нибудь из ваших близких, которые, возможно, сейчас находятся в плену у ваших «добрых соседей»! Что скажете?

Судьи уставились на сталкера, ошарашенные его отчаянно-смелой выходкой и неожиданным предложением. Потом принялись перешептываться. Толпа снова загудела.

– Парень, ты идиот или мазохист? – спросил пожилой, но крепкий и уже начинающий лысеть крысюк в потертых штанах

расцветки «урбан». Восток наметанным глазом определил: коллега! Местный сталкер – или, как говорит Крыся, добытчик. Возможно, из командиров: вон, как уверенно и властно держится! И тоже, кстати, представитель первого поколения! – Или подвигов перед смертью захотелось? Так ведь никто тебе за них медали или звания не даст! Сгинешь почем зря...

– И какое тебе, человеку, дело до наших близких? И... – товарищ добытчика, столь же колоритный, но куда более молодой, кивнул на Крысю, – вот до нее? Чего ты за нее вписывалась?

– До ваших близких мне и правда дела нет, – неторопливо согласился сталкер. – А вот девушке я задолжал.

– И много ли задолжал? – второй добытчик скривил и без того искашенное мутацией лицо.

– Жизнь, – коротко ответил сталкер. – Три раза. Как минимум.

Он пристально посмотрел в глаза пожилому местному коллеге:

– Так что я хочу пойти с ней. До конца. Долг платежом красен.

Пожилой скавенский сталкер как-то по-новому окинул его взглядом (Востоку даже почудилось в его глазах что-то вроде уважения), но промолчал. А потом сделал знак товарищу, и они оба пошли прочь от места судилища.

– Зачем?.. – услышал Восток шепот потрясенной Крыси и посмотрел на нее. Кажется, оглашение приговора едва не добило ее, но неожиданный поступок товарища по несчастью и его короткий разговор с местными коллегами привели скавенку в чувство. – Зачем такие жертвы? И зачем тебе-то в Алтуфьево? Ты с ума сошел, они же замучают тебя до смерти! А если ты и выживешь после пыток – все равно отправят Наверх...

– Крысь, но ведь мне так и так светит оказаться под солнышком! – Восток подмигнул девушке. – Днем раньше, днем позже... Но до этого я хоть тебе чем-нибудь попытаюсь помочь... Надеюсь, что у меня получится!

– Прав Питон – ты сумасшедший! – безнадежно констатировала крысишка. – У тебя был шанс укрыться где-нибудь от солнца, дождаться темноты и попробовать спастись... Может быть, они

даже оставили бы тебя там без наручников, так что шанс все-таки был... А ты...

– Ну и куда бы я пошел – один, без защиты и оружия? До первого мутанта?.. Не, он, конечно, будет мне очень рад, тут же пригласит вместе пообедать... Крысь, я уже все для себя решил. Я пойду с тобой. Что бы ты там ни говорила.

– Но...

Восток окинул взглядом окружавшую их толпу и посмотрел девушки в глаза.

– Когда-то люди бросили вас, – тихо, но очень весомо проговорил он, – обрекли на смерть, эпидемию и превращение в... то, чем вы сейчас являетесь... Я же в курсе, что творилось на подходах к Савеловской, когда заболевшие люди с вашей стороны пытались найти помощь и спасение у остального Метро! Их уничтожили! И постарались забыть эту историю! И теперь... Знаешь, Крысь, мне как-то не хочется к этому списку до сих пор не оплаченных людских долгов перед вами добавлять еще и кучу своих персональных – перед тобой. Ведь это же из-за меня мы оказались в такой же...сткой ситуации! А тебе я несколько раз жизнью обязан. Так что не спорь. Если они, – он чуть кивнул на все еще переговаривающихся судей, – примут мое предложение, то я пойду с тобой к этим вашим... солнцепоклонникам. А там... Кто знает, как все еще может обернуться! – он снова подмигнул ей. – Так что не теряй надежды и выше нос!

Тут сталкер заметил, что к судьям подошел давешний пожилой добытчик и принял что-то тихо говорить им. При этом он иногда многозначительно посматривал на Востока. Скорее всего, передавал сказанные им слова насчет долгов.

Увиденное вселило в сталкера некоторую надежду на то, что, возможно, все еще переменится к лучшему и уготованная им кара сменится на куда менее жестокую. Хотя бы в отношении Крыси. За себя Восток не слишком переживал – он давно привык к мысли о ходящей по пятам смерти. Она подстерегала сталкеров за каждым углом, и многие из них – в том числе и сам Восток – уже давно стали относиться к ней философски.

Но вот девушку надо было вытащить во что бы то ни стало. Или хотя бы добиться для нее более мягкого – насколько это было возможно – приговора.

Немедленного расстрела им, слава богу, избежать удалось. Правда, в перспективе их теперь ожидала смерть более долгая и мучительная, но... Как знать, что может произойти на отрезке их жизни между нынешним мигом и самой последней точкой в рукописи их судеб? И... будет ли эта точка поставлена именно там, в Алтуфьеве? Пока есть время – надо бороться за любую возможность выжить, отсрочить миг конца. А время у них пока что есть. И, как сказал незабвенный Ходжа Насреддин в старом-престаром анекдоте: «За эти двадцать лет кто-нибудь из нас да умрет. Либо я, либо этот ишак, либо эмир!»

Но даже если им совсем не повезет... Что ж, по крайней мере он, Восток, сделает все от него зависящее, чтобы грозящая Крысе смерть не была для нее долгой и мучительной.

Долг и в самом деле платежом красен!

В конце концов, хоть у него и отобрали оба шприца со снотворным, но резервный, спрятанный в тайнике в каблуке ботинка, местные безопасники не нашли. И той лошадиной дозы, что была в него закачана, хватило бы, чтобы хрупкая и впечатлительная крысишка даже не заснула – умерла бы мгновенно и не мучаясь.

И это обнадеживало!

Глава 11

ОТВЕРЖЕННЫЕ ВСЕМИ

Массивные, сваренные и склепанные из железных решеток и кусков вагонной обшивки ворота отделяли «благополучную» часть скавенского Метро от алтуфьевской «резервации». Высокие, чуть ли не под самые своды туннеля, они надежно перекрывали путь всем, кто попытался бы проникнуть в зону контроля Содружества со стороны последней станции Ветки. Для редких случаев выхода за пределы этой зоны имелась небольшая, надежно запираемая калитка.

Внутри периметра ворота подпирала баррикада из мешков с землей, за которой очень удобно было прятаться бойцам этой маленькой пограничной заставы.

Внушительный вид укреплений и замкнуто-хмурые лица гарнизона наводили на мысль, что в соседях у суровых бибиревцев были весьма серьезные ребята, которых здесь явно не склонны были недооценивать.

Изначально баррикады возводились для защиты от внешних врагов, которые теоретически могли бы просочиться с поверхности

сти через последнюю, опустевшую во время эпидемии, станцию Ветки. Только потом, когда на нее стали ссылать преступников и изгоев, баррикады и не так давно сооруженные перед ними ворота стали преградой между Содружеством и его преступившими закон бывшими гражданами.

Впереди, примерно метрах в полустанте от ворот на прямом, как стрела, участке перегона, туннель от стены до стены перекрывала еще одна баррикада из мешков и железного лома. Это уже был пограничный блокпост алтуфьевской вольницы. Время от времени из-за укрепления поднимались сизые дымки от самокруток и доносились невнятные обрывки разговоров и смех: алтуфьевский дозор тоже нес службу, но нес ее как-то более непринужденно, чем те, что сидели за воротами со стороны Бибireва.

Пространство между двумя укреплениями считалось нейтральной зоной и во времена затишья использовалось для меновой торговли, переговоров и обмена пленными.

Буквально несколько часов назад на этой самой нейтральной полосе бибireвские парламентеры передали для алтуфьевских властей письменное предложение об очередном обмене. Накануне лихим алтуховцам (так еще называли на Ветке жителей конечной станции) удалось захватить двоих рабочих из трудового десанта, высланного Содружеством Наверх для перевозки в подземку экспонатов историко-краеведческого музея «Отчизна», располагавшегося в длинной полуразрушенной многоэтажке на улице Коненкова недалеко от Бибireва. Музей был нужен школе для того, чтобы местные ребятишки могли ознакомиться с довоенной историей и в дальнейшем иметь хоть какие-то представления о своих корнях. Идею этой довольно рискованной затеи долго обсуждали в Совете Содружества, но все-таки, взвесив все за и против, дали добро и даже не поскупились на средства. Рабочих должны были отвозить и привозить под охраной военных на бронированном «инкассаторе», некогда пригнанном из гаража какого-то банка. Те же военные и добытчики должны были заранее позаботиться о том, чтобы в помещении музея и вокруг не оказалось ни одной живой души.

Во время одной из смен, при погрузке, и случилось дерзкое нападение алтуховцев. Охрана сумела обратить непрошеных визитеров в бегство, но двоих зазевавшихся рабочих налетчики все-таки уволокли с собой.

И теперь Содружество желало получить их назад. А взамен предлагало разбойным соседям нечто куда более интересное и заманчивое.

Пойманного в перегонах человеческого лазутчика и помогавшую ему скавенку-сообщницу.

Когда в высшей степени беспрецедентное и крайне нахальное предложение об отправке его вместе с Крысей в Алтуфьево все-таки было (после долгих споров судей) принято, Восток почувствовал, что с его плеч словно камень свалился. И, хотя впереди их не ждало ничего хорошего, даже наоборот, ему почему-то хотелось петь.

Крыся все это время посматривала на него со смесью удивления, непонимания и сочувствия, но молчала и только изредка вздыхала. Когда их уводили обратно в камеру, где им предстояло дожидаться исполнения приговора, девушка перехватила устремленный на них пристальный взгляд Питона. Командир рассматривал Востока, словно какую-нибудь впервые найденную Наверху диковину, и в глазах его читался немой вопрос.

Встретившись взглядом с бывшим своим наставником в премудростях ремесла добытчика, Крыся резко пожала плечами, состроила гримасу, как бы говорившую: «Ну а я что могу сделать?!» – и отвернулась.

Пока приговоренные ожидали своей участи в камере, власти Содружества спешно инициировали переговоры с Алтуфьевым по поводу возвращения двух захваченных в плен рабочих. Внезапное предложение Востока насчет обмена не на шутку взволновало жителей Бибireva, и теперь Совету Содружества, даже если он и имел относительно сталкера какие-то другие планы, пришлось посчитаться с мнением общественности, которая теперь была рада тому, что человек так бесцеремонно и

безо всякого почтения к высокому суду нарушил весь протокол заседания.

И вот настал тот час, когда Востока и Крысю вывели из камеры и в сопровождении конвоя и офицера СБ повели прочь со станции. Переговоры увенчались успехом.

...Руки связаны, сзади подталкивает в спину дулом автомата конвойир, впереди зияет бездонной глоткой туннельная темнота, да убегают куда-то потускневшие рельсы. Они вышли со станции под свист и улюлюканье детьворы и недобрые взгляды взрослых. Медленно спустились на путь, долго стояли перед зевом туннеля, щурясь от света фонарей суетившихся вокруг охранников. Лысоватый эсбэшник махнул рукой: пошли! Огни станции остались позади. Рельсы, рельсы, шпалы, шпалы, ломкие тени на ребристых сводах тюбингов...

Остановились они у ворот – габарит тоннеля почти до самого свода перекрывали сваренные и склепанные из железных листов и арматуры створки с узкими щелями амбразур. Перед ними – баррикада из мешков, примус с чайником, хмурые лица дозорных.

– Это что еще за экскурсия? – голос у начальника караула был чуть картавый, сухой. – Кого привел, Пал Саныч?

– Обмен. Наших работяг на этих вот менять будем. У алтуховцев, – эсбэшник долго разминал рукой затекшую шею, покачивая из стороны в сторону плешиным затылком.

– А, ну да, вспомнил! А эти-то что за птицы? – картавый караульщик всмотрелся в испуганное лицо девушки-скавенки и мрачно-сосредоточенное – человека. – Ты ж смотри! Человечек! Далековато тебя занесло... Пал Саныч, это что в Алтухах уже и люди завелись, и вместе с их женщинами Наверх ходят?

– Петрович, шпионы это. Шпионы «чистых». Вчера их поймали. Ты тут просидел, не знаешь ничего. Эта вот – наша, бывшая добытчица. А этого, – рука в порванной черной перчатке махнула в сторону Востока, – она с собой притащила.

– То-то я смотрю, больно лицо знакомое!

Караульщик щелкнул фонарем, Крыся зажмурилась.

– Эх, девочка, девочка... Надо оно тебе было? – в ответ девушка чуть дернула плечом. – Судили?

– Судили, Петрович, судили, – мрачно откликнулся лысоватый и приказал приговоренным:

– Сесть!

Те повиновались и присели на рельс. Восток, решив, видимо, слегка разрядить обстановку и приободрить шуткой спутницу, негромко сказал ей:

– Крысь, подвинься!

Но то ли скавенка не знала этого анекдота, то ли была слишком погружена в свои мысли... Она машинально подвинулась, уступая сталкеру место.

– М-да... – негромко крякнул Восток, присаживаясь рядом. – Факир был пьян...

– Во, блин, он еще и шутит! – присвистнул один из дозорных.

Начальник караула же ничего не сказал, вздохнул только.

– Ладно, Пал Саныч. Кричи разбойников, раз пришел.

Дозорные зашевелились, кто-то брякнул предохранителем, кто-то завозился, устраиваясь поудобнее за мешком. Безопасник вытащил из-за пояса пистолет и вышел за баррикаду, к воротам.

– Эй, на той стороне!

Эхо улетело в тоннель, замолкло. А потом вдали, где-то в темноте на той стороне, зажегся огонек.

– Чего надо? Кого там нахрен принесло?

– Обмен!

– Какой такой обмен?

– Валютный, мать твою! Пленных менять будем! Вам вчера еще бумага была послана.

– Ну да, была какая-то цидуля... – далекий огонек пару раз качнулся из стороны в сторону. – Мож, даже и про пленных...

Лысоватый вскарабкался повыше на мешки – туда, где сплошное железное забрало ворот переходило в частую решетку, и тоже поднял фонарь вверх.

– Да вижу, вижу, не мельтеши, – донеслось с противоположной стороны. – Клетку-то свою открывать будете или как?

Безопасник сплюнул себе под ноги.

– За дураков нас держиши, Мухомор? Я тебя, паразита, еще самого в клетке увижу! Давай тащи наших. Тогда и дверь откроем.

С противоположной стороны послышался смешок. Огонек исчез, а потом заторопились куда-то еле слышные шаги.

Пал Саныч, почесывая лысину, возвратился за баррикаду, сел у примуса.

– Ну, теперь полчаса ждать, не меньше... Петрович!

– Ась?

– Налей чайку, что ли...

– А давай!..

В обшарпанные эмалированные кружки потекла пахучая коричневая жидкость.

– Эх, хорош чаек! – одобрительно причмокнул безопасник.

Начальник дозора кивнул на безучастных приговоренных:

– Саныч, мож и им нальем?

– С чего бы? – приподнял бровь эсбэшник, удивившись такому гуманизму.

– Ну... пусть побалуются... напоследок. В Алтухах им уж точно чаевничать не доведется. Особенно девушке. Может, это вообще их последний в жизни чай.

– А, дело твое, – махнул рукой безопасник, снова потирая шею. – Благотворитель, тоже мне...

Начальник дозора допил свой чай, ополоснул кружку, снова ее наполнил и подошел с нею к Крысе с Востоком.

– Нате вот, глотните чайку – сказал он.

Крыся вскинула на него расширившиеся от изумления глаза. Пожалуй, от своих соплеменников она уже не ждала ничего хорошего.

На этот раз руки у обоих были связаны, и связаны за спиной. Дозорный сам поднес кружку к губам девушки. Та чуть помедлила и несмело склонилась над ней, вдыхая ароматный парок заваренных трав. Глаза ее были закрыты.

– Ну что же ты? Не бойся.

Крыся открыла глаза и отстранилась от руки дозорного. Смузично подняла взгляд.

– Спасибо... – с теплой и грустной улыбкой прошептала она. – Не нужно. Очень горячо, боюсь обжечься... Можно вот ему немногопопить? – она кивнула на Востока.

– Не надо, – тут же отозвался сталкер. – Конечно, спасибо за заботу, командир, но я тоже не стану пить. Из корпоративной со-лидарности с коллегой-добытчицей. Надеюсь, ты не обиделся?

– Вот же дурни... – покачал головой скавен. – Ну, ваше дело!

Он вернулся на свое место, но еще несколько раз Восток и Крыса ловили на себе его задумчиво-изучающий взгляд.

Безопасник допивал вторую кружку чая, когда из туннеля пронзительно засвистели в два пальца. Пал Саныч обернулся, и тут же со стороны Алтуфьева ударил прожектор. Эсбэшник скрипился, зажмуриваясь.

– Эй, там! Все живы или обделался кто? – окликнул веселый голос со стороны вражеской заставы.

Специально, паразиты, сначала внимание привлекли, а потом засветку дали. Ну, борзота...

– Мухомор, я тебе рожу рельсом отполирую!

Алтуфьевские грохнули хохотом.

Пал Саныч с трудом распрямился – давала о себе знать больная поясница – и показал лучу света внушительный кулак.

– Всех вас, гузна куриные, в бараний рог свернем!

– Всенепременно, Пал Саныч, всенепременно! Только давай уже о деле, да?

Прожектор немного опустился, свет ослаб, но лысоватый стоял на месте, пока уже со стороны Бибирева не рявкнул запускаемый генератор и не засветило на пятьсот ватт локомотивным прожектором. Вот теперь можно и начинать.

Застава алтуфьевских была похожа на соседскую – то же перекрывающее пути гнездо, прожектор, только ворот нет, зато всяко-го железа понавалено кучами. Из-за куч и мешков встал кто-то, помахал рукой, Пал Саныч ответил тем же. Узкая калитка в створках бибиревских ворот со скрипом отворилась, открывая прямоугольник прохода.

– Ну все, ребятки, пошли.

Девушку и мужчину рывками вздернули на ноги. Охранники, тяжело топая, вышли на ничейную землю. Одновременно на встречу им вышла делегация противника.

Мухомору было на вид лет сорок. Тощий, низенький, в измазанной чем-то бурым ковбойской шляпе, он стоял перед грузным тяжеловесным Пал Санычом, что называется, как мышь перед горой. По вытянутому лицу алтуховца гуляла издевательская ухмылка, но глаза были серьезны. Великан Пал Саныч глядел на оппонента с людоедской любезностью, но и за ней чувствовалось напряжение. Командиры молчали с полминуты, а потом, будто заранее говорившись, одновременно сделали шаг назад. Мухомор щелкнул пальцами. Из-за алтуфьевских завалов дородный разбойник вывел двух понурых скавенов.

– Вот мой обмен. А твой где, а, Пал Саныч?

Бибировец грузно шагнул в сторону, а конвоиры снова ткнули дула автоматов в спины передаваемых.

При виде девушки по рядам бандитов прошел шепоток. На человека почти никто не обратил внимания.

– А niche бабенка-то...

– Да, уж я бы ее...

Мухомор прищурился.

– Ага. Двое. Мужик из «чистых» и наша девка, – он будто сверялся с описью. – Есть такие, имеются... Че-то я тебя не узнаю, Пал Саныч. Не торгуешься, наколоть не пытаешься... Чудеса – и только! В чем тут прикол, не растолкуешь... по-соседски?

– Ты, гриб червивый, мне голову не морочь. Давай ребят, а этих бери, раз Кожан согласился. Будешь тряндеть много – останешься без языка, я вашего атамана знаю.

– Больно ты, Пал Саныч, умный, как я погляжу... У нас таких не любят. – Мухомор чиркнул пальцем по переднему зубу и сложил пальцы в какой-то замысловатый и явно паскудного смысла кукиш. Потом демонстративно повернулся и ушел. Традиционный обмен напутствиями состоялся.

Алтуфьевский громила-конвоир развязал пленным рабочим руки, и они теперь стояли сутулые, хмурые, потирая запястья.

Кто-то из бибиревских попробовал сделать то же самое со своим «обменом», но внезапно вынырнувший откуда-то Мухомор отвел его руку.

– Ээээ, нет! Не трудись, боец. Не надо! – добавил он сиплым «интимным» шепотом, что еще раз вызвало гомерический гогот его окружения.

Рабочие торопливо скрылись за спинами своих. Бибиревские дружно отошли назад.

«Вот и все...» – ухнуло и оборвалось в груди Крыси, и девушка почувствовала леденящий душу холод. Она непроизвольно оглянулась и едва не дернулась назад – туда, где светили огни станций Содружества. Там было все знакомое, безопасное, свое... Родные, исхоженные вдоль и поперек туннели с укромными уголками и секретными лазами, привычные дела и обязанности... лица знакомых, соседей, приятелей и коллег-добытчиков... Мама...

«Они отреклись от тебя, – напомнил безжалостный внутренний голос. – Ты теперь никто для них. А матери конечно же расскажут в красках и подробностях, что же такого натворила ее старшая дочь. И она будет плакать... наверно... А может, и не будет. Ты ведь мало того что грязнокровка – так теперь еще и опозорила ее...»

В последние годы мать, занятая семейной жизнью, заботами о муже и воспитанием законных детей, как-то все больше и больше отдалась от Крыси. Девушка видела это, и это причиняло ей боль.

А те, кто привел их сюда на расправу, уходили. Уходили, обрывая последние нити, еще связывавшие ее с прежней жизнью, домом, прошлым...

«Постойте! Не бросайте меня!.. Еще не поздно все поправить!..» – мысленно молила она, глядя в их спины.

Никто из бибиревцев даже не оглянулся.

А сзади внезапно навалилось что-то многорукое, многоголосое, горластое, темное и повело, потащило куда-то – в тоннельный мрак, во вражеское гнездовье. Калейдоскоп лиц – хмурые, чумазые, с растрепанными волосами и бритые наголо, алчные, злобно-веселые, и опять – руки, руки, руки... Толкают, хватают, щи-

плют, дают затрецины. Больше всего доставалось, конечно, Востоку – девушка для алтуховцев была куда более ценным «товаром», чем мужчина. Кто-то мимоходом врезал ему в живот, и многолико-многорукое чудище остановилось, распалось на отдельные части и смеялось, глядя, как согнувшийся пополам человек ловит ртом воздух. Дальше, вперед, вперед! Вот оступилась и едва не рухнула на колени девушка, и бесчисленные руки схватили уже ее, подняли, тряхнули, жестко прижали к чему-то колкому, пахнущему грибной похлебкой и самогоном. А потом – опять темнота и дорога.

...Несмотря на то что в момент переговоров о передаче пленников занятая переживаниями о грядущем будущем Крыся мало что видела и слышала вокруг себя, она все же краем сознания уловила и вычленила из разговора одно-единственное слово, заставившее ее содрогнуться.

Даже не слово – имя. Точнее – прозвище, ибо настоящего его имени не знал никто.

Кожан.

О, имя это было на слуху у многих! Кожаном звали одного из самых коварных, непредсказуемых и жестоких главарей разрозненных и вечно грызущихся между собой алтуфьевских кланов. Обитатели конечной станции почти все были, мягко говоря, не подарки, а уж их вожаки – и подавно. Но именно Кожаном пугали непослушных детей матери не только в Содружестве, но и на нейтральной Петровско-Разумовской. И одного только этого имени хватало, чтобы даже самые отъявленные сорванцы и забияки тут же становились послушными и кроткими, как овечки: слава про Кожана шла по Линии самая нехорошая.

Кожан! В разговоре его называли атаманом, а это значит... Это значит, что в Алтуфьеве случилось доселе невероятное: подмяв под себя прочих вожаков и железной рукой объединив кланы, в общине наконец-то встал у руля власти один сильный лидер! И этим лидером оказался Кожан! Тот самый!

И вот теперь Крысю и Востока ждала встреча с этим овеянным жуткой славой душегубом.

Девушка вновь содрогнулась. На мгновение ей захотелось вырваться из этих цепких неумолимых лап, которые тащили их с Востоком куда-то вперед, и бежать, бежать сломя голову... куда угодно, лишь бы подальше отсюда! Туда, где спрячут, защитят, не дадут в обиду!.. Сталкер сейчас ничем не мог помочь ей – он был так же связан и беспомощен, как и она, и его точно так же гнали по туннелю. И доставалось ему куда больше, чем ей!

Мельком глянув на него, Крыся вдруг ощутила, как поднимается, вскипает в ней горячая волна сочувствия, возмущения и гнева. Их гнали, как бессловесную скотину на убой, да еще и всячески измывались при этом. Вокруг девушка видела оскаленные хохочущие рожи, и ей вдруг остро захотелось броситься на кого-нибудь из обладателей этих гнусных рож, вцепиться зубами в податливую плоть и рвать, рвать – так чтобы клочья кровавые летели! И... плевать ей на то, что руки связаны!!!

Даже не успев удивиться таким для нее непривычным и, прямо говоря, нехарактерным ощущениям и желаниям, Крыся вдруг резко замерла на месте, а потом яростно стряхнула с себя бесцеремонные руки и прокричала в эти ухмыляющиеся рожи:

– Хватит!!! Уберите свои лапы! Мы и сами пока идти в состоянии!

Подскочив к Востоку, которого только что в очередной раз сшибли с ног, она припала на одно колено, склоняясь к нему.

– Вставай, Восток! Нам уже недолго осталось!.. Ну же, сталкер! Прощу тебя!..

– А ну встала, сучонка драная!

Девушку схватили за шиворот и резко вздернули на ноги. Перед ней был тот толстенный двухметровый конвойный, что привел на обмен рабочих.

– Еще раз рыпнешься, я тебе таких звездюлей выдам – до станции полетишь! Поняла?! – последнее было уже не криком – ревом.

– А этого твоего в грязь втопчем, под шпалы закатаем, – добавил он с каким-то внутренним удовлетворением.

Крыся ожгла мерзавца драконьим взглядом и едва сдержалась, чтобы не плюнуть ему в жирную морду. Однако пробившееся

сквозь слепую ярость благоразумие отсоветовало так поступать, и девушка послушалась его. Отвернувшись от выпустившего ее воротник амбала, она упрямо мотнула головой, распрымила, как сумела, сведенные назад плечи и пошла вперед сквозь разномастную разбойничью толпу, стараясь не обращать внимания на плотоядные взгляды, обидные выкрики и хамское лапанье.

Станция забрезжила впереди неясным светом. Тусклые и яркие огоньки, какое-то мельтешение. Гулкий железный удар, свет ярче пожара. И над всем этим – хриплый, надсаженный, властный голос:

– Сюда тащите их, щукины дети! Поглядеть хочу.

Он ждал их на краю платформы. Кожану было лет шестьдесят, он был сед, крепок, даже кряжист, чуть выше среднего роста. На массивном бледном лице уже заранее сходились гневливой дугой густые клочковатые брови и сверкали из-под них острые, молодые еще глаза. Пленных еще пару раз тряхнули – видимо, для острастки и лучшего проникновения в суть момента.

А потом гул голосов стих, и злые безжалостные руки, терзавшие их, опустились.

Вождь будет говорить!

– На бумаге вы двое лучше выглядели... – Кожан аж крякнул, увидев, кого вывели из туннеля на свет. – Ну да ничего, нам и такие сгодятся. Суп сварим! – хмыкнул он. Вокруг одобрительно загаддали.

– Тихо. Давайте их на платформу.

Толпа расступилась и снова сомкнулась, когда они взобрались по гремучей железной лестнице наверх. Кожан вышел вперед. Тяжело, вразвалку обошел обоих пленников по кругу, будто и правда прикидывал, стоит ли готовить из них деликатес или так – пошиковать да в похлебку кинуть.

– Шпион, значит, и шпионская подпевала... Хорошо. Говорить будем? Не хотим? Дымчар!

Тощий, жилистый мужчина с узким, обрамленным короткой бородкой лицом протолкнулся откуда-то сзади и встал за спиной вожака.

— Так, этого, — Кожан махнул рукой на сталкера, — в кутузку. В ближнюю. А ее...

— Кожан, а мож отдашь девку нам? — раздался позади чей-то масляный голос, и вперед просочился какой-то вертлявый тип. — Давненько на станции свеженьких не появлялось!

— Ага, разбежался! — с неподражаемым сарказмом хмыкнул во-жак. — Тебе, Горелик, только бы жрать да баб тискать... Хорошо, отдам. Только ты потом сам к бибиревским полезешь под пулемет. Почему? Потому, что вы мне эту девку вусмерть затрахаете, и хрен мы от нее что узнаем — знаю я тебя и твоих охламонов! А мне, родной ты мой, ну очень хочется знать, что у наших любимых соседей творится!

На морде вертлявого отобразился целый калейдоскоп эмоций — горячечное вожделение перетекло в унылую злобу, злоба — в мимолетный страх, а тот — в кислую угрюмость.

Кожан вздохнул с бесконечным терпением великого отца нации:

— Это информатор, дурья твоя башка! Понял? Умудряете мне пленницу — от кого мы новости получим? Только и останется, что тебя самого посылат добывать их!

Вертлявый смешался и отступил, почесывая голову.

— Так что девку не трогать! — грозно обведя взглядом свою банду, закончил Кожан. — Ну, по крайней мере, пока я ее не допрошу!

— А потом?

— А потом, Дымчар, я посмотрю на ваше поведение!

— Мы будем белыми и пушистыми! — с самым светским видом осклабился Дымчар.

— ...как полярные мишки, я в курсе! — оборвал Кожан и распорядился:

— Этого запереть понадежнее и стеречь, как личный сейф с патронами! А девку — ко мне в кабинет!

— Оставь ее!

Пришедший в себя Восток рванулся из рук держащих его крысюков. Те от неожиданности едва успели его перехватить.

Короткий резкий выпад — и сталкер согнулся пополам, получив от Кожана удар в солнечное сплетение.

– Восток! – прозвенел отчаянный крик Крыси, которую уже утаскивали двое охранников. Крысишка бешено извивалась в их руках, но вырваться не могла.

– Убрать! – рявкнул алтуфьевский вожак, ткнув пальцем в корчащегося человека, и нецензурно выругался. – Балаганщики, млять! Развели Бибрево!

Еще двое крысюков подхватили обмякшее тело Востока под мышки и бесцеремонно поволокли в подплатформенные отсеки, в которых и располагалась темница.

Глава 12

КНИЖНЫЕ ДЕТИ

Конвоиры втолкнули Крысю в какое-то помещение под лестницей. Следом вошел Кожан и, дождавшись ухода подручных, демонстративно запер дверь.

Крыся поспешила шарахнуться от него в самый дальний угол, прилипла – не оторвать – лопатками к стене, уперлась в нее ладонями и застыла, трепеща натянутой струной и мысленно готовясь к самому худшему. Впрочем, меры эти были довольно бесполезной затеей: то, что Кожан называл своим кабинетом, на деле было крошечной каморкой не больше кухни в хрущевке. Раньше это, скорее всего, использовалось в качестве подсобки для технических служб. Так что для того, чтобы нормально укрыться от опасности, места здесь просто не было.

Из обстановки в «кабинете» были только небольшой общарпанный диванчик, колченогий журнальный столик, какой-то шкафчик на стене у двери и под ним – массивный сейф. Одну из стен занимала разрисованная пометками карта севера Москвы, на другой пестрела схема Метро. Тоже с пометками.

Замок протяжно скрипнул и затих. Кожан, позванивая связкой ключей, в один широкий шаг пересек каморку, грохнул дверцей сейфа. В его руках оказалась длинная квадратная бутыль с коричневатой жидкостью. Он тяжело опустился на диван, рванул пробку и сделал глубокий глоток. По щеке, пронинаясь сквозь заросли клочковатой сивой щетины, прокатилась желтая капля. Пахнуло резким и дымным. Голова Кожана повернулась в угол, где сжалась, вздрагивая, серая большеглазая тень.

– Эй, ты! А ну подошла!

Крыся вздрогнула, но повиновалась. Взгляд ее остановился на бутылке в руке алтуфьевского вожака.

...Как было бы замечательно грохнуть его этой бутылкой по башке, захватить ключи и удрать отсюда... на другой конец Ветки, к примеру...

Но тут она подумала про все еще связанные за спиной руки, охрану за дверью, кучу народа на станции и многие перегоны пути... К тому же, куда она пойдет без Востока? Он ведь пошел за ней сюда, в это паучье гнездо!

Тихонько вздохнув, она отвела взгляд от бутылки и потупилась. Хорошая идея, но невыполнимая.

А Кожан, наоборот, глядел на пленную пристально. Глаза его сузились, смотрели недобро и проницательно.

– Кто такая? С какой станции?

– С Петровско-Разумовской... – тихо проговорила девушка. Она решила не злить этого жуткого типа и отвечать на все его вопросы... Ну, по крайней мере, на те, к которым знала ответы. – Я добытчица...

Брови Кожана поползли вверх, буркалы-глаза выпучились. Он судорожно дернулся, будто пытался что-то в себе удержать, и... вдруг разразился гомерическим хохотом.

– Ты? До... до... добытчица?! – алтуфьевского вожака тряслось и гнуло пополам. Бутылка в кулаке ходила ходуном, коричневая жидкость плескалась, норовя вылиться на пол. – Добытчица? Приключений на свою жопу ты добытчица! Добытчица... А я, значит, тогда – старшина торгащей с Кольцевой!

Он снова громогласно засмеялся-загудел. А потом веселье вдруг склынуло без следа. Глаза снова стали внимательными и злыми. Кожан пружиной вскочил с дивана и свободной рукой тряхнул пленную за шиворот.

— А ну, паршивка, правду говори! — прошипел он ей в лицо хрипло и негромко. — Кто такая? Звать как?

— Да я правду говорю! — взвыла девушка, беспомощно болтаясь в его руках, как тряпичная кукла. — Добытчица я! Ношу знатным женщинам из нашей общины всякие красивые вещи и золотые украшения из магазинов Сверху. Они мне за это еду дают. А еще приношу книги для тех, кто их еще ценит! А зовут... Никак не зовут! — в ее голосе зазвенело вызывающе-горькое ожесточение. — Я грязнокровка! У таких, как я, нет имен! Не думаю, что ты не в курсе!.. Ай, но больно же! — закончила она совсем жалобно.

Губы Кожана снова скривились в ухмылке.

— Цыть! — он снова тряхнул девушку, но уже не так сильно. — Будешь лажу всякую гнать — еще не так будет!.. Крыся щипаная!..

Рука разжалась, Кожан снова сел.

— Да, видать по тебе мамашины грехи! Добытчица... И че ж ты такого добыла, что тебя из Бибирей ко мне перевязанную, как колбасу, прислали? Да еще с этим тощим... Хахаль твой?

Крыся тихонько повела плечами в попытке поправить сбившийся свитер.

— Хахаль? — с искренним недоумением переспросила она. — А это кто?

Кажется, Кожан немного опешил. Но до объяснения все же снизошел.

— Это, девочка, тот, кто тебя **т, а ты от удовольствия пишишь и еще просишь! Понятно? Еще раз спрашиваю, мышь ты серая, — какого хрена тебя мне сюда прислали, да еще этого «чистого» обалдуя в довесок? Чем вы так отличились?

Крыся мучительно покраснела. Не из-за того, что услышала не-пристойность, — нет, к подобным крепким выражениям ей было не привыкать. Но эта непристойность затрагивала их с Востоком отношения. И была при этом чудовищной и грязной ложью!

– Неужели тебе посредники из Бибирева не сказали, почему мы тут? И... за что нас изгнали? – медленно и недоверчиво проговорила она, на миг вскинув на него взгляд. И добавила еле слышно и как бы про себя:

– А я было подумала, что «хахаль» – это означает «друг»... Теперь буду знать, что это не так...

На ее губах мелькнула и пропала странная болезненная полуулыбка.

– Мы здесь потому, что он – «грязный человеческий шпион», а я – «подлая предательница», притаившая его в туннели скавеннов. Вот и вся причина, – просто и прямо ответила она на главный вопрос. В ее тоне помимо воли снова мелькнула горечь, что конечно же не укрылось от алтуховца.

Кожан скупым жестом потер загривок, откинулся, снова прикладываясь к бутылке. Кто эта чудная? Откуда взялась? Вконец ополоумела от страха – или играет? Если играет – то уж больно хорошо!.. Он снова незаметно глянул на стоящую перед ним. Нет, на игру не похоже. За свою долгую подземную жизнь Кожан, и до войны бывший неглупым, обрел какую-то особую острую проницательность, без которой, пожалуй, не сидел бы сейчас на диване в персональном кабинете главы разбойничьей общины и не пил прямо из горла тридцатилетней выдержанки виски. Сам достал, между прочим, было дело... Он набрал за щеку бронзовую жидкость, подержал во рту и сглотнул. По мелким, незаметным глазу и даже сознанию признакам, Кожан рассудил для себя, что странная девица-грязнокровка, пожалуй, не врет. По крайней мере, не все. Слово-в-слово лепечет то, что накарябали в своей бумажонке бибиревские чистоплюи, м-мать их бомба!.. Те еще дермыцы – вечно норовят загребать жар и разгребать свое дермо чужими руками... Он медленно, зло выдохнул.

«*А девчонка-то с характером*», – не без удивления вдруг отметил Кожан. Трясется, что твое полотенце на сквозняке, трусит – и еще как трусит! – а все равно с каким-то внутренним вызовом стоит. Не глазом это видно – шкурой чуется.

– Однако, девочка, ты не все мне пока сказала, – проговорил он вслух. – Это так же точно, как то, что над нами – девять с полти-

ной метров земли. Какого лешего ты связалась с этим... робин-гусем с «чистых» станций? И главное, почему это он так за тебя держится? Чего-то я большой дружбы между нашими и «чистыми» не помню. Чего-то ты все же темнишь, мышка.

Лицо его стало непроницаемо, голос успокоился, стал мягче, но мягкость эта была хуже ругательного крика.

— А скажи-ка мне, мышка... Если ты у нас такая недотрога и даже слов нехороших не знаешь, с чего бы тебе вести этого, как ты сказала, грязного шпиона «чистых», — Кожан хохотнул про себя удачному каламбуру, но вида не подал, — в скавенскую часть метро, да еще вести так, что тебя твоя же, с позволения сказать, родня выдала мне с головой?

— Да не вела я его в нашу часть!.. — заволновалась Крыся и убедительности ради хотела прижать руки к груди, но только и смогла, что дернуть плечами. — То есть, вела, но... Мы вообще мимошли... и...

Она осеклась, потом длинно выдохнула и постаралась успокоиться.

— Это долгая история, — начала она уже более ровно. — Ты вот не поверил, что я — добытчица, а ведь именно Наверху мы и пересеклись. Конкретнее — в заброшенной библиотеке недалеко от Бибирева. Я отбирала там книги для наших театралов, ну и увлеклась, зачиталась... — она бросила быстрый осторожный взгляд на Кожана, — Шекспиром... А что делал в этой библиотеке добытчик людей — я не знаю. Может, тоже за книгами приходил, я не спрашивала. Я, как его увидела, перепугалась, убежать хотела... А он зачем-то меня ловить кинулся. Ну я его ножом в живот... а оказалось, что попала в фильтр от противогаза и продырявила его. Потом на нас рухнул стеллаж с книгами... В общем, когда пришли в себя — дрались как-то уже... не было смысла. Как-то само так получилось, что стали разговаривать... Потом откуда ни возьмись — паук-пересток, я в него — из игломета... это такой пистолет, говорят, что раньше с такими под водой охотились... Напугалась жутко! А он —сталкер, то есть — меня успокаивать стал. Потом познакомились... А потом вспомнили, что скоро рассвет... Я помчалась к своему

лазу в подземку (не ко входу на станцию, нет!), а он – за мной. Я пыталась его прогнать, а он... Он попросил меня о помощи – показать убежище, чтобы укрыться от солнца. Ну что мне оставалось делать – бросать его погибать? Ведь это же я ему противогаз испортила... Ну... я подумала, что поступлю плохо, если не помогу ему. И решила провести его подземными дорогами в людскую часть метро. Потому что Поверху, днем, без противогаза, он бы не дошел. На наши станции я вообще не собиралась заходить и вообще всячески кружила, чтобы его запутать. Человек ведь, кто его знает... Но в одном месте все-таки нужно было пройти несколько десятков метров по перегону. И вот там мы и нарвались на патруль.

Девушка вздохнула. Пошевелила стянутыми веревкой запястьями, поморщилась.

– А дальше все просто. Меня заклеймили предательницей, его – шпионом, потом допрашивали, судили... Первоначальный-то приговор был другим. Сюда должны были отправить только меня. А его – вывести Наверх днем, без защиты и снаряжения. Чтобы он там умер. А он... сказал судьям, что обязан мне жизнью, поэтому пойдет со мной. До самого конца – каким бы он ни был... Питон ему тогда сказал, что он сумасшедший и... этот... как его... ма... мазохист. Я тоже его отговаривала, но он уперся... Сказал, что у людей перед скавенами и так немало неоплаченных долгов, чтобы еще и он свои передо мной к ним прибавлял.

Крыся помолчала. Потом закончила почти грустно:

– Когда нас привели в Бибирево после поимки, некоторые пытались избить нас по пути в камеру – несмотря на охрану. Он закрывал меня собой, оберегал от ударов... А ты говоришь – «хахаль»...

На несколько минут воцарилось молчание.

– Вот, значит, как? – протянул Кожан. – Шекспира, значит, зачиталась? И этот, значит, тебя сам о спасении своей шкуры попросил? М-да, измельчали у «чистых» ходоки на поверхность, измельчали... – он зевнул... и внезапно ринулся вперед, сшибая стоящую напротив него с ног (Крыся испуганно взвизгнула). Но

упасть не дал – подхватил в последний момент за безрукавку, потянул рывком, резко вжал в стену.

– И ты думаешь, я тебе поверил? Шекспир? Жалкий меланхолик – человеческий сталкер? Ты меня за кого держишь? – глаза Кожана, доселе тусклые, бешено сверкали, на кулаках, сжимавших Крысину одежду, побелели костяшки. – Правду, мышка, правду! – взревел он, снова тряся ее. – Не то размажу тебя по этой самой стене, как блоху по ногтю!

В ответ ему по ушам резанул громкий и истошный, полный смертельного ужаса, визг. Даже не так – ВИЗГ!!! Девушка задергалась в его руках, а потом вдруг резко обмякла и стала медленно оседать по стене на пол. Голова ее безвольно запрокинулась, глаза закатились.

– Тьфу!..

Кожан разжал кулаки, и пленница мешком упала на пол, неловко вывернув руки. Он в легком замешательстве почесал в затылке. М-да, жидкокожая добытчица. Ничего, сейчас оклемаем.

Он потянулся к шкафчику, вытащил оттуда потертый металлический чайник.

В дверь снаружи пару раз ударили кулаком.

– Эй, Кожан! Че у тебя там творится? Ты ее уже... того?

Старый вожак, не глядя и не поворачиваясь, треснул по двери ка-блуком ботинка. Гулко грохнуло, стукнуло, и кто-то обиженно взвыл:

– Ай, мля-я-я-ять...

Кожан гоготнул:

– А нехрен подслушивать, Жека! Учу, учу вас, обалдуев, куль-туре...

Из-за двери ничего не ответили. Вожак крякнул. Понаберут, блин, детей в Красную армию...

В чайнике побулькивало. Он снова вернулся к лежащей на боку в неловкой изломанной позе девушке и начал медленно лить воду на бледное лицо.

Ему пришлось выплыть на пленницу едва ли не все содержимое чайника (на полу у ее лица тут же образовалась лужа), прежде чем она подала хоть какой-то признак жизни. Сперва Кожан услышал тихий вздох, девушка чуть шевельнулась и в следующий момент

сморщилась, фыркнула и протестующе застонала, отворачивая лицо от водяной струи.

Чайник перекочевал на столик. Кожан присел на kortочки рядом с лежащей на полу пленницей.

— Доброе утро, мышка. Мы еще не закончили, — он широко улыбнулся. — Давай, очухивайся, очухивайся.

— «Сюжет, что мы для вас представим ныне,
Пойдет о живших в городе Вероне
Двух кланах, равных знатностью и чином,
Но давнею враждою разобщенных...».

Крыся читала стихи из той самой самиздатовской книжки, не открывая глаз, читала тихо, распевно и с той подкупающей чистотой и задушевностью, которая так цепляет зрителя в игре гениальных актеров, еще не испорченных славой, деньгами и поклонением публики.

— «Никто уж и не помнит тех событий,
Что привели когда-то к этим расправам.
Из века в век чреда кровопролитий
Все тянется — жестоко и напрасно...
Из рокового лона двух фамилий,
Как два ростка из выжженного поля,
Два чистых сердца — чище белых лилий
Взошли — и осветили мир любовью.
Но гнев родных, угрозы и наветы,
Слепая злоба — кошкой меж друзьями...
И вот — отцы могилы ладят детям,
А матери седеют над телами...
На смертном ложе — дети, гордость клана.
Вражда забыта, но какой ценою!..

...Быть может, пьесы стих и бесталанен —
Поправим дело мы своей игрою...»

Закончив свой в высшей степени странный и со стороны – почти безумный монолог, девушка перевернулась на спину, открыла глаза и в упор уставилась на возвышающегося над ней Кожана.

– Как же вы мне все надоели!.. – вдруг устало сказала она. – И ты, и эсбэшники эти бибиревские... Говоришь вам все, как было, говоришь, а вы... Правду тебе?.. Блин, вот я дура, надо было сочинить что-нибудь... научно-фантастическое в качестве первой версии... Тогда бы хоть не так обидно было, что никто не верит!

Она попыталась сесть, но у нее закружилась голова, и Крыся инстинктивно воспользовалась первой попавшейся опорой, прислонившись к ней. Ею оказалось колено Кожана, и девушка, сообразив это, ойкнула, отпрянула и сделала попытку отползти.

Улыбка Кожана стала шире.

– Ты ж смотри, а? И правда читала. Кудеса... Откуда ты только взялась такая? Ладно, мышка, ладно. – Кожан снова сидел на диване, привычно поглаживая бутыль. – А кто, скажи на милость, тебе в наших полуночных землях такие вкусы привил? Мамка с папкой? Это кто ж они у тебя такие?

Крыся сперва взорвалась на него с подозрением – мол, а вдруг ты мне снова какую подлянку готовишь? Но что-то в его манере поведения подсказало ей, что можно на время перевести дух и не бояться. Она приободрилась и, усевшись поудобнее (и все же по дальше от дивана – на всякий случай), начала рассказывать.

– Вкусы мне, как ты говоришь, привила Ольга Петровна, учительница в отрадненской школе. Она очень хорошая женщина, только сейчас уже совсем старенькая. Она и ее муж, Игорь Сергеевич, – из тех, кто пережил и Удар, и крысиное нашествие, и эпидемию... А Игорь Сергеевич до Удара был завскладом книжного магазина. Они меня и приучили к чтению книг, а я по книгам и говорить правильно научилась, и понимать, что хорошо, что плохо... не то что раньше... И вообще, если бы не знакомство с этой семьей – я бы так и осталась глупой грязнокровкой с Петровско-Разумовской. Там-то меня никто бы ничему не стал учить, была бы просто служанкой у какой-нибудь богачки... Или еще хуже... Я потому и сбежала Наверх, в добытчики, – чтобы

поменьше попадаться на глаза хозяевам... и всяким прочим, – она опять быстро глянула на Кожана, – *хахалям...* А что до мамки с папкой... Мать у меня – желтый скавен, она тоже из Выживших. На момент Удара ей было примерно столько же, сколько мне сейчас, и она только на своем языке умела говорить, ну и чуть-чуть по-русски. Какой уж там Шекспир! А отец... – Крыся вздохнула. – Вот про него я вообще ничего не могу сказать. Я его ни разу не видела. Мать, правда, рассказывала, но она и сама знала о нем очень мало... – девушка безнадежно покачала головой. – Только имя – Стас, и что он был белым скавеном и добытчиком с какой-то другой станции. С ней он переспал, когда случайно оказался после рейда на Петровско-Разумовской, а потом ушел, и больше она его никогда не видела. Было это почти сразу после эпидемии, точнее – на самом ее исходе. А потом я родилась. Вот, в общем-то, и все.

В «кабинете» на несколько минут воцарилась тишина.

– ...Средь оплывших свечей и вечерних молитв, средь военных трофеев и мирных костров... – пробормотал Кожан. Лицо его разгладилось, на секунду став рассеянным и усталым. – Прав ты был, Семеныч¹, и такое бывает... – он тянул из бутыли хороший глоток и с полминуты сидел, не выдыхая. – Книжный ребенок ты у нас, значит. Только получается, что бегут сейчас такие, как ты, не на фронт, а Наверх. И не за гусаром, а за Шекспиром...

...Вот, значит, откуда оно все взялось. Позы, речи, «накал страсти высоких», чрезмерная эмоциональность... Понял, старый пень. Девочка-то у нас книжек начиталась. Книжек. Посреди войны, разрухи и скотства. А ты уж думал, что выродились людишки, поизмельчали совсем, только про «жрать», «пить» и «трахаться» помнят. Нет, видать, прав был Митька, мир его праху. Все кричал: «Вот увидишь, вспомнят люди, что не хлебом одним живут!» Сколько же лет назад это было? Пятнадцать? Двадцать?

Кожан вздохнул и тряхнул седоватой головой.

¹ В.С. Высоцкий. Кожан цитирует первые строчки его песни «Баллада о борьбе» («Книжные дети»).

А ты раскис, Стасик. Раскис, как старый гриб. Эдак ослабнешь, поглупеешь и покатишься. Свои же и сожрут. Как Митьку, как Беззубого. Ты, Стасик, только потому и живешь еще на свете, что всякий дурной идеализм оставил там, на поверхности. Не время ему, идеализму, сейчас и не место. Так что бери-ка ты себя, Стасик, в руки, и не все, что слышишь, пропускай мимо ушей.

Девушка недоуменно взглянула на замершего вдруг, притихшего атамана всея Алтухи. Только что этот жуткий тип орал на нее, тряс, как тряпку, и поливал водой. А сейчас сидит, будто ему по голове пыльным мешком из-за угла прилетело. А... вдруг сейчас снова ка-а-ак... Она вздрогнула, и Кожан, словно в ответ на это движение, моментально вышел из своего секундного оцепенения. Встал, подошел, навис. Жесткие и короткие его пальцы снова протянулись вперед и взяли ее за подбородок уверенной хваткой. Кожан зачем-то повернул ее голову вправо, влево, будто пытался прочитать что-то на самом лице.

Крыся скжась. Зажмурилась, затаила дыхание.

– Пожалуйста... – одними губами прошептала она, – не бей меня...

Кожан буркнул что-то неразборчивое, но пальцы разжал.

– Ладно, мышка, будем пока считать, что я тебе поверили. Начиталась ты книжек, возомнила себя принцессой, а этого малахольного сталкера – принцем. А он, видать, из таких же «книжных детей», как и ты. Башмак башмака видит издалека... Только он наоборот – книжек про рыцарей обчитался. Вальтер-скотта какого-нибудь. То-то быком ревел, когда ребята на тебя глаз положили... Ну да не в том суть. Что ж ты его по всем подземельям потащила, а? Раз ты добытчица – сперла бы для него новую банку фильтрующую или обменяла на те же книжки. Зачем через станции-то топать?

Миндалевидные черные глаза девушки медленно округлились.

– Об этом... об этом я как-то и не... подумала... – растерянно проговорила Крыся – Солнце вставало, хотелось побыстрее уйти и его прочь увести... не ждать... – тут она глубоко задумалась. Точнее даже, как говорили до Удара, конкретно загрузилась.

– Не, – наконец сказала она после молчания. – Где бы я эту самую банку стала искать? У добытчиков? Так сам знаешь, все наши без противогазов ходят, им эти лишние обвесы ни к чему... Ну ладно, допустим, пришла бы я к Питону и стала бы его просить срочно раздобыть мне фильтр... – девушка сморщилась и затрясла головой. – Ой, нет, ну его лесом, Питона, еще заподозрил бы чего, он ведь такой... Да и времени бы сколько на поиски ушло. К тому же я очень редко у кого-то что-то прошу, и он это тоже знает... Сразу бы начались вопросы, пришлось бы объяснять, зачем мне – скавенке – вдруг позарез понадобился противогазный фильтр... А врать я плохо умею, он меня живо бы раскусил, даром что сам же меня на добытчицу и учил... А спереть... – тут глаза девушки странно блеснули. – Ты что же думаешь, раз я безымянная грязнокровка и родилась у... желтой рабыни от случайного отца – то непременно воровка?.. И сказала же – не вела я человека через станции!

– Честная ты наша! – Кожан подмигнул девушке почти дружески. Однако на душе у него вдруг что-то неловко повернулось, и стало как-то тревожно. Он упускал что-то важное. Ум его еще не осознавал, что именно, но шкурное чутье будоражило неприятное и колкое ощущение. Что же тут не так?

Кожан привычно потянулся к бутылке. Хлебнул, поморщился (вдохнул, пожадничав, раньше времени, и виски улучило момент и огнем цапнуло нутро), уткнулся носом в зеленоватое стекло... да так и замер, ошарашенный.

Сквозь стекло бутылки на него смотрели... его собственные глаза. На чужом, незнакомом, худом молодом лице.

Да что ты будешь делать... Кожан поморщился и только тут понял, что ему не чудится. Сквозь бутылку он глядел на сидящую перед ним сжавшуюся девчонку-мышку, вот только ее лицо он видел не все – нижнюю часть заслоняла широкая бутылочная этикетка. Он видел только верх – лоб, скулы, разрез глаз. И глаза эти были... его глазами!

Ах ты ж так твою и растак... Да нет, не может быть! Или... может?..

Во рту у него пересохло, в висках застучали молотки, и перед глазами закружились разноцветные блики. Вот тебе, Стасик. Получи, бабник старый.

Он понял, что мешало ему все это время, чего не видели глаза, но что вдруг почуяла его многажды битая и резаная опытная шкура.

Перед ним, блестя глазами и дрожа от страха и негодования, сидела его дочь. Плоть от плоти.

Глава 13

«ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ...»

Кожан, не глядя, опустил бутылку на стол.

– Мышка, а мышка... – он говорил с трудом, язык его вдруг стал тяжелым, распухшим и еле движимым. – Где биши твоя маменька жила и папашу твоего встретила? На Петровской?

– Да... Это уже в конце эпидемии было.

Крыся бросила на него несколько удивленный взгляд, отметив состояние старого разбойника. Заболел он, что ли? Или просто перепил? Чего это его так плющит?

– И звали его, кажись, Стасом?

– Ну да, – девушка кивнула, – Стас, белый скавен-добытчик... Правда, с какой он был станции – она не знала, а он и не сказал. Она и имя-то его случайно услышала – его окликнул кто-то из товарищей-добытчиков. Сам он не назывался ей. Но... почему ты спрашиваешь? – Крыся подалась вперед, словно почувствовав дичь гончая. – Ты... что-то слышал про моего отца?.. Или... знаешь его?

Кожан вздохнул и медленно, осторожно слглотнул. Крупный кадык перекатился под сухой кожей. Слова подбирались тяжело и падали свинцом.

— Так вот, мышка... Это МЕНЯ тогда Митька Хорек окликнул на Петровской. Ты, мелкая, не знаешь, как меня на самом деле зовут. Да и вообще здесь это мало кому известно. А меня зовут Стас. Стас... Это я там тогда был. Надцать лет назад. А ведь как сейчас вспомнилось... Я — отец твой, мышка. Я.

И Кожан умолк. Подошел, осторожно и, пожалуй, бережно, повернул ее спиной к себе и в два привычных, отточенных годами практики движения, перехватил ножом связывающие ее веревки.

— Что..?

Крыся растерялась. Она смотрела на Кожана, и в голове ее было... пусто. Все слова и мысли от неожиданности куда-то подевались, и ей оставалось только молча хлопать ресницами и машинально массировать затекшие руки.

— Мой... отец... Ты?..

Она, как это часто с ней случалось в минуты крайнего замешательства, уставилась в никуда, пытаясь осознать услышанное.

Перед глазами вдруг промелькнули картины далекого и не очень далекого прошлого. Мать — молодая, красивая, но совершенно забитая и бесправная, потому что некому в этом загнанном под землю маленьком мирке было защитить ее. Вся ее спасшаяся было при Ударе родня либо погибла при нашествии крыс, либо умерла от принесенной ими болезни, а она — одинокая и напуганная хрупкая вьетнамочка, почти ни слова не знавшая по-русски, каким-то чудом выжила. И... быстро была прибрана к рукам набравшими влияние и силу в общине черными кланами.

Крыся застала те времена, когда мать еще считалась рабыней и ею мог помыкать кто угодно. Ей было лет десять, когда на мать положил глаз добродушный весельчак Рамадан Хамроев и сделал сперва своей личной наложницей, а потом — после рождения сына — и женой, тем самым освободив ее и взяв под свое покровительство. А до того бедная женщина была собственностью общины, и распоряжались ею все кому не лень.

К примеру, ее могли предложить какому-нибудь почетному гостю для его отдыха и досуга. А чем оказавшийся на станции удаливый добытчик не почетный гость?

Крыся вспомнила и свое неприкаянное детство. Тычки, дразнилки и злые шутки других детей со станции, тумаки от взрослых... Слово «грязнокровка» – словно клеймо, выжженное на лбу... Постоянный страх, голод, попытки добыть хоть кусочек еды и не нарваться на побои... Чернота туннелей и технических лазов, куда она убегала, чтобы поменьше попадаться на глаза так называемым хозяевам и их охочим до злобных шуток отприскам... Другие общинны, где все было такое другое, непохожее на то, что было в Петровско-Разумовской... Школа в Отрадном... девчонкой она пряталась за платформой и тайком подслушивала те удивительные вещи, что были доступны счастливым детям на этой сказочно богатой станции с крепкими двухэтажными домами. А потом ее заметила учительница. «Девочка, откуда ты? – С Петровско-Разумовской... – Как тебя зовут?...» Смех детей, услышавших через силу выдавленное «Крыся...». Чудная, добрая Ольга Петровна, она сразу поняла обиду и унижение чумазой диковатой девочки с умными, горящими жаждой знаний глазами – ведь она знала, кого так называли в Эмирате. Строгое внушение классу и разрешение остаться в школе и учиться как все. Как все! Это было счастье на целых несколько лет!

А дома, на Петровско-Разумовской, было все то же. Крыся взрослала, но беды ее не уменьшались – лишь заменялись другими. Оценивающе-раздевающие взгляды парней и мужчин, их бесцеремонные руки и мокрые губы... тисканья по темным закоулкам, принуждения к физической близости... Как хорошо, что эмир станции однажды взял и под страхом изгнания запретил так называемым «чистокровным» плодить незаконных детей от грязнокровок, а то бы и ее однажды постигла участь матери – родить неизвестно от кого никому не нужное дитя...

Смертельно опасные вылазки Наверх – побеги от беспросветной, зависимой от чужой воли жизни. Туннели, лазы, коллекторы... Покинутые дома, подвалы, магазины... И алчущие крови твари, прячущиеся в развалинах и подземельях... Смерть подстерегает за каждым углом и в любой момент может взмахнуть своей косой...

И поиски того, кто некогда дал тебе жизнь. Отец... Белый скавен Стас, добытчик неизвестно с какой станции. Сколько она ни искала его, сколько ни расспрашивала жителей и других добытчиков – даже намека на след не нашла... А он, оказывается, все эти годы жил здесь, в этом «паучьем гнезде», куда она так и не осмелилась добраться в своих поисках... И ведь ни разу... ни разу...

– Но почему? – вырвалось у Крыси вслух. – Почему ты ни разу не навестил нас с мамой? Я ведь... искала тебя...

– Так получилось, мышка...

И говорить больше было нечего. А что тут скажешь? Что ему, еще молодому тогда, но уже злому на весь этот подземный мир, было попросту плевать на такие вещи? Было. Мир этот ценил силу, лихость, напор, добычу. А больше ничего. И свою рубашку всегда держал ближе к телу. Первобытное общество, варварско-бандитская цивилизация, ровно такая, как рисовали в импортных приключенческих фильмах – гротескная, контрастная, жадная. Хочешь жить – вертись или погибни. Он и вертелся. Упрятал все, что было до войны, до крысиного набега, куда-то глубоко-глубоко в себя, и на замок закрыл. Был Станислав Кожин – а стал Кожан. Да, больно было иногда смотреть на Митьку и на Беззубого, которые нет-нет, да и выпускали себя настоящих погулять. Беззубый в такие моменты напоминал Кожану смешного мистера Феста, что с Бульвара Капуцинов. Было в них что-то общее. Но где сейчас Беззубый? Где Митька? Нет их давно. А он выжил, двадцать лет выживал. Только... как ей, **вот ей** сейчас все это объяснить?..

– Я тогда... другой был.

– Так получилось, говоришь?.. Так... получилось?

Крыся потрясенно и растерянно сжала пальцами виски. Сколько лет она ждала этого момента... Чтобы... услышать банальное и малодушное «так получилось»?..

– Другим был... – с расстановкой проговорила она. – Настолько другим, что даже не спросил имя той, с кем тогда... развлекался? Хотя конечно... Зачем удачливому добытчику имя какой-то

желтой рабыни, которую ему, почетному гостю, подали... на десерт?.. А что потом с ней стало – да, кого это волнует? Ты ведь и о моем рождении не знал, ведь правда же? Или... знал, но это тебя тоже не интересовало?..

Она медленно стиснула кулаки, сгребая зажатые между пальцев волосы в захват. Покачала головой.

– Боже мой, ведь всякий раз, когда я видела, как унижают мою мать, как ведут ее к очередному... «гостю»... Когда мне самой приходилось отбиваться или прятаться по туннелям от изdevok сверстников и приставаний... унижаться, выпрашивать объедки и получать вместо них побои и... предложения отдаться за еду... Убегать Наверх – чтобы не попасться кому-нибудь из мужчин... не повторить судьбу матери... Каждый раз я мечтала, что вот-вот, совсем скоро, может быть даже завтра, кончатся наши беды – придет на станцию мой отважный и сильный папа-добытчик, накажет всех наших обидчиков и заберет нас туда, где мы больше никогда не будем голодать и бояться... где мы будем под его защитой... Каждый день ждала... А выходит... ждать было... некого...

По лицу Крыси уже текли слезы, но она не замечала их. Мигом всплыли в памяти все пережитые обиды и унижения и, уязвленная в самое сердце, она говорила, говорила... и сама уже плохо понимала, что именно. Голос ее звенел, взлетая до невыносимо-щемящих высот гнева, обиды и отчаяния, до затмевающего рассудок безумия, когда слова перестают быть осознанными словами, а превращаются в стремительные, бездумно пущенные в зенит смертоносные стрелы.

И теперь эти стрелы словно сами собой отыскивали крохотные, незаметные глазу незащищенные места в несокрушимой колючей броне, которой за эти годы окружил себя Кожан, и жалили, жалили... *Почему ты предал нас, пана? За что?..*

– Все эти годы я ждала тебя... искала... представляла, как найду и буду любить тебя, гордиться тобой... А ты... ты все это время сидел в этом бандитском логове, как... как надутый, самодовольный паук, тешил себя грабежами, войнами и насилием... И ведь ты сам эту дорогу выбрал, сам, никто тебя не заставлял злодейство-

вать, ведь правда же? И теперь ты говоришь мне... «так получилось»?!.. Да чем ты тогда лучше тех, кто... нас с мамой... каждый день...

Крыся была уже на грани истерики, но остановиться не могла. Неуправляемый поток эмоций снова, как недавно в туннеле, захлестнул ее и потащил за собой.

От удара маленький столик отлетел в стену, пустой чайник, жалобно звеня, покатился куда-то прочь. Кожан снова вскочил, лицо его, до того бледное и чуть желтоватое, налилось черной тяжелой кровью.

– Молчать, дура! – рев Кожана затопил комнатку, будто водопад скорлупку. Он сгреб дочь за волосы и рывком поднял на ноги. Слезы, визг. Губы Кожана беззвучно шевелились, на шее часто-часто билась вздувшаяся жила.

Крыся, словно повинуясь приказу, и впрямь замолчала. Но лишь для того, чтобы тихо и отчетливо, глядя в его бешеные глаза взглядом, похожим на стремительно и неотвратимо падающий нож гильотины, отчеканить:

– Может, я и дура. Однако... я не предавала собственное дитя!

Свободная рука Кожана взлетела вверх, и девочка зажмурилась. Но удара не последовало. Кожан, пыхтящий, как паровоз, так и остался стоять, держа ее стиснутые в кулаке волосы. Свободная его рука безвольно повисла вдоль тела.

– Вот, значит, как ты заговорила, девочка... – медленно, с угрозой произнес он, – Много, значит, знаешь про то, кто предатель, а кто герой? Ну что же... Иди к героям и разделяй геройскую долю, героиня драная... Жека!!! – снова рявкнул вожак, будто поездной тифон.

Дверь тут же застучала жестянкой дробью – кто-то отчаянно бился в нее снаружи, но никак не мог войти.

– К... Кожан! – голос из-за двери захлебывался и срывался, – З...заперто! З-з-заело!

– Да м-мать твою ять!..

Кожан отпустил спутанные волосы дочери и одним толчком швырнулся на диван.

– Сидеть, куррвва! – рявкнул он и полез за ключами... Сам ведь и заперся, балда.

Видимо, встряска, заданная отцом, вывела Крысю из состояния «гори-все-огнем», и теперь к ней пришло запоздалое осознание, что...

В общем, натворила она бед.

Схватившись за голову и обведя кабинет безумным взглядом, она потрясенно прошептала:

– Что же я наделала, идиотка... Боже мой, что я наделала, зачем?..

Ее взгляд упал на чертыхающегося Кожана, все пытавшегося вытащить из кармана зацепившиеся за что-то ключи.

– Папа!.. – дико вскрикнула девушка, бросаясь к нему. – Папа, пожалуйста, прости меня! Я... я не хотела тебе этого говорить... Я... Пожалуйста!.. Прошу тебя!.. Папочка!.. Прости!!!

И с этими словами она, нимало не колеблясь, бросилась на колени, схватила его руку и прижалась к ней щекой.

– Ты прав, я дура, злая, глупая дура! – задыхаясь, плакала она, покрывая поцелуями шершавую отцовскую руку и тщетно пытаясь поймать его взгляд. – Но я не хотела... Прости, прости меня, глупую... Папочка...

Кожан не обращал на нее никакого внимания. Ключ скрежетнул, дверь распахнулась. С той стороны на вождя полуబезумным взглядом глядел встрепанный охранник, за его спиной толпились с недоуменными лицами еще несколько боевиков. Запястья дочери моментально оказались зажаты жесткими ладонями отца. Рывком Кожан вздернул ее на ноги.

– Жека! Эту поганку серую – в клетку, к ее малахольному дружку! Выполнять!

– Не надо! – закричала Крыся, пытаясь высвободиться и прильнуть к нему. – Пожалуйста!.. Па...

Ррраз!!!

На ее щеку обрушилась пощечина. Голова девушки мотнулась; разорванным бисерным ожерельем брызнули в сторону слезы. Оглушенная и почти без чувств она упала на руки охранника.

– Ну, чего замерли, мальчики и девочки? Я что, слишком тихо сказал, что делать надо?

Кожан обвел взглядом всех, стоявших перед ним.

– Быстро! И Дымчару скажите, чтобы в двадцать четыре ноль-ноль был у гермозатвора!

– Это... А зачем? – Жека, кажется, уже и не знал, чего ждать от вожака.

– Звонок, млять, дверной устанавливать будем!!! – рявкнул тот, – вот этих вот, – он махнул рукой в сторону дочери, висящей на руках Жеки, – выведем позагорать – и сразу займемся!

– Эээ... Сделаем, командир! Все сделаем!

Жека засуетился, передал девушку двум боевикам, и те потащили Крысю в станционную тюрьму.

Глава 14

ДВОЕ ВО ТЬМЕ

Местная кутузка оказалась махонькой – примерно два на два метра – выгородкой в подплатформенном помещении, огороженной сеткой Рабица, наваренной на каркас. Бандиты, переругиваясь, затолкали скрюченного Востока в эту клетку и закрыли замок. Металлическое клацанье, нечленораздельные выкрики, а затем – тишина.

Человек повалился на бетонный пол, тяжело переводя дыхание. Бил Кожан профессионально – после удара в животе растекся огонь, а воздух из груди будто бы вышибло. Ну да ничего, и не так прилетало, а мы все равно живые... И руки, кажется, развязали... Он перекатился набок и попробовал разогнуться. Боль отступила, дышать стало легче. Сейчас. Сейчас... Вдох. Выдох... Восток собрался с силами и сел. Темнота. Или это в глазах темно? Он пригляделся. Нет. Действительно, темнотища, только недалеко, у лестницы, что ведет куда-то наверх, горит тусклая мутная лампа в тяжелом обрешеченнем колпаке. Под лампой виднелся великанских размеров стол, часть стула и такие же, под стать столу, громадные армейские башмаки. Что за наваждение? Восток тряхнул

головой. Тыфу ты, вот балда. Он же под платформой, тут потолки низкие...

Все встало на свои места.

Несколько минут он просидел, не двигаясь. Все. Боль от удара ушла, только мышцы ныли надсадно. Но это уже совсем другой коленкор, как говоривал Зощенко. И глаза несколько привыкли к полумраку. Восток попробовал осмотреться. М-да. Клетка его была наглядной иллюстрацией к пословице «Неладно скроен, да крепко сшит». Основа – толстый стальной уголок, к которому с необычной аккуратностью, даже, можно сказать, любовно, приварен край среднеячеистой добротной сетки. Чувствуется, что удержит и быка. Он попробовал придвигнуться к каркасу и осторожно, чтобы не звякнуло, навалился на сетку спиной. Металлическое полотно чуть натянулось – и только. С душой делали, заразы... Он подобрался к двери. Та же рама с сеткой, только подвешена на здоровущие гаражные петли. И замок амбарный, дисковый. Восток снова прислонился к решетке, на этот раз – без особой утайки. Потряс немного.

Да, просто так из клетки было не выскочить.

– Э, але! – раздался голос. Ботинки под столом дернулись, что-то шевельнулось, на миг заслонило свет. – Не буйнь мне там! Очухался – так сиди себе тихо!

Восток повернул голову в сторону голоса, но промолчал. Страж попался бдительный, однако дела до него сталкеру сейчас было мало. В клетке он был один. Один. Крыся сейчас была где-то там, наверху, один на один с Кожаном. Он же сидел тут, за решеткой, и опять не мог сделать решительно ничего. Опять!

Накатила бессильная злоба. Восток сжал зубы до скрипа и с силой ударил кулаком об пол. Удар получился глухой, почти неслышный – *что* бетонному монолиту до человеческих силенок? Сталкер закрыл глаза и попробовал снова успокоить дыхание. Тихо, брат, тихо... Разбитыми о бетон кулаками делу не поможешь. Но гнев не унимался. Одна. Там. С этими. Нелюдями. И все ты, ты виноват. Из-за тебя, из-за твоего желания поскорее добраться до Медведкова она попала сначала к своим промывателям мозгов, а

теперь и к этим бандюкам. Челюсти сжались до спазма. Он глубоко, медленно-медленно выдохнул.

Сейчас самое правильное – успокоиться. Все равно прямо сейчас помочь ей не получится. Зато можно навредить, если начать как полоумный метаться по клетке и колошматить по всему, что есть вокруг. Если придут бандиты и второй раз за день намнут ему бока, он будет мало на что годен. И если вдруг предоставится шанс, то он уже не сможет его ухватить, чтобы вытащить ее вместе с собой из этой клоаки. Еще глубокий вдох и выдох. Мышицы немножко расслабились. Ее обязательно приведут. Возможно, напуганную, возможно, избитую, но живую. Приведут. Точно приведут. Если бы ее хотели убить, они сделали бы это сразу, но им от нее кое-что нужно – сведения о станциях Содружества. И они ее не тронут. Будут пугать, угрожать, но не тронут.

Восток с упорством слепого быка, тянувшего и тянувшего за собой огромный, неподъемный плуг, повторял и повторял себе эти фразы. Ее приведут. Она нужна им. Они ее не убьют. Они только допрашивают ее. Допрашивают...

Допрос. Сцена внезапно ярко-ярко встала перед глазами. Испуганное лицо девушки. Красная, в сивой щетине, налитая кровью рожа Кожана. Хищно-подвижный, как хорек, Дымчар, со сверлящим взглядом бесцветных глаз. И этот вертлявый Горелик, скользкий, как масло, и мерзостный, как метровая многоножка. Да, они не убьют ее. И даже если и изобьют – то наверняка не так сильно, как его, мужчину. Но ведь она – девушка... Девушка! А их там – целая толпа ражих, изголодавшихся по женщинам (которых сталкер на станции как-то не заметил) мужиков! И у очень многих – Восток это увидел, когда их гнали по перегону, – при ее появлении возникли вполне определенные желания и намерения! И что с того, что Кожан запретил им ее трогать? Долго ли продлится этот запрет после того, как он узнает от Крыси все, что ему необходимо?

Ярость снова закипела, захлестнула, обожгла. Восток не без основания считал себя сдержанным человеком, умеющим договариваться с самим собой, но сейчас... Сейчас его разрывало на части.

Он будто раздваивался на две половины – разумно-рассудочную и горящую, взрывную, которые вели между собой не то философский спор, не то мировую войну.

- Да что с тобой, брат?
- Она одна там! Среди них! Я не могу ничего сделать!
- Тише. Ты погубишь себя и тем вернее погубишь ее.
- Не могу. Они замучают ее. Замучают из-за меня.
- Ошибаешься. Это ТЫ из-за нее попал сюда. Ты ведь не просил ее провожать тебя до людских станций, она сама повела. А сейчас она с тобой в одних условиях. Сейчас – ее. Потом – тебя.
- Лучше бы сейчас меня и потом меня!
- Тебя? Да что тебе до нее?
- Она спасла мне жизнь. Она сама рисковала жизнью. Ради меня.
- Аргумент. Но и что с того?
- Рисковала ради чужого человека. Дважды чужого – потому что человека!
- Снова аргумент. Но разве это все, из-за чего ты сейчас мечешься, как горячечный?
- Она женщина! Девушка! А ей выпало быть там, где и мужики не сдюжат. Я не могу сидеть здесь, когда ее там увекат!

Дурное слово зацепилось за сознание. Увекат. Сразу вспомнились глаза разбойников, когда их вели по перегону, – голодные, алчные. А она тогда шла и только вздрагивала от каждого тычка, от каждого резкого жеста или слова. Маленькая, слабая и такая... светлая среди ревущего черного потока грязи и чудовищ. Своя. Своя – как своими бывают мать, брат и... та, с которой собираешься пройти жизнь. Родная – по духу, по сути, по непогасшей... человечности?

«Вставай, Восток! Нам уже недолго осталось!.. Ну же, сталкер! Прощу тебя!..»

В голове метрономом билась кровь. Держись, девочка... держись, милая...

Внезапно откуда-то сверху, слабый и заглушенный пространством и бетонными перекрытиями платформы, донесся отчаян-

ный и тонкий, полный смертного ужаса визг. Прорезал воздух и... оборвался, как отрезанный.

Восток похолодел. Он узнал этот голос!

— Кажется, Кожан за твою девку всерьез принялся, — охранник пошевелился на своем месте, скрипнул стулом. Голос его был усталым и пустым.

Сетка жалобно загремела, когда человек всем телом ударился в нее.

— Открой, сволочь! Открой!!! — крик его был похож на рев ветра в огромной трубе.

— Тихо там, млять! — часовой вскочил со своего места. — Будешь орать — мужиков позову, успокоим! Сиди, млять, раз попался! Один хрен, не сделаешь ничего... — голос охранника снова стал сухим и обессиленным, стариковским. Скрип стула под тяжелым телом. Он снова опустился на свое место, и воцарилась тишина.

Восток, сжав кулаки до того, что побелели костяшки, сидел на полу. Вспышка ярости додорала где-то внутри, последними огоньками над углем. Спокойно, Восток! Спокойно! Спокойно. Спокойно...

А следующая мысль пришла сама. «Меня они точно убьют. Человек им без интереса, только что злобу выместить. И она останется здесь одна. Совсем одна. И будет еще долго ходить на эти самые «допросы». Каждый день. Каждый же день...» Ладони покрыл пот. Сталкеру стало страшно. И новая мысль. «Одно средство. Только одно средство. Единственное. Когда... ЕСЛИ меня не будет. А у нее не будет больше сил...»

Он посмотрел в сторону охранника. Тот все так же сидел за своим столом и, кажется, не обращал никакого внимания на узника. Тогда человек медленно отошел в дальний угол клетки, присел на тянущийся вдоль стены бетонный кожух и осторожно расшнуровал левый ботинок.

Сталкеры, которым было привычно месить Наверху радиоактивную пыль, намеренно старались нарастить толщину подметок. Толстая подошва убережет от грязи, не пустит внутрь гвоздь или острый кусок стекла, спасет ноги (а иногда и жизнь) владельца.

Обуви некоторых разведчиков позавидовали бы даже довоенные модники из подростков. Но сейчас Восток принял целенаправленно расковыривать ботинок изнутри. Перед рейдом в скавенские земли он оборудовал в теле каблука тайник, крышечка которого находилась внутри ботинка под стелькой. А в тайнике тихо ждал своего часа еще один, последний из имевшихся у него, маленький шприц-тюбик с мощным сноторвным. Его резерв и главное охотничье средство, а ныне – последняя надежда.

Еще там, в Бибреве, он принял решение быть с ней до конца. Потому и настоял на отправке его вместе со скавенкой в Алтуфьево. Вот только тогда он думал, что хочет просто отдать долг чести великолдушеной девушке, спасшей ему жизнь, а получилось, что пошел, чтобы защитить друга. Нового, неожиданно появившегося у него друга.

Плотно пригнанный квадратик никак не желал поддаваться. И поддеть-то нечем... На Востоке были только штаны со множеством еще в Бибреве опустевших карманов. Он машинально обхлопал их – ничего. Обыскали его качественно... Профессионалы, м-мать их...

Наконец, когда коротко остриженные ногти были уже измочалены, а пальцы ныли от напряжения, крышка поддалась. Вот и тюбик.

Со стороны лестницы послышались шаги, свет перекрыла массивная фигура. Привлеченный подозрительной возней пленника, охранник покинул свой пост и пригнувшись шел к клетке. Восток едва успел спрятать шприц и крышечку в карман. Вспыхнул ручной фонарь, клетка осветилась.

– Чего возиешься? – подозрительно глядя на узника, спросил охранник.

– Мозоль набил! Переобуваюсь! – буркнул Восток и начал демонстративно разматывать портянку. В связи с известным дефицитом, многие жители метро перешли на старый добрый дедовский способ защиты ног от натирания обувью. Портянки были куда проще, удобнее в применении, доступнее и экономичнее дефицитнейших носков.

– Ну-ну. Только куда тебе теперь-то ходить?..

- Да найдется куда! – с легким вызовом ответил сталкер. – Кстати, у вас тут заключенным хоть какой-то сервис полагается?
- Слова-то какие умные знаешь, – часовой хохотнул. – Се-ервис... В сортир, что ли, надо?
- Пока нет. Но... если вдруг понадобится? –сталкер сделал вопросительную паузу
- Позовешь – выведу. Но только у нас тут сервис три раза в сутки.
- И на том спасибо.
- Часовой криво подмигнул и развернулся, гася фонарь. Бух-бух – его башмаки затопали по бетону обратно.
- Эй! – спохватившись, окликнул его сталкер. – Скажи... девушку тоже здесь держать будут?
- А хрен знает. Чего начальство решит, то и будет, – тяжеловесная фигура охранника со склоненной головой замерла в проходе. – Ты не дергайся, мужик. Он твою девчонку никому не отдал, себе взял. Тебе оно, ясно, что нож острый, но ты, говорю, не дергайся. Себе взял – значит, живая будет.
- Кулаки сталкера снова сжались до побеления костяшек. Картина «допроса» снова встала в голове. Да так, что захотелось этой самой головой – и в стену с разбегу. Он как в угаре снова дотащил себя до самого темного угла клетки и рухнул на пол. Время текло, как расплавленное стекло – неторопливо и тяжко. А он, вжалвшись в стену, сидел и считал секунды. Каждая секунда – мгновение боли. Ее боли.

Внезапно где-то наверху и, как опять показалось Востоку, почти над тем местом, где он сидел, снова поднялась какая-то шумиха. Что-то загремело, словно ломились в запертую дверь, причем ломились настойчиво, с воплями. Затем что-то неразборчиво прогорал хриплый яростный голос... И снова этот крик – звенящий, тонкий, о чем-то умоляющий... и вдруг резко – как и в тот раз – оборвавшийся...

Человек вздрогнул. Неужели она?

Снова хриплый голос – и все затихло. Сердце у Востока оборвалось. Он вскочил, прислушиваясь. Тишина. Да что же там творится?!

Когда он был готов уже зубами грызть проклятую сетку, загромыхала железная лестница. Охранник оживился, заскрипел стулом. Сталкер рванулся к дверце в клетку.

В «подвал» буквально ссыпались по лестнице двое местных, тащивших под мышки кого-то третьего. И этим третьим была Крыся. Она висела на руках бандитов и, кажется, была без сознания. Глухо топая башмаками и поминутно матерясь, бандиты потащили свою ношу к клетке. К его, Востока, клетке!

– К стене! – проорал один из конвоиров, наводя на вцепившегося в решетку сталкера пистолет. – На колени, руки за голову, ноги скрестил! Скрестил, твою мать! А дернешься – мозги вышибу! Ну?!

Сталкер подчинился. Он исподлобья глядел, как сторож торопливо отпирал замок и как один из крысюков (второй продолжал держать человека на мушке) втащил в клетку и небрежно бросил на пол девушку. Снова клацнул замок. Первый бандит опустил пистолет, и Восток тут же, одним прыжком, бросился к лежащей.

К великому его удивлению и облегчению, следов побоев и иного физического насилия на Крысе не было. Только левая щека покраснела и слегка припухла, словно по ней ударили, да встрепанные волосы были почему-то мокры нас kvозь. Девушка была в сознании, но выглядела так, словно только что пережила немалый шок. Она никак не отреагировала, когда Восток молча приподнял ее, крепко обнял и начал тихонько покачивать, словно убаюкивая, и гладить по голове.

Через некоторое время Крыся все же пришла в себя и осмысленно посмотрела на сталкера.

– Это ты... – слабо улыбнулась она. – Живой...

– Живой, хорошая моя, живой, – голос его был тихим. – А ты как? В порядке?

– Броде... щека вот только болит... – она осторожно приложила тыльную сторону ладони к лицу. – Ничего, пройдет...

– Били тебя сволочи?

– Нет... Одна щечечина – это ещё не смертельно...

Девушка доверчиво и устало положила голову ему на плечо.

Смежила веки, радуясь коротким минутам тишины, покоя и относительной безопасности.

Человек тряхнул головой, зажмурился и снова открыл глаза.

– Что они с тобой делали, Крысь? Ты будто не в себе.

Его вопрос заставил ее вздрогнуть и съежиться.

– Ничего... – сдавленно пробормотала она, – ничего особенно-го... Честное слово! Просто... я сама все испортила... Сама...

И Крыся заплакала. Тихо и безнадежно.

Он промолчал. Это шок, тут спрашивай – не спрашивай... Рука человека снова опустилась на голову скавенки и осторожно – так осторожно, как могла, – стала гладить мягкие влажные волосы. Плечом и грудью он чувствовал, как сбегают по его коже горячие, щекочущие дорожки ее слез, но, боясь нарушить покой девушки, терпел и не шевелился.

Спустя некоторое время Крыся немного успокоилась. Всхлипывания стали реже, тело перестало дрожать.

Восток устало улыбнулся. Проходит. Прошло. Умница моя, сильная девочка... Он немного наклонился, его лицо проступило в полутьме резкой маской из одних острых углов.

Крыся бросила взгляд на эту маску и охнула:

– Ты же весь в крови!.. – она почти невесомо провела кончиками пальцев по его лицу. – Из носа текла, губы снова разбили... Вот же звери!..

– Разбойники, одно слово, – еще одна грустная улыбка. – Успокающейся, маленькая... Все уже кончилось. Не течет же больше?

– Не течет. Но видок у тебя сейчас... тот еще... – в ее тоне послышалась знакомая Востоку задиристая сварливость. Сталкер даже порадовался этому.

Зачем-то оглядевшись, скавенка досадливо прикусила губу.

– Вот ведь жмоты, хоть бы воды дали... Тебе лицо от крови обтереть надо! – она высвободилась из его рук и села на бетонный выступ, охлопывая попутно себя по многочисленным карманам выцветших штанов-милитари. – Паразиты, даже тряпки нет, все забрали... И одежда моя – еще с поверхности, в пыли вся...

Она снова рассеянно и немного нервно огляделась по сторонам. На мгновение зажмурилась, увидев свет лампы, и тут же ее тонкий голосок разнесся по подземелью:

– Часовой! Эй, часовой!

Вдалеке снова – уже в который раз – скрипнул стул.

– Чего надо? Че орешь?

– Можно нам немного воды принести? Пожалуйста!

– Вас ни кормить, ни поить не было велено! – охранник тяжело завозился в своем углу, как огромный черный крот, вынырнувший неожиданно на поверхность.

– Да я же не прошу вас кормить и поить! Но хотя бы немного воды – кровь смыть... Ну пожалуйста, тебе трудно, что ли?

– Я тебе говорю, нет приказа! Все!

Крыся приблизилась к решетке, взгляделась в черную фигуру у стола.

– Ты ведь не такой, как они... – вдруг сказала она. – Ты другой... добрый... Пожалуйста, дай нам воды! Ну что тебе стоит?

– Крысь, да не унижайся ты так перед ним! – Восток положил руку на ее плечо. – Перебьюсь без воды, все равно нас тут долго не будут держать.

– Да ну? – голос часового громыхнул, как барабан. Он встал, и свет потух, заслоненный его спиной. – Добрый? А если нет? Вот сейчас позову мужиков, да как дадим вам жару... – тяжелая фигура медленно приближалась к клетке. – Что тогда будет?

Восток досадливо плюнул сквозь зубы и с трудом начал подниматься на ноги. Рука мягко, но властно отвела девушку за его спину. Он выпрямился, насколько хватало низкого потолка, и снова сжал разбитые кулаки. Топ, топ, топ... – шла по узкому проходу их судьба. «Один удар, всего один удар есть... – думал человек. – Господи, какой же он здоровый! Где их тут таких выводят?...»

Пять шагов. Три. Один...

Часовой замер перед клеткой. Внимательно оглядел пару за решеткой.

– Ну, допустим, дам я вам воды – медленно сказал он. – А мне что за фарт с того? Только шею намылят.

– Фарт?.. – растерялась Крыся, а потом сообразила: – А! Ты хочешь плату?

Она снова зашарила по карманам. Безрезультатно.

– К сожалению, мне... нам нечего тебе дать... – вздохнула она и опустила голову. – Все отняли еще там, в Бибиреве, когда обыскивали...

– Ну тады ой... Извиняй, красавица, нету воды, – темная фигура сделала полоборота.

– Эй, стой!

Руки девушки судорожно пытались снять что-то с шеи.

– Погоди! Есть, я вспомнила! Есть! Дай руку!

Часовой замер, протянул ладонь. Сквозь решетку к нему просунулись тонкие пальцы, и что-то легкое, мелодично звякнув, скользнуло с них и закачалось на тонкой, тусклой блеснувшей в свете фонаря цепочке. Упало в руку.

– Вот, возьми, пожалуйста! Я, правда, не знаю, ценно это или нет... Но это все, что есть...

Щелкнул фонарь. На руке охранника, чуть поблескивая, лежал потемневший медальон серебристого металла. Маленький, но искусно сделанный, он был размером не больше фаланги большого пальца. С него глядела на охранника и пленных грустная женщина, держащая на руках ребенка. Головы изображенных окружало сияние.

– Ох ты ж матушки... – вдруг совершенно неожиданно проборомтала часовой. – Девочка, да ты знаешь, что это такое?

Он пристально и как-то неожиданно значительно поглядел на пленную. Крыся удивленно посмотрела в ответ. Медальончик она нашла недавно в очередном разоренном магазине. И взяла его себе только потому, что ей приглянулась картинка на нем. Мать и дитя. Эдакий символ любви, теплоты, защиты... А вот кто там был изображен – добытчица так и не удосужилась спросить у старших.

– Не знаешь. Эх ты... На, забери назад! Не возьму я его, – толстые пальцы-сосиски неуклюже, но аккуратно протолкнули медальон сквозь решетку в ладонь его обладательницы. – Да не гляди

ты на меня так! Принесу я тебе воды. Безо всякой платы принесу. Сиди уж...

И, бухая тяжелыми башмаками, часовой прошел куда-то мимо.

Крыся, казалось, потеряла дар речи. Восток, оглушенный мгновенным напряжением, бессмысленно смотрел прямо перед собой. А шаги удалялись. Замерли. Что-то протяжно заскрипело, и до пленников долетел плеск воды.

– Добрый, значит? Много ж ты, девочка, про людей знаешь... – слышалось в клетке далекое бормотание. – Добрый... Дожили – иконки нательные отдать готовы... Ох, мама дорогая, роди меня обратно...

И снова шаги. Громадина-часовой замер перед решеткой черной глыбой.

– Нате вот. Да не расплескайте, дурилы... Второй раз не пойду. Вон снизу принимай, там щелка есть специальная...

В руках у узников оказалась широкая миска, наполненная водой.

– Спасибо! – радостно воскликнула Крыся, одарив охранника ослепительной улыбкой, в которой было столько тепла и благодарности, что тому даже стало жарко от внезапно прилившей к щекам крови. – Спасибо тебе огромное!

Сторож только рукой махнул. Развернулся и тяжело зашагал обратно.

– Эй, там... – услышали узники, – как воду выпьете, мне скажите. Я миску заберу.

– Да, конечно! Не беспокойся!

Пленники сделали по нескольку глотков, а потом Крыся занялась Востоком. Осторожной мокрой ладошкой она водила по его лицу, омывая его от размазанной и засохшей крови. Запекшиеся ссадины трогать не стала, а лишь приложила к ним несколько раз прохладные, влажные пальцы.

– Ну вот... – закончив и удовлетворенно оглядела дело рук своих, сказала она. – Теперь ты хоть на человека стал похож...

– Спасибо, Крысь. Я в последнее время только благодаря тебе на человека и похож... – Восток протянул руки к миске, тоже смо-

чил ладонь. – Ты давай-ка тоже иди сюда. Вон тебя как приложили... – он коснулся холодной рукой все еще красной, горячей щеки девушки. – Получше?

– Да... – она вздрогнула от мгновенного холода, но потом привыкла и даже чуть склонила голову, прижимаясь щекой к ладони сталкера. – Лучше. Гораздо лучше.

А человек пристально смотрел на нее и чему-то улыбался. В его голове пролетали кувырком обрывки самых разных мыслей. Он радовался тому, что она – ОНА – сейчас сидит тут, напротив него. Отмечал, что за себя, кажется, бояться перестал совсем. Удивлялся и одновременно воспринимал как должное то, что, предложи ему сейчас кто-нибудь вернуть его, Востока, обратно домой, на родную станцию, – он отказался бы. Отказался не глядя – если бы не оставалось возможности взять с собой ее. По нему пробегала то теплая, то холодная волна. Сознание – где-то там, далеко, на краю, – говорило, что они в плену, что, скорее всего, не выберутся отсюда живыми и что он не знает, что с ними будет через час...

Востоку это было безразлично. Хрупкая фигурка в потертых штанах и заношенном свитере сейчас сидела рядом с ним, и это было важнее всего на свете.

...Сколько они так просидели – Восток не считал. Видимо, сказались и напряжение, и усталость. Он снова резким броском пришел в себя, лишь когда по лестнице в третий раз за сегодняшний день (и день ли?) застучали шаги. Опять мельтешение фонарей, слепящий свет, окрики. Вот они с Крысей снова стоят на коленях под дулами пистолетов, а кто-то весьма умело вяжет ему (почему-то только ему) руки за спиной. Короткий переход до лестницы, окаменевшее, с потухшими глазами лицо тюремного охранника, колодец люка в низком потолке и тянущиеся из него щупальца рук.

По узкому коридору служебных помещений их вывели на платформу.

А там их уже ждали. Кажется, все Алтуфьево собралось поглазеть на смертников. Лица без счета – злые, нахальные, усталые, тревожные, – и ни одного сочувствующего. Среди мужских лиц

Восток заметил и несколько женских. Местные «дамы» стояли тихие и внимательные, как можно ближе к... мужьям?.. хозяевам? С улюлюканьем пронеслась и спряталась за спины родителей стайка ребятни.

А прямо перед ними, уперев в бока пудовые кулаки, стоял Кожан.

Окинув узников с головы до пят внимательным циничным взглядом, он цыкнул зубом:

– Ну что, мыши серые, насидались в углу? Все, хорош! Пора и честь знать! – весь вид Кожана источал физически ощутимую злобу. – Надоели вы мне за этот день хуже моченых грибов! Тут кое-кого из вас бибирия хотели на поверхность вывести днем – так кто я такой, чтобы этому мешать? – он глумливо хохотнул. – Я даже лучше идею придумал – вы туда ОБА отправитесь!

По толпе прошелестел шепоток, послышались редкие смешки. Узники молчали. А что тут скажешь?

– Погодь, Кожан! – вдруг вмешался не на шутку разволновавшийся Дымчар. – Все же насчет девки... Может, дашь ребятам погонять – напоследок, а? И вообще... Че ты там с ней такого делал в своей берлоге, а? Ведь верещала так, что зверье Наверху пряталось! Ну ты мужик!

Вокруг засмеялись.

– Не, ну правда, Кожан! Ну ладно, сам первый, как вожак, попользовался, а остальным? Ночь только началась, до рассвета время есть. Успеем еще с казнью! Ты ведь обещал! – он вдруг ущипнул Крысю за грудь, та тут же дернула головой, щелкнула зубами, но укусить не успела и только ожгла наглеца яростным взглядом. – Во! Видал? – Дымчар причмокнул. – Такое добро ни за гроши пропадет!

Кожан скучающе зевнул и посмотрел на взъерошенную дочь, глядящую на него с невообразимой смесью гнева, мольбы и (наверно, все еще не могла забыть свою недавнюю истерику) вины на лице.

– Да я и не трогал ее вовсе, – лениво сказал он. – Охота была с этой сумасшедшей человечьей подстилкой связываться, еще подхвачу чего, лечись потом всю жизнь!

От таких чудовищных слов Восток побагровел и яростно рванул опутывающие его веревки. Крыся же ахнула, залилась краской и вдруг дикой кошкой метнулась к папаше явно с целью выцарапать ему бесстыжие буркалы. Но охранники не дремали – поймали, можно сказать, в прыжке.

– Га-а-ад!!! Сво-о-олочь!!! – пронзительно верещала крысишка, отчаянно отбиваясь от пытающихся ее усмирить рук. – Не-енави-и-ижу!!!

Кожан сморщил физиономию и демонстративно прочистил пальцем ухо.

– Так что, Дымчар, если тебе так уж приспичило и если так охота слышать вот это во время... хммм... процесса – валяй, пользуйся! – как ни в чем не бывало закончил он фразу. – Но потом, когда вдруг все твое «мужчинское хозяйство» начнет гнить и отваливаться, – не говори, что я тебя не предупреждал!

Дымчар задумался. Перспектива потерять самое дорогое и трепетно лелеемое не прельщала. Побаловаться с девчонкой, конечно, хотелось – она приглянулась ему, да и не только ему – но не такой же ценой!

– Ну так че, ребятки? – ухмыльнулся вожак, обводя взглядом свою «стаяю товарищей». – У кого там еще в штанах лишние объемы звенят и дымятся? Давайте, не стесняйтесь – девка ваша!

– Да ну тебя в звезду, Кожан! – в сердцах плонул Дымчар. – Умеешь же ты весь кайф людям обломать! – он брезгливо вытер о штаны руку, которой щипал Крысю, и тут же замахнулся на девушку. – Уууу, шалава!

– Ладно, хватит! – возвысил голос Кожан. – Хорош херней страдать! Тащите их Наверх, парни, пора!

С шумом, свистом и улюлюканьем крысишки поволокли смертников к южному вестибюлю станции.

Глава 15

НЕЛЕГКО СБРАСЫВАТЬ КОЖУ...

Через анфиладу служебных комнат и шлюзовую камеру, запечатанную маленькими подобиями туннельных гермозатворов, их вывели в подземный переход, что проходил под Алтуфьевским шоссе. Если на станции был пусты и тусклый, но свет, то в переходе стояла непроглядная темнота. Конвоиры защелкали фонарями, в лучах заплясала пыль, мелькнула и осталась за спиной бурая, проржавелая стена главных станционных гермоворот. Вперед, поторапливайтесь! Вот уже виден тусклый лунный от свет на стенах впереди и на чугунных решетках ливневки под ногами. А дальше – павильон выхода наверх и две лестницы – налево и направо. Сквозь дыры в разбитой крыше павильона светит луна.

Свернули налево.

Поверхность дохнула им в лица тихим зябким ветром. По недлинной лестнице, по истертym ступенькам они вышли в стерегущую наверху ночь. Среди темных громадин-домов на юг и на север, сколько хватало глаз, убегала прямой стрелой широкая дорога с разросшимися, заматеревшими без людей деревьями по обочинам. Вокруг было пустынно и тихо, и только приветствовавший

их ветер бесцельно бродил между оставами автомобилей, гнал жухлую листву и вездесущую пыль.

Их привязали к облетевшему молодому тополю в паре сотен метров от выхода — спина к спине, только по разные стороны от бурого ствола. Вязали не веревкой — проволокой, щелкая пассатижами и поминутно переругиваясь. Наконец закончили, отошли, будто любясь делом. Вперед вышел Кожан.

— Ну вот, ребятки, погостили — и хватит. Постойте тут, свежим воздухом подышите малость, а там, глядишь, и солнышко взойдет... — голос был издевательски ласков. — Смотрите, не угорите. Особенно ты, Робин-гусь бледный, — Кожан хищно осклабился в сторону сталкера. — Ну и ты, мышка, тоже не скучай, — небрежно бросил он дочери и криво, дергано подмигнул ей. Остальные алтуфьевцы грянули смехом.

— Тихо, мать вашу! Еще зверье мне тут накликайте, пустобрехи! — вождь внезапно стал необычайно серьезен. Бандиты моментально притихли, автоматы с тихим лязгом соскользнули с плеч в руки. — Пошли! Нечего тут прохладиться!

Он махнул рукой и, не оборачиваясь, широкими шагами пошел обратно, в сторону темневшего у шоссе павильона подземки. За ним, озираясь и прислушиваясь, потянулись остальные. Тощий Жекаостоял у дерева дольше всех. Он бросил взгляд на привязанного Востока, прищурившись, оглядел девушку... Помедлил, словно в чем-то сомневаясь и колеблясь. Но потом сплюнул под ноги и бегом бросился догонять своих.

Пленники остались одни.

Постепенно ночь начала оживать и наполняться звуками. Умолкнувшие и притаившиеся обитатели развалин снова принялись за свои насущные хлопоты, прерванные приходом двухногих. Деловито прошуршала мимо тополя большая бурая крыса, задержалась, приподнялась на задних лапках и любопытно оглядела привязанных людей красноватыми глазами-бусинами. Восток шуганул ее, и крыса, пискнув что-то явно оскорбительное, неторопливо скрылась под ржавым оставом бывшего ларька.

С легким шелестом из разбитого окна в доме напротив вылетели две черные тени. Восток вздрогнул, но, разглядев их, успокоился: эти существа вреда не причинят. Летучие мыши – а это были именно они – теперь охотно селились в покинутых домах, как в пещерах. Во всем остальном, думается, их жизнь совершенно не изменилась – как не изменилась она и для других четвероногих и крылатых обитателей Москвы и близлежащих пригородов.

Ночь полнилась звуками – знакомыми и незнакомыми, привычными и таинственными, притягательными и пугающими. Шелест ветвей и крыльев, скрип, попискивание, топот мелких лапок, вскрикиочных птиц (а может, и не птиц), пронзительный мяу кошачьей драки за углом ближайшей высотки, далекий вой...

Восток почувствовал, как по другую сторону дерева вздрогнула и съежилась от страха Крыся.

Их связали запястьями, рука об руку – так, что стояли они спиной друг к другу, и между ними было дерево. Мало того, проволока еще обматывала их по груди и на уровне колен. Крепко так обматывала, сталкер даже чувствовал, как она врезается в кожу.

Восток расслабил намеренно напряженные перед связыванием – как требовали правила выживания в подобных ситуациях – мышцы. Легче не стало. Ну, может быть, совсем чуть-чуть...

Да уж, потрудились Кожановы ребятки на славу! И где, интересно, они концы проволоки закрутили?..

Вой повторился – голодный, заунывный и пока еще далекий, но это «пока» было таким эфемерным!..

– Мне страшно... – прошептала Крыся. Ее пальчики ощупью добрались до ладони Востока и сжали ее.

– Знаешь, мне тоже, – признался сталкер. – Но могу тебя успокоить: говорят, что только круглые идиоты не испытывают страха. Значит, мы с тобой – не идиоты.

– Спасибо, успокоил... – с неподражаемыми интонациями хмыкнула крысишка. – Что дальше делать будем?

– Все, что в наших возможностях. Ты там концы проволок не видишь?

– Э-э-э-э... сейчас! – Крыся слегка повозилась. – У верхней привязки они между нашими плечами, – она дернула рукой, обозначая местонахождение скрутки. – У нижней – под моим левым коленом... Только толку-то... Все равно не дотянуться. Хотя, конечно, попробовать можно.

Некоторое время она сосредоточенно и упорно сопела, ругаясь сквозь зубы на оригинальной смеси русского и вьетнамского, но вскоре обмякла и расслабилась.

– Не получается, – с некоторой нервоздостью сообщила она. – Не могу дотянуться! Я, как ты велел мне, напрягла мышцы перед привязыванием, но, кажется, это не сильно помогло.

Еще сидя в клетке, они постарались обговорить все возможные варианты спасения, и Восток поделился со скавенкой некоторыми хитростями. Но они не смогли предвидеть одного: что привяжут их не веревками, а довольно толстой проволокой, и привязывать – точнее, прикручивать – будут весьма крепко и умело!

– Давай попробуем немного растянуть и раскачать туры, – предложил Восток. – Каждый со своей стороны.

– Что растянуть?..

– Туры. Ну, круги проволоки, которые нас обвивают.

– Давай.

Они дружно налегли на свои путы, одновременно пытаясь расшатать и сдвинуть их. Восток ощутил, как проволока впилась в кожу на груди, полоснула болью. Позади болезненно вскрикнула Крыся, и сталкер тут же прекратил давление.

– Я ничего тебе не повредил? – обеспокоенно спросил он.

– Ничего страшного, – девушка дернула ладонью, словно отмахнулась. – Больно, конечно, но я готова потерпеть.

Следующие часа полтора прошли в безуспешных попытках освободиться. Восток едва не вывихнул кисть, нащупывая скрутку возле их запястий, и все-таки порезал проволокой кожу на груди и плечах. Щупляя Крыся чуть не застряла, попытавшись ужом выползти из грудной обвязки.

Ситуация зашла в тупик. Пути слегка ослабли, но все так же крепко держали пленников.

– Все?.. – прошептала Крыся. – Это... конец?

Восток ощущал в своих ладонях ее дрожащие, холодные как лед пальцы. Словно мышата, прячущиеся от хищной желтоглазой темноты, они доверчиво и пугливо жались к его рукам, пытаясь согреться, найти защиту и спасение...

Сталкер обхватил эти тонкие пальчики и чуть сжал. Погладил.

– Пока не взошло солнце и не явились те, кто... убьет нас, – еще не конец, – сказал он. – Но даже этого хотя бы один из нас сможет избежать – правда, очень непростым, требующим решительности способом. Есть еще одно средство, Крысь. Крайнее.

– Что еще за... средство? – всхлипнула девушка.

– У меня есть маленький шприц. С очень сильным снотворным. Его не нашли при обыске. Если ввести этот препарат, то можно заснуть... очень крепко и не почувствовать ни лучей солнца, ни зубов тварей. Но можно и по-другому, – Восток снова сжал Крысины пальцы. – Содержимого шприца вполне хватит, чтобы один человек заснул и больше не проснулся. Ты понимаешь, о чем я?

– Понимаю...

– Крыся, я не хочу, чтобы, когда для нас наступит время умирать, ты мучилась и страдала. Я не хочу, чтобы голодные твари терзали тебя живую, ослепшую под солнцем и беспомощную. Я хочу предложить тебе быструю и легкую смерть. Не сейчас, а когда станет ясно, что для нас уже все кончено. И, разумеется, если ты согласишься.

Повисло молчание. А потом Крыся тихо спросила:

– А как же ты?

– Я?

Восток криво усмехнулся и повел плечом. Ему очень не хотелось выглядеть в ее глазах эдаким пафосным киношным героям без страха и упрека. Поэтому он просто сказал:

– Перебьюсь.

– Нет! – скавенка рывком выдернула ладонь из его захвата и негодующе шлепнула сталкера по пальцам. – Это будет нечест-

но – если все достанется мне! Я, может, тоже не хочу, чтобы ты мучился! Понял? Не хочу! И даже не думай!

Она уже почти кричала, всхлипывая через каждое слово.

– Крысь, да успокойся ты! – прикрикнул на нее сталкер, дернув за руку. – Как ты не понимаешь, что... – он вдруг резко осекся и замолчал. – Ладно, – сказал он уже совсем другим тоном, – давай тогда пополам. Чтобы обоим просто заснуть. Согласна?

– Пополам? Согласна. Где там этот твой шприц?

– В кармане. Сейчас попробую достать. Извини, если руке больно будет.

– Да плевать!

Восток осторожно согнул руку и подтянул ее к кромке кармана, куда еще в клетке упрятал шприц. Но как он ни старался, достать до дна никак не получалось – мешала проволока, связывающая его руку с рукой скавенки.

– Крыся, помоги мне, – начал он, – никак не доберусь до дна кармана. Ты меня ниже, попробуй сама.

Но девушку постигла та же неудача. На некоторое время оба задумались.

– Эврика! – вскричала скавенка. – Я знаю, что делать! Надо продвинуть шприц по ноге от низа кармана к его кромке! И достать! Пожалуй, я смогу!

– Давай!

Девушка дотянулась и нащупала на бедре сталкера маленькую плотную трубочку. Захватила ее пальцами вместе с тканью брюк и начала осторожно перебирать складки, медленно прокатывая шприц вверх, к кромке кармана.

– Перехвати! – выдохнула она, когда стало совсем трудно. Уверенная мужская рука тут же накрыла ее сведенные судорогой пальцы.

И вот она – их последняя надежда на быструю смерть! В руке Востока! Сталкер крепко сжал кулак.

– Я примению его только в самом крайнем случае, – пообещал он. – Когда иного выхода у нас не останется.

– Не забудь, о чем мы договорились! – тут же напомнила крысишка. – Пополам!

– Не волнуйся. Никто не уйдет обиженным.

– Счастье для всех, даром? – хмыкнула Крыся.

– Читала?

– Ага!.. Восток, а для чего тебе было нужно это сноторвное?

Сталкер смутился от столь внезапного вопроса и порадовался, что ей этого не видно.

– Так... – уклончиво ответил он. – На всякий случай.

Снова повисло молчание.

– Восток, – вдруг проговорила Крыся с какими-то новыми, сразу же насторожившими сталкера интонациями. – Я все это время молчала и не спрашивала тебя, но... теперь я хочу знать правду. Согласись, я имею на это право. Скажи, ты... правда шпион людей?

Сталкер не видел ее лица, но тут же представил, как она пытливо и требовательно смотрит ему в глаза. Да, она, как никто другой, имела право знать правду... Вот только станет ли ей от этого легче?..

– Не шпион я, – наконец, выговорил он. Правда давалась нелегко. – Но после того, как ты все узнаешь... то, может быть, решишь, что лучше бы я им был!

– Это как же?

– Я не случайно оказался в ваших краях. Меня послали ученые из Полиса. С заданием добыть им образец... то есть, представителя вашей расы. Желательно – живого и невредимого. Чтобы они могли его изучать в своих лабораториях.

– В каком это смысле – изучать?

– Ну, выяснить, что он из себя представляет, чем отличается от человека, какой у него состав крови, почему вы – в отличие от нас – так стойки к радиации... Выявлять причины мутации, сделавшей вас такими... В общем, ничего хорошего бы этого – будем называть вещи своими именами – пленника не ожидало.

– Его бы... убили?

– Не знаю. Честно – никогда над этим не задумывался. Но некоторые научники бывают куда хуже, – Восток постучал носком

ботинка по земле, – этих вот гавриков, что сидят под нами на своей станции. Особенно если увлечены какой-нибудь очередной супер- mega-идеей. И тогда им что люди, что крысы подопытные... В том смысле, что ради своей цели они могут через многое преступить. Даже через причинение страданий и убийство чел... разумного создания – во имя, как они потом скажут, науки и блага человечества.

– Что же это за благо такое – если ради него надо убивать? – голос Крыси был тревожным и недоуменным одновременно. Она все еще не осознавала главного...

А потом девушка надолго замолчала.

– Скажи... – наконец услышал Восток вопрос, которого боялся больше всего, – а то, что ты пытался поймать меня тогда, в библиотеке... Это... для задания? Чтобы сдать меня этим вашим научникам? Чтобы они меня... изучали?

Сталкер медленно посчитал про себя до трех. Выдохнул.

– Да, Крыся. Я хотел захватить тебя в плен и доставить в нашу часть метро. К ученым. На опыты. И это сноторное было предназначено для того, чтобы усыпить пленного скавена. Чтобы не создавал проблем при доставке.

– Но... Но почему... меня? Разве... разве я сделала что-то дурное тебе или... кому-то из людей, что...

– Ты просто оказалась первой из вашего племени, кто повстречался мне. Я же этот район не один день в поисках прочесал. И никого не нашел. А тут просто решил зайти в библиотеку, разжиться парой-тройкой книжек... а там – ты.

С обратной стороны дерева донесся тихий потрясенный вздох. Восток почувствовал, как дрогнули, поникли плечи крысишки и она сделала попытку отодвинуться от него.

«Нелегко-о-о- ссссбра-а-ассывать ко-о-о-жжшишю!» – вдруг некстати пришла ему на ум цитата из довоенного мультика про Маугли.

– А теперь... теперь ты тоже скажешь мне... «так получилось»?.. – в голосе Крыси уже слышались злые, отчаянные слезы.

- Почему скажу? И почему это «тоже»?
- Как мой... папаша! Тоже... за столько лет ни разу не вспомнил о нас с мамой... Жил себе, развлекался, разбойничал... А мы в это время голодали, жили в страхе и... обслуживали всех, кто... А теперь он мне говорит – «так получилось, мышка!» А сам... а сам... – девушка разрыдалась.
- Мышка?.. Погоди! – воскликнул сталкер, которого посетило внезапное озарение. – Ты говоришь, твой папаша... Кожан – твой отец?!..
- Как выяснилось! – последовал длинный сердитый всхлип. – Он не знал про мое рождение, а я... не знала, что он живет в Алтуфьеве...
- Очешуешь, дорогая редакция... – ошарашенно пробормотал сталкер. А потом разозлился.
- Вот же сволочь! Родную дочь приговорить к казни, да еще так изощренно! И... – глаза Востока тревожно расширились, – ты тогда кричала у него там, я слышал... Он тебя что...
- Нет! – поспешило вскрикнуть крысишке и – Восток был просто уверен в этом – покраснела. – Только тряс, как тузик тряпку, орал, запугивал... Ох, Восток, не спрашивай меня, ни о чем не спрашивай! Все, чем я была до этого... разбито, уничтожено... и по большей части – моими же собственными руками... А те, кому верила, или хотела бы верить... Господи, скорее бы уже наступил этот рассвет! Мне жить не хочется, Восток!.. Зачем жить, если меня... уже нет?.. Дай мне шприц!
- Крыся! – крикнул сталкер и порывисто сжал ее руку. Девушка попыталась выдернуть ее, но он не позволил. – Крыся, милая... – Восток сглотнул ком в горле и заговорил – тихо и ласково, вынуждая ее невольно прислушиваться к его словам: – Девочка моя, нежная, чуткая, гордая... Да мы с твоим отцом – два клинических идиота, причем оба! И оба не стоим даже единственной слезинки из твоих глаз! Девочка моя милая, родная... Обнять бы тебя сейчас крепко-крепко и не выпускать... – сталкер изо всех сил напряг уже начавшие застывать на зябком ноябрьском воздухе мышцы в очередной бесплодной попытке порвать удерживающую их проволо-

ку, но она только сильнее впилась в их тела. Позади жалобно пискнула Крыся.

— Прости... — он сдвинулся вбок, насколько позволяли путы, и коснулся локтем ее руки. Снова сжал холодную ладошку девушки — осторожно, успокаивающе. Словно хотел передать ей часть своей стойкости. — Сколько раз, пока мы плутали по тем подземным норам и ты так бесцеремонно мною командовала, я в сердцах представлял себе, как мы доберемся до Медведкова, я достану из тайника шприц, усыплю тебя и доставлю своим заказчикам! Но ты... ты раз за разом вытаскивала меня из очередной неприятности — хотя и не обязана была это делать. И... я понял, что лучше провалю задание и останусь без обещанного «яйцеголовыми» вознаграждения, но не причиню тебе зла. Я шел на север Москвы, думая, что мутант, которого я поймаю, будет именно таким, как вас и представляют в людской части Метро, — злобным кровожадным выродком, в котором крысиного куда больше, чем человеческого... А встретил... Крыся, да в тебе одной больше человечности, чем в любом другом «чистом» жителе нашей части подземки! И что же — отдавать такое неожиданное, невероятное чудо на растерзание скальпелям научников? Это же кем надо быть — чтобы так поступить?..

— Как трогательно! — раздался вдруг за их спинами скрипучий и насмешливый голос, от которого пленники едва не подскочили. — Просто-таки сцена из рыцарского романа! Впору прослезиться!

Хрустнули по бетонной крошке шаги, и глазам пленников предстал... Кожан собственной персоной! Каким-то образом ему удалось появиться и подобраться к ним совершенно неслышно и незаметно.

— Ты?! — потрясенно воскликнула Крыся, вскинув голову при виде отца. Ни она, ни Восток никак не ожидали его появления! — Зачем ты здесь?!

— А ты как думала, мышка? — ухмыльнулся скавен. — Ну? Попробуешь догадаться?

— И думать нечего! — из Крыси вдруг полезла присущая ей в критических ситуациях склонность — вернейший признак того,

что девушка напугана. – Наверняка ты какую-нибудь новую гадость задумал, с тебя станется!

Она вжалась спиной в дерево и стиснула руку Востока, словно ища у него защиты. От своего жестокого папаши она не ждала ничего хорошего и следила за каждым его движением тревожно расширенными глазами.

Кожан внимательно посмотрел на нее. Хмыкнул.

– А я еще сомневался, что ты моя дочь... – проворчал он. – Теперь вижу – точно моя! Вся в меня, такая же колючка!

– Кожан, что тебе здесь надо? – хмуро вмешался Восток. – Если пришел сюда посмотреть, как нас сожрут твари или спалит солнце, – то занимай места в партере и наслаждайся шоу. Только местечко выбери потенистее, а то как бы и самому не поджариться! А если ты пришел поиздеваться над нами – так хотя бы ее оставь в покое! Мало ей всего случившегося, чтобы еще и родной отец мучил!

– Ты еще и поучать меня будешь, сосунок?

Кожан дернулся к сталкеру и свирепо уставился на него. Некоторое время мужчины мерялись вызывающими взглядами. Никто не желал уступать.

– Не надо... – вдруг раздался жалобный голосок Крыси. – Пожалуйста... прекратите! Папа... Восток... Хватит!..

И девушка тихо и беспомощно заплакала.

– Вы... как дети малые... – рассыпались мужчины сквозь тоны немые всхлипывания. – Честное слово!..

Восток скрипнул зубами, но был вынужден согласиться с ней: действительно, ведут себя, как глупые детсадовцы!

– Она права, Кожан, – вслух сказал он. – Меряемся... хвостами, как петухи бойцовые, а девушка страдает.

Скавен погасил свирепость во взгляде и посмотрел на сталкера уже с интересом.

– Защитничек, блин... – хмыкнул он почти спокойно. – Доблестный рыцарь Айвенго. Откуда ты только взялся?

Ответом ему был длинный прерывистый всхлип дочери.

Кожан приблизился к ней, взял за подбородок и долго рассматривал ее лицо. Крыся робко и умоляюще смотрела на него мокрыми глазами, но взгляда не отводила.

– Свалились вы оба на мою голову... Жил себе спокойно, так ведь нет же...

Крысюк запустил руку в карман длинного кожаного плаща и извлек оттуда... кусачки! И принялся деловито перекусывать проволочные пуги, удерживающие пленников.

– Значит так, девочка, – снова довольно недружелюбно пробурчал он, перехватив последние витки. – Забирай своего хахаля, и валите отсюда оба, и чтобы духу вашего здесь не было!

– Он не... – начала было Крыся, уже привычно вспыхнув румянцем.

– БЫСТРО!!! – рявкнул скавен. – Пока я не передумал!!!! А ты чего тормозишь?! – это уже Востоку. – Хватай эту... – крысюк проглотил какой-то явно нелестный эпитет в адрес дочери, – и упаси тебя все боги, сталкер, еще раз сюда сунуться! Второй раз так не повезет!

– А как же ты?.. – вдруг спохватилась Крыся. – Если узнают, что это ты нас освободил...

– Детка... – почти вкрадчиво произнес старый крысюк, снова беря девушку за подбородок и глядя ей в глаза. – Уж наверно я не вчера родился, чтобы не знать, как замести следы! Но спасибо за беспокойство, мышка, – он неприятно ухмыльнулся, всячески демонстрируя, что никакой благодарности и не испытывает. – Тронут.

Он повернулся к сталкеру:

– За тем углом – машина. Стекла затонированы и со щитками, но лучше перестраховаться. Водить умеешь?

Восток сумрачно кивнул, разминая запястья. По его груди и плечам из поперечных полос порезов стекали темно-красные капельки. Кое-где они уже начали схватываться на ночном морозце, неприятно стягивая замерзшую кожу.

– Хорошо. Ключи от тачки – за дверкой бензобака, карта – в бардачке. До владыкинского депо, думаю, до света сумеете

добраться. Пересидите до темноты, а дальше сами разберетесь. Машину оставь неподалеку, я ее сам найду. Все, брысь отсюда!

— Еще не все, — вдруг глухо сказал сталкер. А потом приблизился к скавену и... точным ударом в челюсть отправил его на свидание с ближайшей кучкой мусора и веток. Крыся пискнула и испуганно зажала рот ладошкой.

— Это тебе за «человечью подстилку»! — с холодным удовлетворением сообщил Восток, глядя, как крысюк ошалело трясет головой и потирает место удара. — И за все остальное. Вот теперь — все!

Но... как ни странно, Кожан не обиделся и не разозлился. Он внимательно посмотрел на сталкера... на дочь... И вдруг весело ухмыльнулся.

— Знатно ты меня приложил... — почти мирно и почему-то довольно проворчал он. — Недооценивал я тебя, оказывается, парень, а зря... Ладно, валите уже отсюда побыстрее! А то и правда не успеете до солнышка.

Крыся вдруг ахнула, подскочила к нему, обняла, прильнула...

— Я поняла, поняла!.. — в смятении воскликнула она, — тебе пришлось всяких гадостей про меня наговорить, чтобы они меня не тронули!..

На миг, всего на один миг Восток вдруг поймал взгляд отца Крыси, брошенный им на дочь. В глазах скавена были глухая тоска, боль и... нежность. Руки его дернулись, осторожно легли на плечи девушки... В следующее мгновение этот мираж исчез, уступив место прежней жестокости и неприязни. Кожан резко оттолкнул взвизгнувшую дочь к сталкеру, развернулся и стремительно пошел прочь.

— Отец... — жалобно позвала Крыся, протягивая к нему руки. — Папа...

Скавен остановился. Медленно, словно через силу, обернулся. Лицо его было похоже на гротескную каменную маску.

— Береги ее, парень! — хрипло бросил, словно каркнул, он и, прежде чем Крыся успела рвануться к нему, исчез в коллекторном

колодце. Только полы плаща плеснули, словно крылья хищной птицы.

– Папа... – повторила девушка совсем уже потеряно. На ее глазах снова показались слезы. – Папочка...

– Идем скорее! – Восток схватил ее за руку и потащил прочь от места их несостоявшейся казни. – Твой отец сделал все, что было в его силах. Может быть, ты когда-нибудь еще встретишься с ним – при более благоприятных обстоятельствах. Но сейчас надо уходить!

– Да... конечно...

Крыся покорно дала ему себя увести.

Глава 16

БЕГЛЕЦЫ

Обещанная Кожаном машина отыскалась за углом какого-то бывшего торгового павильона – могучий бронированный армейский ГАЗ-2975 «Тигр» с тонированными пуленепробиваемыми стеклами и щитками стальных жалюзей. Глава алтуфьевских скавенов для передвижений по поверхности, видимо, предпочитал технику солидную и надежную.

– Ничего себе агрегатец твой батя себе нарыл! – одобрительно проворчал Восток, нашаривая в указанном тайничке ключи. – Интересно, где именно нарыл и почему он в таком отличном состоянии?.. Крысь, давай-ка ты с картой на штурманское место. Будешь корректировать маршрут и вести обзор. Если что – прыгай назад, на пол, и лежи тихо, как... как мышка. Поняла?

- Угу...
- «Тигр» басисто и глухо заурчал мотором.
- Я плохо знаю эти места, – поделился сталкер. – Что там по карте?
- Сейчас... – отозвалась уже немного пришедшая в себя Крыся и зашелестела листами извлеченного из бардачка пухлого автомо-

бильного атласа Москвы. – Вот! Дуй по Алтуфьевскому шоссе на юг, потом – налево по Хачатуриана, направо по... Отрадной... О, да тут пометки есть! Смотри, и депо отмечено тоже! Ну, папка...

Девушка разложила атлас на широком кожухе трансмиссии между пассажирским и водительским сиденьями и показала Востоку предполагаемый маршрут. Тот мельком глянул на схему и кивнул:

– Отлично! Правда, крюк там будет солидный, но все же лучше, чем петлять между домами и гаражами! Ладно, как-нибудь проберемся. Главное – сейчас, по прямой, время нагнать... И чтоб дорога была более-менее свободная от останков машин... Держись крепче!

И резко газанул с места. Крыся взвизгнула и, потеряв равновесие, плюхнулась на сиденье.

- Ты чего не пристегнулась?
- Как? Я не знаю! Я ж ни разу...
- О... Извини, не подумал... Ремень справа у двери видишь? Берись за пряжку и тяни на меня.

Восток притормозил и помог скавенке пристегнуться.

«Тигр», рыча мотором и полыхая глазами-фарами, со всей возможной прытью несся прочь от «Алтуфьева», разгоняя встречных тварей. Кого-то принял на бампер, но останавливалась и провеврять, кому же это так не повезло, беглецы, естественно, не стали: восточная окраина неба уже потихоньку светлела. К счастью, за прошедшие после Удара годы шоссе мало пострадало, а за счет того, что вдоль него практически не было строений, отсутствовали и завалы. Правда, пресловутых останков машин – следов всеобщей паники и неразберихи на московских улицах незадолго до Удара – по пути встречалось множество, и Востоку приходилось проявлять настоящую виртуозность вождения, петляя между ними.

– Меня вот больше всего беспокоит один вопрос... – вдруг сказала Крыся, прилежно следя за проносящимися мимо окрестностями и сверяясь с картой. – Ну доберемся мы до этого депо, а что потом? Гермоворота в туннеле, ведущем к основным путям, запе-

чатаны, попасть внутрь через них невозможно. Да даже если мы и проберемся какими-нибудь окольными лазами... Куда мы потом пойдем? Меня ни одна скавенская община не примет обратно, ведь я теперь – вне закона. Тебя, человека, – тем более. Могут и снова осудить на смерть. Обоих. Или незатейливо шлепнуть прямо в туннеле. Хотя ты, конечно, можешь вернуться в свою человеческую часть метро... А вот что делать мне? Идти с тобой к людям, чтобы ваши научники на мне опыты ставили? Наверно, так и придется – терять-то мне уже нечего.

– Забудь о научниках! – несколько более резко, чем хотел, откликнулся Восток, не отрывая напряженного взгляда от дороги. – И... давай сначала доберемся до безопасного места, а уже потом подумаем, как дальше быть. То, что гермы запечатаны, – следовало ожидать. Но ведь не на самом же выходе из подземки они стоят, нет?

– Эээ... ну да, там еще порядочно до них идти...

– Ну вот. Загоним машину поглубже под своды и переждем там день. Попутно подумаем о дальнейших действиях. Мне, к примеру, тоже есть о чем беспокоиться: у меня ж ни противогаза не осталось, ни ОЗК, ни аптечки. Страшно подумать, сколько я уже нахватал рентген вместе с пылью!.. Я уже не говорю о том, что у нас совсем нет оружия!

– Стоп, а это что такое?

И Крыся ткнула пальцем в какой-то объемистый сверток, замеченный ею еще во время посадки на одном из боковых сидений в пассажирском салоне.

– Притормози-ка чуток, я погляжу. Я быстренько!

Отстегнувшись, она ловко перелезла через кожух. Почти тут же сталкер услышал сзади ликующий крысишкин писк.

– Ты видел это? Видел? – воскликнула она, всовываясь между передними креслами и показывая свою находку. Восток глянул, и у него словно камень с души свалился. Плащ ОЗК и сумка с противогазом! Вот это да! Похоже, капризная богиня Везуха наконец-то повернулась к ним лицом, а не противоположным местом!

– И еще что-то лежит под твоим сиденьем... – Крыся, сохраняя равновесие в хоть и медленно, но все же движущейся машине, присела и запустила руку под водительское кресло.

– Осторожнее там! – счел долгом предупредить сталкер, обезжая очередной ржавый остов грузовика. Он уже немного приノровился к управлению их монструозным транспортом, и это несказанно его радовало: до сегодняшнего дня Восток ни разу не имел дела с рождением таких тяжелых машин и, несмотря на про-двинутую систему управления «тигра», поначалу очень осторожничал.

– И-и-и-и-и!!! – вдруг заверещала Крыся. – Восток, да здесь автомат!!! Живе-е-ем!!!

Лязг и скрежет чего-то железного по полу, и скавенка торжественно водрузила ценную находку на кожух рядом с водителем.

– Похоже, твой отец очень оперативно продумал и подготовил наш побег! – сталкер удивленно покачал головой. – Надо же, а по нему и не скажешь... Тот еще типчик... Но я-то, честно говоря, когда узнал, что ты – дочь Кожана, удивился, что он не приказал своим отпустить тебя. Еще и издевался над тобой по-всякому... пусть даже это и делалось, чтобы защитить тебя от посягательств его банды... Как вышло, что тебя решили казнить вместе со мной?

Крыся, которая в этот момент перелезала обратно на «штурманское» место, покраснела. Смущенно завозилась с ремнем безопасности, кое-как все же пристегнулась. Тяжело вздохнула.

– Это потому, что я ему нагрубила, – призналась она. – Сказала то, что ему было неприятно услышать.

– В смысле?

– Он ведь даже имени моей матери не спросил, когда с ней... переспал много лет назад. Так, развлекся по пути на свою станцию и забыл. И даже ни разу не поинтересовался, что с ней стало. И о моем рождении не знал. А ведь я столько лет мечтала найти своего отца – отважного добытчика... Любить его, гордиться им... – Крыся снова вздохнула. – Мама-то уверяла, что он, скорее всего, погиб, а я не верила, искала... А он все эти годы здесь жил... разбой-

ничал... В общем, я не сдержалась и высказала ему все, что о нем думаю. Ну, он и обозлился...

— Ты поступила крайне неосмотрительно, — заметил сталкер.

— Знаю. Я иногда бываю такая дура, что просто ужас!.. И вспышливая. Натворю дел, а потом расхлеб... Эй, поворот на Хачатуряна!

— Спасибо, — Восток крутанул руль, «Тигр» свернул влево на перпендикулярную шоссе улицу. — Там впереди какое-то движение...

— Собаки! — определила Крыся, взгляdevшись. — Стая, морд так в шесть-восемь, — она протянула руку к АК. — Вылезти в верхний люк и стрелять в них? Я, правда, из автомата не умею, но...

— Сядь! — приказал сталкер. — Попробуем прорваться без торжественного салюта. Держись!

Он втолкал педаль газа до упора и одновременно нажал на клаксон. Моторизованный «хищник» с ревом, светом фар и истошным гудением ринулся на вольготно расположившуюся поперек дороги стаю одичавших псов. Те от неожиданности испуганно шарахнулись прочь, но пара-тройка зазевавшихся или не в меру храбрых все-таки попала под колеса.

— Кто не спрятался — я не виноват! — оскалился сталкер. — Крыся, куда там дальше?

— Несколько многоэтажек уступами! — прокричала девушка, сверяясь с пометками в отцовской карте. — За ними — еще две, углами, потом сразу направо!

— Вижу многоэтажки!.. Точнее — то, что от них оста... А, черт!..

«Тигр» подпрыгнул на куче бетонных обломков, Восток едва не стукнулся макушкой о потолок, хорошо еще, что был пристегнут. Рядом взвыла Крыся.

— Ушиблась?

— Язык чуть не прикусила! — пожаловалась «штурман» внедорожника. — Но в остальном — нормально.

— Вижу крышу депо! — палец сталкера указал куда-то вперед-вправо. — Как обстановка на небе?

— Успеваем!

— Отлично!.. Куда дальше?

- С Отрадной – вправо на Отрадный проезд, дальше будет мост через метропути и...
- Вижу мост!..
- Перед мостом – налево, вдоль путей, до ворот депо! – кратко направляла Крыся, сверяясь с пометками на карте.
- Погоди-ка...

Вместо того чтобы свернуть в указанном направлении, Восток проехал дальше на мост. Остановился, но мотор не выключил. Потом перелез в пассажирский отсек, где было посвободнее, и стал облачаться в найденный Крысей ОЗК.

– Конечно, лишних рентген вместе с пылью я уже всяко нахватался и, возможно, эти меры уже бесполезны... – поделился он, – но для вящего душевного спокойствия... Схожу кое-что посмотрю. Не вылезай из машины, я скоро.

Прихватив автомат, он через заднюю дверь покинул надежную утробу «тигра». Крыся через затемненное окно увидела, как он прошелся по мосту туда-сюда, внимательно осматривая окрестности.

Под мостом в обе стороны тянулись рельсы. Слева они разветвлялись в целую сеть, где-то дальше уходившую концами в ангары депо. Справа, совсем недалеко, виднелся въезд в туннель.

– Есть одна идея! – сталкер решительно запрыгнул обратно в машину. «Тигр» рыкнул мотором и задним ходом сполз с моста обратно на дорогу. – Крыська, проверь свой ремень и ухватись там за что-нибудь!

– Что ты заду...
– БЫСТРО, я сказал! Сейчас будет аттракцион «Муха-цокотуха, или Езда по стенам вниз головой»!

Крыся охнула. Вцепилась в какие-то скобы на двери. Она поняла, что задумал ее сумасшедший знакомец!

Уповая на расхожую легенду о том, что перевернуть подобную машину не так-то просто, Восток решил не тратить время на объезды и поиски въездных ворот на территорию депо, а съехать на рельсы прямо здесь – в месте, где Отрадненский проезд пересекал в мост. Справа оставался небольшой промежуток, вполне год-

ный для его рискованного замысла. Правда, съезжать пришлось бы под немыслимым уклоном, да еще и сквозь довольно плотный (хоть и низкий) кустарник, но оставалась надежда на то, что «Тигр» – машина мощная – выдержит это испытание на прочность.

Главное – спуститься на рельсы!

Тормоза взвизгнули не хуже Крыси, «Тигр» замер на месте недалеко от моста, а потом медленно, с грацией циркового слона-канатоходца двинулся к облюбованному Востоком съезду.

Справа слышалось тихое и героически сдерживаемое повизгивание испуганной крысишки. Она не только вцепилась в ручки на двери, но и поджала ноги, упервшись ими в панель. Зажмурилась. Машина, сильно кренясь на нос и сперва левый, затем правый борт, осторожно перевалила через край спуска, подмяла кустарник и мягко, носом вниз, ухнула с откоса на пути – сперва вспомогательный, затем (после еще одного спуска – чуть более круто-го) – на основной. Мощный мотор и колесные привода не подвели, вывели «Тигр» из опасного крена. Чиркнув сперва левым, потом правым краем бампера по рельсам и поочередно подскочив всеми четырьмя колесами, автомобиль выровнялся, прокатился еще немного вперед и замер.

– Можно перестать верещать, – услышала Крыся голос Востока. – Приехали. Ну... почти.

Он снова стронул машину с места, направляя её к маячившей впереди черной пасти туннеля.

Скавенка один за другим открыла глаза и осторожно пошевелилась. Броде все было в порядке. С большим нежеланием опустив вниз поджатые ноги, она медленно выдохнула и расслабилась.

– Ты в порядке? – повернулся к ней слегка обеспокоенный сталкер.

– Не уверена... – пробормотала девушка. – Но вроде бы да... Восток, сумасшедший, ты где так водить научился?

– Это еще до Удара было. Потом – в школе сталкеров... Правда, с такими монстрами нас обращаться не учили. Но все когда-нибудь бывает в первый раз.

Крыся театрально закатила глаза и изобразила падение в обмопок в духе кисейной барышни. Но мизансцена эта, к сожалению, осталась незамеченной – сталкер снова смотрел на дорогу.

Немного не доехав до въезда в туннель, Восток остановил машину, проверяя начало подземки на присутствие кого-либо нежеланного и опасного.

На свет фар никто не выскочил. Возможно, в туннеле былопусто, но лучше было бы и впрямь перестраховаться.

– Сиди тут. Я проверю путь в туннель.

– Угу...

– Если что – ни в коем случае не вылезай! Машина крепкая, может оказаться неплохим убежищем от зверя.

– А если придут... эти?.. – скавенка содрогнулась. – Ну, черные те... которые воют? Из Ботанического...

– Не бойся. Несколько дней назад их уничтожили. Дали залп из сохранившегося в Подмосковье ракетного комплекса – и все, привет. Нет больше черных.

– Да ладно! – вытаращилась девушка. – А у нас-то все переполошились – особенно владыкинские, у которых, можно сказать, чуть потолки на головы не посыпались. Жили себе, жили, и тут вдруг – бабах! – взрывы на их наземной территории! А это вы черных крушили!.. Классно! Теперь владыкинские снова смогут Наверх ходить...

Крыся вдруг осеклась и вытаращила глаза.

– Блиииин!!! Они же... У нас же все станции к войне готовятся! С людьми! Все ж подумали, что взрывы в Ботаническом – это люди по нам стреляли!.. А это по «черным» было, оказывается!.. – девушка схватилась за голову; глаза ее по-прежнему были круглые. – Ой-е-ей, а у нас внизу не знают... И готовятся воевать...

– Погоди! – остановил ее бессвязные речи Восток. – То есть, недавний обстрел логовищ «черных» вы действительно восприняли как нападение людей на вас?

– Ну да! Откуда же нам было знать, что там на самом деле происходило? Владыкинские добытчики из-за этих «черных» уже

офишеть сколько времени Наверх не высовываются, через другие станции выходят. Ну и с других станций добытчики тоже стараются в этот район не ходить.

— То-то я смотрю, ваши безопасники все меня пы... расспрашивали про планы людей по нападению на вас! Все вытягивали из меня, когда война начнется, откуда пойдет главный удар... — Восток недобро усмехнулся. — А мне и невдомек — какое еще нападение? Какая война? Про взрывы честно ответил все, что знаю, — мол, так и так, наши нанесли ракетный удар по гнездам «черных»... Так ведь хрен кто поверил!.. Ну, ур-роды, мать их за ногу...

— То есть... никакой войны не будет? Вы не собираетесь на нас нападать?

— Крысь... Ну вот ты скажи: на кой черт нам это надо? Чтобы захватить ваши станции? Так в нашей части Метро есть предостаточно пустующих, чтобы занять их с куда меньшими проблемами и потерями. Кроме того, ваш участок после крысиного нашествия до сих пор считается... э-э-э... очагом биологической опасности. Кому охота в такие места соваться?

— А просто напасть, чтобы всех нас уничтожить — вслед за «черными»? — темные глаза крысишки беспокойно и требовательно впились взглядом в скрытое противогазом лицо человека. — Я знаю, что люди мутантов не любят и не хотят, чтобы кроме них, людей, кто-то еще жил в Метро.

Восток поморщился, но, вспомнив, что под «мордой» не видно мимики, махнул рукой и кивнул.

— Все ты верно говоришь. Не любят люди тех, кто... не такой. Однако затевать ваше уничтожение... Поверь, у людей и без вас — целая куча других проблем и забот. Не до войн им сейчас. К тому же... про очаг биологической опасности я уже говорил. Так что воевать с вами никто пока не собирался, да и не собирается — насколько мне известно. А вот попробовать наладить контакт и договориться о каких-то общих делах — было такое намерение у властей Полиса. Вот только идти с предложением переговоров к вам — после того, как самые первые экспедиции, мягко говоря,

потерпели фиаско, – никто не захотел. Так что идея сдулась сама собой. Это потом уже научники встрияли со своим заказом на «образец для исследований».

– Но если... если войны с людьми не будет... Значит, наши станции напрасно сейчас вовсю готовятся к ней? И... ой, мама!..

Крыся прижала к губам ладони и посмотрела поверх них на Востока сумасшедшими глазами.

– Что еще?

– Я слышала, что наши военные предлагали не ждать нападения, а напасть первыми... Но ведь нас мало, гораздо меньше, чем людей, и если такое случится... – скавенка всхлипнула, – нас просто уничтожат... Всех... Я... я не хочу!..

– Ваши военные либо самонадеянные дураки, либо, как говорит ваш Питон, – мазохисты! – хмыкнул Восток. – Или все вместе. Вас действительно слишком мало для упреждающего удара даже в границах одной линии. И даже если вам удастся захватить пару-тройку станций по своему направлению – против вас ополчится вся человеческая часть метро... хотя она в любом случае ополчится. И все закончится поголовным вырезанием скавенов. Всех – не разбирая, мирные они или нет.

– Надо же остановить их! – вскричала, подхватываясь с места и лихорадочно возясь с карабином ремня безопасности, Крыся. – Пойти на станции Содружества и сообщить, что люди не собираются нападать, что войны не бу...

Она вдруг осеклась и сникла. Потерянно опустилась обратно на сиденье.

– Глупая я... – сказала она тихо и медленно. – Ничего я уже не смогу сообщить. Я вне закона.

– Я уже пытался это сказать этим, в Бибиреве, – хмыкнул стalker. – Результат разговора ты видела. Но... не говори «гоп»... Что-нибудь придумаем. Думаю, людям тоже не нужна война с вашим племенем... Но, прежде чем затевать чье-то спасение – хотя бы даже и мира, – нам самим надо спрятаться. Желательно – вместе с машиной в качестве дополнительного убежища. Так что пошел-ка я на разведку.

Он вышел из машины и осторожными шагами, держа наготове автомат, углубился в черный, полуосвещенный фарами зев туннеля.

Минут десять ничего не происходило, а потом Восток вышел наружу – спокойный и довольный.

– Чисто! – сообщил он. – Ни ям, ни засады. Можно ехать дальше.

«Тигр» с тихим урчанием медленно вполз под своды туннеля. Метра за два-три до несокрушимого щита гермозатвора Восток заглушил мотор.

– Приехали.

Глава 17

ОСЕННИЙ СОН

Наступила тишина, сквозь которую было слышно, как слегка пыхтит разгоряченный гонкой с препятствиями мотор.

– Что дальше делать будем? – спросила Крыся, выжидательно глядя на спутника. Правда, ее лица в кромешной темноте он разглядеть не мог, но по голосу понял: она ждет его решения.

Рожденная в подземельях и чувствующая себя там как рыба в воде, на поверхности скавенка безоговорочно уступила лидерство Востоку. И если в самом начале их приключений она только и делала, что командовала, то теперь роли поменялись. Теперь уже Крыся ждала от Востока указаний и всем своим видом показывала, что готова подчиняться его решениям.

Сталкер уловил эту перемену, произошедшую в их отношениях. Да и сама Крыся после их злоключений в Алтуфьеве стала какой-то другой. Более тихой, задумчивой, осторожной в движении и словах, более... беззащитной? Она больше не пыталась расположиться, присмирела, не ерничала по своему обыкновению. И смотрела на Востока почти как принцесса – на доблестного витязя, спасшего ее от злого дракона.

Тем более, что ситуация и впрямь была под стать этому классическому сюжету. Ну чем Алтухи – не драконье логово, а Кожанов джип – не верный конь, унесший их от опасности?

– Думаю, что прежде всего нам обоим надо как следует выспаться, – ответил сталкер. – А то мы с тобой уже сколько времени без нормального отдыха!

Крыся кивнула:

– Это точно. А спать по очереди будем? Один спит, другой – караулит?

Восток призадумался.

– Это было бы правильнее, – наконец сказал он. – Но если честно, я не уверен, что сам не задыхну на посту.

– Ой, та же фигня! – сокрушенно хмыкнула крысишка и махнула рукой. – Тогда, может, ну его лесом? Машина, вроде, крепкая, вскрыть ее будет непросто. А если кто и попытается – так мы ведь это услышим, правда?

– Ну, если это будет твой разгневанный папенька, разыскивающий по всему району свою «лошадку», – тогда точно услышим!

– Папка... – Крыся запрокинула голову, зажмурилась и счастливо улыбнулась. – Вот уж не думала, что он окажется таким... хорошим...

Восток чуть шевельнул уголком губ, но промолчал. По его впечатлениям Кожан оказался слишком непредсказуем, чтобы можно было составить о нем какое-то однозначное мнение.

– Поставим вопрос так, – вернулся он к теме разговора. – Что нам может угрожать здесь в это время?

– Если «черных» и правда извели, – Крыся повозилась в кресле, устраиваясь поудобнее, – то, выходит, что почти ничего. Наши днем Наверх не ходят, ваши... в смысле, люди – тоже... да и что им делать *тут*? Остаются собаки, крысы, нетопырки – в общем, все, кому может потребоваться дневное укрытие. Крысы с собаками могут и не забраться – поскольку после нашего приезда тут пахнет бензином и железом. А вот что касается нетопырок – эти да, эти могут! Не удивлюсь, если у них и тут гнездо, уж больно место подходящее!

– Кого ты называешь нетопырками?

– Да мыши это летучие. Только разожравшиеся до размеров хорошего кота. Появились в этих краях пару лет назад. Наверно, из окрестных лесов налетели.

– А разве сейчас летучим мышам не полагается быть в спячке? – вспомнил кое-какие познания из (как давно это было!) школьного курса биологии Восток. – Ноябрь же на дворе, самая пора...

– Так ведь тепло же еще! – отозвалась Крыся. – И корма пока еще достаточно. Обычно они тут до первых заморозков летают.

– Они опасны?

– Не особо, даже если оказаться в месте их дневки. Но если их вспугнуть – мало не покажется. Когти у них – как бритвы, налетят стаей – в салат пошинкуют... Ну, или обгадят с головы до ног... тоже мало приятного.

Словно в подтверждение ее слов снаружи вдруг послышался нарастающий шелест, писк, и вот он уже, казалось, заполнил весь туннель. На лобовое стекло шлепнулся длинный белый потек помета.

– Во! – подняла палец к потолку Крыся. – Не хотелось бы утверждать, что я накаркала, но это они и есть!.. Ой! Полундра!..

Она кинулась спешно задраивать щитки-жалюзи на всех окнах машины. Предосторожность была не лишней – обитатели этой рукотворной пещеры отдельных санузлов не знали.

– И что нам теперь делать? – Восток потянулся было за автоматом, но девушка, уловив своим ночным зрением его движение, остановила его.

– Стрельба тут бесполезна. Они ж верткие, как... как я не знаю, что! Только патроны растратаишь да разозлишь их. Пусть уж лучше успокоятся: если их не трогать, они не опасны. И потом... – тут Крыся довольно хихикнула, – какой дурак полезет в пещеру, когда там дноет целая стая нетопырок? Так что мы с тобой, считай, на весь день – под их охраной! И можем спокойно ложиться спать!

– Идея здравая! – подумав, согласился Восток. – Но, надеюсь, вечером они отсюда уберутся?

– А что им тут ночью делать? Ночью они охотятся! Жуки там всякие, бабочки...

– Главное – чтобы не люди... – пробормотал сталкер, вспомнив темные крылатые тени, выплывавшие из руин на Алтуфьевке.

Крыся замотала головой и прислушалась. Шорохи и писки вокруг джипа постепенно стихали. Слышно было, как на машину время от времени мягко шлепается что-то жидкое.

– Представляю, в каком виде будет папкина машина к вечеру! Отмывать ведь придется – в качестве бонуса за спасение!

– Отмоем, – отмахнулся Восток. – Было бы только где и чем.

– Между прочим, – вспомнила Крыся, – я, когда назад лазила, обнаружила там кое-что интересненькое!..

– Что, еще один автомат?

– Не! Лучше!

Скавенка проворно пролезла в салон и завозилась в темноте (свет они включать не стали. Жалюзи-то жалюзи, но кто их знает, этих нетопырок!).

– Машину папке отмывать нам точно придется, – сообщила она, – потому что тут лежат большая баклага с водой, пакет пеммикана и – та-да-а-ам! – надувной матрас с насосом! Живе-ем!

– Пакет чего? – не понял Восток

– Пеммикана. Ты что, книжек про индейцев не читал?

– А! – сообразил сталкер. – Понял!

– У нас на станциях придумали, подобно тем индейцам, сушить мясо с грибами вместо трав, растирать в порошок и запасать вместо сухого пайка для добытчиков. Ну и так, вообще. Места мало занимает, но сытное.

– Дельная идея! – похвалил Восток, про себя удивляясь, что «умные» и «цивилизованные» люди не додумались до такого простого решения, а «тупые» и «кровожадные» скавены – додумались.

– Иди сюда! – позвала Крыся. – В кресле спать неудобно, а тут место есть. А самое главное – матрас! И еда!

– Угу, – Восток, ощупывая все перед собой, стал перелезать с водительского места в салон.

– Главное – снова на меня не свались! – хихикнула в темноте скавенка. Ей-то, с ее ночным зрением, было куда легче.

– Постараюсь!

Сталкер перевалился через кожух трансмиссии и ощупью добрался до одного из боковых сидений.

– Крысь, ты где?

– Тут.

Рядом обозначилось шевеление, и на плечо сталкера легла маленькая ладошка.

– Снял бы ты противогаз и плащ! – предложила скавенка. – Не думаю, что здесь, внутри машины и туннеля, полно радиоактивной пыли... тем более – спустя двадцать лет после Удара! А от остального они все равно не защищают. Я знаю, нам Питон на ОБЖ рассказывал, что и как.

– В общем, это логично! – кивнул сталкер и привычным движением стащил резиновую «морду». Подумав, аккуратно снял ба-лахон и положил все это на водительское кресло. – Ты знаешь, привык уже как-то к нему, даже не замечаю уже... А вам и ОБЖ преподают в школе?

– И в обычной, и – тем более – в школе добытчиков, – кивнула девушка. – В последней даже зачеты сдаем. А не сдашь – фиг тебя Питон Наверх выпустит!

– Сурово у вас!

– А то!.. Погоди-ка...

Она завозилась, и Восток ощутил, как на его плечи опустилось что-то теплое, пахнущее слегка дымно, но довольно уютно. По некоторым признакам он определил Крысину безрукавку.

– Вот. – удовлетворенно сказала девушка. – А то ты, смотри, совсем замерз без рубашки... Эх, и чего мы с тобой летом не познакомились? Летом-то теплее...

– Летом всяко теплее... – согласился человек и сделал попытку отдать скавенке ее подношение. Но она не позволила – удержала его руки.

– Ну пожалуйста... – услышал Восток ее просительный голос. – Хоть немножечко погрейся, а то простудишься!

— А сама-то?

— Мне пока не холодно, вот честное слово! — крысишка для вящей убедительности расширила глаза, совсем забыв, что ее спутник не может этого видеть. — Я ж по поверхности чуть ли не каждую ночь мотаюсь, привыкла уже к ее условиям. Да и внизу, в наших подземельях, — не курортная температура, сам ведь знаешь. У нас дети рано закаляются.

Она снова поправила на плечах сталкера безрукавку и, помолчав, совсем тихо добавила:

— К тому же... Папка наказал тебе позаботиться обо мне... А кто позаботится о тебе? Кроме... меня?..

Восток внимательно посмотрел ей в глаза (точнее — туда, где, как он предполагал, были ее глаза)... а потом ощупью нашел ее маленькие прохладные ладошки, взял в свои и поднес к губам. Чуть сжал, согревая дыханием.

— Кроме тебя действительно некому... — согласился он, чувствуя, как по телу разливается живительное тепло. И дело тут было, кажется, не только в безрукавке. — Добрая фея подземки...

И сталкер чуть коснулся губами ее пальцев.

— Ой! — Крыся смутилась, выдернула и спрятала под мышками ладони, покраснела...

Повисло неловкое молчание, а потом скавенка извлекла из-под сиденья и сунула в руки человеку что-то похожее на небольшой кузнецкий мех.

— Это насос от матраса, — преувеличенно бодро пояснила она, тем не менее отводя глаза и радуясь, что в темноте ему не видно, как она покраснела. — Накачаешь?

Восток подавил вздох.

— Ищи тогда, куда там его вставлять! Я так понимаю, у тебя — ночное зрение?

— Ну да, кое-что различаю... Так... где там оно?.. Ага, вот! Держи!

Спустя некоторое время на полу «Тигра» между боковыми сидениями вальяжно разлегся пухлый надувной матрас — из тех, что до войны продавались в магазинах для туристов.

Меж тем в туннеле стало гораздо светлее. Это снаружи взошло солнце, и дневной свет просочился в их убежище, пробиваясь и сквозь щели жалюзи. Восток смог разглядеть Крысю, забравшуюся с ногами на широкое боковое сиденье и оттуда созерцающую процесс надувания матраса.

– Кр-рысота! – восхитилась скавенка, глядя вниз. – Царская опочивальня! Чур, я с этой стороны сплю!

– С какой именно? – хмыкнув, уточнил Восток.

– С ЭТОЙ! – Крыся показала ему язык. От ее недавнего смущения не осталось и следа. – С левой.

Она сползла с кресла на матрас, прошлепала на четвереньках по его упругой резиновой туще и растянулась во весь рост.

– Мммм! – блаженно промычала она. – Отдых! Мягонько! На конец-то!

Восток улыбнулся. Избежав гибели, она теперь вела себя с жизвой беззаботностью котенка, спасшегося от утопления. У него же так не получалось. Нет, он ощущал немалое облегчение от сознания того, что они живы и сейчас находятся как будто даже в безопасности. Но вот ребячиться, подобно Крысе, ему как-то не хотелось. Точнее – не было такой привычки.

Тем не менее, он смотрел на нее, слушал ее дурашливую возню, и ему было хорошо и тепло.

Они поели пеммикана, разведенного водой совсем по-индейски – прямо в ладони. Попили воды. Крыся снова омыла сталкеру (и заодно себе) старые ссадины и новые порезы. После чего снова плюхнулась на матрас и принялась с видимым наслаждением по нему кататься.

Как кошка.

– Я знаешь, чего еще придумала? – всласть навалявшись, сказала она. – Плащ пусть лежит, где лежит. Но чехлы с сидений снимаются, можно ими укрыться. А утром... то есть вечером обратно наденем.

Она приподнялась.

– Лежи ты, я сам все сделаю, – остановил ее сталкер.

Он стащил с обоих боковых кресел накидки и одной из них заботливо укрыл девушки. Положил рядом со своим местом авто-

мат. И уж потом только сам завернулся во второй чехол и осторожно улегся рядом с Крысей.

Она тут же повернулась к нему лицом. Восток совсем близко увидел ее глаза – черные, без белков глаза мутантки. Как ни странно, но теперь это ничуть его не отталкивало. Не то что тогда, в библиотеке!..

Сталкер улыбнулся.

– Спи – сказал он крысишке. – Завтра дел полно.

– Угу...

Она тоже улыбнулась и свернулась уютным клубочком у него под боком. Голова ее коснулась плеча сталкера; Восток ощутил, как щекочут его кожу короткие, похожие на мягкую шерстку волосы скавенки. Рука сама собой потянулась погладить эту шерстку.

– Мм?.. – крысишка вынырнула из полудремы и вопросительно посмотрела на сталкера уже совсем сонными глазами.

– Ничего... Спи.

...Она уснула почти сразу, а он еще долго лежал, прислушиваясь к звукам снаружи и к ее спокойному дыханию. Наконец и его сморил сон.

Нетопырки загнездились на выходе этой технической ветки метро не пару лет назад, как предполагала Крыся, а гораздо раньше – как только сообразили, что огромные и страшные железные змеи больше не выползают из своей норы и не наполняют окрестности невыносимыми для звериного слуха и обоняния грохотом и вонью. Правда, тогда они (нетопырки) были еще маленькими и не страшными. Не то что теперь!

С тех пор мышиная колония ненужто разрослась – да так, что во время дневок порой не всем хватало места на ребристом своде рукотворной пещеры. И поэтому среди особо неуживчивых особей иногда вспыхивали ссоры за лучшее местечко. Вот и сегодня не обошлось без драки.

Драное Ухо был стар. Не дряхл, а именно стар и опытен. До его возраста немногие доживали. А он дотянул и вовсе не собирался на этом останавливаться. Большой и сильный, размером с некруп-

ную собаку, он привык, что с ним всегда считались. И место в туннеле у него было свое, особенное – гнутый дугой крюк на самом своде. Кто его сюда ввинтил и для чего – неведомо, но висеть на нем вниз головой было чудо как хорошо! Драное Ухо давно его заприметил и всегда дневал именно тут. Кто помельче, те пусть за голые стены да за болты цепляются, а у него – VIP-место! Личное, насиженное.

Каково же было негодование старого мыши, когда вернувшись после продолжительной отлучки (навещал симпатичную, но чересчур уж несговорчивую самку в дальнем углу пещеры), он обнаружил на своем персональном крюке захватчика! Какая-то наглая морда самодовольно пялилась на него пустыми черными глазами, вися на его любимом месте! Это уж никак нельзя было простить! Драное Ухо взывал и ринулся на нахала. Удар! Захватчик – молодой, но уже гонористый самец тоже оказался не промах. Раззявив пасть и замахав крыльями, он изготовился к драке.

Ах ты ж кошачий сын... Вот ты как? Ну держись... Таран тут же перешел в рукопашную – по воздуху закружились клочья серой и бурой шерсти. Молодой снова заорал – но уже визгливо, жалостливо. *Ага, проняло? Сам напросился, терпи теперича!* Драное Ухо отцепился от соперника и зашел на следующий круг.

Вскоре перебулгачился весь тоннель. Хай и визг поднялся несусветный, соседи, кому мимоходом досталось по мордам, с писклявой бранью вспархивали со своихnochлегов и носились вокруг. Кое-кто вроде даже собрался и присоединиться к катавасии – чего, мол, спать мешаете, ироды? Но связываться с Драным Ухом было боязно – вон как того серого треплет! – посему соседи лишь продолжали с криками носиться под потолком, поднимая на крыло все новых и новых мышей.

Наконец Драное Ухо почувствовал себя отмщенным. Из прокущенной перепонки крыла текла кровь, одного когтя как не бывало, но врагу было стократ хуже – полысел, бедняга, во всех местах, куда старый мыш дотянулся зубами. *Лети-лети себе, поганец. А впрочем... НА тебе, зараза, в довесок!* Драное Ухо сделал завер-

шающий заход и напоследок от души тяпнул врага за короткий хвост. Неприятель тоненько пискнул, неловко шарахнулся и сгинул куда-то вниз.

Все! Уноси готовенького!

— Чертовы бэтмены, чтоб вам... — прошипел Восток и неохотно разлепил веки. Звуки мышиной драки достигли его сознания еще несколько минут назад, но сталкер, понадеявшись на то, что тварюшки скоро успокоятся, изо всех сил старался подольше не просыпаться...

Ага! Сейчас!

Увесистое «буммм!» по крыше джипа, судорожный шкряб когтков и новый взрыв визга доказали ему, что все его надежды тщетны. Видимо, над ними уже шла самая настоящая драка и кто-то даже умудрился сверзиться со своего насеста!

— Вот не спится тварям!..

— Каким тварям? — сонно спросила Крыся и зашевелилась, просыпаясь.

— Мышам. У них там какие-то разборки на потолке.

— А... Это они любят... — скавенка повозилась, устраивая поудобнее голову на плече сталкера. Ее рука расслабленно лежала поверх его груди.

Восток чуть подвинулся, давая ей больше места... и только сейчас обнаружил, что его руки крепко обнимают девушку.

Сталкер непроизвольно вздрогнул.

— Ты чего? — Крыся открыла глаза. Какое-то время они смотрели друг на друга, потом скавенка недоуменно повела взглядом.

— Ой.

Даже в полутьме салона было заметно, как она смущилась и покраснела. Как и в прошлый раз.

Восток улыбнулся.

— Все в порядке, — ровно сказал он. — Я по-прежнему не кусаюсь.

— Да я просто... — Крыся убрала руку и отодвинулась, — вспомнила, как ты мне про свою де...

Пальцы сталкера мягко легли на ее губы, вынудив умолкнуть.

– Чишиш... – лицо его стало строгим и немного грустным. – Да-
вай не будем ворошить прошлое? Ну обнимались мы с тобой во
сне – с кем не бывает? И потом... Люди испокон веку так согрева-
ются. Вот и мы с тобой не замерзли!

И подмигнул ей.

Крыся внимательно посмотрела на спутника и тоже улыбнулась.

– Ты, если хочешь, поспи еще, – предложил Восток.

– А ты?

– Под эту дискотеку разве заснешь? – кивнул он вверх. – Да и,
кажется, я уже выспался.

– Я вроде тоже. Давай тогда просто полежим и подумаем, что
дальше делать?

– Здравая идея.

Вопреки собственному предложению полежать, Крыся тут же
уселась по-турецки и подперла подбородок кулаками.

– Итак, что мы на данный момент имеем? – открыла она об-
суждения.

– Мы живы! – улыбнулся Восток.

Девушка кивнула:

– Это да! И не только живы, но еще и в относительной безопас-
ности! Но что нам делать дальше?

– Смотрия что ты под этим подразумеваешь.

– Ну, хотя бы то, куда нам теперь деваться. Тебе хорошо, ты
можешь вернуться в свою часть Метро. А меня изгнали и приго-
ворили к смерти. Мне теперь только и остается, что идти с тобой
к людям в качестве пойманного тобой... как ты тогда говорил?
Ратмана?

– Я же сказал, – нахмурился сталкер, – что к людям тебя не
поведу. Они тебя убьют.

– Я уже и без того мертвa, – отмахнулась крысишка. – Во вся-
ком случае – для своего племени.

– Значит, надо тебя перед ним как-то реабилитировать!

– Речь что?

– Оправдать. Доказать, что ты невиновна. Что ты – не преда-
тельница и не пособница шпиона.

– А как?

Восток ненадолго задумался.

– Надо как-то донести на ваши станции правду о взрывах в Ботаническом саду, – наконец предложил он. – О том, что это был удар по «черным», а не подготовка к зачистке севера Москвы от мутантов вообще и от скавенов в частности. Ну и, соответственно, о том, что я говорил правду вашим безопасникам. И самое главное – что у людей уже возникала идея установки контакта с вами. А это значит, что войны не планировалось и я не шпион, а ты – не предательница.

Крыся вздрогнула и поежилась.

– Не... На наши станции я не пойду. Мне хватило и прошлого раза! Ты ведь слышал приговор. «Запрещено возвращаться под страхом смертной казни». Прибывают ведь. Или снова в Алтухи отправят... Вот папка «обрадуется»!

– Кстати, а он мог бы тебя приютить, как думаешь?

– После всего, что там было? Вряд ли. Ему пришлось бы многое объяснить своим... и защищать меня от некоторых... деятелей. Ты же сам видел, что там за народ.

Восток вспомнил Дымчара и Горелика и непроизвольно стиснул кулаки.

– Я думаю, от моего появления у отца только лишние проблемы в алтуховской общине начнутся. Так что я его даже беспокоить не хочу. Помог нам, дал возможность скрыться – и ладно.

– Ну хорошо, – подумав, кивнул Восток, – Тогда, раз нам нельзя идти на ваши станции, – они придут к нам!

– Это как? – опешила Крыся.

– Тот лысоватый крепкий мужик в Бибиреве – это и есть ваш Питон?

– Который еще тебя ненормальным назвал? Ага, он!

– Из всего, что я видел и слышал, могу предполагать, что он или усомнился в твоей вине, или негласно тебе сочувствует – ты же из его учеников. Во всяком случае, впечатление на меня он произвел довольно положительное. Смею полагать, что мозги у него варят и, при случае, достучаться до него будет реальнее, чем до всех остальных. Я прав?

– Дядька Питон грозен, – согласилась Крыся, – но справедлив. И слушать умеет, да. Может, если за дело, и наругать, и даже по шее дать – но всегда разберется и вынесет правильное решение... Только при чем здесь он?

– С какой периодичностью ваши добытчики выходят в рейды? И как часто Питон ходит с ними?

– Ты... – скавенка даже задохнулась от блеснувшей догадки, – ты хочешь подстеречь Питона здесь, Наверху, и... поговорить с ним?

– Умница! Именно это я и намерен сделать.

Девушка застыла с открытым ртом и круглыми глазами. Восток не удержался и движением пальца вернул ей челюсть на место.

– Ты точно сумасшедший! – покачала головой Крыся, когда к ней вернулся дар речи. – Но что-то в этой твоей идее есть! Надо подумать.

Какое-то время она сидела молча, сосредоточенно размышляя над задачей и шевеля пальцами в такт мыслям. Восток с неподдельным интересом наблюдал за ней.

– Ты знаешь, – подведя итог мыслительной деятельности и что-то прикинув, обратилась к нему скавенка, – а ведь может и получиться! Питон сейчас, в связи со слухами о готовящейся войне, в рейды выходит через каждые два дня, меняясь с Простором, своим заместителем. Плюс на носу очередной плановый рейд на Склад... Я, правда, не знаю, чья очередь выходит сегодня ночью – у меня весь график в голове сбился, – но Простор – это тоже не плохо. Он тоже из тех, кто сперва разговаривает, а уж только потом стреляет... Ну и действительно: можем попытаться через него вызвать Наверх дядьку Питона. Только что ты им говорить будешь?

– Я им ничего не буду говорить. Я хочу заставить их пойти с нами в Ботанический и увидеть все, что там происходило, своими глазами... Крысь, ты сама не откажешься со мной туда прогуляться?

– Куда ж я теперь от тебя денусь? – как-то преувеличенно безнадежно махнула рукой скавенка и снова озабоченно округлила

глаза. – Но ты уверен, что там безопасно? Уверен, что «черных» точно всех разбомбили и теперь в Ботаническом тихо?

– Уверен. Видишь ли... я там был. Где-то спустя день после обстрела. Можешь поверить: на месте их логова – пепел и воронки.

– И ты молчал? – всплеснула Крыся руками. – И ничего не сказал тем, кто тебя пы... допрашивал?

– Да говорил я! – досадливо скривился сталкер. – Только фиг мне кто поверил!

– А Питон с Простором, думаешь, поверят?

– Надо будет так постараться, чтоб поверили.

– О-хо-хонюшки... – шумно вздохнула скавенка, растягиваясь во весь рост на матрасе рядом с ним. – Заставить дядьку Питона влезть в авантюру и тащиться куда-то вопреки плану вылазок... Самоубийственная затея. Но иного выхода, получается, у нас и нет.

– Получается, что нет. Ну, так что? – подмигнул Восток, – Ave, Caesar, morituri te salutant?¹

– Тогда уж аве Питон... – ничуть не удивившись иностранным словам, проворчала начитанная Крыся. – Это как-то ближе к реалиям.

– Пожалуй, надо потихоньку сходить к выходу из туннеля и посмотреть, что там творится на улице! – решил Восток, поднимаясь с матраса. – Вот только этот балаган на потолке...

Он прислушался. Мышиной возни и писков, вроде, было уже не слышно. Никак угомонились бэтмены?

– Если не шуметь и двигаться осторожно – могут и не всполошиться. Мне кажется, тебе лучше выбраться через заднюю дверь, – посоветовала скавенка.

– Так и сделаю.

Восток потянул на себя висящий на спинке водительского места плащ. Повертел в руках противогаз, подумал... и все же надел.

¹ «Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!» Приветствие римских гладиаторов перед боями.

– Там, небось, вонь такая от этих мышней... – глохло донеслось до Крыси.

– Капюшон тоже накинь, – посоветовала она, – а то еще облегчится кто сверху! И глаза от света береги.

– Угу.

Очень осторожно и почти бесшумно Восток приоткрыл широкую заднюю дверь джипа, огляделся. Ничего подозрительного или опасного.

– Пошел! – шепотом уведомил он Крысю и, держа наготове автомат, скользнул к яркому пятну выхода. Крыся, столь же тихо притворив дверцу, стала ждать.

Минут через десять Восток вернулся и условно стукнул в заднее стекло. Крыся впустила его.

– Ну и что там?

– Вечер! – обрадовал ее сталкер. – Не такой уж и поздний, но на наше счастье – пасмурный! И, кажется, дождь собирается. Думаю, еще немного – и можно будет выбираться. С тонированными стеклами и щитками будет нормально.

– А нетопырки что?

– Пока дрыхнут. Если выезжать осторожно... Между прочим, давай-ка я и в самом деле сейчас потихонечку подкачу к выходу! Постоим немного, подождем сумерек. Заодно и глаза привыкнут.

– Имей в виду: если будет слишком светло – мне придется заjmуриваться.

– Зажмуриваясь, штурман. Дорогу обратно я помню.

– Что, неужели снова будем по стенам ползать?!

– Ну зачем же по стенам? Время есть, поедем, как белые люди, – через ворота депо...

Крыся облегченно перевела дух.

– ...хотя наша лошадка может и обратно той же дорогой вскарабкаться!

Девушка обреченно закатила глаза, а сталкер рассмеялся.

– Шучу, шучу! Она, конечно, может – да я не настолько опытный погонщик таких вот монстриков. Так что не пугайся.

– Восток... – задумчиво проговорила скавенка, к чему-то прислушиваясь, – а может, подождем, пока нетопырки с дневки снимутся и улетят отсюда?

– Нет времени. У нас впереди куча дел. Еще, кстати, и машину отмывать!

– Что, настолько все плохо?

– Не то слово!

– Мама дорогая... Ну ладно, тут недалеко – парк «Отрада»... То есть бывший парк – там выгорело все почти дотла год назад. От молнии... у нас тут, в этой части Москвы, грозы довольно частое явление. Даже во внеурочное время года. Выжившие... ну, кто еще Ударпомнит... так вот, они говорят, что лет десять–пятнадцать назад такого не было – чтобы грозы так часто и не по сезону. Ну и пожары иногда от попаданий молний. Особенно в бывших лесопарках, где деревьев полно. Так что в «Отраде» к нам никто не подберется незамеченным. И речка там есть – Лихоборка. В ней и помоем. Можно бы, конечно, на пруду на углу Инженерной, да там такие жабы сидят, что просто ужас, чуть что – орать начинают, что твоя сигнализация, вдруг прибежит кто на их вопли... А оставить машину можно будет дальше, под пешеходным мостиком через шоссе. Думаю, папка увидит своего «хищника», когда по нашим следам пойдет. Машину оставим, а сами пешком двинем до станции, стеречь Питона... или Простора – кто выйдет, короче.

– Принято! – кивнул сталкер после недолгого раздумья. – Ну что, по коням?

– По коням!

Спустя несколько минут «Тигр» тихо заурчал мотором на самых малых оборотах и медленно, чуть ли не на цыпочках, двинулся задним ходом к выходу из туннеля.

Глава 18

ПИТОН

«Холодно-то как! Господи, сколько лет на свете живу, а так и не привык я к этой сырости промозглой. И ведь Наверху днем пока еще совсем летнее тепло стоит...»

Питон поежился, поднимаясь в кассовый зал. Все-таки что-то переменилось с войной. Даже, видимо, в законах физики... Должен ведь теплый воздух идти наверх, так? Так. А зал – выше станции, но в нем всегда – зимой и летом, весной и осенью – стоит холодрыга и оседает на железе поручней стылый конденсат. Тыфу, холера...

Питон протиснулся сквозь проем турникета, обернулся. Сзади поднимались остальные. Вон Захар с Малышом рукоятку для гермодвери тащат, а Сивый сейчас встанет и обязательно сплюнет через плечо. Примета у него такая. Сивый встал и действительно пошипел на левый погон куртки. Ну вот, теперь можно и выходить.

Глава бибиревских добытчиков двинулся дальше, к шлюзам.
«Брюзгой становишься, Капитон, ой, брюзгой. Все-то тебе не так, и в зале холодно, и ребята у тебя сегодня телятся, и автомат

плохо смазан, и даже законы физики – как там в старом анекдоте-то говорилось? – уже не те, что раньше. Стареешь?»

Малыш со скрежетом провернул рукоять в замке гермодвери, матюкнулся. Тяги никак не хотели вылезать из каналов, где-то клинило. Питон на задержку махнул рукой – все равно уже опоздали. Сколько говорил на Совете – подавайте питание в верхний зал, не жмитесь, хоть двери подключите. Ага, конечно. Жаба душит. Мол, крутили вы, господа добытчики, двери вручную всю жизнь – и дальше крутите. Теперь доигрались. Заклинило, и как пить дать от ржавчины. При такой влажности масло можно тоннами лить – все равно ржаветь будет. И хорошо, что на выходе заклинило, а не на входе, когда твари за пятки дерут и вся надежда – на эту самую дверь.

Малыш просипел сквозь зубы что-то особо непотребное, рванул изо всех сил, и тяги вышли.

- Во, холера... Извиняй, Питон, крепко застяло.
- Проворачивать надо механизм, тогда и застревать не будет! – мысли про Совет вконец испортили Питону настроение.

Малыш отвел глаза, Захар досадливо крякнул.

– Степа! – окликнул Питон командира остающихся. – Еще раза три ее сегодня провернете, чтоб не меньше! А то доиграемся. Ну, пошли потихоньку.

С фонарями прошли подземный переход, выбрались на поверхность. День уже угас, небо затянулось хмурой облачностью. Сивый, шедший первым, а за ним и остальные с облегчением попрятали в карманы и чехлы черные очки – ночи пока еще не совсем длинные, если под темноту вылезать из подземелья – много не наработаешь. Поэтому выходили пораньше, когда солнце еще на горизонте висит, – вроде, уже не жарит, терпимо, разве что глазам плохо. Ради этого очки и надевали. Неудобно, да деваться некуда. Сейчас же, пока с дверью возились, укутанное потихоньку наползающими тучами солнышко совсем село. Можно работать.

Дорога сегодня была не дальняя – до Бескудникова. До войны оно было крупной станцией: двадцать один путь, почти шестьдесят человек сотрудников. Сортировали вагоны, грузили и разгру-

жали металл, щебень, продукты... С тех пор вагоны так и остались на путях. Когда радиационный фон в Москве упал и появилась возможность выходить на поверхность относительно безопасно, жители севера Серой ветки первыми добрались до Бескудникова. Конечно, искали то, что было нужно в первую очередь, – съестное, горючее, промышленные товары. Увы, с этим как раз было тугу. Зато нашлось еще кое-что полезное – на длинной вытяжке, что за третьим путем, в крытых вагонах лежали мешки калийной селитры. Сначала на них никто и внимания не обратил, однако потом, когда вышли доступные запасы готовой пищи и началось грибоводство, про груз вспомнили.

Калийная селитра – хорошее комбинированное удобрение, сущий подарок огороднику. Грибам она тоже пришлась по вкусу. В том, что сперва Бибирево, а потом – после своего образования – и все Содружество никогда не испытывали трудностей с едой, – огромная заслуга этих неказистых полиэтиленовых мешков с белым, похожим на сахар, порошком. Проблема с селитрой была одна: тащить здоровенные мешки до метро тяжело и небезопасно. Да и не перетаскаешь их просто так – в вагоне груза на шестьдесят тонн, а вагонов три с небольшим десятка. В то же время оставлять груз на путях тоже было не с руки – вдруг что? Тут тебе и погода, и твари, и Алтуфьево с его разбойничьей вольницей под боком – кто-нибудь да подгадит. В итоге для бережения селитры от врага было решено перенести хоть часть мешков в здание станционного павильона, а сам павильон закрыть покрепче. Так и сделали – в течение нескольких месяцев почти каждую ночь наряды со станций Содружества, составленные из тех жителей, кто был в силах, перетаскивали и прятали пятидесятикилограммовые мешки. Освободить получилось три вагона.

Так началась история Склада и складских дежурств. Суть такого дежурства была в следующем: по мере расходования запаса удобрений на станциях, к Складу отряжалась команда доставки – за новыми мешками. Сначала команды были смешанные, несколько человек добытчиков и группа грузчиков-носильщиков. Пока добытчики караулили, грузчики забирали несколько мешков из

хранения, а на их место несли новые, из состава. Потом груз везли на тележках до Бибireва, молясь, чтобы не пристала никакая нечисть. Первое время все шло спокойно, однако потом случился провал. В пустом вагоне на станции завелась Жуть – неизвестная дрянь, которая на очередном дежурстве заела двух грузчиков и добытчика, а еще двух ранила. Были бы добытчики одни – может, и отбились бы, а так пришлось бежать, побросав и тележки с мешками, и погибших. С тех пор порядок походов на Склад изменился – сначала к станции выходили только добытчики. Они разведывали обстановку, проверяли, цел ли сам Склад, не загнездилось ли в районе станции очередное страшилище, и только на следующую ночь, если все было тихо, к Складу выходили рабочие.

Примерно с той же поры у бибireвцев и завелся в хозяйстве инкассаторский УАЗ-«буханка», на котором стали возить тяжелые мешки. Дефицитнейшего, а оттого и драгоценного (несмотря на очень удачно расположенную совсем рядом с выходом на Плещеева заправку) горючего на машину было, конечно, жалко неимоверно, но жизнь дороже.

Так что путь Питона со товарищи сегодня лежал как раз на Склад.

Из павильона вышли на уже начавшую зарастать травой и кустарником площадь между торговым комплексом «Гран-плюс» и его соседями. Постояли, прислушиваясь не к звукам, а больше к себе. Как оно, ничего не беспокоит, не бьется тревожно на самом краешке сознания? Всегда надо слушать себя, как говорил один замечательный писатель, в прошлом – офицер-подводник.¹ Организм – умная штука, и если ему чего-то очень не хочется – так может, и делать того не надо? Материализм материализмом, а жизнь – жизнью.

Первым выдохнул Малыш:

– Ну что, пошли?

По плавно изогнутой Бибireвской добрались до Алтуфьевского шоссе с его дублером. Крадучись, пересекли обе дороги и двину-

¹ Александр Покровский, автор нескольких циклов рассказов из жизни подводников.

лись дальше по заросшей деревьями и кустарником Инженерной. Шли споро, не останавливаясь, — дорога знакомая, сколько по ней уже хожено. Слева потянуло сырым, болотистым — это приветствовал ходоков большущий заиленный Инженерный пруд. В пруду, как достоверно было известно, водились здоровенные — чуть не с кошку величиной — тупоносые бурье лягвы. По весне и осени, если ночи были теплые, а также в брачный период они реготали так, что и непугливый, бывало, вздрогнет. Питон в свое время сам, когда первый раз услышал квакающий многоголосый рев, схватился за автомат и всю группу носами в грязь положил — отстреливаться. Вот смеуху-то потом было... Кое-кто, правда, клятвенно утверждал, что-де, жила в Инженерном и еще какая-то мерзкого вида живность — не то пиявки со змею, не то и вовсе водяные змеи... Однако в это мало кто верил, ибо эти «кое-кто» были Линь с Ксероксом — мужики хорошие, но трепачи, прости господи, те еще!

Вот Инженерная уткнулась в сплошную стену кустов и гаражей. Сивый, крадучись, выглянул из-за угла крайнего по улице дома. Никого. Почти пришли. Сейчас по Путевому проезду — до виадука, а там уже недалеко.

А вот и станция — за зарослями открылось широкое пустое пространство и темные громады вагонов под покосившимися столбами контактной сети. Перебежками добрались до платформ, вскарабкались на крошащийся бетон и заспешили к станционному павильону, поминутно оглядываясь через плечо — в памятный давний выход Жуть притащилась откуда-то со стороны северной горловины, и теперь пятое чувство нет-нет да и заставляло голову повернуться назад. Сегодня же все было по-прежнему тихо. Малыш со скрежетом открыл тяжелые павильонные двери, изнутри привычно пахнуло пылью и стылой каменной крошкой. Они вошли.

Пока Сивый с Захаром проверяли и пересчитывали наличные мешки, а Малыш привидением бродил по пустым комнатам, Питон вышел в зал ожидания и присел на потертый пластмассовый диванчик. Странное дело все же — уже двадцать лет этот станционный домик стоит здесь один, без людей, а в нем до сих пор держится какой-то уютный, почти жилой дух. Он чувствуется в этих

старых, исчерканных надписями сиденьях, в потемневшем, но все еще держащем побелку потолке, в чудом уцелевших занавесках. Чудится, будто люди, хоть и давно, но только на время ушли отсюда и непременно скоро вернутся. Старый вокзальчик ждет их, ждет уже два десятка лет и не теряет надежды. Как знать, может, и не зря...

Питон тяжело опустил приклад автомата между ботинок, откинулся на низкую спинку и уронил голову на грудь. Хотелось вот так сидеть и никуда не выходить отсюда. Подземные тоннели и станции метро строились пусты и капитально, но они не предназначались для постоянного проживания, для длительной жизни. Люди в них должны были быть лишь гостями – пусть и ежедневными, но мимолетными. Ну сколько до войны проводил времени в метро человек? В среднем – час, два. Только жизненная необходимость заставила задержаться в неуютных, необустроенных подземельях на годы.

А вот железная дорога – это почти всегда маленькая жизнь. С вагоном – домом на колесах, неспешными путевыми разговорами под горячий чаек с сытной выпечкой и бутербродами из вокзальных буфетов. С милыми безделушками на память из сувенирных киосков, с домашней снедью, которой торговали иногда прямо на перронах жительницы маленьких станций и полустанков, – молодой картошечкой с зеленью и маслом, нежными малосольными огурчиками, свежим молоком и ряженкой, разлитыми когда-то давно в зеленые винные «чебурашки», а позже – в полиэтиленовые литровки и «полторашки»... Железная дорога... Целый мир, ежедневно перевозивший на тысячи километров десятки тысяч людей и снабжавший их на это время всем необходимым. Сколько он сам, Капитон Зуев, в свое время разменял тысяч километров и десятков дней под стук колес и локомотивные гудки?

Питон стариковским жестом потер затекшую шею. Господи, вернемся ли мы когда-нибудь сюда? Выдем ли из своих пещер?.. И правда, стали мы похожи на крыс и с каждым годом все ближе и ближе к ним становимся, даром что цепляемся отчаянно за те крохи, что остались от прошлого. Не внешне даже похожи стали – в

душе. Целое поколение крыс-солдат, еще мнящих себя по привычке человеками. И не в заразе той крысиной дело. Вон, так называемые «чистые», с других веток – что с Рыжей, что с Кольцевой, что с Зеленой, – внешне такие же, как и были, а копни вглубь – так крысы крысами. Хотя и у нас не без выродков... Александров тот же – ну откуда в тебе столько ненависти к своим? А Гацевский, Юрков? В войну вы все заигрались, господа Совет, «лучшие люди»! Сволочи вы серые, хвостатые! Даже ребенка своего вам не жаль! Хотя какое там своего – у вас у всех родные сынки и дочки тут, рядом, под теплым брюхом. А на неродного, да еще и не из Содружества, вам плевать глубоко. Эх, девочка ты моя маленькая, и угораздило же тебя... И зачем только ты со своим «гостем» в наши тунNELи полезла? А с другой стороны... идти-то тебе все равно больше некуда было...

«Ээээ, расклеился, Капитоша. Хорош! – одернул Питон сам себя. – Что было, то прошло, а сделанного не воротишь. Ты, старый, что мог – сделал. Хоть не убили ни ее, ни «лазутчика» этого бритоголового с Синей ветки. Александров со своими клевретами, конечно, на крыс стали похожи, а вот ты, родной, – на бабу старую! Все, Капитон, вставай. Хорош думать, не то голова отвалится. Работать пора!»

И он встал.

Подсчеты закончили довольно быстро. Число имеющихся в павильоне мешков сошлось с описью, и Захар удовлетворенно спрятал счетоводный блокнот обратно в карман. Взяв автоматы, они вышли обратно на платформу. Дверь запирать не стали, только прикрыли на щеколду – мало ли чего... Если прижмет – отбиваться проще из-за толстых кирпичных стен и зарешеченных окошек павильона, а за них еще надо успеть спрятаться. Закроешь дверь как следует – с полминуты провозишься, пока опять откроешь. А так и забежать-запереться можно сразу, и кто не надо не влезет – щеколда хитрая, Петро Руденко, бибиревский Кулибин, ее на совесть делал и с выдумкой: не умея, сразу и не поймешь, как с ней быть.

Постояв с минуту на платформе, двинулись к вагонам. Долго бродили в темноте, прислушиваясь к шорохам и замирая от каждого резкого звука. Нет вроде бы никого...

Малыш облегченно вздохнул, Сивый утер потное лицо, Захар и вовсе присел на ржавый рельс. Все, дело сделали. Можно и домой поворачивать. Питон оглядел свой усталый отряд, сам выдохнул поглубже и подольше. Нервное все же дело. Хоть и знаешь, что ничего тут нет и быть не должно, все равно где-то внутри сидит докучный страх, убеждающий тебя, что вот сейчас, именно сейчас за углом вагона мелькнет незнакомая тень или сзади, из ниоткуда, появится какая-нибудь пакость сплошь из зубов и когтей. Все же человек – дневное животное, и как ни приучай себя к темноте, все равно ждешь от нее подвоха. Опять же, в тот раз Жуть тоже никто не ждал, а вот поди ж ты, появилась. И никто до сих пор не знает толком, что это такое было. Появилось, заховало, как раньше говорили, добычу – и исчезло.

Питон сплюнул через плечо. Нечего всякую дрянь в ночи вспоминать. Было, прошло и травой поросло. Уже пятнадцать лет ничего такого не слышно, и дай бог, чтобы и дальше так было.

– Ну что, добры молодцы, возвращаемся.

Захар с кряхтением поднялся с рельса, и они осторожно пошли назад. Опять взобравшись на платформу, на этот раз уже тщательно, как следует, заперли павильон. Все, старик, до завтра! Жди следующей ночью новых гостей.

Обратно шли прежним путем – через косматую стену кустов, мимо темных пятиэтажек Инженерной. Земля, нагревшаяся от не по-осеннему яркого солнца, успела уже остыть, стало холодно, из низин поползли первые, небольшие еще, облака тумана. Питон прибавил шаг – туман в этих местах быстро расползается, еще полчаса – и вокруг будет сплошное «молоко». Опять же, облака на небе уже стянулись почти в сплошную пелену, обещая утром или днем как минимум дождь, как максимум – грозу. Очередную.

В последние года три-четыре что-то многовато гроз стало случаться над этим районом Москвы. И ладно бы только летом, а то и

в другое время! Чудит постъядерная атмосфера, чудит... Впрочем, слишком теплые осени и зимы и грозовые дожди в январе – это было знакомо выжившим и по временам до Удара.

«Люблю грозу в начале января и снегопад в конце июля!..» – хмыкнул про себя Питон, вспомнив когда-то читанную в интернете хохмочку по подобному же поводу.

Когда Инженерная почти уже закончилась, откуда-то справа раздалось, как лопнуло, низкое, хрюкающее по-гиппопотамыи, «куок, куок...», и тут же ответило само себе многоголосым, таким же басовым, почти пулеметным ревом – «брэ-ке-ке-ке-квэкс!». Все вздрогнули, переглянулись и хором негромко рассмеялись. Фирменная шутка «инженерных» лягушек, пока что – видимо из-за теплой погоды – и не думавших впадать в спячку на дне пруда.

– Во, злодейки... – Сивый сплюнул в сторону пруда. – Как нарочно ждут!

Захар кивнул, все еще улыбаясь. Повадки у пучеглазых и впрямь были чудные: пока к ним близко не подойдешь – сидят тихо, зато потом, стоит перейти какую-то невидимую границу, ТАК с тобой поздороваются, что за сердце прихватывает.

– Эх, словить бы такого «брэке-квэкса» да зажарить! – мечтательно протянул Малыш. – В них, чай, мяса не меньше, чем на кило, а?

– Может, и больше. Только пойди их поймай, в болоте-то, – Захар мотнул головой.

– А я и ловить не буду – бабах, и готово! – Малыш шутливо прицелился в пруд из автомата.

– Это да... Только доставать сам полезешь. Заодно, глядишь, проверим – брехал Линь за пиявок или как.

– Э, нет. Дудки!

– Тогда не трави душу. Мне тоже жрать охота.

– Так, хорош тряндеть, – шикнул на них Питон. – По сторонам глядите лучше, жаболовы-любители...

– Вот так всегда... – Малыш театрально вздохнул, перехватывая автомат. – Слушаюсь, мон женераль!

Дальше шли молча. Дорога плавно убегала вперед, поворачивая к невидному еще «Бибиреву». Домой...

Беспокоиться Питон начал, когда до станции оставалось метров двести. Внезапное чувство было знакомым и очень нехорошим – заскребло, заныло сосуще в самом солнечном сплетении, и ладони мигом покрылись потом. Что-то не так. Не так... Он вскинул руку со сжатым кулаком, и его спутники моментально замерли. Казалось, даже дыхание остановилось.

Он медленно, будто сканируя, обвел глазами шоссе впереди, дома, разнокалиберные постройки торговых центров, коричневый, на тонких металлических опорах, навес станционного павильона с привычной буквой «М» на фоне неба... Ничего, только темнота да тени.

– Чего там, дядька Питон? – голос у Малыша стал сухой, хриплый.

Командир прижал палец к губам, и Малыш замолк. Опустилась тишина. Питон медленно набрал в грудь воздуха и начал считать про себя. Один... Где-то на краю слышимости ветер со скрипом тронул не то дверь, не то старую раму. Два... Скрип растворился в тишине, как и не было. Три... Все умолкло. Четыре... Пять... Лежат спокойно и неподвижно темные тени, никто и ничто в них не движется, не мелькнет. Шесть... Опять ветер налетел, тряхнул ветку тополя, и тени колыхнулись. Семь... Шелест. Восемь... Умолк. Десять... Тишина кажется чуть ли не враждебной. В ней что-то есть. Что-то есть. Что-то... Десять... Настроившись и взяв для пробы несколько скрипучих нот, запел где-то в щели асфальта сверчок. Питон длинно выдохнул.

– Вперед идем, молодцы. Тихонько-тихонько. И во все стороны смотрим.

Они прижались к углу гипермаркета, что высыпался по правую сторону, и оставшуюся часть пути – открытое пространство с торчащей недалеко от заветного павильона заправкой преодолели быстро, короткими и экономными шагами. Пятьдесят метров до входа... Двадцать... Из-под навеса подземки дохнуло знакомым сырьим и прохладным духом.

Они увидели их одновременно. Две фигуры – одна высокая, закутанная в плащ ОЗК и со скрытым противогазом лицом, и другая – маленькая, щуплая, в поношенных штанах и стеганой безрукавке поверх заношенного свитера – выступили навстречу добытчикам из-под навеса.

– Господи! – Сивый всем телом подался назад, рука его дрогнула и потянулась ко лбу сжатыми в щепоть пальцами. – Только привидений нам еще не хватало!..

– Дядь Питон... – прозвенел тихий, почти прозрачный голос, – это я... Вернее, мы. Не стреляй, пожалуйста...

Глава 19

РОДНАЯ КРОВЬ

И все-таки машину было жаль.

Кожан мрачно вздохнул, обходя очередной ржавый автомобильный остов, которые то тут, то там разбросаны были по шоссе. «Разбили, поди, мою колымагу, обалдуй... Водить он, значит, умеет. Ну да, конечно. До первого столба...» Когда ему стало ясно, что без транспорта дочка и ее человек далеко не уйдут, он принял решение одним моментом, не колеблясь, и сразу мысленно списал машину вместе со снаряжением в необходимые и неизбежные потери. А вот теперь все же стало жалко. Хорошая была машина, проходимая, крепкая, а главное – почти что новая. Пробег пять тысяч – смех курий. При умелом подходе она и пятьдесят тысяч пройдет, не скрипнув... Прошла бы.

Он досадливо ругнулся, мимоходом пнул спущенное, со ржавыми дисками, колесо полурассыпавшегося грузовика. Вторую такую запросто не найдешь. Одна ржавь кругом. Да и где искать?

Но что-то там, в душе, еще надеялось, что серый милицейский «Тигр», может быть, найдется там, где и должен. Именно это, как старательно убеждал себя Кожан, и заставило его выбраться со

станции на ночную прогулку. Правда, то же самое сидящее в глубине «что-то» еще и настырно твердило ему, что дело было вовсе даже и не в «Тигре», однако Кожан запретил себе думать об этом. Он усердно, не отвлекаясь, думал только про машину.

Хорошо все же, что в свое время он неплохо выдрессировал своих архаровцев. И Дымчар, и остальные за долгие десять лет его, Кожанова, верховодства над станцией много к чему привыкли – в том числе и к периодическим исчезновениям вожака. Он вождь, что считает нужным – то и делает. И точка. А кто не согласен – тот... Несогласных, впрочем, обычно не находилось.

Раньше, во время одиночных ходок, Кожан добывал различные вещи, предназначавшиеся исключительно для себя... к слову, «Тигра» он так же добыл. Или, бывало, когда изменяла выдержка и становилось невмоготу, просто уходил за два-три километра от станции – туда, где места знал только он сам, и в укромном подвале напивался до потери пульса. А теперь – вишь, как оно вышло...

Он прошел уже почти четыре километра, когда в свете луны что-то неровно блеснуло. Кожан замер, спрятавшись за разбитый, перевернутый джип. Отблеск по-прежнему сиял на одном и том же месте, и скавен присмотрелся к нему попристальнее. А потом не поверил глазам. Под пешеходным переходом-виадуком, что перекинут был через Алтуфьевское шоссе, аккуратно припаркованный, стоял его «Тигр». И не просто стоял, а блестел в пробивающемся сквозь тучи лунном свете полированным боком, будто новый.

Кожан помотал головой. Что за чудеса?

Только подойдя ближе, он понял, почему машина показалась ему новехонькой, – «Тигр» был начисто вымыт и сиял, будто действительно только вчера сошел с конвейера.

Найти уже, казалось бы, с концами потерянную пропажу, да еще и в таком виде и месте, было, как бы это полегче сказать, очень неожиданно. Настолько, что в душу опять закралось сомнение – его ли это машина? Не один же «Тигр» был в Москве во время Удара. От мысли сразу прошиб холодный пот и втрое быстрее залотилось сердце. А ну как и правда не его?..

Руки Кожана, казалось, одеревенели, пока он негнущимися пальцами пытался попасть запасным ключом в замочную скважину. Щелчок! Замок моментально сработал, и ручка плавно утонула в дверце. Сердце дернулось и встало на свое место. Его машина! Целая и надраенная, как судовой колокол. А раз так – то и пассажиры, видать, тоже целы.

Кожан выдохнул и привалился к корпусу автомобиля. К нему вернулось спокойствие и способность трезво размышлять. Постояв с полминуты и отдошавшись, он снова отошел от машины и внимательно оглядел асфальт, опоры виадука, обочину шоссе. Никаких следов – ни борьбы, ни стрельбы, ни крови. Видимо, все и правда было тихо – его дочь и этот, с Синей ветки, действительно ушли отсюда сами, не торопясь и не убегая.

– Чего это им вздумалось мне тачку драить? – озадаченно пробурчал старый крысюк, снова окидывая внимательным взглядом «Тигра». – Заняться, что ли, нечем было?

Причина чистоты автомобиля открылась при взгляде на заднюю дверь. На обращенной к ней внутренней стороне запаски белел небольшой, уже высохший потек, явно не замеченный усердными мойщиками. Кожан наклонился к нему, потянул носом воздух и скривился так, что лицо заныло.

– Вот теперь все с вами ясно! – хмыкнул он.

Воняло пятно гадостно, и запах этот трудно было перепутать с чем-то другим. Мышами летучими воняло – или, как их называли в этих краях, нетопырками. А нетопырки, по какой-то своей мышиной причуде, в этом районе гнездились только в одном месте – у Владыкинского депо, в туннеле. Самого Кожана, было дело, мыши эти раз обгадили с головы до ног так, что пришлось куртку выбрасывать. Значит, до депо беглецы добрались. Видимо, просидели в нем светлую половину суток, а потом – слыханное ли дело! – поехали мыть машину. Потому, что чужая.

Книжные дети, ей-богу...

Кожану стало и смешно, и грустно, когда он представил, как, должно быть, маялись и ругались дочка и ее приятель, пучками жухлой травы (несколько травинок зацепилось за стыки деталей

кузова) оттирая эту громадину от зловонного мышиного помета. И мыли, видимо, у пруда на Инженерной, ближе просто негде! А вот это – зря... Место там приметное, и жабы тамошние, полоумные, вечно ор поднимают, когда кто-то близко подходит. На этот концерт уже кто хочешь может явиться: разведчики, что бибиревские, что свои, алтуфьевские, а то и какая-нибудь тварь, ищущая поживы, – уж больно это дело, про жаб, в округе известное. Они же тут прямо как сойки или сороки в лесу. Природная сигнализация, чтоб ей пусто было... Видать, правда все обошлось – иначе не стояла бы машина тут, тем паче – чистая. Их счастье! Сам Кожан ни за что не стал бы маячить на перекрестке у пруда.

Впрочем, стал бы – не стал... Может, поступок был и не больно умный, но на душе у старого разбойника от него потеплело. Он улыбнулся. «Ну что, старина, поехали домой...» Водительская дверь была открыта, скавен потянул ее на себя. И замер. К баранке руля длинной травиной был примотан... маленький букетик. Кожан узнал шемроки, росшие теперь почти на всех бывших газонах.

Видимо, исчезновение людей и машин благотворно сказалось на растительном мире. Московские городские деревья, травы и цветы хоть и с трудом, но пережили огненный шквал и свирепый фон первых дней после бомбардировки. Пережили и длинные пылевые зимы, и короткие холодные летние сезоны, что пришли следом. А сейчас, когда пыль осела и солнце снова стало греть, они взялись наверстывать упущенное, да как наверстывать!

Под действием радиации и еще бог знает чего стали появляться новые и изменяться старые формы жизни. Вот и клевер, обычный городской клевер, коего полным-полно росло на городских газонах, тоже решил не отставать от, так сказать, новых веяний. И в результате появилось то, что люди некогда считали за счастье отыскать среди трехлистных стебельков, – шемрок, клевер с четырьмя листками! Когда-то легенда, редкость и результат случайной мутации, теперь это количество стало почти нормой – чуть ли не в каждой куртине.

Четырехлистный клевер, пятилепестковая сирень – все эти редкостные живые талисманы из прошлой жизни сейчас, словно

в насмешку над загнанным в подземелья человечеством со всеми его мечтами и чаяниями, цвели пышным цветом, суля горы и океаны счастья тому, кто увидит их, сорвет и загадает заветное желание.

Вот только некому теперь было ни цветочки рвать, ни желания загадывать...

У Кожана вдруг подкатил к горлу ком. Он медленно, словно стыдясь самого себя, протянул руку и коснулся заскорузлыми пальцами пушистых розовых соцветий сильно припозднившихся осенних цветов. Девочка моя хорошая, дочка нежданная... Простила ты своего непутевого отца... В груди встрепенулось, сжалось и вновь расправилось что-то давно и, казалось, прочно забытое, отметенное, потаенное, теплое. Он бережно открепил от руля букетик и осторожно уложил на приборную панель.

Но куда направились эти ненормальные «книжкины дети» после того, как перегнали машину? Кожан тяжело опустился на водительское сиденье и сжал баранку так, что костяшки побелели.

Он все эти годы жил волком-одиночкой – что до Удара, что после. До войны почти безвылазно сидел в глухом углу Тверской области, где, продолжая дело деда, работал лесничим в заказнике. Там же, в селе по соседству, проживали его родители и кое-кто из родни – двоюродные и троюродные братья и сестры, дядья, тетки... Занятый по уши сперва учебой, потом работой, он – к огорчению мечтавших нянчить внуков родителей – все никак не собрался жениться. А незадолго до Удара поехал в Москву на новую учебу... и там-то его и накрыло. Только и спасло, что до метро добежать успел.

Осознав, что, по всей видимости, из его деревенской родни никто не выжил, Кожан постепенно смирился с тем, что он теперь один как перст. Смирился, спрятал глубоко в себя все, что оказалось лишним в новом опасном мире под землей, научился выживать, драться, убивать. Научился не верить никому, обманывать, подставлять, смотреть на чужие страдания и смеяться. Именем его теперь пугали детей на всех скавенских станциях. Даже у много чего видавших боевиков, что из Эмирата, что из Содружества,

что из родных Алтухов, фигурально выражаясь, хвосты нервно подрагивали при его упоминании.

Все это поначалу льстило ему, наполняло душу гордостью. Ведь это он, почитай что в одиночку, подмял под себя вечно грызшиеся до того станционные группировки, разогнал по щелям, а то и уничтожил их вождей и атаманов – претендентов на единоличную власть над разбойными Алтухами, и навел среди этого разномастного сброва какой-никакой, а порядок. С его приходом разбойники стали не просто пугалом так называемого Серого Севера, а силой, с которой остальным станциям теперь приходилось считаться. Так прошло около десяти лет. И за это время Кожану не единожды приходила в голову одна простая и страшная мысль.

Да, сейчас его уважают и боятся. Все. Но что будет потом? Годы идут, а он не молодеет, отнюдь. Настанет время – и дрогнет беспрепятственная доселе рука, сорвется отдающий приказы голос... И вот тогда – конец. Сожрут. Все эти шавки, что сейчас угодливо стеляются и метут перед ним хвостами, в одночасье осмелеют, навалятся толпой и сообща прикончат дряхлеющего вожака. Как там в старом-то мультике было? «Акела промахнулся»? Во-во.

Иногда Кожану становилась настолько противна его нынешняя жизнь, что хотелось бросить все к чертовой матери – и станцию, и власть, и послушных его воле «подданных»... И уйти. Неважно куда – лишь бы отсюда подальше. Туда, где его никто не знает, где нет бесконечной грызни и страха за жизнь.

Но идти было некуда. Везде было то же самое, даже в «благополучном» Содружестве с его школами, больницей, спортзалами и доморощенным театриком. Да и привык он уже к такому положению дел и к шкуре закоренелого злодея, грозы Серого Севера. К тому же и возраст уже не тот, в котором людям свойственно совершать необдуманные лихие молодечества.

Бот так и текло своим чередом время, а Кожан старался думать про туманное будущее пореже.

Но все почему-то изменилось, когда на его седую уже голову свалился неожиданный «гостинец» в виде собственной дочери и

такого же «идейного», как и она, человека. Настоящий двойной удар, и хорошо еще не ниже пояса!

После гибели единственных друзей – Митьки Хорька и Генки Беззубого – Кожан был свято уверен, что уж теперь-то он точно остался один. А раз так – никого, ни себя, ни других жалеть не стоит. Митька с Беззубым из-за своих принципов полегли – значит, и принципы эти долой. На этом он и строил свою жизнь последние лет пятнадцать. Чего, конечно, греха таить – болела душа поначалу, кровавыми слезами плакала. Только Кожан знал свое гнул. Так помалу и перестроился, перековался. Думал, что навсегда – ошибся.

С того самого момента, когда не владеющая собой Крыся бросила ему в лицо горькие, но, что уж тут говорить, справедливые упреки, Кожан бесился при одной только мысли о беспутной дочери с ее таким же беспутным кавалером. И оттого было горше всего, что он-то свое внутренне-человеческое в себе давно спрятал, отринул и забыл. Он все эти долгие годы только тем и успокаивал собственную придушенную совесть, что повторял себе: как ни крути, а по-другому тут было не выжить. И про себя считал, что другие характеры и типажи, в целом, вслед за друзьями убитыми, перевелись, кончились. Только сволочи в мире остались, других естественный отбор побрал.

Появление дочери, которая, равно как и сталкер «чистых», за свои идеи умереть была готова, разрушило эту шаткую, но спасительную для него картину мира. Кожану стало горько, да так, что тогда, во время того их злополучного конфликта, ему захотелось или своими руками прибить дерзкую девчонку вместе с ее хахалем, или отдать их на «съедение» своему лихому войску.

Будь на ее месте какая-нибудь другая, чужая ему девица – Кожан так бы и поступил и даже терзаться потом не стал. И сейчас у него не было бы никаких проблем... если бы только она не оказалась ему дочерью!

...Тогда, восемнадцать лет назад на Петровско-Разумовской, он даже не спросил имени девушки, которую радушные хозяева станции привели ему на ночь как награду, да и лица ее не запомнил.

В памяти смутно осталось только то, что она была худенькая, миниатюрная и очень юная. И все время что-то испуганно лепетала на каком-то чужом языке... Правда, как она ни пугалась, а ублажала его умело. Это-то Кожан хорошо помнил, а вот лица ее никак вспомнить не мог. Он потом ушел, а через несколько дней и думать забыл что про нее, что про станцию эту.

И вот теперь прошлое, про которое он всегда старался забыть, само вломилось к нему и ударило по самому больному.

Приняв непростое решение помочь пленникам бежать, Кожан готовил их побег так, словно пытался лихорадочно наверстать все, что он когда-то по собственной дурости упустил, не дал своей дочери. Оправдаться перед ней за все прошедшие годы. Ничего для нее не пожалел. Свой личный автомобиль с заполненным под запаску баком, оружие и защитное снаряжение для человека, еда, вода, карта с заранее нанесенным маршрутом... На все про все у него было всего несколько часов, к тому же все надо было проделать так, чтобы не вызвать подозрений у своей орды... Но он успел. Успел!

Отвязывая своих недавних пленников и видя неприязненную отчужденность дочери, он чувствовал внутри пустоту. Еще там, в «кабинете», когда обнаружилось, что у него есть дочь, что-то отозвалось в нем, давно забытое. Что-то переменилось в самом нутре. Надежда появилась какая-то... А потом он сам ее, надежду эту, чуть в грязь не втоптал, не сдержавшись. И теперь Крыся смотрит на него, отца, как на врага, как на мучителя, и явно мечтает оказаться как можно дальше от него.

Крыся... Его нечаянная дочь... Родная кровь.

...А он тогда щелкал кусачками и отрешенно думал: вот сейчас он их отпустит – и она, его внезапно обретенная девочка, исчезнет навсегда из его жизни. И заботиться о ней будет не он, родной отец, а этот незнакомый парень, приспособленный к жизни разве что чуточку получше, чем она сама. У этого парня будет возможность быть рядом с ней, а у него, Кожана, – нет. И любить она будет этого *айвенго* хренова – а не его, отца. А за что его любить? За все, что он вольно и невольно причинил ей?

Кожан тогда почти возненавидел Востока – он невооруженным глазом видел, что его девочка к нему прикипела. Пусть даже и сама этого не осознавала, но он-то, Станислав Кожин, неплохо разбирался в людях! И этому парню теперь будет доверена жизнь и безопасность его дочери. Не ему, отцу. А вдруг сталкер решит, что он, человек, не обязан заботиться о какой-то там мутантке? Вдруг он ее бросит? Или не сумеет защитить? Ведь ему придется вернуться в свою часть Метро... и куда он денет девочку? Возьмет с собой? Так ее там и ждут с распластанными объятьями... на стол для препарирования! Или в клетку, как экзотическую зверюшку, для потехи всякого сброва!

По уму, им бы уйти на какую-нибудь бедную окраинную станцию, где всем по барабану, кто ты и откуда пришел, и там спрятаться. Но хватит ли у них соображения так поступить?

...А если сталкер все же оставит ее и вернется на свою станцию?.. Тогда ей будет одна дорога – вниз головой в тот же Инженерный пруд или вот хотя бы с этого виадука. Скавенские станции отреклись от нее. Стоит ей туда вернуться – тут же, в соответствии с приговором, прикончат, не помилуют. Законники, м-м-мать их...

И получается, что в любом случае Крыся погибнет.

Кожан выругался – длинно, заковыристо – услышишь кто, уши бы сразу повяли. Тут же в голове некстати всплыло воспоминание из той, прошлой жизни. Приезжали как-то раз в их сельскую глухомань студенты из областного колледжа культуры. Фольклор собирали, всякие там старинные прялки-скалки... И вот услышал он от них, что якобы далекие славянские предки матерились не просто так, от всеобщего национального бескультурия, а будто бы отгоняли этой похабенью всякие нехорошие мысли, сглаз и злых духов. Мат у них якобы чем-то вроде универсального заклинания-оберега был.

Неизвестно, правду говорили те ребята или нет, но после этого «загиба» Кожану и впрямь чуток полегчало. Но, правда, «нехорошие» мысли от этого все равно никуда не делись.

Как ни крути, а дочь надо спасать. Не от того – так от этого. Но куда ее девать потом? В Алтуфьево Кожан не мог ее взять – все по той же причине, по которой сам сидел на своем «троне», как на

бочке со взрывчаткой. Допустим, сумеет он как-то объяснить «стас товарищей», с чего вдруг бывшая пленница не только жива и здорова, но еще и в таком фаворе теперь. Допустим, сумеет убедить всех в правдивости этого почти болливудского¹ сюжета «жестокий отец-разбойник обретает в несчастной жертве свою дочь». Но это сейчас, пока он в силе. А что будет потом?

Нет, нельзя ей в Алтуфьево! Никак нельзя!

Какая-то смутная мысль все билась на дне сознания, ускользая и не желая превращаться во что-то ясное и четкое. Что-то очень важное, о чем он однажды мимоходом подумал, но тут же отмел, как невероятный бред, как что-то невыполнимое, нереальное и опасное для жизни.

Может быть, просиди Кожан на месте и подольше, эта мысль и облеклась бы в нормальную форму, но тут его отвлекло нечто на данный момент более важное.

Там, где от Алтуфьевского шоссе и его дублера отпочковывалась узкая Инженерная, он заметил какое-то движение.

Ночное зрение у скавенов было не хуже, чем у их «родичей», туннельных крыс. А у Кожана оно было просто рысцым. Прищурившись, он разглядел четыре фигуры, которые медленно, озираясь по сторонам, переходили дублер Алтуфьевки.

Про «закрома», устроенные соседями где-то в районе Бескудникова, старый разбойник был в курсе. Неоднократно посыпал своих разведчиков проследить за бибиревцами и узнать, что и откуда они там таскают. Несколько раз организовывал засады на пути возвращавшегося каравана. Однажды таки удалось отбить пару мешков... в которых, ко всеобщей досаде, не оказалось ничего ценного. Так – селитра, удобрение. В Алтуфьеве не занимались грибоводством, предпочитая добывать пропитание охотой на поверхности, собирательством по все еще богатым складам на Кольцевой, нерегулярным обменом с Содружеством и... грабежом добытчиков этого самого Содружества. Поэтому удобрения разбойной общине были совершенно ни к чему. Так и перестали

¹ Болливуд – «столица» индийского кинематографа.

засадничать на соседей, но периодической слежки не прекратили: мало ли что те еще нароят полезного!

Поэтому, узнав в смутных силуэтах бибиревских добытчиков, Кожан только хмыкнул. Не иначе, ходили проверять, целы ли хитроумные замки на дверях «закромов», нет ли какой засады на пути и не позарились ли разбойные соседи на чужое добро... Стало быть, следующей ночью караван пойдет.

Кожан зевнул. Развлечься, что ли, завтра, устроить «любимым соседям» теплый прием прямо у дверей их Склада? Однако он отмел эту мысль, как глупое баловство, достойное лишь зеленых молокососов с ветром в голове. Развлечение развлечением, но сколько бойцов поляжет, и ладно бы за что-то стоящее, а то ведь за селитру! Хе!

Вот если бы можно было занять Склад и взять его в свои руки – тогда бы соседям пришлось или возвращать награбленное с боем, или идти на поклон. Какое им тогда будет грибоводство без удобрения? Никакого! А он, Кожан, стриг бы их, как овец.

Но Алтуфьево такими силами, чтобы длительное время удерживать под собой Склад, не располагало. А жаль. Придется и далее делать вид, что Склад их вовсе даже и не интересует.

Взгляд алтуфьевца вернулся к силуэтам на дороге. Характер движений и жестов одного из них показались знакомыми.

– Ну надо же... – хмыкнул Кожан, – старина Питон сам на ходку выполз!

Что-то назойливо тренькало в глубине сознания, отвлекая и не давая сосредоточиться на чем-то более важном. Кожан знал это чувство и всегда прислушивался к нему. Приятель Митька, когда был жив, называл это ученым словом «интуиция», сам же Кожан выражался проще и грубее: «Задницей чую!»

Так вот, это самое «задницей чую» сейчас настойчиво призываюло его вылезти из уютного салона и проследить за возвращающимися из рейда бибиревцами. Интуиции Кожан привык доверять – ибо она еще ни разу его не подводила. Заперев все двери «Тигра», он, под прикрытием виадука и ржавых оставов машин, серой тенью просквозил через шоссе и углубился в темные колодцы дворов. Алтуфьевец знал короткие пути до бибиревских павильонов.

Если по дороге не встретится какая-нибудь помеха, то доберется он до них даже раньше Питона.

Ему повезло. Во дворах было пусто, из подъездов и разбитых окон никто «пообщаться» не выскоцил. Видимо, своюенравная богиня Безуха в эту ночь была в хорошем настроении. Кожан, крадучись, проскользнул в кем-то давно высаженные двери торгового комплекса рядом с навесом подземки, взобрался на второй этаж и занял удобную для наблюдения позицию между потрепанными рекламными щитами. Нужный выход со станции был прямо у него под носом, а где именно обычно ходит Питон со товарищи, Кожан знал – было время разнюхать.

А вот и они. Разглядывая заклятых соседей, Кожан криво усмехнулся: грамотно идут, стервецы, уж чего не отнять у Питона – так это выучки и умения натаскивать бойцов. И что не теряют бдительности возле родных мест – молодцы. Сколько беспечных сгинуло только потому, что расслабились не вовремя. По известному закону подлости опасность любит появляться там, где ее не ждут. Казалось бы, вот они – родные павильоны; вокруг все знакомое и не однажды проверенное... И тут – здрасте вам – из-за угла, с крыши или с неба на вас вдруг сваливается какая-нибудь голодающая крокозябра с зубами в шесть рядов!

Бибиревцы остановились между заправкой и облюбованным Кожаном магазином, и Питон что-то негромко сказал. Сейчас же двое отделились от группы и двинулись к павильону.

И тут произошло то, чего ни Кожан, ни, скорее всего, и бибиревцы никак не ожидали. Что-то мелькнуло на ступеньках спуска в переход, прошуршали осторожные шаги, и две фигуры – одна высокая, закутанная в плащ ОЗК и со скрытым противогазом лицом, другая маленькая, щуплая, в до боли знакомой поношенной одежде – выступили навстречу добытчикам из-под навеса подземки. На плече высокой фигуры висел автомат, но, похоже, пользоваться им пока что не собирались.

– Ох, твою мать... – только и сумел выдавить засевший в засаде старый разбойник. – Идиоты, чтоб вас... Вот на кой...

Он тут же перехватил поудобнее свой автомат, готовый к тому,

что если сейчас Питон прикажет стрелять в этих невесть как и зачем оказавшихся тут «двух долбодятлов», то ему, Кожану, придется вмешаться.

Он прицелился в командира четверки. Палец лег на спусковой крючок: *только посмей, Питон, только посмей!..*

Крыся отпустила руку Востока, за которую все это время держалась, и шагнула вперед.

— Дядь Питон... — прозвенел ее тихий, почти прозрачный голос, — это я... Вернее, мы. Не стреляй, пожалуйста...

О чем беглецы собирались говорить с Питоном, Кожан и без предстоящего подслушивания догадался. Ясен пень — про мутантов из Ботанического сада, взрывы во Владыкине, нападение людей... О чем-то таком Крыся и ему на том злополучном допросе говорила. Кажется, «книжкины дети» на полном серьезе и на свой страх и риск собирались убедить бибировцев в том, что их (точнее, Востока) поняли неправильно и осудили несправедливо!

Кожан тихо шипел и чертился в своей засаде, глядя на вернувшихся. Он-то надеялся, что им хватит ума спрятаться где-нибудь на дальних станциях Метро, залечь на дно. Но боже ж ты мой, какие идиоты... Обратно в Бибирово сунулись! Что ж не сразу в гнездо к, скажем, лианозовским шершням? Они гостей любят... во всех видах, а смерть от их жал будет куда быстрее! Правдоборцы, м-м-мать их за ногу... Одна, видать, извилина на двоих — и та на заднице. Да и той поротой быть!

Кожан тут же поклялся себе, что, если все закончится благополучно, он выловит доченьку, где бы она на тот момент ни обреталась, и собственоручно отполирует ей ремнем все приключенческие места. Как там Митька Хорек — великий любитель «Звездных войн» — говорил? «Пришло время завершить твое обучение, Люк... и заняться, наконец, твоим воспитанием!» Вот-вот, святая истина!

О том же, что он сделает со сталкером, Кожан старался не думать — глаза тут же начинала застилать дикая, первобытная ярость, голова напрочь отказывалась работать, а руки сами переводили

прицел с Питона на Востока: *олух ты царя небесного, ведь ты же ее старше чутъ ли не вдвое, почему же ты допустил это? Почему не отговорил ее возвращаться сюда?!*..

Почему-то он был уверен, что инициатором авантюры с возвращением была именно Крыся, – и это несмотря на то, что в ее приговоре ясно и четко говорилось: «Запрещено возвращаться под страхом смертной казни».

Неужели Правда этих двоих была настолько тверда и непогрешима, что стремление отстоять ее пересилило даже страх смерти?

Оставалось только молиться и уповать на разум добытчиков Содружества и их командира. Кожану вдруг пришла в голову спасительная мысль, что ребята, возможно, не очертя голову кинулись геройствовать, а расчетливо караулили тут именно Питона. А это значит, что у них все еще, может, и срастется. Девчонка – одна из его воспитанников, а Зуев, хоть и враг исконный, но мужик серьезный и уж точно не потащит свою бывшую ученицу обратно на судилище, не поговорив и не разобравшись толком, что к чему. Не тот характер. И это давало хоть какую-то надежду на благополучный исход.

В который раз мысленно пообещав беспутной доченьке добротную – если все кончится благополучно – выволочку, Кожан весь обратился в слух и зрение.

Глава 20

ГЕРОИ-ВОЗВРАЩЕНЦЫ

— Твою же ять... — прошипел Малыш, глядя на стоящих перед ним «призраков». С выпученными глазами он покосился на Питона. Стволы автоматов сами собой опустились вниз. Захар надвинул на глаза свою серую кепку.

— Вот тенате...
— Дядь Питон, это мы, — повторила невысокая фигура. — Мы. Живые. Мы из Алтуфьево сбежали.

Питон поднял ладонь, призывая группу к спокойствию. Сам всмотрелся в нежданных визитеров.

Никакими призраками бывшие изгнанники конечно же не были. Хотя бы потому, что спутника Крыси уводили на расправу в одних штанах и ботинках, какой там ОЗК и уж тем более — автомат! А тут — чуть ли не полный набор защиты добытчика с «чистых» станций!

Но не это было самым удивительным — в конце концов, снаряжение можно и найти, и отвоевать... украдь, наконец... Невероятность заключалась в том, что, отправленные Советом на верную смерть, они как-то сумели не только выжить, но и сбежать из Ал-

тухов – чего до них никому из жертв и пленников разбойной ко-
нечной не удавалось!

– Не будем стрелять, – негромко, медленно сказал Питон. Его автомат не только опустился, но и повис на ремне. – Только, Крысь, выйди на свет, пожалуйста.

Маленькая фигурка шагнула из павильона под открытое небо, откинув с головы капюшон. Короткие взъерошенные волосы, знакомый разрез черных миндалевидных глаз и виноватая полу-улыбка. Крысе показалось на мгновение, что и Питон улыбнулся в ответ, только улыбка была почему-то грустная.

- Здравствуй, девочка.
- Здравствуй, дядя Питон...

Девушка глубоко вдохнула. И выпалила:

– Дядь Питон, нам много чего надо тебе рассказать. Мы тебя специально за этим ждали. Я и Восток. Он тоже, как и мы, – добытчик. У них, правда, это называется «сталкер»... Пожалуйста, дядька Питон, поговори с ним! А то эти, в Совете и СБ, его и слушать не захотели!.. – голос Крыси дрогнул от недавно пережитой и все еще не улегшейся обиды.

...«Дядька Питон»... Это с ее легкой руки и появился у него, командира добытчиков, нынешний позывной. Раньше-то его кликали Кэпом, незатейливо сокращая когда-то данное ему решившими выпендриться родителями редкое имя. Правда, сперва она обращалась к нему «дядь Капитон», но все это очень быстро превратилось в «дядьку Питона», а потом и приклеилось, да так, что и не отодрать теперь. Вслед за ней «дядькой» его стала величать и остальная молодежь школы добытчиков, поначалу, как это водится, еще стеснявшаяся обращаться к отцу-командиру накоротке, по позывному.

Вторая фигура тоже вышла из павильона. Противогаз на сталкере «чистых» был хороший, с панорамной маской, и Питон сразу узнал парня. Восток смотрел на него внимательно и серьезно.

– У нас действительно есть, что сказать. Выслушайте нас, пожалуйста. Дело не только в нас – оно касается всех ваших и наших станций.

Восток замолчал.

— Выслушать, говорите? Что ж, слушаю, — Питон запустил пальцы в короткую седоватую шевелюру и, как прежде сделал Захар, сдвинул набекрень поношенную армейскую панаму.

А что ему еще оставалось?

— Нет никакой военной операции людей против скавенских станций. Те взрывы, что вы слышали, — удар по гнездовым «черных». Я уже говорил это вашим начальникам несколько дней назад. Они не поверили. Я же готов доказать. Я могу пойти к Ботаническому Саду с любым ... — Восток на мгновение запнулся, — человеком из вашей или другой группы. Залогом — моя жизнь.

Девушка рядом с ним приглушенно пискнула. Восток тут же положил ей на плечо руку, и она затихла. А он продолжал:

— Там сейчас никого нет, и еще долго не будет. Был пожар, большая часть Сада, выгорела. «Черных» просто больше нет. По крайней мере, там. Наши, те, кто это делал, беспрепятственно вернулись домой. И если в Саду и на ВВЦ и жил кто-то, кроме «черных», — они попрятались или тоже погибли.

Старый скавен устало выдохнул.

— Не надо мне твоей жизни, ни в залог, ни просто так. А за сведения спасибо, правильные они. Так оно все и есть...

Восток на мгновение опешил. А Питон поглядел на побледневшее лицо человеческого добытчика и еще глубже запустил пальцы в волосы.

— Были мы там, парень. Все сами видели.

На несколько минут воцарилось молчание. Восток посмотрел на Крысю. Крыся посмотрела на Востока. Глаза ее были круглыми. Оказывается, для нее это тоже было новостью.

— Тогда какого же хрена... — с нарастающей злой горячностью начал было сталкер, но тут девушка положила ладонь ему на руку. Восток запнулся, внимательно посмотрел в глаза подруге и, мысленно посчитав до пяти, выдохнул и продолжил уже более спокойно: — Тогда какого же хрена ваши безопасники мурлыкли меня исключительно на тему, что это были за взрывы и какую подоплеку они несли? Почему не сказали, что вам это все уже давным-дав-

но известно?.. Я, блин, как дурак, твержу им, что ракеты были запущены по гнездовьям «черных», что никакой цели запугать или уничтожить кры... э-э-э, ваши станции не стояло... А вы, оказывается, в курсе?..

Сталкер не удержался и фыркнул, как раздраженный поглаживанием против шерсти дикий кот. Сердито уставился на Питона.

– В шпионский детектив вашим начальникам захотелось поиграть, да? – от воспоминаний о том, что творили с ним на допросах крысюковские безопасники, в сталкере начало закипать знакомое негодование и злость. Он уже не обращал внимания на тревожно-испуганные взгляды, что бросала на него Крыся. Раздражение требовало выхода. – Ну ладно, допустим. Поиграли. В конце концов, я, когда соглашался идти сюда, был готов к подобному повороту событий... Кстати, меня посылали к вам не шпионить, а совсем с другой целью, но об этом – позже. Мне вот одно непонятно: что вам, вашему обществу, сделала вот она? – Восток ткнул пальцем в крысишку. Та от неожиданности ойкнула. – Слышал я, как ваши всей станцией орали: «Предательница! Пособница шпиона!»... Бить ее пытались... А между тем это не она вас предала, а вы ее!..

– Так, парень, хорош!

Кровь тут же прилила к вискам Востока, а в кулаках нехорошо зачесалось. Он уже готов был высказать скавенам еще несколько «ласковых» слов и про Совет их этот гребаный, и про порядки на станции. Даже дернулся, чтобы сделать шаг к осадившему его Питону...

Но тут в его локоть с отчаянной решимостью бросающегося грудью на амбразуру смертника вцепилась Крыся. Сталкер в запальчивости метнул на нее гневный взгляд... И словно с разбегу вмазался носом в гранитную стену.

В глазах девушки стыли ужас и мольба: *не надо, прошу тебя, не надо!..*

...В Алтухах она смотрела на Кожана примерно так же... И здесь, в Бибиреве, во время суда...

Востока словно крутым кипятком ошпарило. Он взглянул на себя со стороны и вдруг устыдился собственной несдержанности.

В конце концов, они сюда пришли договариваться, а не ругаться! И от результатов этих переговоров зависит то, примут ли скавенские станции Крысю к себе обратно. Простят ли.

А он едва все не испортил, вот же идиот!

Восток долго и тягуче выдохнул и уже спокойно посмотрел на Питона.

– Я не должен был всего этого вам говорить, – сказал он. – Извините.

– Это точно... – буркнул в ответ уже не Питон, а громадный сивый скавен, стоящий позади командира.

Сам командир добытчиков пристально, усталым, тяжелым взглядом смотрел на человека.

– Люди, парень, часто не глядя повторяют то, что говорит воожак. И особенно они любят кричать «Распни!».

Он как-то нехорошо, резко дернулся и отвернулся. Постоял несколько секунд, глядя в никуда. Развернулся обратно.

– Чего уж там люди Гацевского от тебя хотели – я не знаю. По мне – так на шпиона ты точно не похож. Чтобы быть хорошим шпионом здесь, тебе, парень, не хватает, как минимум, хвоста и шерсти, – скавен впервые за разговор улыбнулся. – И, будь ты шпионом – вряд ли бы ты сюда вернулся, тем более – с ней... – он кивнул на все еще испуганную девушку. – А вот по поводу твоей цели поговорить точно стоит.

Внезапно Сивый, стоявший чуть позади всех и глядевший во время разговора все больше назад, протянул руку и забарабанил по Питонову плечу:

– Иваныч, гляди...

Добытчики обернулись все разом, Крыся вскинула потупленный было взгляд, Восток сделал шаг вперед, да так и замер.

Сначала ему показалось, что со стороны Бибиревской, растянувшись во всю ширину улицы, от дома до дома, идет прямо на них темная цепь каких-то непонятных, бесформенных существ. Восток сощурился, пытаясь разглядеть их получше, но увидел только шевелящуюся, будто кипящую темноту. Те, из кого состоял этот невообразимый строй, будто бы постоянно менялись друг с

другом местами, не разрывая при том цепи, не образуя ни малейшего промежутка. Они шли рывками: вот строй замер, и в нем видно только дрожащее, перекатывающееся шевеление, а вот – шагнул, а может быть, прыгнул, разом преодолев метров пять, и снова – как одно целое.

Питон медленно, как во сне, повернулся голову, вскинул руку и так же медленно, словно сквозь воду, махнул ею в сторону вестибюля. Губы его двигались, но Восток почему-то не слышал слов.

– Не... слышу... – свой собственный голос донесся до Востока как из колодца. Слова вязли, звуки были похожи на те, что издает виниловая пластинка, если замедлить ее пальцем почти до неподвижности. Он попытался протянуть руку к Крысе – его рука, как и Питонова, будто угодила во что-то плотное, невидимое и вязкое, как желе.

– Крыся... – ...рыся... ыся... Вниз... низ... из...

Девушка даже не повернула головы. Она смотрела на катящуюся стену, как завороженная. Рука Востока наконец дотянулась – он схватил ее за плечо, начал притягивать к себе и...

Ощущение было, словно под самыми ногами произошел взрыв – бесшумный, но ошеломительный. Воздух, до того сжатый, спрессованный, внезапно снова стал легким и невесомым. Вместо плавного усилия у Востока получился рывок – Крыся пулей влетела прямо в сталкера, они рухнули и кувырком прокатились по асфальту. Рядом тяжело упал кто-то из скавенов, слепо заскреб руками, пытаясь подняться и не находя опоры.

– Крыся! – Восток попробовал встать. Ноги слушались плохо, в ушах шумело. Девушка, распластавшись, навзничь лежала прямо перед ним, глаза ее закатились. – Крыся!

– Вниз! Вниз все! – хриплый голос Питона. Восток с трудом поднял голову. Питон – бледный, ни кровинки в лице, панаму сорвало и унесло – пытался поднять с колен Малыша. Тот маятником раскачивался из стороны в сторону, зажимая руками уши и страшно хрипя. Огромный Сивый, будто пьяный, спотыкаясь и приволакивая ногу, старался дойти до лежащего навзничь четвертого скавена, руки которого все еще судорожно дергались.

Восток мельком взглянул вперед, в сторону Бибировской, – мрачная стена уже выкатилась, выперла из тесниной домов, из панельного ущелья и растекалась теперь по пустырю между гипермаркетом и заправкой. На улице, между девятиэтажек, стену скрывала тень, а сейчас ее часть угодила в широкую, щедрую полосу лунного света, пробившегося сквозь дыру в облаках. Ох ты ж, мама дорогая... Никаких существ, никаких фигур в стене не было! От Бибировской на него и на скавенов полз иссиня-бурый клокочущий туман. Он шел, как прилив, как наводнение, – бурлящий гребень высотой метров пять, и двигался теперь не рывками, а плавно. Лунный свет, кажется, в него не проникал, но зато иногда где-то в глубине тумана беззвучно вспыхивали разряды мертвеннного синего блеска.

«Туча, – подумалось Востоку. – Огромная, севшая на землю грозовая туча». И тут же, в той самой точке, куда он смотрел, проблеснуло длинным, многохвостым языком – остро, ярко и гибельно.

...Крыся говорила, что в последние несколько лет грозы в этой части Москвы стали частым явлением, невзирая на время года. Но... наземные?..

...Что ж мы, идиоты, сотворили с нашим миром – что даже незыблемые ранее законы природы пошли вразнос?..

Восток встрепенулся. Он подхватил лежащую девушку на руки, снова чуть не упал – ять-переять, до чего крепко все же приложило! – и, пошатываясь, тоже побрел к лестнице перехода, в темноту. Сухопутная туча за спиной беззвучно играла сполохами. Стертые ступени, проржавевшие, но все еще целые полозья для колясок – Восток торопился, как мог. Спустившись вниз, он перекинул свою ношу через плечо и на ощупь пошел вдоль стены. На двадцатом шаге рука сорвалась в пустоту, но тут же ткнулась во что-то железное – холодное, гулкое, тяжелое. Дверь шлюза. Дошли. Сзади – топот шагов, шуршание чего-то тяжелого, влекомого по полу – Питон и второй, здоровенный сивый скавен, тащили своих контуженных. Проблеснуло фонарем – Восток зажмурился, но тут же открыл глаза. Так и есть, вход в шлюз – в стене перехода, в нише тяжко сидел массивный гермозатвор, когда-то крашенный мыши-

но-серой масляной краской. Сталкер осторожно посадил бесчувственную девушку рядом с дверью и ринулся обратно. Дела скавенов были неважны – Малыш, опираясь одной рукой на стену, а другой, повиснув на шее Питона, на подгибающихся ногах ковылял к шлюзу в самом начале перехода. С лестницы доносилось надсадное кряхтение – Сивый, оставшийся на ногах, пытался спустить того, который упал. Восток завернул за угол, буквально взлетел по ступенькам, подхватил бесчувственного под руку, взвалил на себя – и вместе с Сивым потащил его вниз. Тут же потемнело в глазах, стали нетвердыми ноги. «Контузило все-таки...» – пронеслось в голове. К концу лестничного пролета Восток почти не чувствовал себя. Из перехода, грохоча тяжелыми ботинками, подбежал Питон, тоже подставил спину – втроем они протащили раненого до шлюза. Питон прикладом автомата несколько раз ударил в дверь – череда коротких и длинных пауз. В двери почти тут же заскрежетало, заскрипело щемяще – и дверь поддалась, пошла, изнутри прорвался, ударив в лицо, поток теплого воздуха и загорелся где-то под потолком тусклый свет. Из шлюза кто-то ринулся к ним навстречу, чьи-то руки сняли с Востока неподъемную тяжесть раненого скавена, затем подхватили было и его самого, но он высвободился, сам приподнял за подмышки Крысю, волоком потащил ее в коробку шлюза. Внутри стало тесно, кто-то что-то кричал, кто-то возился с затворами, запечатывая шлюз обратно, все они мельтешили, мельтешили перед глазами... Наконец дверь шлюза с гулким хлопком захлопнулась, и в этот момент сознание Востока померкло.

Глава 21

ЗАКЛЯТЫЙ ДРУГ

Сухопутную тучу Кожан заметил непростительно поздно – слишком был занят разговором Питона и дочери. Только когда Питонов дозорный внизу зашевелился и затряс командира за плечо, Кожан глянул влево и тут же обомлел.

Кативший со стороны Бибировской вал выглядел жутко – иссиня-черная клокочущая пелена с беззвучными страшными вспышками тысячевольтовых дуг внутри. Глядя на то, как быстро ползет граница тумана, Кожан моментально понял, что опоздал. Не вырваться, не успеть. Даже если выскочить сейчас прямо из окна и рвануть что есть мочи, до девятиэтажек он не добежит – далеко. И Питоновы людишки, пусть и перепуганные, заметавшиеся, его тоже не упустят – пошлют пулю вдогонку. Просто по привычке. У любого, кто сейчас по поверхности ходит, инстинкт такой – на любое резкое движение сначала пальнуть, а потом уже спрашивать, кто идет... И расстояние небольшое, не промазать со слепу. На седом загривке Кожана выступил холодный пот. Попал. Вот так оно всегда и бывает – быстро и глупо. Эх, прости, дочка, папку своего непутевого...

Питон внизу замахал было рукой (и shy раскомандовался, Чапаев, мама его лошадь...) и вдруг как будто замер. Однако удивиться этому Кожан не успел – внезапно стало трудно дышать, а на уши надавила невидимая упругая сила. Перед глазами поплыли красные круги, заколотило бешено в ушах сердце. Легкие будто выдавливали изнутри, выворачивало прямо из груди – воздуха, воздуха!.. Темнота в комнате неожиданно стала совсем непроглядной. И тут в голове алтуфьевского вожака будто бы щелкнул выключатель. За двадцать лет, которые Кожан прожил в метро, он привык контролировать, обдумывать не то что каждый поступок, а каждый жест, каждый кивок головы. А иначе никак, иначе сожрут, и быстрее всего – свои же. Контроль этот въелся в кровь, в кость, стал второй его натурой. Пожалуй, благодаря этой привычке Кожан и стяжал во многом свое высокое положение. Казалось, куда уж без нее. И тут контроль исчез. Прекратился, будто отключили. Не перед кем было держать себя вожаком, не для кого грозно хмуриться. Он, Кожан, просто задыхался сейчас в темной комнатушке брошенного магазина, и ему было решительно все равно, как это выглядело со стороны. Ему хотелось жить. Страшно хотелось жить. Он затравленно огляделясь в поисках хоть какого-то света. Свет – это открытое пространство, это воздух. Воздух – это жизнь. Глаза Кожана вылезли из орбит, перед взглядом бешеной толчеей замельтешили кроваво-красные точки. Где же свет?!

Полутьму среди темноты он увидел на малое мгновение, но и этого оказалось достаточно. Тело само рванулось куда-то по скопрее осязаемому, чем видимому коридору – спотыкаясь, поскользываясь, падая и снова вставая. Вот руки зацепились за шаткую металлическую лесёнку, идущую вертикально вверх. Кожан поднял голову и чуть не утонул в лунном свете, прорвавшемся сквозь тучи и водопадом обрушившемся сверху. Он пополз вверх, к этому свету, чуть не сорвался с последней ступеньки, чудом удержался и мешком перекатился через квадратную горловину люка...

И в этот момент его ударил мягкий воздушный молот.

Кожана швырнуло в сторону, прокатило кубарем по оплавленному рубероиду и впечатало в кирпич ограждения крыши. Ох, елки зеленые... Но дыхание! Воздух будто вышиб невидимую пробку и со свистом хлынул в пустые легкие. Кожан мучительно закашлялся. В груди горело огнем, вязкая слюна норовила уходить в трахею, от чего хотелось кашлять еще больше. Он рывком поднялся на ноги и грудью навалился на парапет. Внизу «соседям» приходилось не лучше – двое бибиревских и дочь со своим человеком лежали на асфальте, как сбитые городошные чурки. На ногах остались только Питон и здоровенный дозорный, который заприметил жуткую тучу, да и тот, попробовав сделать шаг, паралично потащил подвернутую ногу. Питон же был белый как мел, но на ногах держался твердо. Кожан беззлобно матюкнулся сквозь кашель – чего-чего, а крепости тебе, Капитоша, никогда не занимать было. Даже такой кувалдой тебя, холеру старую, не прояло...

Вот лежащие зашевелились – один, другой. Сердце у Кожана екнуло, когда попыталась приподняться и тут же надломленно рухнула обратно тонкая фигурка дочери. На седом загривке опять выступил пот, сейчас Кожан был готов прыгать вниз прямо с крыши. И плевать, как на его появление отреагируют Питон и остальные!.. Впрочем, тем сейчас было не до него. Питон возился с молодым напарником, поднимая его, и что-то кричал, указывая на темную пасть спуска в подземку. Но вот шевельнулся и тяжело поднялся с земли человечий добытчик. Еще не расправившись, он первым делом подтащил к себе девушку и, чуть не упав, начал поднимать ее на руки. Пальцы Кожана, мертвой хваткой вцепившиеся в парапет, внезапно стали слабыми, будто ватными. Он, словно заколдованный, неотрывно смотрел на то, как человек оторвал дочь от земли, как поднялся, развернулся на, видимо, нетвердых еще ногах и медленно, осторожно стал спускаться по ступеням вниз, в темноту. Кожан в моментально налетевшем изнеможении зажмурил глаза и почти сполз на крышу. Долго шарил в карманах штанов, нащупывая фляжку, не глядя, отвернулся скрипучую крышку и залпом влил в себя здоровенный глоток коньяку.

Плевать, что поверхность, что под открытым небом, на все плевать! Сегодня можно! Тиски в голове почти сразу отпустили, и сердце унялось.

Правду говорят люди: иной раз не было бы счастья, да несчастье помогло. За судьбу дочки Кожан перестал беспокоиться как-то сразу, совершенно для себя неожиданно и накрепко. А причина была одна: заклятый друг Капитоша.

Кожан криво ухмыльнулся. Не подумал бы никогда, а вот поди ж ты... Про Питона-Капитона можно было говорить что угодно, но имелось у него одно свойство, признаваемое всеми, друзьями и врагами: за своих людей он всегда стоял горой. Сам ходил искать пропавших, порой по несколько суток торча на поверхности, а под землей не жалел ни вещей, ни влияния, если выходило что-то неладное. Было дело, алтуфьевцы изловили группу соседских добытчиков. Кожан лично заломил за них баснословную цену, и что же? Бибиря цену заплатили не чихнув – даром что, по глубокому Кожанову мнению, половину этих щукиных детей – добытчиков можно было бы смело пускать в расход. И стоял за всем этим Капитон Зуев, прозванный в Бибирях Питоном.

Кстати, во второй раз такой предпринимательский финт не прошел. Кожан после того случая объявил было на бибировские поисковые группы охоту, и через месяц удалось поймать еще двух человек. Все уже руки потирали, ожидая выкуп, – ан нет. Почти у самого шлюза питоновские охламоны (и вроде как даже он сам лично) сперли... Дымчара! Помощника незаменимого, пса верного. Так на него же, паразита нерасторопного, и менялись.

Совету Питон своих тоже в обиду не давал. То, что Крыська в Алтуфьево угодила, – это она только попутчику своему бритоголовому обязана. Уж больно негоже вышло – врага привела, да сама, да тайком. Редчайший случай, когда Питон спасовал. Зато уж как он теперь за нее зубами рвать будет, когда она считай что из мертвых вернулась...

Ревность неожиданно ткнула Кожана прямо в ребра: «А ведь он девчонке моей почти за отца был...» Седой разбойник только по-

морщился. И хорошо, что был. Значит, сбережет ее, змей старый, подколодный, на этот-то раз... Кожан снова вспомнил, как Питон только что махал рукой человеческому добытчику: мол, уходи и ее уноси – туда, вниз. Раз сам их туда послал – значит, впрыгся за них. А это значит, что и на станцию протащит, и сожрать не даст – костьми ляжет, а не даст. «Или я его за без малого четверть века плохо узнал», – подумалось вдруг. Кожан усмехнулся и хлебнул из фляжки еще раз, за здоровье злейшего и старейшего – еще с приснопамятных студенческих лет старейшего – своего врага.

Коньяк придал ему сил. Он снова встал и прислонился к парапету. Внизу уже никого не было – бибиревцы с грехом пополам спустились к себе на станцию. На месте разговора валялся только кривой магазин от полусамодельного, «метрошной» кустарной сборки автомата, да трепетала под ветром в кустах боярышника чья-то армейская панама. А туча уже надвигалась на пятаков перед павильоном. Снизу потянуло холодом и влагой, чуть сладковато запахло озоном. Клубящаяся, клокочущая граница почти дотянулась до дальней стены магазинчика, на котором сидел Кожан, и ему опять стало сильно не по себе. А если достанет до крыши, затопит, захлестнет? В подтверждение страхов почти по самой границе тумана раскатилась во всю длину его фронта ледяная синева разряда.

– Господи... – прошептал неожиданно для себя Кожан, – коли Ты меня слышишь, не дай меня в расход сегодня. Не ради меня, старого греховодника, ради нее...

Дочка, обессиленная, обмякшая на руках своего человека, встала перед глазами. Кожан зажмурился и сделал то, чего не делал уже двадцать три года, – перекрестился.

А потом отошел от края крыши и стал ждать.

Вот туман зацепился за угол Кожанова магазина. Заклокотал, забурлил, будто радуясь новой добыче. Мол, вон я уже сколько всего проглотил – и машины, и киоски, и всяческую уличную дредебедь, теперь и магазинишко этот затоплю, захвачу, опутаю... Граница его поползла вперед, вдоль парапета, и казалось, что вот еще немного, самая чуть – и он перельется через кирпичную стенку, и

не будет больше на этом свете ни магазина, ни старого седого разбойника Кожана. Но вот туман прошел метр, два, а его беспокойная поверхность так и не сравнялась с границей крыши. Примерно полметра высоты отделяло Кожана от электрического моря. А в нем кипели разряды, разряды, разряды... Озон пах, как отрава. Наконец туман обтек, обхватил магазин со всех сторон, и Кожан оказался на острове. Вокруг было одно лишь темное бурление да синее блеклое сияние. А граница ползла все дальше, и наконец мгла накатила на павильон... клубами хлынула вниз...

Кожан содрогнулся и снова кинулся к парапету. Вцепился – не оторвать – в крошащийся под жестокими пальцами старый кирпич. А ну как не успели войти? Не открылись двери, не впустили вовнутрь чужих бибревские дуболомы-охраннички? Он готов был услышать истошные вопли живьем поджариваемых людей – дочери, ее приятеля, Питоновых молодчиков, – и внутри все тряслось, дрожа самой своей сутью. Но прошла минута, две, пять... В переходе по-прежнему было тихо.

«Питоша, м-мать твою... – старый разбойник неожиданно почувствовал, как что-то лопнуло внутри и стало легко-легко. – Змеюка ты моя подколодная...».

Их все-таки впустили!

Стальной трос напряжения внезапно исчез, и Кожану захотелось смеяться. Смеяться так, как не смеялось, кажется, уже лет двадцать, с того самого момента, когда война загнала его в метро. Что ему было до тучи, до Питона, даже до приближающегося рассвета – его дочь спаслась!

Иссиня-черные клубы вспучивались в полуметре от его ног. Всюду, куда ни кинь взгляд, были они – словно ревущее штурмовое море, грозящее поглотить немногие островки суши, еще оставшиеся на его поверхности. А Кожан сидел на пятках на краю такого островка, один среди клокотания тумана и тысячевольтных дуг, и ржал, как ненормальный, – громко, радостно и торжествующе, запрокинув лицо к светло-сизому, начинающему розоветь на восстоке небу.

Глава 22

ГОСПОДА СОВЕТ

— ...вот так и получилось, что мы остались живы и смогли покинуть земли алтуфьевцев, — закончила Крыся рассказ об их приключениях.

Они сидели в одном из бывших технических помещений турникетного зала — она, Восток и Питон. Старый добытчик внимательно слушал историю их невероятного спасения.

Да, Питон провел «воскресших» изгнанников на станцию. Под свою, так сказать, ответственность. Но дальше помещений кассового зала не пустил — скрыл в комнаташке недалеко от шлюзовой камеры. Береженого бог бережет... Еще неизвестно, как отреагирует на возвращение приговоренных «шпиона и предательницы» Совет!

А он уже заворочался, забурлил — не хуже тумана наверху. Охранники, растерявшиеся и вытаращившие глаза при виде ввалившихся в шлюзовую камеру изгнанников, опомнились очень быстро и тут же отправили к администрации гонца с докладом о прибытии с группой добытчиков незваных и неожиданных гостей,

одному из которых здесь находиться вообще не полагалось, а другой было запрещено возвращаться под страхом смерти.

В общем, утро для членов Совета началось с сюрприза. Разговор с этой шайкой (Питон аж сплюнул про себя) предстоял нешуточный, но сейчас его это заботило меньше всего.

А вот эти двое – другое дело... Его ученица и ее... друг? Да, пожалуй, что и друг. Берег он девочку все это время крепко, чужие так не поступают. И, похоже, капризная богиня Везуха прониклась к ребятам симпатией ... Тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить бы. Александров с Гацевским, поди, уже только что ножи не точат, да и остальные «господа Совет» с ними. Но Питон твердо решил: ТЕПЕРЬ уж – дудки, граждане! Никого не отдам! Хватит с них, настрадались! Висельника – и того, если веревка оборвалась, по новой не вешают!

Выглядели ребята, конечно, после своих приключений краше некуда. Человек «щеголял» разной формы и окраса синяками и ссадинами, Крыся все прикладывала к припухшей щеке тыльную сторону ладони. И у обоих – тонкие, пересекающиеся поперечные порезы чуть выше запястий, а у сталкера – еще и по груди и плечам... и наверняка такие же имелись и у Крыси – только у нее под одеждой не было видно... Проволокой вязали, сразу видно, есть у алтуфьевских такое обыкновение. Ну не козлы, а?..

И как удивительно, что в Кожане все же проснулась совесть!.. Или что там у него проснулось?..

– Чудеса в решете... – покачал головой старый добытчик в ответ и на свои мысли, и на завершающие рассказ слова девушки. – Не ожидал я от Кожана такой человечности в отношении пленных. Обычно он ни с кем не церемонится.

– Да я тоже не ожидала, – махнула рукой Крыся. – Наслушана. Но более всего не ожидала, что он моим отцом окажется!

На губах Питона мелькнуло что-то похожее на улыбку, и он спешно опустил веки, скрывая выражение глаз. Как оказалось – недостаточно быстро.

– Дядька Питон... – медленно начала Крыся, тревожно глядя на него, – так ты что... ты... ЗНАЛ об этом?

– Не знал, – добытчик покачал головой. – Но имел вполне веские основания подозревать. Мы-то с твоим папанькой довольно давно... знакомы, так сказать... А в тебе и правда есть что-то от него...

– Но почему? – воскликнула девушка. – Почему ты еще тогда не сказал мне? Ты ведь помнишь, как я искала своего отца по всем нашим станциям, как расспрашивала о нем... и тебя ведь спрашивала, а ты сказал, что не знаешь... Ты мне... наврал тогда, да?

В глазах крысишки уже кипели готовые пролиться слезы обиды и непонимания.

– Отставить! – Питон на мгновение надел маску командира, и девушка моментально притихла. – Ну и что бы ты сделала, если бы тебе сказал, что твой отец – возможно... ВОЗМОЖНО! – гла-варь одной из алтуфьевских банд? Кинулась бы к нему – мол, здравствуй, я твоя дочка? И что бы он тогда сделал с тобой, а, Крысь? Тем паче, тогда? Думай, голова... Это сейчас Кожан всех под себя подгреб, его слушаться стали, и хоть какой-то порядок установился. А раньше?

Крыся запальчиво открыла рот, собираясь что-то возразить, но тут на ее губы мягко легла ладонь отмалчивавшегося доселе Востока. Сталкер перехватил возмущенный взгляд подруги и укоризненно покачал головой:

– Крысь, остынь. Командир твой дело говорит. Пошла бы ты не вовремя в Алтухи – и сгинула. А если и выжила – то была бы сейчас как тамошние женщины, которых мы там видели. Помнишь? Тебе оно надо? Забыла про Дымчара с Гореликом?

Крыся непроизвольно содрогнулась: участь была не лучше той, что ждала ее и на родной станции. Даже хуже.

– И потом... – сталкер покосился на невозмутимого Питона, поправил наброшенное на плечи одеяло (их по приказу командира принес замерзшим и вымотанным «гостям» кто-то из Питонова молодняка) и с легкой улыбкой закончил:

– Пропала бы ты в Алтухах, и мы бы никогда с тобой не встретились. А так – все произошло своим чередом. И даже твое знакомство с отцом. Закончившееся, кстати, очень даже удачно!

Возмущенный взгляд Крыси поверх сталкерской ладони превратился сперва в растерянный, потом – в задумчивый. Брови ее сошлись «домиком» над переносицей и, поочередно посмотрев сперва на друга, потом – на командира, девушка пробормотала:

– Сговорились, да? У-у, редиски ...

Тон ее получился жалобным и каким-то детским. Мужчины переглянулись и облегченно рассмеялись, Восток опустил руку.

– Ну ладно, – оборвал смех Питон. – Вернемся к другим важным делам. Что ты там давеча толковал про какую-то свою цель?

Пришел черед рассказывать Востоку. Он рассказал все: и про ставшее невыполнимым (благодаря знакомству с Крысей) задание по поимке живого крысюка, и про недавние события на территории Ботанического Сада – все, что знал, и чему сам был свидетелем. Даже рассказал, почему согласился идти за «языком». Ничего не скрыл.

– И, поскольку я не хочу, чтобы меня здесь считали шпионом, а Крысю – предательницей, – закончил он, – я и предложил вам и вашим бойцам отправиться со мной и своими глазами увидеть доказательства моих слов. Хотя бы в отношении «черных». Но кто же знал, что вы уже там были?.. Что касается гипотетического нападения... – тут сталкер усмехнулся, глядя в глаза скавену, – ни за что не поверю, что у вас нет такой разведки, которая не смогла бы тайно проникнуть куда надо и разузнать что надо!

– Разведка, говоришь... Разведка, может, и есть... – уклончиво ответил Питон. – Но как ты себе представляешь возможность контакта между нашими станциями в условиях взаимной нежнейшей ненависти?

– Если честно, раньше совсем не представлял, – признался Восток. – Да и сейчас, когда я узнал ваше... ваш народ ближе, – пока еще с трудом. Но дело в том, что однажды у властей одного из наших конгломератов, Полиса, возникла мысль, что вы – то есть ваши сталкеры – будут просто незаменимы в дальних рейдах на поверхность. С вашей стойкостью к ее условиям... – Восток искося посмотрел на собеседника, проверяя его реакцию. Но лицо Питона осталось невозмутимым. Поэтому сталкер продолжил: – По-

началу они хотели отправить к вам посланников. Чтобы те попробовали установить контакт между нашими частями Метро. С дальнейшим прицелом на сотрудничество. Но после того, как не вернулись несколько «экспедиций» – еще в самом начале, когда мы узнали о вас, – слава о вашей части метро и о вашем племени у нас пошла самая нехорошая. Поэтому охотников на роли дипломатов-камикадзе не нашлось. И со временем идея погасла сама собой. Тем не менее, некоторых моих коллег она так или иначе, но тоже заинтересовала – несмотря на все возможные риски. Правда – в отличие от чересчур радужно мыслящих чиновников, – их больше волнует более приземленный и актуальный на данный момент вопрос: нейтралитет и договор о ненападении между сталкерами нашей и вашей части Метро. Вот это для нас – первейшая необходимость. Что же касается пресловутого дальнейшего сотрудничества... Наши командиры считают (и я с ними полностью в этом согласен), что это пока еще преждевременный вопрос. Слишком многое еще между нашими народами отчуждения, ненависти и... крови...

– Крови меж нами и правда... многовато... – медленно проговорил Питон, меж тем обдумывая слова сталкера. Действительно, если «чистые» сами собирались просить мира и дружбы (пусть даже и не решились претворять идею в жизнь) – то о какой войне может идти речь? Весомый аргумент в пользу невиновности ребят!

Разговор растянулся на несколько часов. Ближе к полудню со станции прибежал нарочный – Гацевский требовал новоприбывших пред ясны очи. Питон гонца даже в зал не пустил – мол, карантин! Лежат, мол, оба «гостя», в себя приходят. Так что пусть Гацевский перебьется пока... Нет, станционного врача звать не надо – добытчики и сами с усами. Саша Михайловский – медик отряда – не зря всех учил первую помощь оказывать. А кое-кого – и не только. Так что вот. Нарочный убежал и больше не возвращался – Совет как-то легко проглотил отмазку и, видать, решил подумать еще. И то хорошо. Остынут немного...

Конечно, с карантином Питон скучавил – смысла в нем не было, разве что, как у иудеев, ритуально смыть нечистый дух Ал-

туфьева. Да и Крыся в себя пришла довольно быстро и, кажется, даже без серьезных последствий для организма. И Питон первый услышал историю их злоключений в Алтухах и воистину чудесного оттуда спасения.

Но с докладом к Совету идти все же надо было. Поэтому вскоре Питон, наказав Крысе и Востоку не высываться из той комнатушки, где они находились, а двоим своим добытчикам – охранять их и ни под каким предлогом не пускать к ним никого из станционных, отбыл в сторону «апартаментов» администрации.

Когда Сергею Петровичу Александрову доложили, что с поверхности вместе с зуевской группой вернулись два дня назад высланные в Алтуфьево шпионы, он чуть чаем не подавился.

– Да ну... А точно они? – сипло спросил он начальника караула, продышавшись.

– Точно так... – тот стоял, вытянувшись, и лицо у него было такое же вытянутое. – Девчонка-добытчица и этот, который с ней был, из «чистых». Еле-еле – но живые. Вместе с людьми Питона пришли, «чистый» даже нашего раненого волок. В шлюз вбежали и рухнули...

Александров медленно поставил чашку на стол.

– Чудеса... Да садись ты, чего торчишь, как гвоздь в паркете... – он махнул рукой на караульного, и тот, тяжело дыша, плюхнулся на стул. – А сейчас где они?

– В кассовом зале, наверху. Они оба, кажется, без сознания. И у Зуева два человека побиты крепко – там наверху невесть что творится. Ураган – не ураган, дрянь какая-то непонятная.

– Что Зуев?

– Живой. Ничего не сказал, только медика своего отрядного кликнул и сейчас вместе с ранеными сидит. И с... этими.

– Ладно... – Александров запустил короткие пальцы в порядком поредевшую шевелюру. – Ты вот что, Максимыч... Давай-ка

чайку выпей, и дуй к себе обратно, а мне своего человечка привели. Раз такие чудеса творятся, крепко подумать надо. Люда! – позвал он.

В комнатку тут же заглянула невысокая женщина.

– Звали, Сергей Петрович?

– Людочка, сообрази, пожалуйста, чайку для Николая Максимыча, а то он вон как запыхался. А мне скажи, там Гацевский ясны очи продрал али как?

– Спит, Сергей Петрович, вроде бы... И остальные тоже.

– Ну хорошо. Сейчас я им такую побудочку устрою – повсекиваю...

Он встал, разминая затекшую поясницу. Все-таки старость – не радость. Обернулся к начальнику караула.

– Максимыч, сам понимаешь – чтобы твои за этими гостями бдели, как Змей Горыныч за Кащеевым яйцом! И людей лишних туда до моей команды не пускать. Все ясно?

– Так точно!

– Точно, точно... Смотри, Максимыч!

Александров вышел из своей комнатушки, плотно затворив дверь. Идти было недалеко – через коридор и налево. Он остановился около двери в бывшую мастерскую СЦБ. Оттуда доносился негромкий храп. Александров приоткрыл дверь, нашарил на стене выключатель. Сюда электричество подавалось всегда – здесь жили члены Совета. Лампочка под потолком неярко вспыхнула, и тут же раздался сонный голос:

– Кого там нелегкая принесла?

– Вставай, Юра, а то проспишь царствие небесное, – Александров со скрипом и грохотом подтянул к себе табурет и уселся на него. Напротив на топчане ворочался, просыпаясь, Гацевский – второй член Совета Содружества от станции Бибрево. Гацевский был толстоват, и одеяло пузырилось у него на животе, как на небольшом холме. Он с трудом приоткрыл один глаз.

– Ты чего это ни свет ни заря?

– Вставай, Юра, вставай! У нас чудеса творятся, и небезынтересные!

– Ну тебя в задницу, Серега... – Гацевский тяжело сел на постели, потирая заспанное лицо. – Чего случилось? Ты не темни, раз уж разбудил...

– Знаешь, Юра, кто к нам пришел? Дочка Кожана вернулась! Сама.

Гацевский чуть не подпрыгнул на постели. Он вскочил, зашарил рукой по тумбочке, ища кружку с водой. На лице Гацевского читалось изумление, недоверие и пока еще неверная надежда.

– Не ослышался, Юра, не ослышался. Давай очухивайся, и кумекать будем. А потом и остальных будить...

Новость про то, что шебутная девчонка-добытчица оказалась не просто сиротой, каких много, а единственной, похоже, дочерью вождя Алтуфьевца, пришла на станцию примерно через полдня после высылки пленных. Юркая серая крыса прибежала из северного тоннеля четного направления, неся обернутую вокруг голого хвоста бумажную полоску, закрепленную резинкой. Крысу накормили и посадили в защищенную от сквозняка просторную клетку, а полоску тут же принесли в бывшую релейную, где продолжал свое заседание Совет. На бумажке корявым почерком было написано в одну строку: «Кожан в пленнице дочку признал. Заперся и запил». Эффект был хуже, чем от взрыва. Первым схватился за плешию голову Гацевский.

– Ох, идиоты... Ох мы все идиоты...

Следом за ним потупились Логинов и Сафонов из Отрадного, тяжело опустил голову на локти Юрков – нынешний председатель – со станции Владыкино, а второй владыкинец, Пятаев, резюмировал:

– Доигрались, твою мать, правдорубы...

Было от чего грустить. Поторопились, господа Совет, и КАК поторопились! Идея показательного суда, представлявшаяся в преддверии ожидаемой войны здравой и разумной, затрещала по швам еще в самом своем начале. Чертов «чистый» своей прилюдной эскападой сорвал и весь воспитательный эффект, и хорошую, в общем-то, пятаевскую идею – человека должны были, будто на казнь, вывести на поверхность, но не просто оставить там, а про-

следить, не придет ли за выставленным на холодок и солнышко неприятельским шпионом подмога от своих. Коли придут, значит, его появление в Бибиреве – точно спланированная акция от «чистых», и можно воевать с чистой совестью, а если не придут – человека можно было бы вернуть на станцию и допросить еще разок.

Нет, сорвалось. Ушлые у «чистых» шпионы, ничего не скажешь!

Девчонку же, конечно, поначалу жаль было, но когда оказалось, что она этого «чистого» и наглого САМА привела, по собственно-му почину, терпение кончилось у всех и разом. А чего ж не целый отряд-то сразу – с огнеметами и взрывчаткой, а? У-у-у-у, паршивка! Выдать ее Алтухам было более чем уместно – пусть попляшет, зараза, как бы мы плясали, приди сюда «чистые» кучей...

И тут – такой пассаж!.. Дочка главаря бандитского гнезда – это вам не безымянная сиротка из хоть и дружественного, но демонстративно «самостийного» Эмирата, это уже совсем другой расклад! Будь она в руках Совета Содружества – можно было бы Кожана в барабан рог свернуть и всячески им манипулировать. Вон его как проняло – аж напился. Эх, такой инструмент влияния на соседей упустили!..

«Господа Совет» угрюмо глядели друг на друга, почесывая затылки. Надумали, молодцы. Теперь как бы разгребать не пришлось. Однако же что есть – то есть. Стали думать дальше – что делать, коли «чистые» и правда пожалуют. И как обернуть в свою пользу ситуацию, если Кожан публично признает дочь перед своими и Крыся останется жить в Алтухах на всех, какие они есть, правах «принцессы разбойников». Думали крепко и долго. И тут вдруг – новая весть! За первой почтовой крысой прибежала вторая. На послании значилось: «Кожан с дочкой разругался, решил казнить». Тут у всех и вовсе глаза на лоб полезли. Вот те нате! Приехали. Совет закручинился и, выпив по чашке самогону, разбрелся спать. А чего тут говорить-то?..

На следующий день все ходили мрачные и друг на друга глядели волками. Олухи старые... К вечеру снова тяпнули по сто от досады – и опять разошлись. А что? Отрадненским и владыкинским

можно – они тут, в Бибиреве, в командировке, а кто в командировке не гуляет? Александров же с Гацевским – радушные хозяева, как не поддержать гостей?..

А утром на большую голову свалились очередные новости. Причем не просто свалились, а сами пришли на станцию. Словно с того света выбравшись.

Очухался Гацевский быстро – до войны он был главным бухгалтером на большом предприятии, а это чего-то да стоит. Первое, что было решено, – шуму не поднимать. Новость, конечно, все равно максимум через полдня по станции расползется, но за это время можно будет подготовиться. Про девушку проще, да и вернее всего сказать, что, мол, искупила вину кровью, раз сама вернулась, а вот что с «чистым» делать?.. Либо он какой-то очень хитрый шпион, либо и правда на девчонку как-то завязан. В любом случае, трогать их обоих сейчас надо очень аккуратно. Гацевский предложил для виду потребовать новоприблудных вниз, на станцию, – чтобы не пошло лишних слухов о недобдении администрации. Все равно оба «сюрприза» сейчас обморочные, если их даже и притащат, то можно будет тут же спрятать – подальше от глаз «широкой общественности». Александров согласился – все одно охранники, собаки, разболтают... А вот что дальше делать, надо решать, поговорив с обоими – и девушкой, и человеком.

На том и порешили. Выпив по кружке чаю, они пошли будить остальных.

Новость, конечно, была что бомба. Пятаев вскочил, тяпнувшись головой о низкий каркас гостевой палатки, долго шипел, потирая макушку, Логинов с Сафоновым выпучили глаза, Юрков – не иначе сдуру – выдал: «А не врете?»

А потом завертелось.

Резюме, в целом, было прежнее – всенародно объявить о прощении вернувшихся, как искупивших вину и принесших ценные разведданные, и... думать дальше. Чудно все это как-то было. В голове укладывалось плохо.

Ближе к обеду Гацевский выслал в стационарный зал нарочного и затребовал обоих вернувшихся вниз. Нарочный вернулся, полу-

чив вполне ожидаемый отказ от все еще торчащего там командинра добытчиков. И Гацевский успокоился бы, кабы не реакция Питона. Конечно, в том, что он взялся опекать девчонку, не было ничего удивительного – ученице своей он во многом заменял отца, и когда ее решили выслать, старика Зуева было даже жаль. Зная его натуру, Гацевский был уверен, что сейчас добытчик будет трястись над чудом спасшейся воспитанницей, как крокодилица над гнездом с яйцами, – никого не подпустит!

Но что ему за дело до человека?

Гацевский перебрал в уме варианты, но ни один не показался ему достаточно вероятным. Подумав, он махнул рукой: да наплевать, в конце концов! Человек сейчас – на станции и никуда отсюда не денется. А Зуеву все равно отчитываться о походе в Бескудниково. Вот тогда и спросим. Прямо.

Расчет оправдался почти во всем – слухи о том, что «высланная вернулась», поползли по станции уже через полтора-два часа. Еще через час Александров объявил об этом во всеуслышание и озвучил «искупление кровью вины перед станцией и Содружеством, а также добычу с риском для жизни ценных сведений». Шушуканье по углам тут же усилилось, но напряжение спало.

Питон, как и положено, пришел с докладом после обеда. Поздоровался молчаливым кивком, по-стариковски аккуратно присел на стул, коротко и сухо стал докладывать. В Бескудникове все тихо, селитра на месте и пересчитана, дорога свободна. По возвращении на станцию группа его встретила выданных в Алтуфьево человека и Крысю, которые каким-то чудом, не иначе, сумели вырваться от бандитов и вернулись сюда добровольно, несмотря на решение трибунала. Более того, человек хочет снова говорить с Советом о важном и, возможно, взаимовыгодном (тут у Совета недобро засияли глаза) деле. И он, Питон, хоть уже и слышал оглашение Совета по делу вернувшихся, еще раз просит с ними обращаться бережно, а человека – выслушать.

Но о том – позже. К Бескудникову от Бибрева идти нельзя, так как над станцией висит неизвестное нечто, более всего похожее на опустившийся к земле грозовой фронт или туман с колос-

сальной электрической емкостью. По его, Питонову, мнению, выход к Бескудникову следует отложить, а с других станций Содружества выслать разведку ко входным павильонам Бибирова. Кто его, этот туман, знает – убрался он или так себе и висит...

– Вышлем отряд, Капитон Иваныч, не сомневайся, – Юрков грузно встал со своего места, прошелся – два шага вперед, два назад. – Ты нам лучше скажи, что там за предложение у «чистого». Он ведь, ты уж нас извиняй за невольный каламбур, чистый шпион. И вернулся, чай, оттого, что до своих станций один не доберется. Или не так? – голова Юркова чуть склонилась набок, и он стал напоминать хитрую старую птицу.

– А это ты, Семен Василич, лучше у него лично спроси, – Питон тяжело поглядел на председателя. – Тем паче, что он и сам только к вам и рвется. Только уж выслушай парня до конца, имей терпение, не мордуй. По твоему ведь указанию его в прошлый раз чуть ли не под хохлому расписали. А сейчас вон, сам говоришь, «искупление кровью», да «ценные сведения»...

– Ты, Иваныч, не сердись, – Юрков снова распрямился. – Поговорим. Мы ведь не звери. А девочку никто больше пальцем не тронет. Хотя она, Иваныч, имей в виду, – Юрков прищурился, – Кожанова дочка, как оказалось.

На лице Питона изумление сменилось недоверием, недоверие – растерянностью.

– Правду тебе говорю, – голос Юркова был искренне-сочувствующим. – Ты, Капитон Иваныч, к ней как к дочери относишься, это дело известное. Так что прости, а не сказать я тебе не могу.

Питон с кряхтением потер шею, задышал тяжело, медленно.

– Проверенное это дело. Еще раз, Иваныч, прости. Ступай, если хочешь, а нет – так с нами посиди, ты мужик умный, авось чего путного скажешь...

Питон деревянно развернулся на месте.

– Пойду я лучше...

Совет молча смотрел ему в спину. Когда Питон вышел, Александрова будто взрывом подкинуло с места. Он ненавидяще посмотрел на Юркова:

– Семен, ты чего сотворил, а?

– Я, Сережа, что надо, сделал. Ты сам посуди – девочка-то, если прямо говорить, заложницей будет. Зуев бы все равно узнал – рано или поздно. А так – он, глядишь, поменьше упираться станет. Что, не прав я? Прав. Ты ведь лучше меня знаешь, какой Иваныч мужик упорный. Или, может, тебе война со своими добытчиками нужна?.. Ко всему прочему, теперь можно и на Кожана управу найти.

«Господа Совет» переглянулись. Сколько лет они искали средство давления на опасного и непокорного соседа... Теперь же это средство было у них в руках.

...А Питон медленно шел по коридору к выходу в стационарный зал. «Спасибо тебе, Сан Саныч, и царствие небесное!» – который раз помянул он про себя режиссера студенческого театрального кружка, куда – давным-давно, кажется, целую вечность назад, – ходил он, молодой тогда еще парень, Капитон Зуев. Ходил, правда, всего-то один год – зато вон сколько пользы с того вышло. И жену там будущую нашел, и искусство нехитрое актерское хоть немного, но освоил. Умение играть его выручало уже не в первый раз.

Но вот то, что Совету откуда-то уже было известно о родственных связях Крыси, – это было плохо. Очень плохо!

Вопрос: каким образом они-то об этом пронюхали?

Глава 23

ДЖУЛЬЕТТА БЕЗ ИМЕНИ

Спектакль о веронских влюбленных начали готовить месяца три назад. Решившийся «замахнуться на Вильяма нашего Шекспира» амбициозный Артур Сергеевич, художественный руководитель бибиревского самодеятельного драмкружка, решил: уж если готовить серьезную пьесу – так по полной программе и с размахом. Настолько, насколько это в данный момент и в данной обстановке было возможно. Решительный и не признающий никаких условностей «станиславский», не обращая внимания на гневные вопли администрации Содружества: «Людям жрать нечего, а этим, понимаешь, бархатные штаны и золотые канделябры подавай!», – сумел все повернуть по-своему. И вскоре та же администрация отдала распоряжение добытчикам и мастерским станций всячески содействовать «очагу культуры» в подготовке представления. В меру, конечно, не забывая и о своих прямых обязанностях. Но и это уже было прорывом.

Вот так и вышло, что пока актеры разучивали роли, параллельно с репетициями для постановки добывалось все необходимое, шились костюмы, готовился реквизит и декорации. Конечно, все

это было несопоставимо с тем антуражем, которым блистали в своих постановках довоенные театры, но для горстки обитателей подземки и то, что готовилось, уже казалось сказкой. Поэтому слухи о подготовке спектакля по Содружеству ходили самые невероятные. Говорили, к примеру, что костюмы персонажей будут сшиты по старинным, чудом сохранившимся выкройкам и картинкам, да еще из самых лучших тканей, когда-то добытых Наверху и спрятанных в особые, для наиболее ценных трофеев, хранилища. «Бархат», «парча», «шифон» – люди с удовольствием повторяли полузабытые названия и словно пробовали их на вкус. Станции теперь жили в ожидании праздника. Несмотря на то что труппа планировала гастроли по всему Содружеству, на премьеру в Бибиреве хотели попасть очень многие. Пришлось даже ввести – чего не было до этого – входные билеты для жителей других станций и плату за них. Иначе все желающие попасть на премьеру не уместились бы даже на платформе – не то что в том спортзалчике на месте бывшего пошерстного съезда, который театралы делили с добытчиками и военными.

Администрация Содружества и сама не ожидала такого ажиотажа вокруг готовящегося спектакля. Немного подпортили дело и охладили страсти взрывы на поверхности в районе Владыкина и слухи о готовящемся нападении людей. Станции погрузились в подготовку к возможной войне, на время отодвинув на второй план все остальные дела, в том числе и театр.

Однако неунывающий Артур Сергеевич не желал сдаваться. Он по-прежнему собирал актеров на репетиции и по-прежнему носился по Линии, доставая просьбами и проверками хода работ начальников мастерских, где работали в том числе и над заказами от кружка. Те отмахивались от него, ворчали, иногда даже ругались... В такие моменты пух и перья летели просто клочьями, но, как ни странно, все делалось в свои сроки. Поэтому подготовка представления хоть и более медленными темпами, но продолжалась. И впрочем было надеяться, что ему ничто не помешает состояться.

И вот тут-то и подстерегла пробивного худрука досадная и никаким образом не предвиденная неожиданность!

Оказалось, что ни одна из актрис доморощенного театра не годилась для роли Джульетты!

На пробах они все, по его указанию, читали ее монолог над телом Ромео, но все было не то. Театральные дамы играли с разной степенью опытности и мастерства, но ни в одной режиссер не увидел той, классической Джульетты – нежной, эмоциональной, по-детски наивной и порывистой в своих решениях и поступках.

Кроме того, все они не подходили по возрасту. Даже двадцати-трехлетняя Лариса, которую Артур Сергеевич постоянно ставил на подобные роли, казалась ему староватой для юной Капулетти.

Худрук уже готов был по потолку бегать от невозможности воплотить свои замыслы. Скрепя сердце, он все же утвердил Ларису на роль, хотя видел: не то это, не то! Да и она сама признавала, что «не тянет» роль.

Но отменить спектакль было уже невозможно: жернова завертелись.

Театральный кружок репетировал в небольшом зале, который также использовали и добытчики, натащившие туда уцелевших тренажеров из развалин спортцентра недалеко от станции. Там же занимались физподготовкой и военные. Так что время использования помещения было расписано буквально по часам: одни, закончив, уходили, другие – приходили.

Как правило, репетиции драмкружка начинались после окончания тренировок добытчиков. Суровые плечистые парни безропотно покидали зал, даже не стремясь где-нибудь заныкаться, чтобы подсмотреть процесс подготовки представления: Артур Сергеевич имел на этот счет договоренность с Питоном. А тот свои договоренности соблюдал железно!

Правда, не так давно в этом правиле появилось одно исключение.

«Исключение» было щуплой девушкой-подростком, прибившейся в Бибирево с нейтральной Петровско-Разумовской – или, как пышно величали свою станцию сами ее жители, Северного Эмирата. Неизвестно, какими путями и за какие такие заслуги попала она в число добытчиков Содружества, но те почему-то отно-

сились к ней очень даже серьезно. Хотя и выглядела девочка среди них сущим недоразумением.

Звали эту юную особу Крысей, и, если Артур Сергеевич что-то понимал в порядках, заведенных в Эмирате, имя это было не настоящим. Точнее, настоящего-то имени у девушки как раз и не было. У себя на станции она была чем-то вроде парии, отверженной и безымянной, и неудивительно, что в конце концов она оттуда ушла.

Так вот, однажды театралам для очередного концерта понадобилось раздобыть Наверху... куклу. Худрук пошел с просьбой о содействии к Питону, но у того большая часть отряда в данный момент охраняла караван, отправившийся в Бескудниково за селитрой. А те, кто оставался на станции, отдыхали после вылазки.

Артур Сергеевич приуныл было, но командир добытчиков похлопал его по плечу и посоветовал не раскисать. Будет, дескать, вам и белка, и свисток, и даже кукла!

— Найди-ка мне Крысю, — окликнул он одного из новичков, которых еще не выпускал на Поверхность. — Задание для нее есть.

Минут через двадцать в спортзальчик примчалась коротко стриженная девушка в потрепанном мешковатом свитере и многокарманных, как у всех добытчиков, брюках. Вытянулась перед Питоном, выжидательно глядя на него широко раскрытыми черными глазами.

— Задание тебе есть, Крысь, — без обиняков начал командир. — Поройся там, Наверху, и добудь куклу. Драмкружку нужно, для концерта. Все верно? — обратился он к худруку.

Тот кивнул, с некоторым недоумением (он тогда видел ее впервые) рассматривая девушку, которая была слишком юна и хрупка с виду, чтобы быть добытчиком. Но Питон разговаривал с ней серьезно, и она столь же серьезно смотрела на него. А потом коротко кивнула:

— Есть!

И тут же повернулась к Артуру Сергеевичу:

— Вам какую именно куклу надо?

— Гм... — прокашлялся тот. — Наверно, любую, но если вдруг попадется пупс в виде младенца и тех же размеров — это будет то, что надо.

— Хорошо, буду искать — снова кивнула девушка.

Она ушла, и худрук с сомнением посмотрел на Питона. Тот подмигнул:

— Наш лучший специалист по добыче мелких, мало кому нужных, но иногда очень необходимых ценностей. Достанет она тебе куклу, будь уверен!

Девушка-добытчица вернулась примерно через сутки. Так вышло, что во время ее прихода у театралов как раз шла одна из первых читок «Ромео и Джульетты». Выдернутый из зала режиссер нахмурился было, но, увидев протягивающую ему большого щекастого пупса юную добытчицу, мигом подобрел.

— То, что надо! — заявил он, рассматривая кукленыша. Потом спохватился.

— Мы же не обговаривали плату! Сколько ты хочешь?

Крыся смущилась, отвела взгляд в сторону и, неловко помявшись, вдруг тихонько попросила:

— А можно мне... посмотреть?.. — она кивнула на расчищенный от тренажеров пятак «сцены». — Хоть капельку?

Что-то было в ее глазах и голосе такое, что непреклонный, стравшийся не допускать присутствия на репетициях посторонних худрук разрешил.

— Только присядь где-нибудь в сторонке, — предупредил он. — И чтоб ни звука мне!

Девушка просияла и торопливо закивала.

С тех пор она всеми правдами и неправдами стремилась оставаться в зале после тренировок, чтобы посмотреть на репетиции. Сперва Артур Сергеевич сердился на нее, пытался гонять... но потом махнул рукой. Крыся была настолько незаметна и неслышна в своем уголке, что о ее присутствии театралы совсем не думали. А однажды даже забыли и, уходя после репетиции, нечаянно заперли ее в зале.

Так бы продолжалось и далее, но однажды, в конце одной из репетиций (Крыся на этот раз отсутствовала — ушла Наверх за

книгами по заданию самого же Артура Сергеевича), худрук в очередной раз поругался с Ларисой. Молодая и почему-то напрочь лишенная сценического апломба «прима» в который раз в отчаянии заявила, что «не тянет» романтическую роль, что хочет играть какую-нибудь «пятую фрейлину в дальнем от трона углу», да и вообще ей куда лучше удаются комедийные персонажи и «всякие там бабы-яги».

С последним трудно было спорить, но худрук все-таки принялся увершевать девушку, призывая ее образумиться.

– В конце концов, ты знаешь, что кроме тебя некому играть Джульетту, остальные вообще не подходят! А у тебя-то хоть возраст более-менее соответствует!.. Ну вот скажи мне: где, где я тебе чуть ли не накануне генералки найду такую девушку, чтобы и возраст, и талант, и фактура?..

– Тоже мне проблема! – фыркнула Лариса. – Да вон, этот твой талант с фактурой чуть ли не каждый вечер торчит в зале, только ты его в упор не замечаешь!

– Кто торчит в зале? – грозный режиссер невольно огляделся по сторонам, а потом до него дошло. – Крыська? Крыська-добытчица? Ты обалдела, что ль? У нее ж ни рожи, ни кожи, да и...

Внезапно режиссер запнулся на полуслове и умолк. Он вспомнил редкие встречи с юной добытчицей. С того самого первого задания он теперь довольно часто поручал ей раздобыть что-либо Наверху для театра. Принимая заказы, девушка всегда вела себя сдержанно, по-деловому, как взрослая, но что-то было в ней такое... такое...

– Ну? – прищурилась Лариса. – Язык проглотил? Тогда я тебя добью: не так давно, когда все наши уже ушли после репетиции, я вспомнила, что забыла на сцене тетрадку с текстом роли. Так вот, вернувшись в зал, я застала там Крысю. Как думаешь, чем она там занималась?

– Чем?

– Читала по моей тетрадке монолог Джульетты на балконе! Вслух! И, между прочим, весьма недурно читала! И даже почти не заглядывая в текст! Так что я бы на твоем месте к ней пригляделась и устроила ей прослушивание!

— Гм... — задумался Артур Сергеевич. — Прослушивание?.. — он потер начинаящую лысеть макушку. — Ну ладно. Уговорила. Вот вернется из рейда — устрою ей кастинг.

Однако планам этим не суждено было сбыться. Крыся вернулась из вылазки за книгами не одна. Притащила с собой не только заказанные сочинения драматургов, но и лазутчика из «чистой» части Метро, маскировавшегося под добытчика-сталкера. Их схватили и посадили под замок. А потом судили и приговорили к изгнанию в Алтухи, что было равносильно смерти.

Артур Сергеевич готов был выть от бессилия и досады. Потому что во время трибунала ему внезапно и без прослушивания стало ясно: вот она, его Джульетта! Та самая тринадцатилетняя девочка, которую он все никак не мог увидеть в актрисах драмкружка! Но у него на глазах эту девочку отправили в изгнание, фактически — на казнь, и его грандиозные творческие планы так и остались плачами. И сам он ничего не смог противопоставить неумолимой воле суда, вырвавшего у него буквально из-под носа быть может талантливейшую актрису! Не посмел отстоять ее, не смог избавить от неизбежной расплаты, полагавшейся предателям и изменникам Содружества.

Каково же было изумление и радость худрука, когда спустя пару суток он услышал от сменившихся охранников шлюза сногсшибательную новость о возвращении, казалось бы, потерянной навсегда «Джульетты». Ее и ее приятеля, как он понял из разговоров окружающих, привели Сверху Питоновы добытчики, и их появление каким-то боком касалось готовящегося нападения «чистых».

Все это волновало счастливого Артура Сергеевича, как политическая обстановка в довоенном Гондурасе. Он наконец-то обрел возможность сделать свой спектакль, свое детище таким, как ему хотелось. И теперь не собирался ее упускать!

Глава 24

ДОЧЬ ВРАГА

После разговора с Советом прошла неделя, и дела в Бибирове потекли своим неторопливым чередом. Из Отрадного, как было решено, была отправлена к Бибировским павильонам разведка и, не обнаружив никакого тумана, счастливо вошла через них на станцию. Следующей ночью отправился в Бескудниково рабочий отряд с машиной, и тоже все было тихо – и селитру привезли, и кого-не-надо не встретили. Совет шебуршился в релейной, в десятый раз обсуждая текущую ситуацию, а станция жила себе потихоньку...

Питон наконец позволил себе немного «выдохнуть». Напряжение первых дней отчасти спало: нового судилища, которого он, не смотря ни на что, опасался, не произошло. Совет вел себя мирно и даже вроде бы заинтересовался предложением человека, которого спокойно выслушал. Промаявшись несколько суток почти без сна, Питон сильно устал. Когда, наконец, стало ясно, что опасность репрессий над вернувшимися если не миновала, то пока отступила, он поддался на уговоры жены – оставил заместителем

Сивого и взял «выходной». Мария Павловна, увидев осунувшееся лицо мужа, только всплеснула руками, а он, едва присев на матрац, тут же уснул и проспал сразу сутки. На другое утро Питона уже ждала большая миска свиного бульона и гороховая каша с грибами.

— Старый, ты чего с собой творишь? — жена сидела на табурете рядом с постелью и пристально смотрела, как Питон, обжигаясь, хлебает горячее варево. — Ты думаешь, мне за девочку не было страшно, а? Только сейчас за тебя еще страшней! Ты еще раз так умотаешься — тебя ни у нее, ни у меня не будет! — голос ее дрогнул, по полноватой щеке пробежала слезинка. — Вон, аж глаза ввалились...

— Маша... Ну ты чего? — Питон отложил ложку в сторону, протянул руку и тронул жену за запястье. — Машунь...

— Ешь ты, леший... — Мария Павловна чуть всхлипнула, утерла глаза. Ее пальцы опустились сверху на ладонь мужа. — Саша вон говорит, что у тебя сердце маленько пошаливает... А ты тут прыгашь, ровно молодой.

Питон ничего не сказал, просто поглядел на жену с усталой улыбкой. И она промолчала, вздохнула только. Она все понимала.

После обеда он сел чинить свою одежду. Будучи в довоенной еще жизни походником, Питон все снаряжение и обмундировку всегда выбирал, обихаживал, а то и переделывал сам. Самому же с нею ходить... Мария Павловна, сама рукодельница, бывало, часто посмеивалась, шутливо бранясь на мужа: «Кто опять мои иголки попрятал? Леший, вертай все назад, где было!» Он, тоже шутливо, отмахивался: «Маша-растеряша... Сама потеряла, а я — ищи?» Дел сегодня было немного: на куртке рукав подшить, да подклейте ботинок — неделю назад еще арматурой пропорол голенище, пока по Верху с Малышом лазили. Хорошо, нога цела осталась... Питон как раз успел продеть в иголку толстую темно-зеленую нитку, когда по раме палатки постучали.

— Капитон Иваныч... — осторожно позвал знакомый голос.

— Я за него, — Питон поднял глаза. — Входи, Петро. Чего там стряслось?

Полог на входе откинулся, и через «порог» шагнул Петро – добытчик из Просторовской группы. Вид у него был немного смущенный.

– Ничего, Капитон Иваныч, не случилось, в порядке все. Мы тут просто нашли кой-чего. Вроде ваша? – Петро протянул руку, и Питон увидел в ней потертую армейскую панаму. Вид у нее был ну очень знакомый.

– Мое, Петь, спасибо! – Питон взял панаму, расправил. Ну, точно его, вон и шов, самолично положенный, на тулье. – А я уж думал, с концами ее потерял, ветром наверху сдуло. – Он повеселел. – Где нашли-то?

– Не поверите, Капитон Иваныч, – Петро недоуменно улыбнулся, – у гермодвери снаружи лежала, на полу. Ровно кто специально подбросил. Простор глянул и сразу говорит, мол, ваша пропажа.

– Моя, моя... И правда, чудеса. Не иначе, домовой у нас завелся, – Питон покрутил панаму в руках, потряс. Это была его панама, безо всякого сомнения, и ничего особо подозрительного в ней не было.

– Да мы тоже смотрели – вроде бы без подвохов... Фонить не фонит, и помереть от нее никто не помер, – Петро хохотнул, но как-то напряженно. – Простор велел вам снести, ваша же. Хотя по мне, Капитон Иваныч, выкинуть бы ее надо.

Питон еще раз внимательно поглядел на панаму. Хмыкнул.

– Ладно, Петро, спасибо и тебе, и Простору. Разберемся, кто это у нас тут чудит.

Добытчик улыбнулся, козырнул и вышел. А Питон отложил иглу в сторону и придинул поближе стоячий диодный фонарик. Когда в давешний выход воздушный удар повалил почти всю группу, будто городошные чурки, на землю, он даже не заметил, куда унесло его панаму. Ветер дул в лицо, так что могло ее, конечно, и в переход занести. Однако все равно чудно. Он вышел из палатки, дошел до жерла туннеля и несколько раз тряхнул находку на сквозняке. Фонит, не фонит, а пыль повыбить нужно.

Уже идя обратно домой, Питон заметил вдруг маленькую деталь, которая для несведущего человека не сказала бы ничего, а его самого заставила внимательно прищуриться. Подкладка панамы была пришита грубоатым неаккуратным швом. Не его швом.

Так...

В палатке, за столом, он снова осмотрел найденную вещь самым тщательным образом. Помял, пробуя шов и подкладку на ощупь, – ничего. Оставалось одно средство. Питон взял со стола жены маленькие острые ножницы – ими Маша распарывала неудачные швы – и начал срезать коричневые грубые стежки. За подкладкой обнаружился кусок белой ткани, частью панамы явно не бывший. Питон вытащил его, перевернул – и увидел буквы, написанные синим химическим карандашом:

«Надо поговорить за нашу девчонку. Дело нешуточное. Сам понимаешь, добра ей ни у вас, ни у нас не будет. Жду в 20-м доме по Костромской, 3 подъезд, на этой неделе в среду, субботу и воскресенье до 4 утра. Не придешь – оставь записку в почтовом ящике номер 119. Я один буду, и ты один приходи. Увижу тебя – сам выйду. Стас».

Питон глубоко вдохнул и надолго задержал воздух в легких. Вот тебе и панама. Он еще раз перечитал записку и торопливо спрятал ее в карман. Вот уж от кого он точно не ожидал весточки... А по всему выходило, что написал эту записку Стас Кожин, всем известный как Кожан, вожак вражьего алтуфьевского стана и старинный, с довоенных еще времен, Питонов недруг.

...По образованию оба они – и Капитон Зуев, и Стас Кожин – были зоологи, даже учились когда-то вместе в Тимирязевке. Не сказать, чтобы дружили, и не сказать, чтобы враждовали, скорее, дела им особого друг до друга не было. И все было хорошо – до первой учебной экспедиции.

Так как большинство наук только по книгам не выучить, почти во всех больших ВУЗах студентов биологических специальностей летом отправляли на экспедиционную практику, изучать природу «в поле», в натурном, живом виде. Иначе какие из них специалисты? Курам на смех. Практика – дело долгое, с месяц, а база для

нее обычно – глухой угол при заказнике или заповеднике, где природа нетронутая. Так и уехал тогда весь их курс в Мартыновку, за двести километров от Москвы. Старые, еще двадцатых годов прошлого века, домики из толстых бревен, озера проточные, лес густой...

Студенты заселили биостанцию, начались бесконечные походы на сбор гербариев, ловлю насекомых, наблюдение птиц. А под боком у станции – само село Мартыновка. Большое село, из конца в конец идти минут двадцать. Каждое лето у жителей Мартыновки, с тех самых былинных двадцатых годов, приезд студентов – развлечение. Старшим забавно посмотреть на чудных людей, смешно машущих сачками посередь покоса, бранящихся латынью, но с выпученными глазами глядящих на самую обычную корову. Да и самогонки студентам завсегда можно продать... У молодых же – свое веселье. Девчонкам танцы – студенты под вечер вечно музыку гоняют новую, парням – за городскими девицами поухлестывать, да перед ребятами из города пофорсить, а то и рожи им начистить – мол, знай наших, худорода городская! Настоящие-то мужики, они знамо дело где – в деревне! Извечное соперничество, в песнях прославленное... Все это за почти восемьдесят лет стало традицией. А вообще, всякое за это время было – и пожары лесные вместе тушили в заказнике, и враждовали так, что только пух и перья летели. И никогда не угадаешь, чем кончится очередное лето.

В тот раз все началось с того, что Стас Кожин как раз собрался за самогоном. За первую неделю все привезенное с собою «топливо» кончилось, а брать резко, раза в три, подорожавшую с приездом студентов водку в «чипке» было слишком накладно. Дождавшись вечера, Стас пошел «на дело», благо идти было недалеко – ближайшая «самогонная изба» стояла минутах в десяти от биостанции. И он пошел в чем был, понадеявшись на вечерние потемки, – а были на нем тертые джинсы, майка с «Алисой», напульсник с шипами и заклепками... Плюс – для комплекта – длинный рокерский хайр, стянутый на затылке резинкой в хвост. Пока бродил по ночному уже селу, наткнулся неожиданно на двух слег-

ка «веселых» деревенских, которым вид городского сразу не глянулся. Слово за слово, «не так летиши, не так свистиши»... Кожин, сам по происхождению деревенский и жизнью городской-неформальской уже третый, быстро смекнул, к чему дело движется, и, с лету треснув первого блюстителя патриархальной моды по физиономии, увернулся от второго и ринулся обратно.

Деревенские, не ожидавшие такого развития событий, заорали, засвистели, и им отозвалась еще полдюжины глоток с соседних улиц. Стас понял, что дело плохо. К биостанции он в итоге вылетел не пойми как, в пыли и пене, с подбитым глазом, растрепанным «хвостом» и в разодранной майке, а за спиной слышался вой погони. Крики деревенских и топот Кожина разбудили биостанцию – загорелись окна, захлопали двери, студенты с преподавателями высыпали на улицу. Погоня, услышав гомон, остановилась у забора, поорала матерно и тихонько канула обратно в ночь. Но и Стасу скрыть последствия похода не удалось – разбор полетов был с начальником практики и кончился выговором. Деревенскую же делегацию на выходных не пустили на танцы. На этом было все и кончилось, но вмешались взрывной кожинский характер и извечная склонность молодежи к браваде. Кто-то из обиженных отказал мартыновских – видимо, один из участников погони – узнал Стаса и витиевато обложил его в четыре этажа, а вместе с ним и всю практику. Деревенские сначала выслушали его, задержав дыхание, но потом для вида зашикали, чтобы за такую чечетку не быть вовсе от танцев отлученными. А Стас крикун запомнил... Два следующих дня он по вечерам, переодевшись неброско и безжалостно обрезав свой приметный хайр, ходил по Мартыновке и выглядывал охальника на улице. А на третий вечер подстерег его, махом связал куском рыболовной сети и сунул лохматой башкой в навозную лепеху.

После этого война приобрела новый оборот. В дело вмешались уже тридцатилетние старшие братья нынешних молодых еще хулиганов, и разрозненные шалопайские шайки обрели атаманов. Начались форменные диверсии, уже довольно серьезные, с подстереганием у магазина, ночными набегами на экспедиционные

домики, особенно стоящие на отшибе, – вломились кучей, намяли бока, кому смогли, и тут же убежали. Студенты перестали ходить за забор поодиночке, а ночами, с вечера и до глухих предрассветных часов по территории станции ходила вахта с палками, обломками весел и выдранными из спинок старых кроватей стальными прутьями. Повисло напряжение. Так прошла еще неделя, после чего биостанция отрядила в Мартыновку парламентера – старшего препаратора Иван Иваныча Гребешка. Тот проработал на станции и практиках лет тридцать, знал половину деревни и был заслуженно уважаем аборигенами. Как он вел переговоры – загадка, но после его похода набеги прекратились.

Перемирия хватило на два дня. Виной тому снова оказался Стас.

Станция, как уже говорилось, стояла на озерах, а озера считались уже частью заказника «Мартынова засека». Рыбачить сетью там было запрещено, однако местные, самым обыкновенным образом, рыбку полавливали и на запрет особого внимания не обращали. Егерей в заказнике не водилось – девяносто седьмой год на дворе, – но зато студенты с преподавателями иной раз натыкались на сетки и снимали их. Обычно местные являлись за пропавшими сетями на следующий день, просили обратно, обещали «не озоровать». Сети возвращались и ... чаще всего на следующий же день снова отправлялись в озеро, до очередного съема.

Стас же в этот раз просто порезал сети в мелкую сечку.

Начальник практики взялся за голову. Теперь, похоже, обиделись и те, с кем вел переговоры старик Гребешок. Село на день погрузилось в мрачное предгрозовое молчание. А потом, ночью, неизвестные спалили продуктовый склад и попробовали поджечь столовую. Пришлось вызывать милицию. Практика встала.

Спрашивается, а при чем тут Капитон Зуев, будущий Питон? Зуев был в группе Кожина старостой. С детства приученный, что «делать надо все так, как положено», он искренне не понимал и не принимал буйного и бескомпромиссного кожинского анархизма, живущего только «здесь и сейчас» и действовавшего по праву сильного. Когда из-за Стаса на биостанции появились избитые, а

практика затрещала по швам, Капитон решил Кожина в очередной раз образумить... Подрались они тогда крепко. С тех пор и началась вражда – сначала проявлявшаяся в малом, через пять лет она переросла в искреннюю взаимную ненависть. Жизнь их потом развела – нелюдимый Стас уехал работать в Тверскую область, поближе к родне, а Капитон остался в Москве – аспирантом, ассистентом, а потом и старшим научным сотрудником кафедры, иска колесив по долгу службы всю европейскую часть страны.

Спустя еще десять лет судьба (тетка со странным чувством юмора) опять свела их вместе: в момент Удара оба случайно оказались в метро, да не просто на одной ветке – почти на одной станции! И все завертелось по новой.

Записка искренне застала Питона врасплох. Конечно, после рассказа Крыси об альтуфьевских делах, он в глубине души ждал, что Кожан рано или поздно попробует навести справки о дочери, но думал, что действовать тот станет исподволь, осторожно. И уж точно не через него – врага. А тут...

Зуев пододвинул к себе газовую горелку, затеплил маленькое синее пламя. Чайку сейчас выпить самое время и покумекать, как положено.

О том, что прибившаяся к добытчикам Содружества импульсивная и непоседливая девчонка-полукровка может быть Стасовой дочерью, Питону в первый раз сказала жена – сначала как шутку. Мол, такая же напористая и самовольная, как этот, как его... Кожин который, да и внешне похожа чем-то. Питон тогда только рассмеялся, но потом нет-нет, да и начал приглядываться к девушке. И тоже заметил: лоб, глаза, брови – в лице воспитанницы явственно проступали знакомые черты. Когда же он услышал короткую историю жизни Крыси, в те времена настойчиво искавшей своего блудного отца, то почти уверился в мысли – перед ним Кожанова дочь. А «белый скавен» среди добытчиков из, как тут уже тогда выражались, «белого племени» был, пожалуй, только один – Стас всю жизнь был бледный, да и поседел после того, как понял, что родные погибли. Быстро поседел, за месяц... Понимание, что Крыся – дочь старинного недруга, ничуть не

ухудшило отношения Питона к девушке. Пожалуй, даже наоборот, он стал относиться к ней бережнее – как к еще одной жертве, от Кожана пострадавшей. В том же, что у того могут проснуться отцовские чувства, он сильно сомневался. Скорее всего, Кожан и знать не знал про дочь. Однако есть, видимо, Бог на небе... Никогда не видевший дочку Стас узнал и признал ее. И взялся вытягивать, самым откровенным образом рискуя собственной шкурой. И не одну вытянул – вместе со злосчастным этим Востоком, к которому девочка прикипела.

Питон снял кружку с огня и посыпал в нее не грибного, а самого настоящего травяного чаю. Подперев голову, он смотрел, как медленно тонут в кипятке сморщеные сухие листочки иван-чая и темнеет настой, из бесцветного становясь зеленовато-золотистым. Питон думал. В том, что написал записку Кожан, сомнений почти не было – у всех остальных, кто знал о происхождении девочки, не имелось для этого ни возможностей, ни надобности. И фокус с панамой мог провернуть только он: заметить, куда ее унесло ветром, а потом подобрать мог только тот, кто был в ту ночь снаружи, кто все видел и кто не спустился после воздушного удара на станцию. Таким человеком мог быть только Стас. Видать, он либо тайком шел за своей дочкой по городу, что маловероятно – беглецы-то на машине были, либо понял, почуял, куда они могут в итоге пойти, и поджидал их у станции. По всему выходит, что автор записи – однозначно Стас.

«Это что же получается – все то время, пока я разговаривал у павильона с ребятами, Кожан за нами... наблюдал?.. – внезапно мелькнула огорожившая старого добытчика мысль. – Интересно, где он тогда прятался? И... как сумел выжить после наплыва этой чертовой тучи?..»

Питон сделал осторожный глоток. Чай был горячий, чуть горьковатый, душистый. Едем дальше... А что, если записка все равно – уловка? Нет, тоже не похоже. Нет у Стаса другой ниточки на станцию – кроме него, Питона. И смысла сейчас счеты сводить ему тоже нет. Он весь сейчас дочерью жив. Иначе не было бы ни побега этого, ни чудесного возвращения. И ведь как ловко, стер-

вец старый, придумал, как своих разыграл – и как только выдержки ему хватило? Впрочем, в опасную минуту у Кожина голова всегда хорошо работала...

Питон отпил еще глоток.

Оставался крайний вопрос. Стоит ли вовсе с Кожаном связываться? Тридцать с перерывами лет если не вражды, то противостояния – чего-то да значат. Кожан был неприятель умный, хитрый, упорный, изворотливый. И безоговорочное примирение было совсем не в его стиле. Да и что может еще сделать хорошего главарь разбойного гнезда, которое как шило в боку у всей ветки? Однако стройную картину рушили все те же недавние события. За спасение дочери Кожан взялся со всей присущей его взрывной натуре страстью, не жалея ни сил, ни средств, ни себя самого и откровенно рискуя своей шеей. И опять же: «добра ей ни у вас, ни у нас не будет...». Что верно, то верно. Питон взъерошил короткие волосы на макушке. В Алтуфьеве у Совета явно был лазутчик. Иначе узнать о родстве девушки с Кожаном они не могли никак. И узнали явно после того, как отправили ее с человеком на обмен. Что теперь? А теперь, видимо, роль у Крыси будет одна – заложница. На логику Совета это очень похоже. Такой шанс они точно не упустят. Один раз не побоялись отправить на гибель – и второй не испугаются. Ради общего же, мать его, блага!.. Питон стукнул кулаком по столу, чашка подпрыгнула и брякнула. И под надзором они ее сейчас держат, как под колпаком, не для того, чтобы станционные вернувшуюся «предательницу» не удавили. Чтобы самим удавить, когда надо будет.

В висках у Питона застучали барабаны. Он стиснул зубы, захмурился и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Раз... и два... Раз. И два. Вот так... Злость отпустила. Зуев осторожно взял чашку почти с самого края стола, одним медленным глотком допил содержимое. Что же это у нас, Капитон Иваныч, получается? А получается, что на предложенную врагом встречу идти надо. И не позднее среды!

Глава 25

ЛЮДИ И КРЫСЫ

— А все-таки, как появились скавены? — спросил Восток. И тут же поправил сам себя:

— Если это, конечно, не закрытая тема для ваших станций. То есть, во всех смыслах закрытая.

Они сидели в отведенной вернувшимся изгнанникам местными властями для жилья подсобке около кассы — он и медик добытчиков. Как раз ожидалось прибытие группы с поверхности, так что Михайловский (или среди своих — «Борменталь») привычно явился на свой рабочий пост, а заодно и заглянул «на огонек» к подопечным Питона. Как-то так сразу, официально не ставя об этом в известность Совет и даже не сговариваясь между собой, добытчики и их командир взяли шефство над своей блудной колледжей и ее другом из вражеского стана. И теперь те, кто оставался дежурить на станции, бдили еще и затем, чтобы никто посторонний к «гостям» не совался. Исключение было сделано только для руководителя драмкружка, который все же вытянул из Совета разрешение Крысе играть в спектакле главную роль.

Впрочем, и Питон, и Восток, и даже сама Крыся (от природы отличавшаяся некоторой легковерностью по отношению к окружающим) были уверены в том, что разрешение это было дано не просто так. Наверх добытчицу теперь не выпускали и постоянно ненавязчиво «пасли», едва она только появлялась на территории станции. Совет явно опасался, что она втихаря сбежит, воспользовавшись своими «тайными лазами». А так хоть все время на виду будет, пока там свою Джульетту репетирует!

О том, что Совету известно, кем она приходится вожаку разбойного Алтуфьева, Питон сначала решил ей не говорить. Но потом, здраво поразмыслив, все же уведомил. Равно как и о роли ценной заложницы, что ей теперь была уготована на станции. Предупрежден – значит вооружен.

– То-то я и думаю, чего меня все время «пасут»? – только и сказала девушка, выслушав его. – И Наверх не пускают, все предлоги выдумывают... а то и вовсе без предлогов. Все теперь с ними ясненько! – взгляд ее вдруг на мгновение стал каким-то цепким, колючим, недобрый... И живо напомнил Питону и Востоку, чья она дочь.

После опасного приключения Крыся как-то очень сильно – на взгляд тех, кто знал ее достаточно хорошо, – изменилась. Куда-то девался тот порывистый и порой не в меру эмоциональный «мультишный персонаж», как иногда называли ее старшие коллеги-добытчики. Девушка стала спокойнее, молчаливее, строже. У нее даже характер движений изменился – стал более сдержаным и осторожным. И взгляд...

– Повзрослела девочка... – вздыхала Мария Павловна, приходя в их комнатушку с котелком грибной похлебки или еще какой-нибудь непрятательной метрошной снеди. И все норовила впихнуть в Крысю лишний кусочек или ложку еды. Та в свою очередь тоже вздыхала, но покорно подчинялась радушной и властной заботе супруги своего командира. А в прежние времена, как узнал Восток со слов той же Марии Павловны, она ежом ощетинивалась и огрызалась на подобного рода внимание к своей персоне.

Подумав немного, сталкер предположил, что у Крыси, скорее всего, произошла переоценка отношений с близкими людьми. Та самая, когда после какого-нибудь судьболовного события спохватываешься и понимаешь, что в любой момент может не стать либо тебя, либо их. А значит, надо ценить каждый миг близости, не корчить из себя гордое и независимое существо и терпеливо, с благодарностью принимать их заботу по отношению к себе, какой бы навязчивой и надоедливой она тебе ни казалась.

Во время пленения «шпиона и предательницы» Мария Павловна отсутствовала на станции – ездила во Владыкино навещать семью сына. В свое время Капитон настоял на том, чтобы Егор, нашедший свою «половинку» на другой станции, переселился из Бибирева к супруге. Сын пошел по стопам отца – стал добытчиком, но Питон никогда не брал его в рейды в составе своей группы. Прежде всего из-за того, чтобы даже невольно не выделять его среди остальных, заботясь о нем больше, чем о прочих своих подчиненных. Ну и чтобы оградить командиров других групп даже от неосознанного желания лишний раз подстраховать сына начальника. Проще говоря, Зуев-старший не хотел «разводить кумовство» в рядах бибиревских добытчиков. Потому и отправил единственного сына в «автономное плаванье».

Крыся не зря говорила Бостоку, что Питон был суров, но справедлив.

Вернувшись из гостей, Мария Павловна узнала со слов мужа о происшествии на станции. И, поскольку сама относилась к Крысе если не как к дочке, которой у нее не случилось, то вполне по-родственному, очень переживала, беспокоясь за ее судьбу. Она даже поругалась с парой соседок, когда отстаивала доброе имя юной воспитанницы мужа.

Но не в власти было вернуть девушку обратно в Содружество.

Вот почему, когда случилось эпохальное возвращение изгнанных, Мария Павловна (или, как за глаза называли ее добытчики, Мадам Питониха) с решительностью матери большого семейства взяла их под свое крыло. И Питон, которому пришлось решать множество самых щекотливых вопросов, связанных с нынеш-

ним статусом этой парочки для всего Содружества, и с легализацией их пребывания на станции, облегченно вздохнул: супруга была именно тем надежным тылом, на который он всегда мог положиться без раздумий. И если уж она взялась опекать ребят, то все с ними будет в порядке.

Именно Мадам Питониха ободрила Крысю, когда та была вынуждена спуститься из их убежища в кассовом зале (Восток полу-ехидно–полусерьезно обозвал его сперва резервацией, а потом – гетто) на станцию и на виду у ее жителей пройти через всю платформу в актово-спортивный зал на первую в ее жизни театральную репетицию.

— Вот сейчас они мне улыбаются... — нервно стискивая пальцы в замок и косясь в сторону двери, сетовала новоиспеченная актриса, — а несколько дней назад живьем растерзать были готовы. Я смотрю на их сейчас приветливые лица, а вижу... перекошенные от ненависти и злобы рты... Тетя Маша, мне... я боюсь туда идти! Как вспомню... как они...

Она даже не осмеливалась выходить хотя бы в кассовый зал и все это время почти безвылазно сидела в отведенной «разведчикам» (так теперь на станции величали их с Востоком) подсобке.

Как уж супруге Питона удалось убедить девушку преодолеть свой страх перед жителями станции – Восток так и не понял. И не узнал. Потому что его попросили немного «погулять», пока идет «сугубо женский» разговор. Он не стал спорить и ушел к германам – перекинуться парой-тройкой слов с дежурной шлюзовой бригадой.

Вскоре Крыся стала уходить на свои репетиции, сперва в сопровождении кого-то из достойных доверия знакомых, затем, набравшись храбрости, и одна. Восток в такие вот моменты оставался в одиночестве и отчаянно скучал, не зная, чем заняться. Ему-то по станции передвигаться пока не разрешали.

Ну, ясен пень! Хоть и реабилитированный в глазах местных, но все же чужак.

Так и получилось, что однажды сталкер в такие вот томительные часы ничегонеделания разговорился с пришедшим на пост

Борменталем на какие-то околонаучные темы. И с тех пор – к вящему удовольствию обоих – такие беседы стали происходить ежедневно.

Вот и сейчас. Крыся отправилась на свою репетицию, а у Востока с Борменталем завелась очередная научно-философско-познавательная беседа.

– Так все же, как появились скавены?

Александр Борисович Михайловский до войны был ученым. Окончив санфак Первого Медицинского, он тихо работал в отделе общей вирусологии института полиомиелита, пока не грянула война. Медики в подземелье были наперечет, и Михайловскому пришлось стать практикующим врачом. В душе он, однако, так и остался старшим научным сотрудником лаборатории патоморфологии вирусных заболеваний. Эпидемия и последовавшие за ней изменения у переболевших сначала поставили его в тупик и ступор. «Ну не бывает так! – твердил он сам себе. – Не бывает потому, что быть не может. Или... все-таки бывает?..» И у Михайловского возникла гипотеза, которую экспериментально проверить он не мог по вполне понятным причинам. Поэтому оставалось только раз за разом подвергать ее мысленной оценке. За несколько лет все слабые стороны были тщательно проверены и исключены, а гипотеза засияла. Именно ее сейчас Борменталь и излагал Востоку.

– Это, молодой человек, всего лишь мое предположение. Но других гипотез у нас нет, так что придется верить этой... Я думаю, что причиной всему – ретровирус. Вирус вообще – это такая, с позволения сказать, молекулярная машина. Он проникает в клетку и захватывает все ее системы – синтез энергии и белка, обмен веществ и прочие – и направляет их на одно – на воссоздание таких же, как он. Вы смотрели до войны фильм «Терминатор»? Вот, немного похоже, как если бы такой терминатор проник на завод, выпускающий, скажем, автомашины, заменил собой его директора и перестроил этот завод на выпуск одной-единственной продукции – таких же, как он, терминаторов. Наша клетка – это завод, а вирус – терминатор. Понятен принцип? Хорошо.

Ретровирусы – это такой особый тип вирусов. Я на них останавливаюсь подробно не буду. Там особенности касаются путей репликации, самокопирования то есть, но это не суть важно сейчас. Просто знайте, что они есть. Всякие вирусы – и ретро, и нет – могут, кроме прямого захвата клетки, тайком встраиваться в ее геном. Вроде бы клетка и здоровая, но где-то в глубине ее ДНК сидит генетическая информация врага-вируса. И главное, что если зараженная клетка размножится, поделится, то и у каждого ее потомка будет своя копия враждебного генома. И вот, видимо, такой вирус циркулировал в популяции наших местных крыс. У кого-то из животных он вызывал острое заболевание, от которого крысы гибли, а у большинства – просто встраивался в геном пораженных клеток, вызывая латентную, то есть скрытую, находящуюся в неактивной форме, инфекцию. Но встраивался он не абы где, а поражал, скорее всего, преимущественно клетки мышц и слюнные железы.

Тут надо знать, что встраивание вируса – дело не безобидное и не простое, он может заставить какие-то гены заработать, какие-то замолчать... К чему это я? А к тому, что встраивался наш вирус, видимо, так, что вызывал гиперплазию – увеличение мышечной массы, рост мышц. И у крыс это проявлялось непомерным увеличением массы тела, уродствами... Помните довоенные же байки про трехметровых крыс в московском метро? Три метра – это, конечно, перебор, но, видимо, дыма без огня не бывает. Когда у нас случился крысиный набег, то нападавшие крысы тоже были весьма не маленькие. Некоторые с зайца...

Борменталь ненадолго замолчал, снова переживая в душе те жуткие, наполненные кровью, смертью и ужасом дни, повергшие в хаос этот отрезок Серой ветки. А Восток вспомнил, как они с Крысей прятались в подземелье от такой вот, как описывал медик, крысы-мутанта и скавенка заметала их следы, пользуясь порошком каких-то отбивающих нюх трав. Как гораздо позже она объяснила ему, это был обычный красный перец, найденный ею в развалинах какого-то магазинчика. Свойства его Крыся обнаружила случайно – сунув любопытный нос в пакет... Пока чихала –

сообразила, как можно применять эту «жгучую дрянь» в своих опасных похождениях.

А Михайловский тем временем продолжал свою импровизированную лекцию.

– Укус таких тварей, а скорее всего, и контакт с их кровью и фекалиями приводил к заражению и у людей. Бывают такие вирусы – заражают и людей, и животных. Лимфоцитарный хориоменингит, к примеру, или хантавирусы... Да даже всем знакомое обычное бешенство... И этот вирус был с тем же свойством. И в организме людей выживал. Многие заразившиеся погибли. А у тех, кто выжил, вирус встроился и, как в случае с крысами, вызвал латентную инфекцию. С теми же, что и у крыс, особенностями, вроде гипертрофий, а иногда и гипо... Отсюда и нечеловеческие черты внешности у населения наших станций, особенно у второго-третьего поколений – эта зараза совершенно точно передается от матери к плоду, и заражение идет на ранних стадиях, когда дитя лишь создается... К слову, ваша подруга... Крыся, то есть – яркий пример того, что я сейчас вам описал. Второе поколение...

Врач снова сделал паузу, во время которой Восток вновь посетили воспоминания – на этот раз о том, как он размышлял, сидя в коллекторе, о гипотетической внешности общих детей человека и скавенки. «Да, хвостики у детишек точно могут быть...» – пронеслось в голове... и сталкер смущился направлению своих мыслей. При чем тут вообще дети? Крыся – просто друг ему. Пусть и дорогой сердцу, за которого хоть безоружным в Алтуфьево, хоть голым в гнездо к местному эндемику – лианозовским шершням, но друг...

Он снова и снова пытался убедить самого себя в несерьезности, незначительности того, что он испытывал к юной мутантке. И раз за разом отгораживался спасительным «мы – только друзья и не более!» и холодно-отрезвляющим «мы разные!». Но почему-то раз за разом это становилось делать все труднее...

– Вот так, – оторвав его от размышлений, подвел итог своей мини-лекции Михайловский. – Правда, некий положительный побочный эффект от нашего вируса все же имеется – это относительная устойчивость нас, зараженных, к радиации. Видимо, что-

бы выжить, вирус подавляет в клетках апоптоз — механизм, с помощью которого организм борется с ненужными клетками. Но... По правде сказать, ваша часть метро вообще преувеличивает значение и серьезность радиации в нынешние времена. Какая уж тут радиация, вдали от эли центров... Тем более, двадцать лет прошло... Ну, да это другая история.

О «другой истории» поговорить не успели — вернулась из вылазки группа Простора, и Борменталь отправился учинять добытчикам обязательный послерейдовский медосмотр. Так что продолжение разговора пришлось отложить. А потом примчалась со своей репетиции Крыся и сообщила, что видела «дядьку Питона», который сейчас закончит «какие-то свои дела» и поднимется к ним для обсуждения некоего важного вопроса.

— Капитон Иванович, — сказал Восток, едва Зуев появился в «гетто», — пока мы не начали обсуждать что-то важное, хотелось бы попросить вас об одном одолжении...

— Слушаю.

— Если это возможно — поговорите с вашим Советом, чтобы нам с Крыськой разрешили выполнять на станции какую-то работу. Иначе мы тут с ней со скуки заплесневеем, — сталкер улыбнулся. — Ну и заодно харчи не будете на нас даром переводить. Я же понимаю, что у вас тут — тоже отнюдь не житница Черноземья и не закрома родины, чтобы еще и нас двоих задарма кормить-попить. Мы уже говорили между собой на эту тему. И решили, что быть нахлебниками нам как-то не хочется.

Скавен внимательно посмотрел на человека, и в его глазах мелькнуло одобрение.

— Хорошо, я подниму эту тему, — кивнул он. — И хорошо, что у вас возникла такая мысль. Поскольку по тому вопросу, что я сейчас хотел с вами обсудить, Совет пока ни тпру ни ну. Я имею в виду идею налаживания контактов с «чистой» частью Метро. Как ты предлагал тогда Совету.

— Неужели так до сих пор ничего не решили? — удивился сталкер. Питон только махнул рукой:

– Да ну их!.. Все чего-то заседают да обсуждают... Бюрократы, мама их лошадь...

Крыся прыснула. Видимо, присловье командира показалось ей забавным.

– Так что, насколько долго тебе придется задержаться на наших станциях – одному мирозданию известно, – закончил Питон. – Плюс еще непонятки с твоим положением. Не то гость, не то пленник, не то заложник...

– На заложника я точно не тяну! – почти весело отозвался Восток. – Ценности для нашей части Метро я никакой не представляю, если что – про меня даже наниматели не вспомнят. Ну и, соответственно, шантажировать мною некого... прости, Крысь.

– Вот и я о том же. У меня есть некое смутное ощущение, что Совет склонен вообще отпустить тебя подобру-поздорову – раз ты не шпионом оказался. Тайн ты тут наших никаких особых не выведал, так что бояться им нечего. А тем более, если и правда получится хоть какой-никакой контакт с вашими... Но ведь ты не уйдешь – даже если тебя и отпустят. Верно?

– Не уйду. И я надеюсь, что ваш Совет это понимает.

– Еще как понимают. Но не понимают причин, которые побуждают тебя оставаться здесь добровольно. И ломают голову, кем же тебя все-таки считать.

Восток посмотрел на Крысю и вдруг как-то заговорщицки подмигнул ей. Девушка в ответ чуть порозовела и опустила глаза.

– А пусть считают меня... группой поддержки! Сами знаете кого. А что до причин... Так вот же она сидит – причина эта!

Крыся совсем стушевалась и залилась густой краской. Но взгляд ее, брошенный на Востока, был красноречивее всех слов. Равно как и взгляд самого Востока, брошенный на нее.

Питон смущенно кашлянул. Наблюдать, как между этими двумя столь разными существами возникает нечто большее, чем просто приязнь или даже дружба, было и радостно, и неловко, и... страшно. Радостно было за воспитанницу, которая после всех невзгод своей пока еще короткой жизни вдруг обрела по-настоящему близкое и дорогое существо – пусть даже и в лице представите-

ля враждебного «племени». Неловко – оттого, что словно в замочную скважину за ними подглядывал. А страшно...

Если у этих двоих все настолько серьезно, то встает закономерный вопрос: куда им дальше-то деваться? Оставаться в скавенской части Метро – или уходить в «чистую», к людям? Но насколько милосердны и лояльны будут скавены к живущему среди них человеку, а люди – к мутантке? История, приключившаяся с ребятами, и сложившаяся после этого ситуация явственно показывали Питону, что на какой-то благополучный исход лучше не рассчитывать: чужаков не жаловали ни там, ни там, да еще и чужаков из тех, с кем ты от веку грызешься. А уж если они еще и *не такие...*

Так что как ни крути, но совместное «светлое будущее» для Крыси и Востока невозможно, пока не установятся более-менее мирные отношения между людьми и скавенами. Да и то...

«Вот уж воистину – Ромео Монтекки с Джульеттой Капулетти! – невесело подумал Питон, усмехаясь невольной аналогии. – И что там еще Кожан предложить хочет... если хочет – пока неизвестно. А жить этим приключенцам уже сейчас надо. Поэтому действительно, самый тут идеальный вариант – замиряться с «чистыми». Чтобы ни один из ребят не оказался изгоем среди соплеменников другого! Замиряться, искать точки соприкосновения, сотрудничать... Вот только почему медлит с решением Совет?»

– Ну ладно... группа поддержки... и прочие интересные личности... – вслух проворчал он, поворачивая беседу в деловое русло. – Ты лучше мне вот что скажи: существует ли какая-то реальная возможность сообщить вашей сталкерской «верхушке»... или кто там у вас есть?.. что их коллеги отсюда вовсе не против начать переговоры и сделать шаг, как раньше выражались, к обоюдному консенсусу?

Сталкер призадумался. А Крыся тихонько поинтересовалась:

– Дядька Питон, ты хочешь провернуть это дело в обход Совета?

– Нет. Я пока прикидываю вероятные и имеющиеся у нас возможности, – так же тихо отозвался командир. – На всякий случай.

В разговорах с нашей администрацией лишние факты и подпорки в пользу этой «чебурашкиной идеи» передрежуть всех между собой не помешают.

Крыся серьезно кивнула.

– Насчет возможностей... – начал Восток. – Можно передать сообщение сталкерам ближайшей к вам нашей станции. А там по цепочке дойдет до кого надо. Тем более, если по такому поводу – думаю, что реакция последует довольно быстро.

– Ближайшая к нам ваша станция – Тимирязевская, – покачал головой Питон. – А там такие... деятели сидят, с которыми ни вам, ни нам связываться не захочется. – Восток кивнул, соглашаясь: про «деятелей» он уже был в курсе, Крыся просветила. – Еще варианты?

– Савеловская?

– Уже лучше, но что-то (а если конкретно – то наша история) подсказывает мне, что любая инициатива, идущая с нашей стороны, будет воспринята там... довольно неоднозначно. Даже если послание принесет посредник-человек... – тут скавен многозначительно посмотрел на сталкера, и тот вздохнул и чуть развел руками: мол, а куда ж я денусь-то? – мало ли как там отнесутся даже к нему. Тебе это надо?

– Ты как хочешь, дядька Питон, но я Востока на Савеловскую не отпущу! – вдруг заволновалась Крыся. По ее лицу, правда, было видно, что она явно что-то обдумывает параллельно с мужчинами.

– Собственница ты мо... наша! – развеселился сталкер. – Успокойся, не пойду я на Савеловскую! Есть еще вариант. Я, когда на задание отправлялся, то добирался до ВДНХ, а оттуда уже двигался в ваши края. И возвращаться по их ветке планировал. Так что меня там помнят. И передать послание через местных коллег будет быстрее, чем если мы это сделаем через Савеловскую, Зеленую линию или даже Ганзу. В конце концов, на ВДНХ живет человек, с мнением которого у нас даже наши командиры считаются. Возможно, он сможет помочь...

Питон остро глянул на молодого человека:

– Тот самый, что ли? Который «черных» пожег?

– Слухами земля полнится... – хмыкнул Восток. – Да, тот самый.

– Что ж, идея дельная. Можно – если Совет таки даст добро – попробовать отправить с тобой группу, которая дождется ответа или даже – при случае – выступит от лица наших станций. Вот только от нас до ВДНХ неблизко. С поправкой на дорогу, особенности местности и местную фауну... и местами флору – это почти всю ночь придется идти.

– А если договориться с Эмиратом? – подала идею Крыся. – И выходить от них и идти поверху до ВВЦ? Сперва по «железке» до Останкино, потом – мимо Башни по Королева... А если назначать место переговоров – то тоже где-то там, на полпути.

Питон задумался.

Отношения Содружества с нейтральной Петровско-Разумовской очень напоминали пресловутую «постоянную контрактную договоренность», не так давно озвученную Востоком в контексте пресловутой же «чебурашкиной идеи». Содружество тактично не лезло во внутреннюю жизнь и не стремилось диктовать свои законы варившемуся в собственном соку религиозно-рабовладельческому Эмирату. А тот, расплачиваясь за поставки товаров и продуктов и безопасность северных границ, исправно нес дозор на южных рубежах Линии, как Бибирево – на северных.

Вопрос защиты юга встал очень остро с того дня, как на заброшенную и окруженную трагическим и, отчасти, священно-мистическим (как и любой мемориал памяти) ореолом Тимирязевскую из «чистой» части Метро пришли какие-то подозрительные люди. Как позже выяснилось – то ли согнанные с какой-то другой станции, то ли решившие расширить сферу своего влияния сатанисты. Эмират, который тогда еще не состоял в договорных отношениях с Содружеством и которому непрошеное соседство с осквернившими станцию-мемориал «слугами шайтана» оказалось костью в горле, после первых же инцидентов с соседями встал на дыбы, поднял (фигурально выражаясь) зеленое знамя и объявил «поганым шакалам» газават. Тимирязевская, по большому счету, не была нужна ни Эмирату, ни Содружеству (ни даже предприимчивым желтым кла-

нам Владыкина) – уж слишком страшные и горькие события в истории Линии были с ней связаны. Но лишиться столь удобного и надежного буфера между скавенскими и «чистыми» станциями и вместо него заполучить столь опасное и мерзкое соседство – это не было выгодно ни Содружеству, ни, тем более, Эмирату. Вот почему чуть ли не после первых же похищений и довольно кровавых стычек в туннелях и на поверхности Эмирят прислал в Содружество посольство с просьбой о дружбе и взаимопомощи.

Содружество на просьбу соседей откликнулось. «Шайтановым слугам» коллективно наваляли по первое число, а их добытчикам устроили жесткий прессинг Наверху. Были бы в большом количестве боеприпасы – так и вообще раскатали бы «шайтанов» тонким слоем по шпалам, и от них даже воспоминаний бы не осталось. Но раскатать не получилось – хотя обескровили противника знатно. А от лихой идеи пустить на «шайтанов» под уклон один из застрявших в туннеле поездов, начинив его взрывчаткой, – поразмыслив, отказались: мало ли как отразится взрыв на соседних станциях и вообще на всем туннеле! Да и рельеф участка между двумя станциями не особо располагал к пусканию брандеров. Чай, не морской простор!

На какое-то время все стихло. В южных туннелях Эмирата было решено наглухо перекрыть гермостворы. Однако до конца запечататься не вышло – в четном туннеле затвор перекосило, и, как ни маялись и сами эмираторвцы, и бригада механиков Содружества, створка осталась закрытой лишь на треть. До конца, таким образом, от вылазок охочих до пленников «шайтанов» отгородиться не получилось. Брешь укрепили баррикадой-заслоном по типу бибиревских, и теперь нукеры Эмирата, по договоренности его с Содружеством, будильно сторожили южные рубежи скавенского Метро. А удалые джигиты – добытчики Петровско-Разумовской – со временем обросли также и функциями пограничников, больше неся охранно-дозорную службу Наверху, чем занимаясь своими прямыми обязанностями.

Естественно, что за эту службу Содружество охотно платило соседям. Потому что мало ему было проблем на северных

рубежах, с Алтуфьевым, так не хватало еще их повторения и на южных!

Отношения между добытчиками Содружества и Эмирата, таким образом, были вполне мирными и деловыми, с обоюдными приглашениями на «шашлык-машлык» и прочими мероприятиями, но конечно же не без позерства с обеих сторон.

– Можно будет попробовать, – кивнул Питон на предложение Крыси воспользоваться в вылазке помощью соседей. – Ахмед-бек, правда, снова будет пыжиться и изображать из себя великого Харуна ар-Рашида, к которому пришли на поклон смиренные жители Багдада... Но я на него управу найду.

– Ахмед-бек? – переспросил Восток.

– Командир добытчиков Петровско-Разумовской, – тихо пояснила Крыся. – У нас там Эмирят, отдельное государство. Глава называется эмиром, воины – нукерами, а добытчики...

– Все с вами ясно, – кивнул сталкер, мигом сообразив, что к чему.

– Я думаю, что Эмиряту тоже будет выгоден союз с людьми! – произнес Питон, что-то прикинув. – Им это соседство с «погаными шакалами» – как кость в горле. И они будут рады любой помощи в кардинальном решении этого вопроса. А уж если навалиться на «шайтанов» с двух сторон, можно будет и совсем разделаться с ними.

– Остается только дождаться одобрения Совета, – вздохнула Крыся.

– Сделаю все возможное для этого, – отозвался Питон. И тут же посеръезнел: – В конце концов, с вами тоже надо как-то определяться. А то будете мыкаться между двух враждующих сторон... как те Ромео с Джулietтой! Ну куда это годится?

Он бросил взгляд на наручные часы и, проигнорировав очередное смущение Крыси, поднялся.

– Ладно, ребята, наполеоновские планы на будущее мы немного набросали. Теперь будем работать над их реализацией.

Глава 26

АСПЕКТЫ ВЫЖИВАНИЯ

Москва встретила Питона дождем. Он мелко моросил через бегучий сплошной заслон низких туч, убаюкивающе постукивал по остовам машин, наполняя воздух тихим шорохом и плеском. Питон осторожно прикрыл зев люка крышкой бурого ржавого чугуна, оставив небольшую щель. Если придется ретироваться, люк можно будет открыть быстро...

Со станции он вышел тайком, через коллектор связи, которым пользовалась, бывало, его воспитанница. Метро соединяют с поверхностью неисчислимое множество лазеек – просто не все о них знают. Если пройти по тоннелю четного направления метров стодвести, то слева, в тюбинге, будет небольшая дверь, за которой – бывшая мастерская дистанции СЦБ¹. Заставленная разным эс-цэбэшным и каким-то иным непонятным и ненужным уже имуществом, мастерская была не примечательна ничем, кроме загороженного ящиками железного квадрата – гермозаслонки. Отвернешься тронутые ржавчиной ручки – и откроется невысокая, чуть

¹ Дистанция сигнализации, централизации и блокировки.

выше колена взрослого человека, сбойка, за которой – жутковатое переплетение змеистых кабелей, капанье воды и сквозняк, пахнущий надземьем.

Питон с трудом просунулся в узкую сбойку – это миниатюрной и щуплой Крысе было легко здесь лазить. Как и в большинстве других ее «тайных лазов». Еще в самом начале, когда юная добытчица из Эмирата прибыла к Содружеству, Питон убедил ее раскрыть ему местонахождение и маршруты ее лазеек.

– Пойми, это вопрос безопасности наших станций! – сказал он тогда. – Мало ли кто сквозь эти лазы просочиться может!

Добросердечная и, несмотря на юный возраст, очень ответственная Крыся колебалась недолго. Видя хорошее отношение к себе со стороны добытчиков Содружества и их командира, она однажды взяла да и сама устроила ему и Простору экскурсию по своим тайникам. По некоторым даже поводила, каждый раз обращая внимание командиров на значки-ориентиры, которыми она в свое время пометила нужные ходы и лазы.

Ход через эсцэбэшную подсобку не был самым близким и удобным, но другого пути тихо и незаметно выйти со станции и быстро попасть куда надо не было. Ну, да и ладно...

«Ох, ну и аппендикс!» – про себя чертыхался Зуев, протискиваясь сквозь все эти кабели и трубы.

Наверху его встретила темнота. Еле видимые, громоздились по правую руку, подпирая тучи, купола Преподобного Сергия Радонежского, что на Костромской. Слева покачивались в такт ветру облетевшие ветви деревьев, захвативших газоны. Питон медленно шел между ними по узкой асфальтовой дорожке, прислушиваясь к дождю и шорохам. Почему-то было не по себе. Вот дорожка кончилась, ручейком влившись в Костромскую, впереди зачернели дома, уставились на Питона тысячами слепых окон, оскалились раззявлеными беззубыми ртами подъездов. Уже близко. Он повернулся к югу, прошел еще около сотни шагов. Двадцатый дом по Костромской – длинная девятиэтажная «китайская стена», и третий подъезд у него должен быть, судя по всему, где-то посередине. Питон подошел под самые стены.

– Трам... Тра-та-там... – барабанил дождь по сохранившимся стеклам и откосам. Питон несколько раз глубоко вздохнул и резко крикнул голосом беспокоящейся сойки.

Сойка – птица дневная и лесная, нечего ей делать в ночном городе. Знающий человек это поймет и выводы сделает. А Кожан орнитологию когда-то любил... Ответ не замедлил себя ждать. Сверху прошуршал по стене небольшой камушек, и откликнулся филин. Через минуту в ближайшем подъезде послышались нарочито громкие шаги. Питон обернулся.

– Ну, здорово, староста... – Стас Кожин, он же Кожан, стоял, прислонившись к железному косяку.

– Здорово, Стас...

Взгляды блеснули отточенной сталью, скрестились и разошлись. Делить сейчас было нечего.

– Ну что, пошли, что ли, под крышу? Нечего под дождем-то торчать... – Кожан махнул рукой и первым развернулся к оппоненту спиной, исчезая в подъезде. Опустив ствол автомата в землю, Питон сделал шаг за ним.

Они поднялись на четвертый этаж, и Кожан все это время, не оборачиваясь, шел впереди, подсвечивая ступени тусклым фонарем. Он распахнул одну из дверей, тяжело ввалился в квартиру, протопал на кухню. Они сели за растрескавшийся, но крепкий еще стол, помолчали. Первым тишину нарушил Кожан.

– Как девочка-то?

– Ничего. Отошла маленько, оправилась. И станционные ее не обижают.

Кожан шумно выдохнул, откинувшись на спинку стула.

– А Совет ваш чего?

– А ничего. Объявили ее и человека разведчиками да затихарились. Но Крыську даже пальцем не тронули.

Снова выдох. Кожан зажмурил глаза под кудлатыми бровями, провел ладонью по лицу.

– Слава тебе, Господи...

Они помолчали еще немного.

– А ты, Стас, значит, поблизости сидел, когда ребята к нам вышли?

– Ага. И тебя, змея, на прицеле держал.

– Ну, уж в этом я даже не сомневаюсь. Где сидел-то? На торгошке или на пивной?

Кожан прищурился, посмотрел искоса.

– На магазине.

– То-то мне казалось, мельтешило что-то на крыше, когда ветер ударили... Ты-то как от этой тучи спасся?

– Как-как... Проторчал почти до света, а потом огородами, да подальше. Ушла она часа через два, как ветром сдуло. Хотя думал, что помру. Честно тебе говорю.

– Тебя, Стас, даже доцент Шурукаев не сгубил, и Алтухи твои не взяли – уж не то, что туча... – Питон усмехнулся, взъерошив коротко стриженные волосы пятерней. – И вся наша СБ со всех трех станций.

– И ты, – добавил Кожан.

– И я.

– Тебе девочка чего про меня рассказывала? – спросил Кожан глухим голосом.

– Все как было. И про разговор ваш, и про то, как ты ее с человеком вытаскивал.

На этот раз потер шею Кожан.

– Тогда, Капитоныч, понимаешь, почему я их *так* со станции... выводил. В смысле – с такими заворотами. В Алтуфьеве им места нету. Моя команда уж больно лихая. Пока я живой, может, ничего им и не было бы. Вот только сколько я протяну?

Питон медленно кивнул, пристально глядя на оппонента. Сидел перед ним все тот же Стас Кожин – анархист, разбойник, «враг упорный и умный». Тот же – да не тот. Бешеный огонь отгорел, остались угли. В мартеновской печи Кожановой натуры отлились терпеливость, пристальная внимательность, трезвый расчет, и закалилось то, что было исходно.

Но теперь печь остыvalа. Кожан устал. Как, пожалуй, и сам Питон. Старики-разбойники...

А Кожан меж тем продолжал:

– У тебя, как мне ни противно это признавать, ей безопасней и проще, – он скривился, как будто проглотил что-то горькое. – У меня камень с души свалился, когда ты сказал, что ее приняли обратно. Но мне, Капитош, тошно становится, когда я думаю, что она всю жизнь проведет, бегая на Поверхность, и, скорее всего, закончит ее в чьих-нибудь зубах или под завалом. Или от пули. И ты это понимаешь не хуже. У нее шило в известном месте – размером с костыль железнодорожный. На станции она точно сидеть не станет. И вот еще что... – Кожин бросил хмурый взгляд на собеседника. – Пронюхает твой Совет про то, *кто* мне эта девчонка, – тут ей и каюк. Они из нее заложницу сделают, чтобы меня свалить. А когда свалят – то и она им не нужна станет. И все...

Он подпер голову ладонью. А Питон вздохнул:

– Уже знают.

Глаза Кожана полезли из орбит.

– У тебя засел осведомитель, – пояснил Зуев, – и мне он... не пучь глаза, Стас, выпрыгнут!.. неизвестен. Я сам это понял только недавно... Я бы, может, и радовался, что тебя так эсбэшники подловили, да не в этот раз. Так что давай думать, Стас, как нам с этим быть. И как девчонку из этого деръма вытащить. Хотя, подозреваю, что ты УЖЕ что-то придумал – раз сам первый мне randevu назначил. Так что колись!

Даже в темноте было видно, как бледное лицо Кожана наливается красным. Он запыхтел, как паровоз, начал было подниматься на ноги и вдруг мешком свалился на стул. Питона подбросило с места. Он ринулся к неприятелю.

– Э, Стас! Ты живой?

– Живой... Но, млять, иногда думаю, что лучше бы сдох давно!..

Кожан зашевелился, тяжело усаживаясь на стуле.

– Вот гниды... И эсбэшники твои гниды... ну да им положено... И моя словота беспортичная... те еще паршивцы... Хотя им тоже положено... Вот как после этого жить с людьми?!

Кожан выдал последние слова и при этом пожал плечами с такой полукомичной экспрессией, что незамедлительно напомнил

Питону Крысю. У той была в точности такая же повадка; видимо, это было семейное.

Зуев даже невольно улыбнулся. А его недруг между тем помогал головой, будто разгонял сон. И внезапно спросил:

— Ты, Капитош, в судьбу веришь? Не, даже голову не морочь. Не веришь. А я теперь верю... — он помолчал немного, вытащил давешнюю фляжку, пригубил. Подумав, протянул Питону. — Пей, не отравлю. Довоенное пойло, хорошее. Есть у меня одна задумка, змей. И надо будет под нее девочку нашу... и этого, который с ней таскается, все равно ведь не отвяжется, — Питон кивнул, — наверх со станции вытащить. В общем, слушай сюда...

Крыся окунулась в подготовку спектакля со всем пылом и страстью своей натуры. И каждый вечер, прибегая после репетиции «домой», вываливалась на Востока ворох новостей, впечатлений и собственных рефлексий вроде «а вдруг у меня не получится?», «я не знаю, как это правильно сделать!» и так далее. Исколола себе все пальцы, перешивая на себя Джульеттино платье, пошитое на куда более крупную и фигуристую Ларису. Подняла на уши коллег-добытчиков, и те ухитрились где-то добыть ей пару метров толстого хлопкового каната. Новоиспеченная актриса тут же расплела его на отдельные волокна, окрасила каким-то подозрительного вида отваром и теперь все свободное время проводила за сооружением парика. Волосы Крыси были коротко остриженны, а для каноничного образа юной Капулетти требовалась длинная коса.

Они с Востоком теперь ежедневно спускались на станцию и шли через нее в тот самый поезд, высывающийся из туннеля нос которого сталкер заметил еще в тот раз. Питон поговорил с Советом и убедил его дать «разведчикам» работу. Правда, к «стратегическим запасам» человека решено было на всякий случай не допускать, поэтому девушку и ее приятеля не отправили на грибные плантации или на ферму, а приставили разбирать и систематизировать материалы и экспонаты перевезенного на станцию дооценного краеведческого музея «Отчизна».

Когда Восток увидел все это богатство, аккуратно сложенное и составленное вдоль стен одного из вагонов поезда, изумлению его не было предела.

– Музей? – проговорил он, круглыми глазами глядя вокруг себя. – Здесь? В такое время?..

– Мы просто пытаемся оставаться людьми, – вдруг раздался голос позади него. В вагон следом за ними вошла высокая сухощавая женщина примерно одних лет с Востоком. Как и у многих на станции, лицо ее носило следы пережитой эпидемии. – Хотя бы внутренне, если уж внешне не получилось. Так что можете считать, что у нас тут свое метро, – тут она хмыкнула. – С шахматами и поэтессами.

Она посмотрела на сталкера цепкими темными глазами и... протянула руку.

– Меня зовут Наталья Игоревна. Можно просто Наталья и на «ты». Я – учительница в школе Содружества. И по совместительству – заведующая местным музеем и библиотекой.

Восток осторожно пожал узкую ладонь и тоже представился. С Крысей Наталья была знакома уже давно – добытчица была чуть ли не главным «спонсором» и поставщиком библиотеки.

– Все это забрали с поверхности и обработали от пыли и прочих наносов еще месяц назад, но разобрать и привести в порядок все как-то руки не доходили, – сказала музейщица-библиотекарша, показывая неожиданным помощникам свои владения и очерчивая фронт работ. – Ибо, как говорили во времена моей безмятежной юности, «при разборе хлама главное – не начать его рассматривать». К сожалению, в моем случае это выполнимо с большим трудом, поскольку я – воистину музейная и книжная крыса!.. – тут она засмеялась невольному каламбуру. – Поэтому ваша помощь будет как нельзя более кстати.

Стараниями трех пар энергичных рук экспонаты были в течение нескольких последующих дней разобраны, систематизированы и разложены по причитавшимся им местам. По случаю открытия музея на станции устроили небольшой праздник: администрация выступила с торжественными речами, школьники – со

стихами и песнями. А поскольку подготовкой номеров детской самодеятельности занималась также Наталья – в соседнем вагоне, где располагалась библиотека, – репетиции выступлений и все, что им сопутствовало, происходили практически на глазах Востока. И вот чем дольше сталкер находился среди скавенов и общался с ними, тем яснее он укреплялся в своем мнении, что люди сильно поспешили, сочтя крысюков дикими, неразумными и кровожадными тварями. Напротив – и это повергло Востока в немалое замешательство – скавены Содружества выделяли много сил и средств на обучение и воспитание собственного подрастающего поколения, на здоровый досуг жителей своих станций, а также довольно строго соблюдали определенные довоенные этические нормы. А некоторые – подобно той же Наталье Игоревне – даже находили в себе мужество иронично подтрунивать над своим нынешним положением, мутантством и некоторым родством с крысами.

– Мы, разумеется, понимаем, что в таких вот паршивых условиях многим не до культуры и образования, – поясняла Наталья, энергично орудуя тряпкой и наводя последний лоск на музейный вагончик накануне его торжественного открытия. – Но если думать лишь о том, чтобы только жрать, спать и размножаться, то и правда не нужны никакие музеи, школы, шекспиры и прочее. Чего проще – зарыться в землю, как кроты, и совсем оскотиниться, потерять человеческий облик... во всех смыслах. Не знаю, как там жители вашей части метро, а мы оскотиниваться не хотим! По крайней мере, те, кто живет здесь, в Содружестве! К счастью, наш Совет однажды понял это и теперь всеми силами и средствами старается поощрять позитивные начинания типа библиотеки, музея, спортзала и прочего, – в голосе скавенки явственно послышались патриотические нотки. – Еда и крыша над головой – это, конечно, хорошо. Но поддержание культурного уровня является не менее важным аспектом выживания людей как людей, чем пища, медикаменты и вооружение. В противном случае неизбежна деградация, начиная уже со второго-третьего поколений. Это вам любой социолог подтвердит.

– А ты до войны была социологом? – осторожно поинтересовался Восток.

– До войны я была – ты не поверишь – фотомоделью. Не сказать, что классической анекдотичной блондинкой с ногами от ушей и одной извилиной в голове, но в некоторых аспектах все же довольно легкомысленной... и, честно признаюсь, жутко стервозной девицей, – Наталья стремительным жестом откинула с лица растрепавшиеся волосы и выпрямилась, блеснув глазами. – Жизнь заставила резко поумнеть. Во всех смыслах.

– А я вот про что-то подобное даже в книжках читала... – несмело вступила в разговор Крыся. Во время импровизированных дискуссий между Востоком и Натальей, сути которых она не всегда улавливала, добытчица предпочитала больше молчать и слушать и, как говорится, мотать ученость на ус. – В фантастике. Прото, что случается с высокоразвитой цивилизацией, когда ее потомки теряют или отвергают знания и культуру. Ничего хорошего не случается.

Сталкер и библиотекарша синхронно кивнули. Да, великие фантасты прошлого часто обращались к этой теме.

– Верно! – подтвердила Наталья. – Ничего хорошего. Ты вот говорил, что в вашем... как его там?.. Полисе? Да, Полисе, особые люди собирают и накапливают знания, собранные человечеством до катастрофы. Дело нужное и правильное. Но... позволяют ли они пользоваться этими знаниями тем, кто не принадлежит к их кругу? Пытаются ли они как-то развивать их, изобретать или открывать на их основе что-то новое? Или чахнут на своем добре, как кащеи над златом, и никого и близко не подпускают?

– Второе, – вздохнул Восток, разводя руками. – К сожалению – второе.

– А ведь, насколько я поняла из твоих рассказов, для вашей части метро Полис – средоточие благополучия, учености и просвещения... – Наталья покачала головой. – И вот как вам кажется, долго ли будет процветать общество, поделенное на касты и ограничивающее своих членов в стремлении к духовному и почему развитию? Общество, в котором доступ к знаниям, культу-

ре и искусству разрешен только тем, кто, по его мнению, этого достоин?

– Ну, у нас тут тоже не рай земной... – вполголоса заметила Крыся. – Говорим, что хотим оставаться людьми внутренне, а сами...

Наталья остро глянула на нее.

– Я понимаю, о чем ты. То, что вас тогда едва не растерзали... – взгляд скавенки переместился на сталкера. – Наше «серое» сообщество вообще довольно болезненно относится ко всему, что связано с контактами с людьми. Про эпидемию ты уже слышал? – Восток кивнул. – А про то, как наших заболевших расстреливали на савеловских и прочих кордонах, когда они пытались просить другие станции о помощи? Тоже? Ну вот... – женщина разверла руками. – Тогда ты, наверно, понимаешь, насколько у нас тут не любят люд... представителей вашей части метро. У многих ведь там, на кордонах, либо друзья, либо родственники полегли. А тут вдруг одна из нас приводит в наши тунNELи одного из... в общем, тебя. Понятное дело, что тут все на дыбы встали и заговорили о предательстве и шпионаже. При всех наших гуманистических заходах мы – отнюдь не утопически идеальное общество из фантастических романов прошлого. Всяких «тараканов» тоже хватает с избытком. Но, я надеюсь, ты понимаешь причину? И... не станешь держать на нас зла?..

– Да давно уже понял – с тех пор, как узнал, что у вас тут после крыс творилось, – Восток махнул рукой и поспешил перевести рельсы беседы на менее щекотливую тему. – Слушай, Наташ, а ты никогда не думала о том, чтобы занять какую-нибудь должность в вашей администрации?

– Это с какого же перепугу? – вытаращилась на него библиотекарша.

– Я вижу, тебе небезразлично все, что происходит в вашем Содружестве. И все, что происходило и будет происходить. Да и рассуждаешь ты уж очень здраво и толково. Прямо как государственный деятель или политолог.

– Политолог – шмолитолог... – хмыкнула женщина и тут же посеръезнела. – Да ну их в пень! Как сказал кто-то из древних,

власть портит человека... От себя добавлю – и нечеловека тоже. Так что, кому как – а нас и тут неплохо кормят. В смысле, здесь, – она обвела широким жестом музейный вагончик, – я точно на своем месте. А весь этот их театр политических действий... Кстати, о театре! – Наталья мельком глянула на висевшие на переборке старинные механические часы, которые она каждое утро педантично заводила. – Крыська, еще пять минут – и ты опоздаешь на свою репетицию! А мне потом с вашим синьором Карабасом-Барабасом объясняться, почему я тебя задержала. Давай, Джульетта, в темпе!

Глава 27

ОДИН В ОДИН

Объявление о спектакле дано было заранее на все станции Содружества. Шутка ли – премьера, классика! Символ довоенного мира – не хуже самого театра... Со станций тут же пришли отклики и просьбы «застолбить местечко», да так много, что пришлось – первый раз за всю историю подземного театра – вводить квоты на посещение, чтобы избежать столпотворения и давки. Реестры на посещение расписали по всему Содружеству за час. Тем, кто не вошел в первую волну, оставалось только горестно вздыхать... и ждать гастролей труппы, которые были клятвенно обещаны худруком. На премьеру попали в основном родственники и друзья самих актеров, а также «старики». Были в их числе начальник северной заставы Петр Петрович Филиппов с женой и отставной милицейский капитан Павел Александрович Потапенко, с первого дня жившие в Бибиреве.

В день спектакля на путевые канавы у северного входа опустили настилы, часть платформы и образовавшегося закулисного пространства была отгорожена нетканым полотном, из-за которого слышались интригующие и будоражащие воображение

стук молотков и шуршание дерева по дереву. Иногда из-за занавеса с полубезумным лицом выбегал декоратор и мчался куда-то через всю станцию. Потом спешил обратно, и лицо его было уже веселее. День для спектакля был выбран выходной, и будущая публика с интересом следила за тем, что творилось в «сценическом» углу.

Но вот пришел вечер. Торопливая возня за занавесом давно стихла, зрители рассаживались и вставали, кто куда мог.

— Пал Саныч, глянь-ка на «хронометр» — сколь у нас там осталось? — Филиппов легонько ткнул сидящего рядом с ним на банкетке знакомца.

— Петя! — с укором вздохнула его жена. — Успокойся.

Филиппов только улыбнулся.

А великан Пал Саныч осторожно вытащил из кармана жилета механические японские часы без ремешка и подслеповато сощурился на циферблат.

— Без семи минут, Петрович. Скоро начнут...

Петр Петрович завзятым театралом никогда не был, в отличие от супруги. Помнится, почти перед самой войной они пошли-таки вместе на постановку по Шекспиру. «Сон в летнюю ночь» давали. При слове «Шекспир» у Петра Петровича перед мысленным взором тогда возникали костюмы с кружевными воротниками, шляпы с пером на степенных, неторопливых отцах семейств и разноцветные наряды Возрождения на их отпрысках, шпаги и кинжалы, песок Италии и холодный туман Британии. Но на сцене тогда он не увидел ничего, кроме четырех столбов из ткани и света в темноте зала. Актеры были в плюще и искусственных виноградных лозах, и вместе с текстом оригинала со сцены раздавались шутки на злобу дня современного. После спектакля Петр Петрович из зала ушел озадаченный. Не сказать, чтобы постановка была плоха или не старалась труппа, — нет, старалась она, но... ждал он чего-то другого, более классического, что ли...

Впрочем, и на том спасибо господам театралам, что совсем уж в махровое экспериментаторство не ударились. Соседи вон, что на

днях вернулись из Германии, рассказывали, как там в театр сходили – тоже на Шекспира. Знаменитая местная труппа, а режиссер даже с русской фамилией – Жолдак... Актеры бегали по сцене голые – совсем без ничего, а среди декораций были, срамно сказать... унитазы. Немцы стоя аплодировали. А потом еще в газетах постановку расхваливали кто во что горазд – мол, «новое прочтение», «современный взгляд на классику»... тьфу! Высокое искусство, едрить его в кочережку... После этого рассказа Петр Петрович интерес к театру утратил. Если классику так, как она есть, играют только на школьных подмостках, да в редкой глубоко провинциальной самодеятельности – то какой это театр? Кривляние одно сплошное и бесовщина.

А потом случилась война, и не до театров стало. Правда, жена о театре изредка вспоминала, когда грустила. Она-то с подругами часто и во МХАТ, и в Маяковку ходила, и еще много куда. Только подруги погибли, а театры засыпали пыль и пепел...

Когда Артур – бывший студент-ГИТИСовец, вечно встреваный, с лихорадочно блестящими глазами, – начал свое безнадежное, казалось, дело по зачинанию театра на станции, Филиппов был спокойно-равнодушен. Пустая затея, бесполезная, ну да ладно. Если хлеба он за это не просит – то пусть. Зато день, когда о создании театра объявили, Петр Петрович запомнил навсегда – первый раз за год он увидел у жены улыбку. Первый раз после неудачной попытки самоубийства.

Сейчас его Ритуша – нарядная, в своем лучшем платье и с новой, незнакомой прической – была весела, взволнована и нетерпелива, как выпускница перед последним звонком. Даже как будто помолодела лет на десять. И, глядя на прямо-таки светящуюся от радости супругу, бибревский пограничник охотно простил Артуру и некоторую надменность, с которой руководитель театра иногда держал себя на станции, и его надоедные визиты к администрации по поводу каких-то своих театральных нужд. Простили даже то, что из-за неугомонного «станиславского» и его репетиций ему пришлось перетасовать график дежурств на заставе: сразу трое его бойцов играли в спектакле, и один из них (к некоторой

тайной гордости Филиппова) – не какого-нибудь там «пятого стражника в девятом ряду», а самого Ромео!

Тут сзади зашевелились. Кто-то осторожно пробирался вперед, безуспешно стараясь не отдавать ноги остальных зрителей. Филиппов и его сосед одновременно развернулись. От лестницы к импровизированной сцене шли Капитон Зуев с супругой, доктор Сашка Михайловский и пришлый «чистый».

Пал Саныч аж крякнул:

– Во упорный, а... И тут он! – и отвел глаза.

– Паш, ты давай брось уже. Было, да и прошло, – Филиппов похлопал приятеля по плечу. – Мне тоже это дело было не по нраву. И хорошо, что все так решилось.

Пал Саныч угрюмо отвернулся и тяжело уставился на занавес у сцены. А Питон с компанией прошли мимо и сели на свободное, видать их ожидавшее, место во втором ряду. Время снова полилось медленно-медленно.

И вот занавес дрогнул и пошел в сторону...

Зал грохнул аплодисментами, и на импровизированную сцену вышел Артур в длинном, ниспадающем красивыми складками плаще и пышном берете с пучком перьев. Он степенно поклонился зрителям, и те стихли, словно по мановению невидимой волшебной палочки.

Несспешно полились знакомые многим – кому из довоенных фильмов, кому из книг – слова пролога. Два знатных семейства, их вражда, юные влюбленные, примирившие врагов своей безвременной и трагической гибелью... Глаза Артура вдохновенно блестели, он стоял, как оратор на древнеримском форуме, воздев над собой руку. И сплетались, взлетали под обшарпанные своды станции ритмичные, четкие и ясные звуки стихотворной речи, подчиняя умы и сердца многолетних затворников подземелья не хуже древних заклинаний.

Казалось, даже стены и многометровая толща земли за и над ними исчезли, уступив в воображении зрителей место узким мощенным улочкам далекого южного городка, увитого зеленью и млеющего под чистым и добрым небом.

...Быть может, пьесы стих и бесталанен —
Поправим дело мы своей игрою...

Окончив свой монолог, Артур снова поклонился — и ушел под новый всплеск аплодисментов.

Пусть декорации были не богаты (собранный из разных тканевых кусков занавес, да картонные колонны, покрашенные гуашью), пусть костюмы шились из того, что нашлось, — не это стало главным. Это была отдушина в сырой беспрозрачности тусклой подземной жизни. Яркое пятно, напоминание, что мир когда-то был другим — и что это не утрачено. Старики и те, кто родился уже на станции, мужчины и женщины, сторонники и скептики — все были тут. Следили с улыбками за перепалкой слуг, полушепотом обсуждали костюмы... Какой уж тут скепсис, когда представление — вот оно, смотри во все глаза!

Петр Петрович, одновременно следивший за спектаклем и за женой, изредка нет-нет, да и поглядывал на сидящего впереди Зуева со товарищи. Те сидели спокойные и иногда перебрасывались словом-другим с «чистым». Филиппов улыбнулся про себя. Упорный малый. Добытчик «чистых» сейчас, пожалуй, вызывал симпатию. Неунывающий он был какой-то и за девочку эту, на станцию его притащившую, горой стоял. А что Зуев с ним так возится — понятно: ему девчонка как дочь... А вот, кстати, и она.

На импровизированной сцене — дом Капулетти, кормилица, леди Капулетти, Джулльетта. Кормилицу играет веселая толстушка Ира Поликарпова, ученица Михайловского, начинающее свете ли медицины... Говорливая в обычной жизни, Иришка и сейчас сыплет словами, как дробью. Ее роль, точно ее. Петр Петрович по-стариковски, с прищуром, улыбнулся. Леди Капулетти — холодной, увядающей красоты Мила Иванова, вдова погибшего два года назад на поверхности Аркадия Иванова. И, наконец, Джулльетта — худенькая девочка-добытчица, та самая, которую три недели назад сам Петр Петрович провожал на неизбежную гибель в разбойное гнездо Алтуфьево. И ведь не его в том вина, а все равно стыдно. Вот и Пал Саныч завозился на своем месте — тоже не по

себе человеку. Впрочем, последний быстро отвлекся – его внимание притягивала Мила-Капулетти. Уже скоро год, как человек-гопра собирался сделать ей предложение. Собирался-собирался, да все никак духу не мог набраться...

Очень непривычно было видеть Крысию в образе Джульетты. В длинном бархатном (не соврали слухи!) платье и расшитом бусинками маленьком чепчике, из-под которого на спину спускалась перевитая тонкими ленточками искусственная коса, прежняя невзрачная пацанка преобразилась просто до неузнаваемости. Даже манеры изменились, явив взглядам зрителей вместо всегда сдержанно-деловитой и упорной добытчицы нежную и робкую девушку-подростка. Джульетта в исполнении Крыси получилась какой-то очень тихой, домашней и во всем послушной родительской воле. Глядя на нее, трудно было даже представить, что вот эта изнеженная и нерешительная «мамина дочка» буквально через несколько сцен безоглядно влюбится в сына врагов ее семейства, пойдет наперекор воле родителей, проявит недюжинную непокорность и силу воли и даже ни на миг не поколеблется перед тем, как всадить себе в грудь кинжал.

– Интересная у нее трактовка образа! – шепнула Петру Петровичу на ухо жена. – Робкая и послушная Джульетта – это что-то новое! До войны я такого ни в одной постановке не видела!

– Ну... Тем интереснее будет смотреть, – пожал плечами пограничник. – Да только ее ли роль? Справится ли?

И буквально тут же, в качестве аргумента, что девушка справится, к нему пришло недавнее воспоминание, как один из его бойцов – горячий и склонный к спонтанным поступкам Эльбрус Газиев явился с репетиции (именно он и играл Ромео) на дежурство по заставе хмурый и... с расцарапанной чьими-то ногтями щекой.

– Любовные сцены с Крыськой репетировали... – нехотя буркнул он в ответ на посыпавшиеся расспросы и ехидные подколки товарищей.

– И что? – Филиппов одним движением бровей заставил своих погранцов приумерить зубоскальство.

– Что-что... Она же совсем не умеет целоваться!
 – И ты ее, разумеется, решил этому научить, горячий аланский джигит! – полуутвердительно-полувопросительно сделал вывод Петр Петрович, сам каким-то чудом сдерживая рвущуюся с губ улыбку. Ай да девчонка! Вот тебе и тихоня!

- Ну, решил...
- А она?
- Я, что ли, знал, что она такая недотрога?!

Пограничники, не выдержав, грянули хохотом, пустив гулять по туннелю в сторону алтуфьевской баррикады гулкое эхо.

Позже выяснилось, что Джульетта залепила своему Ромео оплеуху инстинктивно, на чистом автопилоте, перепугавшись его неожиданных и чересчур уж ретивых действий. После чего перепугалась еще больше – но уже того, что невольно причинила боль партнеру по сцене. И всю оставшуюся репетицию смотрела на него виноватыми глазами и время от времени переспрашивала: «Тебе точно не больно?»

Ребята с заставы подшучивали над угодившим в «амурное приключение» Эльбрусом и все подзуживали его не останавливаться на достигнутом и продолжить «завоевание девичьего сердца» уже не на сцене, а в жизни. На что тот долго отмахивался, а потом доходчиво объяснил зубоскалам, что ему нравятся девушки тихие и ласковые, которые сидят дома и занимаются хозяйством, а не шляются сутки напролет невесть где по опасным трущобам и развалинам. И что «ну ее, эту дикую кошку, пусть своего «чистого» царапает!».

Филиппов бросил невольный взгляд на сидевшего впереди Востока. Тот, не отрывая взгляда от сцены, пристально следил за игрой подруги.

«Нет, ЭТОГО девчонка уж точно царапать не станет!» – подумал пограничник. И усмехнулся: взаимная горячая симпатия и привязанность этих двоих друг к другу были видны невооруженным глазом.

Спектакль между тем шел, как дрезина по хорошо накатанным рельсам. Время от времени наблюдая за зрителями, Петр Петро-

вич отмечал, с каким искренним, почти детским волнением следили они за разыгрывающимся действом. Наверное, точно так же во времена Шекспира смотрели постановки театра «Глобус» не избалованные красотой и возвышенными зрелищами обитатели бедных лондонских кварталов и трущоб.

Загнанные двадцать лет назад под землю и лишенные многих привычных радостей люди двадцать первого столетия тоже не были избалованы ни тем, ни другим. Оттого-то и светились неподдельным интересом и восторгом их глаза, оттого-то и сжимались в волнении кулаки в самых напряженных местах пьесы.

Филиппов на некоторое время даже залюбовался своими одностанчанами. Как же они все были красивы сейчас, когда проявляли свои самые светлые чувства!

Занятый этим наблюдением, пограничник едва не пропустил очень интересовавший его момент, когда робкая «мамина дочка» Джульетта впервые проявила непокорность родительской воле, отказавшись выйти за графа Париса.

Нет, девушка не стала устраивать показно драматических «сцен» и прочей, как раньше выражались, «дурной театральщины». Ее мольбы, обращенные к отцу и матери, были тихими и в некотором смысле даже сдержанными. Но в них слышалось столько неподдельного отчаяния и ужаса, что у многих присутствующих мурашки по коже бежали.

– Бедная девочка... – шепнула Филиппову жена, утирая глаза уголком платочка. – Посмотри, Петя, она ведь по-настоящему плачет!..

Зареванную, но не сломленную Джульетту уволокли и заперли в ее комнате, чтобы подумала на досуге о своем поведении. Капулетти-отец произнес свой приговор непокорной дочери и в гневе ушел готовиться к свадьбе. Крыся-Джульетта проводила его горящим полубезумным взглядом и, наконец, дала волю чувствам – разрыдалась.

Сцены шли одна за другой, клубок повествования разматывался все скорее, обстановка постепенно накалялась. Актеры играли

с невероятным подъемом, заражая своими эмоциями и зрителей. Спектакль явно ожидал оглушительный успех.

Предсмертные сцены своих героев что Эльбрус, что Крыся отыграли в уже знакомой зрителям манере – без горячечной экзальтации и показного «накала бешеных страстей». Но наблюдать, как введенный в заблуждение Ромео в последний раз нежно целует любимую, а потом спокойно, не дрогнув, выпивает яд... слушать, как горестно стонет и плачет Джульетта, обнимая мертвого супруга, а потом выхватывает его кинжал и без колебаний вгоняет себе в грудь...

Наверное, в эти моменты не только Петру Петровичу хотелось, как когда-то в детстве, на представлениях в ТЮЗе или кукольном театре, закричать, предупредить персонажей, попытаться предотвратить несправедливое или непоправимое... В детстве это, правда, ни разу не срабатывало – куклы и актеры stoически не реагировали на отчаянные детские выкрики из зала. Но... вдруг? Вдруг?..

В зале сидели люди взрослые и уже давно не верящие ни в какие чудеса. Поэтому никто не крикнул, не предупредил. Да и, по совести сказать, что толку было бы в этих предупреждениях – хоть и искренних, но в данный момент неуместных?..

И вот наступил финал. Окруженный безутешными родичами погибших, ссутулившийся и словно придавленный непомерной тяжестью случившегося, герцог Эскал негромко и как-то глухо, с неприкрытой душевной болью, начал свой знаменитый монолог:

– Угрюмый мир несет безрадостное утро.
За облачной вуалью солнце прячет
Свой скорбный лик... Уйдем скорей отсюда
И горестную долю их оплачем...

На сцене леди Монтекки, всхлипнув, внезапно обняла леди Капулетти, и та – строгая и чопорная даже в своем горе, вдруг беззащитным ребенком прижалась к ней и спрятала лицо на плече быв-

шёй врагини. Отцы семейств, не сговариваясь, единым движением положили друг другу на плечи руки.

Дрогнули ряды представителей обоих кланов, все еще стоящих по разные стороны смертного ложа. Дрогнули – и потихоньку начали смешиваться, объединенные общим горем.

Но с каждым новым произнесенным словом креп голос правителя Вероны, распрямлялись его плечи, величественнее становилась осанка. И вот на притихший зал веско и четко, словно последние капли, превысившие терпение, упали слова:

– Пусть случай сей отныне служит всем примером
Вражды отцов, что жизни стоила их детям!..

Герцог сделал паузу, давая возможность смыслу своих речей дойти до всех присутствующих. А потом заключил – все так же веско, но уже как-то более спокойно, размеренно и проникновенно:

– А повесть о любви Джульетты и Ромео
Останется в веках прискорбнейшей на свете.

Откуда-то из-за кулис полилась музыка – лиричное и трепетное соло на скрипке. Слегка дергаясь и поскрипывая тросиками и самодельными блоками, начал закрываться занавес.

Аплодисменты обрушились, словно горная лавина, – сам тоннель, казалось, гремел поздравлениями труппе. Эхо пронеслось под сводами станции, разбилось и брызнуло фейерверком голосов.

– Браво! Браво!

Закрывшийся было занавес снова рывками поехал в стороны, открывая стоящих на сцене. Отцы Монтекки и Капулетти в длинных кафтанах, их супруги, герцог Эскад... «Мертвый» Ромео осторожно приподнялся на локте со своего мрачного ложа, огляделся... И вот он уже жив, протянул руки к Джульетте, взял ее ладонь, сжал, легко коснулся плеча...

А Джульетта... Джульетта почему-то осталась недвижима. Эльбрус-Ромео снова чуть потряс ее за плечо, а потом почему-то растерянно посмотрел по сторонам. Что-то тяжелое повисло в воздухе. На сцене возникло замешательство. К лежащей Джульетте-Крысе подошла кормилица-Ира, присела рядом, коснулась шеи – и внезапно пронзительно ахнула.

– Александр Борисович! Александр... Борисович!.. – ее голос сорвался среди моментально упавшей тишины.

Сорвался с места Михайловский, застучал ботинками по дереву настила, упал на колени рядом с лежащей Джульеттой, тоже начал щупать шею.

– Ира! Экстренную укладку! Живо!

Развевая полы широких одежд, актриса-медсестра вихрем пронеслась мимо зрителей. А люди начали безмолвно подниматься с мест.

Михайловский склонился к девушке, пальцами поднял опущенные веки.

– Ах ты ж елки зеленые...

Он запрокинул лежащей Крысе голову и с силой вдохнул ей в рот воздух. Отстранился, сжал руки замком и всем весом тела навалился, качнул грудную клетку девушки. Раз, два, три... Михайловского обступили другие актеры, вышли тихо на сцену и встали вокруг него зрители, а он, как машина, продолжал – вдох, серия коротких нажимов, почти ударов, вдох, и еще раз... Подбежал «чистый», ринулся было вперед, но кто-то дернул его сзади, удержал, он рванулся, загрохотали падающие скамьи, тяжело, сипло задыхали борющиеся на полу люди. Откуда-то издали, с другого конца станции, защелкали туфли бегущей Ирины.

– Александр... Борисович... Вот!

Тяжело дыша – полное лицо стало почти пунцовым, – она пронеслась сквозь толпу, ее трясущиеся руки протягивали Михайловскому брезентовую сумку с нашитым лоскутным красным крестом. А он... Он сидел с отрешенным видом около недвижимой Крыси, и лицо его было похоже на маску.

– Все, Иришка... Поздно.

Глаза Ирины, казалось, вылезли из орбит. Она хватанула ртом воздух, будто вынырнула из воды. Непонимающе посмотрела на сгорбившегося, будто в момент постаревшего врача, на лежащую бледную девушку. И вдруг сама побелела, как снег. Голова Крыси была повернута набок, а из ее рта вытекала на пол тонкая, но упорная, непрекращающаяся струйка крови.

— Аневризма, Ириш... Как у Кирсанского-младшего и Оли Укупчик, один в один, — Михайловский утер рукавом лицо. — Один в один...

Сумка опустилась и повисла на боку. Ирина осела на скамейку и замерла. Алик Кирсанский, совершенно здоровый парень двадцати трех лет, умер около года назад, на станции. Среди, что называется, белого дня — схватился за грудь, упал, и изо рта его пошла кровь. Пока бегали за врачом, все уже было кончено. Михайловский с Рэром Петровичем Щетининым, старым фельдшером, проводили вскрытие. Причина оказалась куда как необычной: расслоение аневризмы аорты и ее прорыв в бронхи. Врачи грустно пожали плечами: трагическая случайность. И помочь было, к сожалению, невозможно — в условиях метро аневризму не то что вылечить-клипировать, а даже и диагносцировать толком нельзя. Но потом — еще через несколько месяцев — почти таким же образом погибла работавшая на ферме четырнадцатилетняя девушка, почти девочка, Оля Укупчик. И снова та же причина — аневризма, и снова с прорывом в легкое. Михайловский схватился за голову. Два случая одинаковой и отнюдь не частой патологии среди молодых и внешне относительно здоровых людей — самых молодых на станции, почти наверняка не были случайны. Систематическая патология. Врач с содроганием сердца ждал следующего случая. Но прошел месяц, два... Михайловский выступил на Совете, организовал диспансеризацию всех — до одного! — жителей станции, но не нашел ничего необычного, жалобы пациентов были вполне закономерными, ожидаемыми. Может быть, все же случайность? Оставалось продолжать ждать и надеяться.

Вот и дождались. Получите и распишитесь...

Сзади, из-за спин столпившихся поникших зрителей, раздался стон – глухой, мучительный, почти звериный. Это пришел в себя, поняв, что произошло, «чистый».

– Пустите... – хриплый голос человека казался тяжелым, как свинец. Зрители, не сговариваясь, расступились, и он медленно, словно сомнамбула, прошел по образовавшемуся живому коридору. Тяжело и как-то неловко упал на колени рядом с врачом, взял безвольную руку девушки. Тихо позвал ее по имени. Борменталь положил ему на плечо ладонь, чуть сжал.

– Все... – он не договорил, внезапно закашлявшись. – Прости...

А Восток словно и не слышал врача. Он неотрывно смотрел на бескровное лицо лежащей и как-то бездумно и машинально по-глаживал его кончиками пальцев. На лице самого сталкера не отражалось решительно ничего, словно и в нем что-то умерло.

Взлетело к высокому потолку и резко оборвалось чье-то сдавленное рыдание. Это не выдержала Ира. Уткнувшись в живот стоявшего рядом «синьора Монтекки», она затряслась в глухом отчаянном плаче.

– Умереть на сцене! – словно в ответ всхлипнул кто-то из актрис. – Как это... – но голос ее тут же умолк, а распахнутые бессмысленные глаза, напоровшись на сонм тяжелых взглядов тех, кто был рядом, испуганно потупились. Кажется, она только сейчас поняла всю неуместность своих слов.

Однако сидевший над телом Крыси Восток вдруг встрепенулся и медленно поднял голову. Отсутствующее выражение на его лице сменилось крайним волнением, он подхватил лежащую девушку и прижал к себе. Окинул столпившихся вокруг них скавенов каким-то новым, нездешним и уже слегка безумным взглядом.

– Я сам... Сам похороню...

Движения его были резки и угловаты, как у больной птицы. Михайловский снова положил руку на его плечо, но человек, не глядя, рывком отстряхнул ее. Глядя только на свою ношу, он неуклюже поднялся на ноги и, ровно во сне, побрел к южному выходу. От вестибюля тут же сбежали вниз и встали на его пути двое вооруженных охранников.

Восток, покачнувшись, встал. Оглянулся потерянно, нашарил взглядом Питона.

— Капитон Иванович... — глаза его, впрочем, смотрели сквозь Зуева, — скажите им... скажите, чтобы выпустили нас... Пусть не мешают. Пусть... — он осекся и коротко, сухо закашлялся.

Питон сам выглядел немногим лучше — короткие седые волосы его были взлохмачены, он закусил губу и стоял, будто окаменел.

— Пусть не мешают... — повторил человек, и Питон повел головой. Скосился на Михайловского, все еще сидевшего на полу. Тот чуть заметно кивнул и отвел глаза. Зуев перевел взгляд на Александрова. Председатель Совета что-то хотел сказать, даже открыл рот, но вдруг будто бы задохнулся на начале фразы, закашлялся и, отворачиваясь, махнул рукой — делайте, что хотите...

— Пропустите, — голос у Питона тоже внезапно осип.

Караульные отошли в стороны. Внезапно Александров развернулся, лысоватая его голова блеснула в свете лампы.

— Капитон Иваныч, одно только одолжение сделай... Сходи-ка ты с ним, раз такое дело пошло. Присмотри... — в голосе его что-то ощущалось... что-то недосказанное и скрытое, будто второе дно у конспиративного чемодана. Александров сказал это, глянул внимательно на Питона, на караульных — и скрылся за дверью бывшего служебного помещения. А караульные все как один вдруг уставились на командира добытчиков. Как-то уж слишком понимающе.

Зуев на секунду зажмурил глаза, выдохнул долго и шагнул вперед. Прошел следом за Востоком через живой коридор, коротким хозяйствским жестом забрал прямо из рук остояневшего караульного автомат.

— Ну что, пошли, добытчик... Раз пошло такое дело, — повторил он один в один фразу Александрова, только голос у него был горький. — Подмогну тебе и, уж прости, присмотрю, чтоб ты деру не дал.

И Восток сделал первый шаг на лестницу. Его обогнала дежурная шлюзовая команда — для похорон надо открывать гермоствор, а это, какой бы повод ни был, — не шутка.

– Погодите! – вдруг раздался заполошный женский крик. Жена Питона спешила следом за уходящими, а в руках ее, торопливо скомканное, бугрилось поспешно вытащенное из палатки одеяло.

– Вот, возьми! – протянула она его Востоку. – Заверни ее. Хоть не... в голой земле девочка лежать будет...

– Спасибо, – ровно ответил сталкер. Подумав, он опустился на колени и принял неспешно и как-то уж чересчур бережно и аккуратно заворачивать в разостланное на ступеньках одеяло тело подруги. Мария Павловна задушенно всхлипнула и, не выдержав, с глухим рыданием уткнулась в плечо подоспевшей следом Натальи. На той тоже просто лица не было, но бывшая фотомодель, а ныне – учительница и библиотекарь Содружества старалась держаться.

– Помощь нужна? – тихо спросила она Востока, склонившись над ним.

– Нет. Спасибо, Наташ... я сам.

Снизу за происходящим молча наблюдали потрясенные и еще не опомнившиеся от произошедшей трагедии жители Бибирова и гости станции. Горько и страшно заканчивался для них так светло и радостно начавшийся день. «Предательница! Смерть ей! Смерть!..» – некогда кричали они, требуя самой суровой кары для оступившейся соплеменницы. Что ж, их желание исполнилось. Исполнилось нелепо, внезапно и тогда, когда в его исполнении уже не было ни необходимости, ни смысла.

Вот и скрылось навсегда от всех взглядов под пухлой стеганой тканью бледное лицо Крыси. Вот добытчик «чистых» снова поднял ее на руки и прижал к груди, словно величайшую драгоценность. Посмотрел на сопровождающего их Питона, покосился на автомат на его плече и усмехнулся – дернул уголком плотно сжатого рта.

– Я готов.

Кто-то из Питоновой команды протянул ему ОЗК и противогаз, но Восток словно не заметил этого. Следом за Зуевым он шагнул в темный зев коридорчика, ведущего к шлюзовой камере.

Через некоторое время до собравшихся внизу донесся скрип и лязг отворяемого и затворяемого гермоствора. Пронесся под сводами, болезненно отдаваясь в ушах, и стих где-то в туннелях. На станции Бибирево наступила мертвая тишина. Словно вместе с Крысей на ней умерла и была унесена Наверх для погребения и вся прочая жизнь.

ЭПИЛОГ

Они сидели на заправке, что стояла на пустыре недалеко от южного выхода из Бибireва. Часть заправки была забрана по периметру досками и железными листами. В этом импровизированном гараже обитал, прячась от непогоды, бибireвский – бывший инкассаторский – УАЗик, на котором иногда выезжали на какие-то важные работы трудовые бригады Содружества.

Того, что транспортному средству «приделают ноги» ушлые алтуфьевские соседи, в Бибireве не боялись. Во-первых, далеко ли на нем уедешь без бензина (свои запасы выкачанного из бензохранилищ, автоцистерн и баков уцелевших машин драгоценного топлива Содружество предусмотрительно хранило внизу), а во-вторых, у соседей парк был не менее впечатляющим – дополнительно обшитая железными листами «ГАЗель»... и это еще не считая личного Кожанова «Тигра»! И, соответственно, проблема прокорма этих двух «зверюшек» у алтуховцев стояла не менее острой. На кой им ляд еще и соседская не менее прожорливая бронебуханка?

Да если даже и угонят они «инкассатора», не пожалеют драгоценного бензина, чтобы просто насолить соседям... или – выплеска молодецкой дури ради – поиграют в бурлаков на Волге... Вниз-

то, на станцию, его все равно не потащат прятать!.. А значит, отыскать пропажу – если что – бибireвцам не составит труда: соседские земли они знали, как свои собственные, и более-менее представляли, где там можно было спрятать хоть автомобиль, хоть танк, буде такой найдется в окрестностях. К слову, той же осведомленностью о большинстве соседских схронов щеголяли и алтуховцы – разведка у Кожана была налажена дай бог! Но ни одна сторона не стремилась воспользоваться этими знаниями в своих целях. Содружеству было как-то не с руки лишний раз провоцировать разбойничье гнездо на активные действия, а Кожан... Кожан, строя из себя великого Кудеяра-атамана, бравировал своей осведомленностью по принципу «знаю, могу – но влом». Ну и людьми своими рисковать зазря не хотел. Дразнил, показывал зубы, покусывал, но схронов Содружества – как в случае со Складом в Бескудникове – не трогал. Ибо прекрасно сознавал неравенство сил и... некоторую, вполне определенную хозяйственную зависимость почти не занимавшегося никаким производством Алтуфьева от контактов с соседями. По тем же причинам, кстати, никто из неприятелей не трогал многочисленные ветряки, снабжавшие скавенские станции электричеством. Хотя раньше, до Кожанова правления, и такое случалось: и ветряки рушили, и кабеля резали, и ремонтников похищали...

С приходом к власти в Алтухах Кожана в «международных отношениях» в кои-то веки установился хоть какой-то порядок и статус-кво. И рушить его как-то не стремилась ни одна, ни другая сторона, несмотря на все провокации «разбойного гнезда».

Ржавые колонки, от которых когда-то «питались» хлопотливые автомобили, ревматически поскрипывали рассыпающимися деталями и вяло покачивали иссохшимися и крошащимися от старости шлангами, через которые уже целую вечность не бежало текущее бледное золото бензина. Восток и Питон сидели на бетонной приступке одной из колонок. На коленях у сталкера, завернутая в одеяло, лежала Крыся, и ночной ветерок перебирал ее освобожденные от Джулльеттиного парика волосы. Лицо девушки было спокойно-отрешенным, глаза закрыты.

– Это было впечатляюще! – сказал Питон. – Я все боялся, что ты переиграешь или будешь недостаточно убедителен. Ты до войны, случайно, не в театральном учился?

– Нет, – ответил Восток. – В МАИ. На первом курсе.

– Что, и даже в КВНах никаких не участвовал?

– Было дело... – неопределенно отмахнулся сталкер и с некоторым беспокойством заглянул в лицо Крыси. – Как думаете, Борменталь правильно рассчитал дозу? Она точно проснется через указанное им время?

– Тебе же сказали – плюс-минус полчаса. Сам знаешь, в наших условиях отмерить что-то точно невозможно. Но я Сашке верю. Таких профессионалов, как он, еще поискать надо! Жди. Проснется твоя Джульетта. Сам, главное, горячку не пори.

Восток с сомнением хмыкнул, но все же кивнул головой. Осторожно провел ладонью по щеке девушки, с которой уже была стерта кровь.

Теплой щеке спящего человека.

Да, Крыся не была мертва. Она... спала. Спала глубоким сном, вызванным действием препарата, того самого, из последнего – резервного! – шприц-тюбика, которым они с Востоком так и не смогли воспользоваться тогда, в Алтуфьеве. После феерического появления у места их казни Кожана и столь неожиданного освобождения, сталкер сунул шприц обратно в один из карманов брюк и... благополучно забыл про него во всей этой круговорти событий. И наткнулся совершенно случайно, зачем-то запустив руку в карман. К слову, наткнулся в весьма удачный момент, когда в очередной раз появившийся в «гетто» Питон поведал им о своем секретном randevu с Кожаном. И о том, что у алтуфьевца появилась реальная возможность помочь им убраться подальше от скавенских станций и от далеко идущих планов Совета Содружества насчет Крыси. Дело было только за тем, как незаметно, не привлекая ничьего внимания, выбраться Наверх.

Вот как раз с последним – в свете того, что Крысю постоянно «пасли», – были проблемы. И потому Питон незамедлительно устроил со своими подопечными мозговой штурм.

Он сперва усомнился в озарившей сталкера идее сымитировать с помощью снотворного смерть Крыси: по его мнению, способ был слишком рискованным. Доза в шприце была рассчитана на взрослого здорового мужика, а сколько того зелья нужно было маленькой и хрупкой крысишке? Не получится ли так, что она уснет и больше не проснется? Да и внезапная смерть вполне себе здоровой девушки для администрации Содружества выглядела бы более чем подозрительной.

На что Восток развел свою идею предложением попробовать провернуть задуманное... во время спектакля.

– Ей все равно играть самоубийство, – сказал он. – Улучить удобный момент, вколоть себе препаратор... Сумеешь, Крысь?

Девушка вздрогнула, поежилась, но храбро кивнула.

– А со стороны это будет, как будто она слишком перенервничала... состояние аффекта, не выдержало сердце... Ну, придумаем что-нибудь убедительное.

– Придумать-то мы придумаем... – покачал головой Питон. – Но как мы обманем медиков? Они живо раскусят, что к чему! Да и при остановке сердца положено не менее получаса проводить реанимационные действия – искусственное дыхание, непрямой массаж... А последнее для здорового человека, между прочим, – очень опасно.

– Значит, кого-то из медиков надо посвятить в план! – блестя глазами, выдала мысль Крыся. – Например, дядю Сашу! И никого, кроме него, не подпускать к моему... э-э-э... телу.

– Хм...

Питон задумался. Борменталь симпатизировал Крысе (впрочем, как и вся их команда) и – с недавних пор – и Востоку. И, пожалуй, как специалист, мог бы помочь и с подбором оптимальной для девушки дозы снотворного. Но вот согласится ли он участвовать в их заговоре?

Михайловский согласился. Более того, предложил несколько толковых идей по приятию «самоубийственной авантюре» большего правдоподобия. К примеру, посоветовал Крыське непосредственно накануне спектакля произобразить крайнее вол-

нение и нервозность и точно выверил момент, когда она, воспользовавшись ситуацией на сцене, должна будет сделать себе инъекцию.

Ему же принадлежала и идея сымитировать внешние признаки расслоения аневризмы.

— Со страшными делами играть собираемся, ребята... — вздохнул он. — Но тут уже ничего не поделаешь, иного выхода нет.

Борменталь, как и Питон, понимал, что девушке теперь трудно будет жить в обществе предавших ее соплеменников. А раз подворачивалась возможность уйти вместе с добытчиком «чистых» на их окраинные станции — пусть уж лучше будет так. Про Кожана и родственную с ним связь Крыси, а также про обещанную разбойником помочь в побеге ребят врача на всякий случай извещать не стали.

Постепенно детали заговора обрели четкость, а необходимая доза препарата была более-менее определена. Заготовлен был также наполненный красителем пакетик из тонкого полиэтилена, который Крыся в момент икс должна была незаметно сунуть за щеку, а Михайловский — надорвать при имитации искусственного дыхания.

— Даже если ты не заснешь сразу, — предупредил врач Крысю, — все равно делай вид, что тебе уже все, кранты. Постарайся не реагировать ни на что. Я подстрахую и подыграю. И главное — ничего не бойся.

— Угу... — храбро кивнула девушка и посмотрела на Востока, ища его поддержки. Тот ласково сжал ее руку. Скавенка благодарно улыбнулась ему и, склонив голову, коснулась виском его плеча.

— Актеры погорелого театра... — хмыкнул Питон, которому в их «спектакле» тоже отводилась своя роль. — И шприц этот ваш... Сколько вы с ним носились, не имея возможности применить?

— Почти с самого начала, — отозвался Восток, вспомнив свое задание, благодаря которому и оказался в этих краях, а позже — влип в эту историю.

— Ну прямо ружье из первого акта! То самое! — добытчик засмеялся. — Верю!

«Ружье» выстрелило, и выстрелило удачно: все прошло без сучка, без задоринки, и потрясенные бибиревцы беспрепятственно позволили пленному человеку уйти Наверх и унести свою несчастную подружку для погребения. Питон отправился с ним якобы в качестве конвоя, а на самом деле – для подстраховки.

И вот теперь они сидят на опустевшей заправке, смотрят на звезды и прислушиваются к мерному и едва заметному дыханию спящей девушки.

Незадолго до этого Зуев сходил в «гараж» и принес оттуда им же заранее тайно вынесенные и припрятанные вещи беглецов – рюкзачок и игломет девушки и снаряжение Востока. И оружие. Оба автомата – АКМ «имени Кожана», с которым беглецы уносили ноги из Алтуфьева, и тот, что отобрали у сталкера при аресте местные безопасники и который тогда, в библиотеке, не смогла идентифицировать Крыся.

Еще бы не показался ей незнакомым прекрасно сохранившийся... MP-40 Фольмера (в просторечии ошибочно – «шмайссер») времен Великой Отечественной войны!

– Откуда у тебя такой раритет? – полюбопытствовал Питон. – Надо же, в отличном состоянии, работает... Музей, что ли, какой-то обнес?

– Да какой там музей? – отмахнулся сталкер. – В музеях этих – одна ржавь! Даже в запасниках!

Он подумал и все же решил немного прояснить ситуацию. Понятное дело, что люди и скавены находились в состоянии вражды и выдавать крысюкам некоторые сведения было бы неразумно... Но в том-то и дело, что этот вот конкретный крысюк... врагом ему не был.

– Есть у нас на станции один тип... – начал рассказывать сталкер. – До войны был черным копателем и активно мотался по местам бывших боев. Однажды ему крупно повезло – наткнулся где-то в Тверской области на нетронутый немецкий склад оружия времен ВОв. Стал потихоньку перевозить оттуда железо в Москву, в свой гараж возле измайловского «верника», реставрировать и тайно сбывать... интересующимся. Все перевезти не успел –

так, примерно треть найденного. Что привез, заховал поглубже, чтоб не замели – подсудное же дело тогда было!.. А после того, как началось это житье в Метро и, соответственно, проблемы с оружием, пришел к нашему начальству и сдал свой схрон. Его там потом чуть не на руках носили за то, за что до войны посадили бы на немалый срок. Вот так у меня эта «трещотка» и появилась. Проблем с ней, конечно, хватает – и патроны родные не бесконечны, и новые, нужного калибра, не так-то просто найти... Но в нашем незавидном положении это все же лучше, чем совсем ничего. К тому же я стараюсь экономить, – Восток весело усмехнулся. – Стреляю только при самой крайней необходимости.

- Ишь ты... – покачал головой старый добытчик. – Ловко вы...
- Алаверды, – улыбнулся Восток и кивнул на Крысин «бывший подводный» игломет. – Вот до этого у нас точно пока не додумались. Отличная идея, и главное – боезапас-то прямо под ногами валяется!
- Это точно, – хмыкнул Питон. – А идея, кстати, – ее, твоей подружки. Притащила как-то нашим техникам в Отрадном эту вот штуку... она тогда еще на Петровско-Разумовской жила... Сделайте, говорит, что-нибудь, чтобы отдача была не такая убойная и взводить было по силам... Так мы с ней тогда и познакомились.

Восток с гордостью посмотрел на спящую подругу: вот, значит, какие идеи бродят в ее голове! Он осторожно и нежно коснулся ее щеки тыльной стороной ладони.

Умница ты моя!..

- А как она попала в стал... в добытчики? – вслух поинтересовался он. – Совсем ведь не женская профессия, тем более – для такой, как она!

Питон помолчал. Потом вдруг улыбнулся какому-то давнему воспоминанию. Хорошо так улыбнулся, по-доброму.

- Не поверишь! – почти весело сказал он. – Взяла нас на «слабо»! Точнее – вызвала на состязание! Представь себе, является ко мне эдакая мелкая пигалица... ей тогда лет пятнадцать было, вроде... и уверенно так, настырно просится в школу добытчиков! А у нас тогда народ в новичках как на подбор был – здоровенные

парни, многие не по разу и на кордонах с Алтухами сидели, и в рабочих бригадах Наверху побывали... некоторые уже и обстрелянные, в общем – те еще крокодилы! И тут приходит эта девочка. Естественно, над ней посмеялись – мол, куда ты, дите сопливое, к мужикам в компанию лезешь, иди-ка лучше в куклы играй да своими девичьими делами занимайся и не путайся под ногами у больших дядь... Она вся аж побелела, стоит, кулачки стиснула, вся такая тонкая, прямая, тронешь – зазвенит... Смотрит мне в глаза этим своим сумасшедшим взглядом и говорит, звонко так, отчаянно: «Тогда я вызываю любого из ваших учеников! Дайте нам задание принести что-нибудь Сверху! То, чего нельзя найти здесь, Внизу! И посмотрим...»

Помню, как все наши челюсти отвесили от такой заявки. Мужики начали было снова ржать, я – страшать да отговаривать, но она прям насмерть уперлась. Дайте испытание – и все тут! Ну, думаю, фиг с тобою, золотая рыбка, хочешь сгинуть по дурости – твое дело! Снарядили одного молодого послабее – из добровольных охотников посрамить девчонку, дали им обоим задание, вывели через шлюз и засекли время.

Тот парень, ученик, стукнул в ворота минуты за четыре до назначенного срока. Встрепанный весь, почти без боеприпасов... Приволок пачку батареек, где только и отыскал такую редкость? Ждем у герм дальше. Уж и время вышло, пять минут проходит, десять... Все, думаем, хана нашей не в меру дерзкой девочке! И вдруг слышим позади такой быстрый легкий топоток. Оборачиваемся – е-моё, какие люди! Бежит к нам наша пропажа и почему-то – от станции! Чумазая вся, как из свалки выкопалась, игломет на бедре болтается... Смотрит на нас так изучающе, исcosa и протягивает мне... букет черемухи! Весна тогда Наверху была, цвело все... и мутировавшее, и немутировавшее... А во дворах и детсадиках на Пришвина, Коненкова и Мурановской много зелени росло даже до Удара. Потом из того, что выжило, целые джунгли вымахали. И вот, значит, протягивает мне девочка этот самый букетище и сумрачно так говорит: «Я во время не уложилась. Я проиграла». А мы на гермы наши

смотрим, как бараны на новые ворота, и пытаемся сообразить: как это она мимо нас прошла, ведь не открывали же шлюз! Срочно дали запрос на другие посты, другие станции... Нет, говорят, не проходила!

— Тайные лазы... — тихо хмыкнул Восток, вспомнив их подземные похождения.

— Во-во!.. Короче, уделала нас девочка, как малолеток уделала! По этим же крысиным норам в одиночку, в темноте с одним фонариком, ножом и этим ее иглометом — не каждый взрослый мужик отважится! Она нам с Простором потом — по моему же настоянию — устроила экскурсию по своим лазам... Это было незабываемо! С тех пор и стали к ней все наши добытчики всерьез относиться. Даже я, старый!

Скавен помолчал, а потом вздохнул:

— Я только потом узнал, какая у нее там была жизнь на ее станции... Не приведи господь кому из девчонок такое испытать... Она, оказывается, и Наверх, в добытчики-то, подалась потому, что терять ей, в общем-то, нечего было. И все это ее отчаяние и бравада, когда она к нам просилась, — тоже понятно от чего были. А наши-то молодые дурни еще по первости и подкалывали ее...

Жесткая мозолистая рука старого добытчика протянулась и осторожно погладила пушистые волосы спящей девушки.

— Не девичье это дело — по пещерам да развалинам шастать. Так что ты уж присмотри за ней... там, где сядете. Чтобы только... как это раньше говорили добрые немецкие бургеры?.. А! Киндер, кюхе, кирхе!

— Ну, насчет «киндер»... — смущился Восток, отчаянно радуясь, что в ночной темноте под маской противогаза (он его все-таки надел — на всякий случай) этого не видно.

— Да ладно, — хмыкнул Питон. — А то я совсем слепой и не вижу, что тут у вас двоих происходит!.. Однако, кажется, это за вами! — он встал и несколько раз взмахнул над головой рукой со включенным фонариком.

Посыпалось нарастающее гудение мощного автомобильного мотора, за углом гипермаркета на Бибиревской пару раз ответно

мигнули фары, и к заправке подкатил хорошо знакомый всем приставающим «Тигр».

Дверца пассажирского места распахнулась, и с водительского кресла перегнулся Кожан.

– Ну, чего уставился? – «поприветствовал» он сталкера. – Ка-рета подана! Загружайтесь!

– И все-таки что все это значит? – слегка напряженно осведомился Восток. – Что это за место, куда ты хочешь нас отвезти? Снова Алтуфьево?

Объясняя им предложенный Кожаном план их побега из Содружества и роль в нем алтуфьевского вожака, Питон только и сказал, что Крысин отец нашел для них подходящее место, где бы они могли спокойно, не боясь межплеменной вражды, жить. Но в подробности не вдавался, объясняя это тем, что Кожан – как главный автор и реализатор идеи – им все разъяснит по ходу дела и более подробно. И что в данном случае «этому старому злодею» можно верить, поскольку речь идет все-таки о жизни и благополучии его родной дочери.

– Да несись оно конем, это Алтуфьево! – отмахнулся разбойник. – Мне дочь дороже!.. Но что это с ней? – подозрительно нахмурился он. – Она что...

Лицо его начало багроветь.

– Спит твоя дочка! – поспешно вмешался Питон. – Спит! Подробности тебе вот он расскажет! Давай-ка, Ромео, и правда загружай свою Джульетту в машину и сам залезай! Тут и правда чисто все, без подвоха! Этот вот старый пень как узнал, что вас двоих снова в Бибирево понесло, так и начал землю носом рыть, как бы вас вытащить. Меня вот припахал, пришлось ввязываться в эту вашу авантюру со снотворным... Ну, вы в курсе.

– Так вы все-таки друзья? – обрадовался было Восток, но оказался не прав.

– Хрена там, друзья! – буркнул Кожан, недружелюбно глядя на Питона. – Я этого мамелюка лысого и на дух не переношу!

– Мы враги, – коротко пояснил Питон, следя за алтуховцем с непонятным выражением лица. – Причем очень давние. Просто сейчас у нас – временное перемирие.

- Но...
- Ты будешь грузиться или нет? – рявкнул, потеряв терпение, Кожан.

Восток в сердцах плонул, решив не заморачиваться сложными и запутанными взаимоотношениями этих двоих. С помощью Питона он внес и осторожно уложил на один из боковых диванчиков Крысю и, подумав, тщательно пристегнул ее всеми имеющимися ремнями безопасности. Подобрал свесившийся на пол подол ее платья, подложил под голову свернутый парик, тщательнее укрыл девушку одеялом.

- Мне как – здесь быть, в салоне? – спросил он спину Кожана.
- Сюда лезь! – приказал тот. – Маршрут мне прокладывать Афанасий Никитин, что ли, будет?
- А вдруг ее растрясет на колдобинах? Будет потом вся в синяках ходить или, не дай бог, сломает себе чего по пути?
- А я знал, что вы ее усыпите?.. Ладно, доставай матрас. Знаешь ведь уже, где лежит. Уложишь Крыську – дуй на штурманское место!

Сталкер молча кивнул и полез за приснопамятным надувным матрасом. Меж тем, как он заметил, в салоне стояло несколько полных (он проверил) канистр, источавших знакомый бензиновый запах. В прошлый раз их не было.

- Ну ладно, братва, – сказал снаружи Питон, передавая ему в раскрытую дверь джипа их небогатое имущество. – Давайте, счастливого вам пути!

– А своим-то вы что скажете, когда вернетесь? – спохватился Восток.

– А то и скажу, – хмыкнул бибиревский добытчик, – что ты, как и подобает каноничному Ромео, покончил с собой, не вынеся смерти твоей Джульетты... Ну или я сам пристрелил тебя... кстати, Александров, когда мы уходили, как раз на нечто подобное мне и намекал... старый интриган!. Потом зарыл вас обоих в одной воронке... и посадил, как это полагается в древних балладах, над могилой влюбленных кусты белых и алых роз! А далее – по тексту: кусты разрослись, ветвями сплеились... и все такое прочее.

– Во балабол!.. – покачал головой Кожан. Почему-то в его тоне теперь не было привычной неприязни.

– Я тебя тоже очень ценю, дорогой! – хохотнул Питон.

Оба вдруг замолчали. А потом Кожан неожиданно протянул в открытое окно руку.

– Спасибо тебе, Капитон. За дочку мою спасибо. И... если что – не поминай лихом.

– Будь здоров, Стас. Удачи вам и чистого пути!

На несколько секунд руки бывших врагов слились в крепком рукопожатии. А потом Кожан завел мотор. «Тигр» мягко тронул-ся с места и почти тут же набрал скорость. Серая фигура у заправки подняла вверх руку с автоматом и отсалютовала уезжающим.

– И все-таки... – Восток проследил взглядом проплывающие мимо пейзажи. Машина направлялась куда-то явно в сторону северо-западных московских окраин. – Куда ты нас везешь – если не в Алтуфьево?

– Сколько тебе лет было во время Удара? – неожиданным вопросом ответил скавен.

– Семнадцать.

– Ну, тогда, значит, хохму поймешь. Мы, парень, едем проверять, есть ли жизнь за МКАДом!.. Она конечно же там есть – сам видел, но нас интересует наличие жизни СИЛЬНО за МКАДом! Километрах так в шестистах–восьмистах... Возражения? Или, может, тебя высадить где-нибудь у ваших станций?

Сталкер ненадолго опешил. Жители Метро с момента переселения под землю мечтали о возвращении Наверх. Мечтал об этом и Восток. Но жизнь показала, что «сбычу мечт» придется отложить на весьма долгий и неопределенный срок.

И теперь – вот так просто – они уезжают из разрушенной Москвы, чтобы начать новую жизнь Наверху! Причем неизвестно где, неизвестно в каких условиях... Так вот зачем Кожану столько канистр с бензином! Запасся на дальнююю дорогу!..

Восток задумался. Отказаться? Но ни на одной станции московского метро не было чего-то, что держало бы его. И никто не ждал его ни в одной уютно светящейся палатке.

И кроме того...

— Ты ведь знаешь мой ответ, — наконец сказал он отцу Крыси и кивком показал назад, где на полунадутом ради вящей мягкости матрасе мирно и безмятежно посапывало самое дорогое для них обоих существо. — Я пойду за ней. До конца. Каким бы он ни был.

Кожан пытливо всмотрелся в его лицо, потом кивнул, улыбнулся:

— Ну, тогда — поехали!

И втопил акселератор.

ПОСТСКРИПТУМ

«30 декабря 2033 года.

Времени не знаю – часы окончательно сдохли, но, вроде бы, утро.

Сегодня мне снова приснился Сон. Да, именно так – с большой буквы. То есть, сон – но необычный. Обычные-то я перестала видеть с тех пор, как... а, впрочем, ты и так это знаешь. Ты ведь тоже их больше не видишь – с тех пор, как перестал быть человеком.

Знаешь, Стас, я бы многое отдала за возможность увидеть хотя бы самый простенький и коротенький, но самый обыкновенный сон. Пусть даже черно-белый... говорят, цветные сны видят только дети и те, кто чист душой... Не знаю, как там насчет души – эти мои Сны почему-то всегда цветные, – но вот что касается детей...

Когда ты примчался ко мне на Багратионовскую из своих Алтухов – встрепанный, нервный, с лихорадочно горячими глазами – и чуть ли не с порога вывалил эту новость, что у тебя внезапно отыскалась уже взрослая дочь и ты собираешься увозить ее из Москвы и уезжать сам... Честно говоря, я тогда почувствовала, будто я – воздушный шарик и меня только что... лопнули. Ни мыс-

лей, ни слов... стою, как дура набитая, и только смотрю на тебя, смотрю...

Смешно, наверно, я тогда выглядела. И глупо, да. Но что бы ты сам почувствовал на моем месте – если бы кто-то, к кому ты уже успел прокипеть, вдруг в одночасье заявил тебе, что уезжает и пришел попрощаться? Думаешь, это так легко – прощаться на всегда с тем, кого ты... А, впрочем, мне всегда хватало соображалки не доставать тебя своим излишним... интересом к твоей персоне, а ты снисходительно позволял мне оказывать тебе мелкие услуги и малодушно тешить себя мыслью, что я все же не чужая тебе. И что когда-нибудь ты увидишь, оценишь... Что поделать – ну обожаем мы, глупые и сентиментальные бабы, влюбляться в харизматичных злодеев! Таких, как ты, Стас.

Считал ли ты меня «своей» или нет – об этом я уже никогда не узнаю. Но ты-то мне чужим не был. Иначе не приснился бы мне этот Сон – один из тех Снов, что я иногда вижу о ком-то, кто хоть немного дорог мне. В этих видениях ко мне почему-то приходит знание того, что произойдет с ними в ближайшем и отдаленном будущем... вот уж никогда раньше не замечала за собой задатков медиума! Равно как и зчатков хоть какой-то, даже самой за瓦ляющей, интуиции. Впрочем, раньше-то я не была тем, чем являюсь сейчас.

Мутантом. Серой, безликой и безымянной (ибо «Существо» – это все, что угодно, но только не имя!) фигурой в бесформенных рваных покровах и с глухим, шелестящим голосом.

Представь себе, по нашей Горбушке уже начинают ползать слухи о проснувшемся у меня Даре. И теперь что постоянные ее обитатели, что пришли смотрят на меня чуть ли не как на местную Бабу-Ягу и разве что пока не просят поворожить им на будущее. Но тут, подозреваю, ключевое слово – ПОКА. И я еще дождусь славы местечкового «Кашпировского», приключенческим местом цую!

...Впрямь, что ли, черного кота и метлу завести – для вящей антуражности? Крокодил, конечно, будет сильно против, но когда это собаки одобряли хозяев, притаскивающих домой кошек и мет-

лы? Хотя, с моей теперешней внешностью и антуражем, мне, скорее, не метлу, а косу заводить надо. Вон, сталкеры с моей родной станции, как увидели меня в первый раз, когда я все же решилась выйти с ними на контакт, – чуть за оружие не схватились. Сейчас, правда, попривыкли, но ты бы видел их лица в ту ночь!.. Как говорится, ни в сказке сказать, ни пером описать!

...Сегодняшний мой Сон был про тебя. И про тех, кого месяц назад ты увез из этого мертвого города...

...Я вижу широкое разбитое шоссе с полуразсыпавшимися и заросшими бурьяном остовами машин. Сквозь потрескавшийся и местами вздыбившийся асфальт пробиваются куртины трав и деревца. Природа быстро отвоевала свое у впавшего в ее немилость человечества.

Большому серому автомобилю довольно легко удается преодолевать все эти препятствия, и он легко, словно играючи, маневрирует между останками своих погибших собратьев. Мощный мотор гудит ровно и басовито, это значит, что в баках еще довольно бензина и «Тигр» силен и доволен.

...В тот день, когда ты в последний раз приехал на Горбушку, я по твоему поручению поставила на уши Старого Кера, а том – всех наших «нефтяных» и прочих воротил. В рекордный срок удалось добыть необходимое тебе количество бензина и дорожных припасов. Для меня до сих пор загадка, чем ты там расплачивался за все это, – потому что приехал ты налегке, а уехал, забив машину канистрами с бензином, боеприпасами и мешками с едой и теплыми вещами чуть ли не до потолка салона. Может быть, если взять Кера за жабры (и это никакая не фигура речи!) и хорошенъко потрясти... Нет, мне не нужны его богатства. Мне просто жутко интересно: что же сейчас настолько высоко – выше, чем патроны! – котируется на главной мутантской бараходке Москвы и ее ближайших пригородов! Дурь, что ли, какая-то новая появилась? Хотя, впрочем, фиг с ней, с этой дурью, своей хватает... и заметь: это я вовсе не о наркоте!

...Серая машина целеустремленно продвигается на запад от Москвы. Немногие уцелевшие указатели сообщают, что идет она по Новорижскому шоссе. Ты говорил, Стас, что твои родные места – где-то в Селижаровском районе Тверской области. Туда ты и направляешь своего «хищника». Я вижу тебя за рулем – похудевшего, с осунувшимся от напряжения и усталости лицом, привычно небритого, но... улыбающегося. Потому что рядом с тобой, на пассажирском сиденье, – ОНА. Твоя дочь, твоя ненаглядная девочка – плоть от плоти, кровь от крови. Она смотрит на тебя, и в ее черных глазах я вижу любовь. И отчего-то мне делается спокойно как за тебя, так и за ее друга и верного спутника, который сейчас спит позади вас, в салоне, в ожидании своей смены вести машину. И мне уже как-то легче думать о том, что я сама больше никогда тебя не увижу, не коснусь твоей руки, не смогу позаботиться о тебе – насколько ты мне это позволял... Зато она, твоя Крыся, отныне будет любить и беречь тебя за нас обеих.

Стас, в своем Сне я смогла увидеть многое, что ожидало тебя и твоих спутников на этом нелегком, опасном и долгом пути на твою родину. И порой мне было очень страшно смотреть на это и отчаянно хотелось проснуться. Знаешь, я привыкла верить своим Снам, потому что во всех других случаях, когда они приходили ко мне, они сбывались. И мне очень хорошо знакомо это давящее ощущение бесподобного отчаяния и непоправимой потери, когда сбывалось что-то плохое из этих Снов с теми, кто мне в них снился. Стас, если бы что-то подобное произошло с тобой... не знаю, как бы я это выдержала. Терять близких в сотни раз тяжелее, чем едва знакомых, и ты это знаешь. Ты узнал это, когда одного за другим похоронил своих друзей – Хорька и Беzzубого. И когда уходил прочь там, в Алтуфьеве, ощущая окаменевшей в попытках не горбиться от горя спиной умоляющий взгляд освобожденной и спасенной тобой дочери. «Папа, не покидай меня снова!» – безмолвно молила она. Тогда ты думал, что потерял ее навсегда. А теперь...

...Гулкая и, кажется, навсегда пропахшая медовым запахом воска, тишина старой церкви где-то недалеко от обезлюдевшего Ржева. Неровные язычки огня на тонких самодельных свечах. Солнечный

луч, падающий сквозь запыленное окно на массивную серебряную купель с водой. И в купели – ОНА. Первозданно нагая, тонкая, хрупкая, звонкая – сама похожая в этом луче света на трепетный язычок пламени... Стоит, вытянувшись в струнку, в зябком сумраке храма, и только глаза – сияющие черные звезды – говорят о том, что это живая девушка, а не золотая статуэтка. Тихий, срывающийся от волнения голос: «Дай мне имя, пана!..» И ты, внезапно задохнувшись, выдавливаешь первое пришедшее на ум. Спохватываешься – а вдруг ей не понравится? Но еще ярче вспыхивают глаза-звезды, и ты понимаешь: угадал! И вот уже сухонький старичок-священник – единственный на многие километры вокруг человека, обитатель этой многострадальной, полной свинцом и кровью земли, – шепчет привычные ему слова и молитвы и, наконец, опрокидывает над головой твоей дочери тускло блестящий старинный ковш. И льется, струится по тонкому, дрожащему от волнения и озноба телу светлая очищающая водица, и радостно выпеваются негромким, но все еще сильным голосом сокровенные слова: «Крещается девица Кристина во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь!»

И кажется, что в храме становится гораздо светлее. И радостно смотрят на происходящее незримые живым свидетели – души тех, кто когда-то погиб на Ржевской земле. Ее нынешние Стражи. Ведь там, дальше к западу, в самой глубине лесов и болот, остались чистые, не опаленные Апокалипсисом места, где смогли укрыться люди. Остались древние храмы и старинные села. Остались чистые колодцы и источники. Остался незараженным исток Волги. И Стражи, что непускают к этим священным местам идущую с востока скверну, знают: то, что сейчас происходит в этом бедном храме, столь же значимо для этой земли и сильно, как и их посмертное служение. И неотлучное, каждодневное служение этого маленького священника, несколько лет назад покинувшего надежные стены убежища в ближайшем монастыре и вернувшегося к своим обязанностям в храме, в котором он начинал служить еще до Удара. Храме, в котором вот уже двадцать лет не было ни одного прихожанина... Как же радовался отец Николай, увидев на своем пороге живых людей!

И вот снова дрожат огоньки на свечах, отражаясь в тяжелых ажурных венцах старой работы. Я вижу твои руки, Стас. По регламенту не ты должен держать эти венцы, но больше некому. Впрочем, порицать вас за столь вопиющие отступления от канона тоже некому.

«Венчается раб божий Павел рабе божьей Кристине... Венчается раба божья Кристина рабу божьему Павлу...» – венцы опускаются на головы того, кто когда-то звался вместо имени прозвищем, и той, что когда-то вовсе не имела имени... на голове твоей дочери празднично белеет венок из бумажных ромашек, ее подвенечное платье – театральный костюм, в котором вы увозили ее из Москвы. История современных Ромео и Джульетты, кажется, завершилась хэппи-эндом – в отличие от канонической. Да и синьор Капулетти из тебя, Стас, вот если честно – никакой. Потому что хоть ты и ревнуешь свою Кристинку к ее теперь уже мужу, но в глубине души ты рад, что все так обернулось.

А вместе с тобой радуюсь и я.

...Сейчас ты и твои близкие уже далеко отсюда и в безопасности – дома, в том самом селе Буянове, где ты родился, жил и работал до Удара. И мне остается поведать тебе то, что я увидела в конце своего Сна. Ты, конечно, узнаешь об этом, только когда придет время, но я все же скажу.

Представь себе, чудеса случаются и в наше жестокое и прагматичное время! И я склонна думать, что в вашем случае не обошлось без того, что произошло с вами в маленькой Ржевской церкви. Мы с тобой совершенно точно знаем, что мутации, сделавшие из нас нелюдей, совершенно точно передаются по наследству. Твоя дочь и все дети, родившиеся на станциях вашей Ветки после эпидемии, – подтверждение этому. В моем сне ты разговаривал с ученым человеком по имени Алишер и беспокоился о том, каким будет потомство у Кристины и Павла. Ведь только один из них являлся так называемым «чистым». И тебя очень тревожило будущее их детей.

Успокойся. Твой первый внук родится примерно на исходе сентября следующего года. И мутации двух предыдущих поколений, переданные с генами матери, почему-то никак на нем не отразятся.

Это будет нормальный и совершенно обыкновенный... но, признаться, ОЧЕНЬ своевольный и непоседливый – весь в деда! – папан! Так что, готовься к труду и обороне, моя прелесссстъ!)))

Ну и последнее. Я, конечно, не дедушка Мороз (хотя было как-то дело... да...), а всего лишь «местечковая Баба-Яга» по прозвищу Существо, но даже мне под силу совершать маленькие предновогодние чудеса. Так что вот сейчас я закончу эту запись в своем дневнике, возьму метлу кликну своего пса, и мы отправимся через пол-Москвы в Бибирево. Потому что твой враг, который слишком поздно стал тебе другом и который также тревожится о вашей судьбе, тоже должен знать, что вы добрались и у вас теперь все в порядке. Правда, я не знаю, как он отнесется к тому, что информация эта поступила ко мне из такого, откровенно говоря, сомнительного источника, как сны, но... Говорят, под Новый год чудеса все-таки происходят. Добавлю, как почти спец в этом деле: а если они не хотят происходить – то мы можем их делать сами.

Ну или хотя бы подталкивать их в... гм... спину, чтобы не ленились происходить!))

Короче, проблему убалтывания Дядьки Питона до состояния «ВЕРИЮ! Верю, только отважись!» я беру на себя!)))

Так что теперь мне остается только сказать традиционные для каждой Бабы-Яги слова: «ПО СТУПАМ!!!»

Тверь–Москва–Нижний Новгород, 2009–2015 гг.

...Эпидемия графомании охватила не только человеческое население Метро, но и не... ссовсесем человеческое.

Вот и мну тоже взялосссь за перо (выдранное, между прочим, из хвоссста птеродактиля, и эта трусссливая сскотина мну еще два должна!)...

Существо, портал «ВМ-2033».

Когда выяснилось, что нам придется еще и послесловие писать, – лично я пришла в ужас: нет, одно дело что-то там написать – рассказ, повесть, даже роман... И совсем другое – объяснить потом людям, КАК все это начиналось и ЗАЧЕМ было задумано. Особенно после того, как с момента зарождения замысла до момента отправки текста в издательство прошло ни много ни мало... 5 лет! И ты уже, что характерно, почти ничего не помнишь из предыстории проекта!

Так что, боюсь, моя часть Послесловия будет в стиле «давным-давно в далекой-далекой галактике...»

Так вот. Давным-давно, зимой 2009 года, мой московский друг, Павел «Восток» Гаврилов, прислал мне ссылку на начало своего произведения по мотивам романа «Метро-2033» Дмитрия Глуховского. Ссылка вела на портал Вселенной, который только-только начинал раскручиваться. Наполеоновских планов у создателей было много, народ в предвкушении вкусного и интересного скакал от восторга и активничал так, что все дымилось. Вирус тотального графоманства витал над порталом; едва ли не каждый участник грезил писательской славой и многомиллионными тиражами и строчил, строчил каждый свое.

Узнав, что на портале можно играть в интересный мир, а еще – выкладывать свои работы, у которых, возможно, даже появится шанс быть замеченными и оцененными, я сказала: «Та-а-ак! Это я удачно зашла!» Поскольку литературными онлайн-играми и написанием всякого рода текстов увлекалась довольно давно – правда, дальше описаний персонажей, отыгрышней, а также стихов и коротких рассказов дело никогда не шло, а все большие проекты так и оставались проектами и долгостроями...

В общем, тогда я еще не знала, что влипла по полной программе. Потому что в том же 2009-м году мной и Пашей был начат проект «Джульетта без имени», или, как потом выразился кто-то из читателей с портала, «Джу», и так с тех пор и приkleилось.

Я уже, честно говоря, и не помню, кто из нас был инициатором идеи писать совместное произведение по ВМ-2033 – я или Паша. Потому что на тот момент сталкер Восток как персонаж уже существовал – но в игровом пространстве некоего страйкбольного проекта по «Сталкеру» (где мы все трое, собственно, и познакомились), а у меня (к тому времени уже прочитавшей «Метро-2033») назрел вопрос: что стало со станциями севера Серой ветки после нашествия крыс? Ведь если подумать – они ж там не только в сторону Кольца прошлись, но наверняка – и в противоположную! И второй вопрос: что было на этих станциях почти 20 лет спустя, после ракетных залпов, уничтоживших «черных».

Ведь Ботанический сад – это же совсем рядом со станцией «Владыкино»!

Так появились наши скавены (термин позаимствован из вселенной «Вархаммер») – выжившие после набега крыс жители отрезка «Петровско-Разумовская – Алтуфьево». Мутанты.

Сцены знакомства и первых часов общения главных героев мы с Пашей писали в формате текстовой онлайн-игры на двоих. Название родилось сразу – как и идея запараллелить сюжет со знаменитой историей веронских влюбленных. Хотя в «Джу» о любви между Востоком и Крысяй не говорится ни слова. Да ее там, в общем-то, и нет, она еще только рождается – из спонтанно возникшей дружбы между человеком и мутанткой и выросшей на ее основе их взаимной привязанности и преданности друг другу. Сильной и бескомпромиссной – вплоть до готовности разделить с другом любую, даже самую горькую, участь и отдать за него жизнь. Но история их отношений протекает почти в том же русле вражды между «кланами», что и история отношений шекспировских персонажей. С разницей только в том, что наши герои после всех перипетий умудряются выжить. Именно умудряются – ведь первоначально, по задумке кровожадных авторов (то бишь, меня)))) Восток и Крыся должны были в финале погибнуть – в полном соответствии с каноном. Но...

Писатели знают: иногда персонажи начинают жить своей жизнью и диктовать свои условия автору. С «Джу» случилась та же мистическая история. Восток и Крыся, видимо, до такой степени не хотели погибать, что на каком-то этапе работы у нас как отрубило все идеи. Как ни бились – не идет повествование и все. Но стоило только сдаться и сказать: «Фиг с вами, золотые рыбки, будет вам хэппи-энд!» – откуда только что взялось? Идеи, сюжетные ходы, новые персонажи... И даже – впоследствии – закольцовка с рассказом «С тех пор, как случился Рагнарек»!

Выбор локаций – северные станции Серой ветки – был определен не только интересом к последствиям крысиного набега. В то время я жила в Твери и, когда ездила в Москву, пользовалась именно этим отрезком. Кроме того, на улице Мурановской (неда-

леко от ст. «Бибирево») у меня некогда жила крестная, так что район тот был мне более-менее знаком. А еще, как я уже сказала, нам захотелось вернуться к некоторым ключевым событиям «Метро-2033» и написать про то, что могло происходить после них и где-то даже параллельно с ними там, где они случились. Так родилась идея принесенной крысами эпидемии, последующей мутации выживших жителей, образования «племени» скавенов, их вражды с людьми (или «чистыми»), недоразумения насчет готовящейся «зачистки» и так далее.

Лирическое отступление: то, что этот отрезок – «Петровско-Разумовская–Алтуфьево» – оставался на карте метро Москвы «неизученным» до самого последнего, – просто удивительно! Эти белые кружочки как будто ждали, когда мы допишем «Джу»! Хотя в процессе создания романа даже я – его «пролетарский паровоз», – глядя на постепенно заполняющиеся цветом локации карты, воспринимала дальнейшую судьбу нашего произведения философски: вот возьмет кто-то из маститых авторов, напишет чего-нибудь вперед нас, займет «наши» станции – и «Джу» так и останется фанфиком. Идея предложить роман в издательство серии возникла не так уж и давно, однако ее реализация сопровождалась все тем же философским «если не получится пробиться или не успеем «захватить» оставшиеся пустые станции – значит, не судьба. Зато (это к вопросу о моих текстовых долгостроях)))) хоть закончим!». Удивительно – мы успели и смогли.

На каком-то этапе проект застопорился тем, что Паша покинул его и продолжил работу над собственным произведением. А у меня вдруг закончились идеи (во всем виноваты главные герои, я про это уже говорила). Шло время, проект стоял, я занималась приключениями своего метрошного альтер-этго по имени Существо, писала рассказы и фанфики, участвовала в текстовых отыгрышах на форуме нашей станции.... Но однажды я вдруг сказала себе: «Так! Надо дописывать «Джу»! Срочно ищи другого соавтора!»

И нашла. Собственно, соавтор уже был рядом – мой муж Алексей, с которым мы на тот момент уже неспешно работали над сборником маленьких повестей по вселенной «S.T.A.L.K.E.R.». Алек-

сей подключился и к проекту по «Метро-2033», и с этого момента мы писали «Джу» вместе. И дописали!

И теперь, на этой бодрой спортивной ноте, я передаю то самое виртуальное перо из хвоста птеродактиля Алексею для его части Послесловия. Потому что говорить о том, какие мысли заложены в «Джу», лучше всего серьезно, а Алексей это умеет делать гораздо убедительнее меня. Нет, я это тоже умею, но боюсь, что по привычке буду чересчур мелодраматична. Сия неудобная черта является главным поводом наших с Алексеем творческих споров, так что мну лучшшше ссскромненько поссстоит в сссторонке...)))

*Татьяна Живова, а также –
Существо (иногда пробегало мимо))))*

Вот и до меня дошла очередь. Доброго времени суток, дорогие коллеги и читатели. История создания лежащего перед вами произведения достаточно полно изложена выше, поэтому повторять ее я не стану. Остановлюсь, скорее, на том, почему сам решил поучаствовать в этом деле. А участие мое сначала было чисто техническим. Книга Дмитрия Глуховского, прочитанная мной в 2009-м, вроде бы, году, мне понравилась, однако делать что-то свое, «по мотивам», у меня в тот момент мыслей не было. Зачем и чем дополнять уже законченное, оформленное произведение? Я прочел «Метро 2033» и надолго отложил его в сторону. Вернулся к книге и ее миру в 2012-м, уже по просьбе супруги. Она, как оказалось, уже давно писала что-то свое – ту самую «Джульетту без имени». И ее просьбой была помочь с разработкой для «Джульетты» мужских персонажей (тех, которые уже были придуманы, но не реализованы, и новых). Поразмыслив, я взялся – так появились на свет Кожан и Питон, их люди, доктор и члены Совета станций, охранники и сотрудники службы безопасности. Постепенно, в процессе работы над ними, пришло и увлечение самой идеей книги – показать мир постъядерного метро «с другой стороны» и попробовать сделать его несколько более реалистичным.

«Другая сторона» оказалась на удивление большой. Прежде всего, в нее вошла попытка увидеть мир «Метро» глазами тех, кого в постапокалиптической фантастике частенько назначают стереотипным страшным-врагом-которого-не-жалко, то есть мутантов, и отойти от привычного черно-белого деления: вот герой, а вот – безмозглое и кровожадное страшилище, которое надо неизменно убить, чтобы всем было хорошо. Но такое ли уж оно безмозглое – это страшилище, и страшилище ли оно вовсе?

Мы намеренно решили отойти от традиционной боевой составляющей ВМ-2033. Про «дела военные», перестрелки, захваты станций и так написано уже много. Однако война – очевидно, далеко не единственное и – по самой простой логике – явно не основное занятие людей и нелюдей, населяющих метро. И станции далеко не каждый день воюют между собой или спасаются героями от «ужасных опасностей». В основном жители метро... просто живут, решают свои житейские, совершенно нестратегические дела. Мелочи, кажется, скука страшная. Но, как известно, «дьявол скрывается в мелочах». И, кстати, порой именно мелочи и приводят к тому, что в определенный момент какому-нибудь «избранным» нужно срочно бежать и спасать мир. Да и вопросы нравственности (как это ни избито звучит) и морального выбора тоже являются ежедневными, житейскими. А они – куда как серьезная вещь. Человека человеком, как известно (наравне со всем прочим), сделал альтруизм – то самое гуманное (человечное – по-русски говоря) отношение к близким, слабым, старым, способность от чего-то отказаться самому ради другого. Таким образом, гуманность – даже сейчас, в сравнительно благополучные времена, непопулярная, непрагматичная, невыгодная – это титульное, ведущее понятие для человечества как глобального явления. Что будет с этой самой гуманностью в мире, где даже воды и воздуха на всех не хватает? Человек останется ли человеком? И кто будет человечнее: люди, которые остались таковыми лишь физиологически, но не морально, или те, у кого что-то сохранилось и за душой?

Что касается упомянутой мною реалистичности, то здесь мы так же намеренно решили либо вовсе не затрагивать, либо попы-

таться по-своему объяснить характерные для ВМ футуристические факторы: почему в метро – при отсутствии внешней подпитки – до сих пор работают вентиляция и дренажные системы, откуда в нем электричество, куда девались из тоннелей поезда?.. В своем произведении мы решили пользоваться фактами и технологиями современного нам мира. Пусть «Метро» и фантастика, но описывает-то она не тридцать-какой-то век, а фактически современность. Описывает общество, остановившееся в техническом развитии и ничего в промышленных масштабах не производящее с момента так называемого Удара, случившегося практически в наши дни. Общество, вынужденное использовать оставшиеся от «хороших времен» скучные ресурсы и немногочисленные, не требующие промышленных энергозатрат механизмы, которые с риском для жизни удается добыть или – основываясь на уже имеющемся у человечества практическом опыте, знаниях и умениях – соорудить, прямо скажем, отнюдь не в заводских условиях. Вот почему, к слову, электричество у наших скавенов получается благодаря не мифическим автономным ядерным реакторам, а элементарным ветрякам, дрезины – немногочисленные – ходят только там, где нет вставших в тоннелях составов, а успехи сельского хозяйства опираются на применение минеральных солей. Да и соли эти тоже не из воздуха получаются.

Ну и последнее. К попытке добиться большей реалистичности относятся также и описания капитальных объектов Поверхности, встречающихся в «Джу», и той части подземных, о которых можно получить достоверную информацию из открытых источников. Мы постарались описать их так, как они есть на самом деле. Равно как и маршруты передвижений героев по улицам и локациям севера Москвы. Последние выверялись и привязывались к опорным точкам по картам и фотографиям.

Вот, пожалуй, и все, что я хочу сказать. Остальные слова – за вами.

Алексей Матвеичев

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. ВОСТОК	11
Глава 2. КРЫСЯ	21
Глава 3. ОБЩЕСТВО БИБЛИОФИЛОВ	37
Глава 4. ДЕНЬ ОТКРЫТИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ	45
Глава 5. ПОДЗЕМНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ	65
Глава 6. ПОПАЛИСЬ!	78
Глава 7. ГРЯЗНЫЙ ШПИОН И ПОДЛАЯ ПРЕДАТЕЛЬНИЦА	90
Глава 8. УЗНИКИ	98
Глава 9. ВОТ И ВСЕ	105
Глава 10. ТРИБУНАЛ	113
Глава 11. ОТВЕРЖЕННЫЕ ВСЕМИ	122
Глава 12. КНИЖНЫЕ ДЕТИ	136
Глава 13. «ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ...»	149
Глава 14. ДВОЕ ВО ТЬМЕ	157
Глава 15. НЕЛЕГКО СБРАСЫВАТЬ КОЖУ	172
Глава 16. БЕГЛЕЦЫ	186
Глава 17. ОСЕННИЙ СОН	197
Глава 18. ПИТОН	213
Глава 19. РОДНАЯ КРОВЬ	224
Глава 20. ГЕРОИ-ВОЗВРАЩЕНЦЫ	238
Глава 21. ЗАКЛЯТЫЙ ДРУГ	246
Глава 22. ГОСПОДА СОВЕТ	252
Глава 23. ДЖУЛЬЕТТА БЕЗ ИМЕНИ	265
Глава 24. ДОЧЬ ВРАГА	272
Глава 25. ЛЮДИ И КРЫСЫ	282
Глава 26. АСПЕКТЫ ВЫЖИВАНИЯ	296
Глава 27. ОДИН В ОДИН	307
ЭПИЛОГ	323
ПОСТСКРИПТУМ	336
ОТ АВТОРОВ	343

Литературно-художественное издание

**Живова Татьяна Викторовна
Матвеичев Алексей Валерьевич
Гаврилов Павел Владимирович**

МЕТРО 2033: ДЖУЛЬЕТТА БЕЗ ИМЕНИ

Фантастический роман

Редакционно-издательская группа «Жанры»

Зав. группой *M. Сергеева*

Руководитель направления *B. Бакулин*

Технический редактор *O. Серкина*

Компьютерная верстка *E. Илюшиной*

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085, г. Мәскеу, жүлдөздөй гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор

және өнім бойынша арзы-талараптарды қабылдаушының

екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы к., Домбровский көш., 3 «а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 251 59 89,90,91,92

Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksмо.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Ондірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 16.02.2015. Формат 70x90¹/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,67.

Тираж 70 000 (1-й завод 1–8000 экз.) экз. Заказ 1147.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-17-088583-1

9 785170 885831 >

**ИССЛЕДУЙ ВСЕЛЕННУЮ
В СОЦИАЛЬНОЙ ИГРЕ
ВКОНТАКТЕ!**

**Более 4-х миллионов игроков!
www.vk.com/metro2033**

Майские победители
еженедельного
конкурса Вконтакте:

Владимир Lv
Дмитрий Баринов
Станислав Шахин
Алексей Фирсов

Поздравляем!

**Играй также в других соцсетях:
www.odnoklassniki.ru/game/metro2033
www.my.mail.ru/apps/689836**

**KRAM
BAM
BOO!**

METRO2033.RU

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая громкая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра. Этот роман вдохновил целую плеяду новых писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитой саги. Приключения героев на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, выходят за пределы Московского метро. Теперь сражения за будущее человечества будут вестись повсюду!

«**Московское метро продолжает раскрывать всё**

новые секреты, а мы — знакомить вас с самыми интересными из них. Помните нашествие крыс, во время которого маленький Артем чудом спасся с гибнущей Тимирязевской? Многие думали, что там, откуда пришли эти серые полчища, не осталось ничего живого. До поры так думал и я, но «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Я был приятно удивлен. Очередь за вами. »»

Дмитрий Глуховский

**ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ
ЗА МКАДОМ?..**

- - САТАНИСТЫ
- - СЕВЕРНЫЙ ЭМИРАТ
- - СОДРУЖЕСТВО СКАВЕНСКИХ СТАНЦИЙ (ССС)
- - АЛТУФЬЕВСКАЯ ВОЛЬНИЦА
- Д - ДЕПО
- - ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПУТИ И ТУННЕЛИ
- - ОПАСНЫЕ ТУННЕЛИ
- ⚠ - БИОЛОГИЧЕСКАЯ УГРОЗА

ТЕРРИТОРИЯ
СКАВЕННОВ

FUTURE CORP.

metro2033.ru vk.com/metro2033.books

ISBN 978-5-17-088583-1

9 785170 885831

WWW.AST.RU

